

--Алексей Калугин

Мир-на-Оси

www.megabook.do.am

Алексей Калугин

Мир-на-Оси

Если бы я знал, что такое электричество...
БГ

Глава 1

– Если бы меня попросили подобрать образ, дающий зримое представление о том, как устроен наш мир, я бы предложил чашку Петри. – Седовласый профессор в темно-малиновой с золотой окантовкой мантии, местами побитой молью и кое-где заляпанной пятнами оранжевого плесневого грибка, оперся кулаками о край покрытой зеленой фланелью кафедры и суровым взглядом из-под кустистых бровей окинул аудиторию. – Надеюсь, никому не нужно объяснять, что такое чашка Петри?

Студенты в бледно-желтых, будто вылинявших или выгоревших на ярком свету мантиях замотали головами и зашуршали бумагами в знак протеста. Хотя, что именно означал их протест, оставалось непонятным. Возможно, им не понравилось то, что профессор поставил под сомнение их знания. Хотя с той же вероятностью можно было предположить, что студенты недовольны тем, что лектор не желает говорить все как есть, а прячется за коварными риторическими вопросами. Между тем как они только месяц назад приступили к изучению риторики.

Гиньолю здорово повезло. Рядом с ним сидел щедедушного вида студентик в потрепанной мантии, явно не сшитой на заказ, а доставшейся в наследство от старших

родственников или купленной на барахолке за пару триков. Стрижен студентик был под полубокс, а левую щеку его, обращенную к Гиньолю, украшали три параллельные царапины. Как будто кошка когтями провела. Студентик слушал лектора, чуть приоткрыв рот и высунув кончик языка. Взгляд его был восторженный и немного безумный. Одним словом, типичный «ботаник», знающий абсолютно все, что требуется знать. И ничего более. Если в компании заходил разговор о загадке мироздания, он полагал, что речь идет о женщинах. И – наоборот.

– Эй! – Гиньоль коснулся локтя «ботаника» серебряной рукояткой трости. – Кто такой Петри?

Студентик испуганно отшатнулся и уставился на Гиньоля с таким видом, будто тот предложил ему публично отречься от теории Дарвина.

Конечно, Гиньоль несколько выделялся из общей студенческой массы. Вместо нелепой мантии на нем был модный двубортный костюм-тройка из темно-малинового велюра с маленьким золотым значком в виде стилизованной Временной Петли на левом лацкане. На столе перед ним лежали не учебники и тетрадки, а широкополая шляпа в цвет костюма, с высокой тульей и черной ленточкой. Темно-русые прямые волосы, которые Гиньоль с показной небрежностью зачесывал назад, дабы не скрывали могучего лба мыслителя, едва не касались воротника. Ну а черты лица лишь подчеркивали его незаурядный ум, утонченный вкус и почти что демоническое очарование. Из обуви Гиньоль отдавал предпочтение остроносим кожаным туфлям без шнурков. Штрихом, завершающим образ, являлась изящная трость из черного дерева с острым металлическим набалдашником и серебряной рукояткой в форме головы дракона. Мало кому было известно, что внутри трости пряталось острое, как бритва, лезвие. А все потому, что Гиньоль предпочитал демонстрировать остроту ума, а не острие шпаги. Хотя фехтовальщик он был отменный.

– Петри? – дрожащим шепотом произнес студентик.

– Он самый, – обворожительно улыбнулся Гиньоль. И на всякий случай еще раз повторил: – Кто такой Петри?

Почему Гиньоля интересовал этот вопрос? Скорее всего, вышеупомянутый Петри не имел никакого отношения к проблеме, из-за которой Гиньоль оказался в стенах Центральной Академии. Но раз уж так случилось, что он оказался на лекции одного из признанных авторитетов в области космогонии, глупо было бы не воспользоваться ситуацией и не залатать некоторые прорехи в столь необходимой всем и каждому системе философских знаний о том, как устроен мир, откуда что берется и, главное, куда все потом пропадает? Тем более что никто этого точно не знал.

Студентик нервно сглотнул, полуприкрыл глаза и почесал, как на экзамене:

– Юлиус Рихард Петри, бактериолог из Фуберталя. В Национальном военном госпитале дослужился до чина майора. Ныне руководит одной из крупнейших бактериологических лабораторий. Одновременно состоит в чине регистрирунгсрата. Является автором восьми научных работ, выпущенных в период с семьдесят шестого по восемьдесят седьмой год. Две из них – в соавторстве с Григорием Кирилловичем Бей-Брынчаловым.

– Все? – несколько разочарованно спросил Гиньоль.

В самом деле, при чем тут бактериолог, если речь идет о мироздании?

– Все, – судорожно дернул подбородком студентик.

– А чашка тут при чем?

– Чашка Петри?

– Ну да. Лектор ведь сказал «чашка Петри». Я не ослышался?

– Чашка Петри – это лабораторный сосуд. Имеет форму невысокого цилиндра, закрываемого сверху крышкой такой же формы. Широко используется в микробиологии.

– Да ты что? – озадаченно протянул Гиньоль, после чего обратил все свое внимание на лектора.

– Вот наш мир! – резко взмахнув рукой, профессор мелом провел на доске не очень ровную горизонтальную линию. – Плоскость, не имеющая объема. В том смысле, что мы можем сколь угодно глубоко вбуравливаться в землю и все равно не проткнем эту плоскость насквозь, – профессор направил в сторону аудитории зажатый в руке мел. – Почему?

– Потому что в девятом измерении это невозможно! – восторженно-истерично выкрикнул сидевший рядом с Гиньодем «ботаник».

Похоже, он зря боялся, что кто-то его опередит. Прочие слушатели лишь недоуменно покосились в его сторону.

– Верно! – радостно стукнул по кафедре профессор. Он забыл, что в руке у него был мел, и расколол его на несколько кусков. Выбрав тот, что побольше, он вновь повернулся к доске и нарисовал над горизонтальной линией нечто вроде округлого купола. – Надеюсь, вы понимаете, что я изобразил не небесный свод?

Заполнившие аудиторию недоросли в мантиях дружно замотали головами. Хотя на самом деле большинство из них именно так и подумали.

– Конечно, – расплылся в довольной улыбке старичок лектор. – Нам всем прекрасно известно, что это Пространственный Купол, стабилизирующий систему земля – небо. В целом похоже на чашку Петри. Купол накрывает земную твердь, не герметизируя мир, но в то же время и не позволяя составляющим его элементам расплыться в окружающем пространстве. Третьей важнейшей структурой мироздания является так называемая Центральная Ось, – короткая вертикальная линия рассекла рисунок на доске надвое. – На самом деле это участок гигантской суперструны. Одной из многих, определяющих пространственную структуру Вселенной. И, должен сказать, нам очень повезло в том, что наш мир расположен в центре суперструны, а не на ее мембране. В противном случае это был бы двух-, трех-, в крайнем случае четырехмерный мир. – Профессор облокотился на кафедру и протянул руку с открытой ладонью в сторону аудитории. На лице его появилась насмешливая ухмылка. – Вы только представьте себе, что такое трехмерный мир, – по залу прошел ропот, похожий на шум набежавшей и вновь отхлынувшей волны. Похоже, на этот раз студенты не поняли, какой реакции ожидал от них лектор. – Наш мир мог бы оказаться шарообразным, – профессор сложил ладони так, будто держал невидимый мяч. – Повисшим в пространстве, будто яблоко на ветке. Открытым всем стихиям. Начиная с жесткого космического излучения и заканчивая бомбардирующими его метеоритами. Чтобы стабилизироваться в пространстве, этот шар должен был бы вращаться вокруг некоего центрального светила, многократно превосходящего его массой и объемом. А это, в свою очередь, означало бы резкие климатические перепады, в зависимости как от местоположения на поверхности этого шара, так и от цикла вращения. Как вы, надеюсь, понимаете, в таких

условиях могли бы существовать разве что только самые примитивные формы жизни. Бактерии, водоросли, грибы, может быть, простейшие. Нам повезло, что наше центральное светило расположено под Куполом на Центральной Оси, – в соответствующем месте на схеме, начертанной на доске, профессор пририсовал маленький кружок. – Из меня никудышный художник, – смущенно улыбнулся он. – Наше светило – это, конечно же, никакой не шар, а малый звездчатый додекаэдр. Двенадцать правильных пятиугольных пирамид, основания которых совпадают с гранями додекаэдра. Шесть пирамид с одной стороны додекаэдра излучают свет, шесть других всегда остаются темными. Вращаясь на Центральной Оси, наш Додекаэдр обеспечивает последовательную смену дня и ночи на всей территории Мира-На-Оси. По форме, если посмотреть сверху, наш мир – это плоскость, кажущаяся кругом, – рядом с первым рисунком профессор изобразил нечто похожее на первый блин. Художник он и в самом деле был никакой. – Я говорю «кажущаяся», поскольку на самом деле Мир-На-Оси не имеет границ. Но! – Старичок наклонил голову к плечу, вскинул вверх перемазанный мелом палец и хитро улыбнулся. – Не безграничен! Он не нуждается в создании, а значит, существует всегда! – Профессор ткнул пальцем в кафедру. – И, заметьте, подобное совершенно уникальное в своем роде мироустройство возможно только в девятом измерении. Человек из третьего измерения ни за что бы не поверил в то, что Мир-На-Оси может существовать в реальности. Впрочем, – он вновь многозначительно усмехнулся, – так же, как и мы не верим в миры из вращающихся вокруг друг друга шаров. Для нас это всего лишь умозрительная модель и не более того!

Профессор заложил руки за спину, опустил голову и не спеша, будто в задумчивости, прошелся вдоль доски.

Гиньоль, с его изощренным умом, сразу же раскусил не особенно хитроумную уловку старика. Лектор хотел убедиться, что его слова произвели должное впечатление на слушателей. Если бы в аудитории зашуршали страницы и полетели шепотки, это означало бы, что олухам-первокурсникам в желтых мантиях нет никакого дела до того, как устроен мир, в котором они живут. Но в зале царила мертвая тишина. И это значило, что истина, изреченная лектором, повергла слушателей в страх и трепет. А может быть, они просто все заснули. Хотя профессор, конечно же, склонялся к первой версии.

Остановившись у центра доски, он обратился лицом к студентам. Он приподнял вверх чуть разведенные в стороны руки. На губах его появилась зловещая ухмылка.

Глянув искоса на своего соседа, Гиньоль заметил, что у студентика мелко затрясся подбородок. Как у малахольной девицы, увидавшей прямо перед носом большого, мохнатого, омерзительного паука.

– А сейчас, – медленно начал профессор. – Я расскажу вам о том, как, благодаря какому фантастическому стечению обстоятельств возник Мир-На-Оси!

Гиньоль заинтригованно хмыкнул, закинул ногу на ногу, положил на коленку трость и приготовился слушать. Он любил страшные истории.

Но, видимо, не суждено было Гиньолю узнать всю правду о сотворении Мира-На-Оси. Неслышно подкравшийся сзади студент-старшекурсник в голубой мантии тронул его за плечо и шепотом произнес:

– Господин Гиньоль?

- Да?..
- Григорий Кириллович ждет вас.
- Кто?
- Ректор.
- А.

Гиньоль легко поднялся на ноги и побежал вниз по лесенке. Прямоком к кафедре.

Несколько замешкавшийся старшекурсник, путаясь в полах мантии, поспешил за ним следом. Посыльный полагал, что Гиньоль покинет аудиторию через дверь, находившуюся в конце аудитории. Чтобы не мешать лектору.

Но не таков был Гиньоль!

– Профессор! – Он подошел к середине кафедры и красивым театральным жестом выбросил руку вперед. – Благодарю вас за блестящий рассказ!

Лектор растерянно пожал протянутую руку.

Гиньоль повернулся лицом к аудитории, вскинул руку с зажатой в ней тростью и рукояткой очертил над головой круг.

И лишь после этого, наслаждаясь немым изумлением будущих академиков, Гиньоль покинул аудиторию.

Глава 2

До того как заглянуть на лекцию по космогонии, Гиньоль успел прогуляться по главному корпусу Академии и в общих чертах представлял, что и где здесь находится. Подобная тактика была хороша, когда нужно было удивить, а то и ошеломить клиента своей осведомленностью.

– Как? Вы уже бывали у нас?

– Само собой...

Красиво поигрывая тростью, Гиньоль уверенно вышагивал впереди провожатого. Что, в общем-то, было не сложно, поскольку развевающиеся полы мантии то и дело вынуждали бедолагу сбиваться с шага.

Они прошли по длинному коридору, застеленному потертой ковровой дорожкой, свернули на галерею с каменными перилами, перегнувшись через которые можно было увидеть спортивный зал, прошли вдоль стены с поясными портретами выпускников прошлых лет, добившихся особых успехов на выбранном поприще – среди них Гиньоль увидел несколько знакомых лиц, что, впрочем, не вызвало у него особого прилива энтузиазма, скорее даже наоборот, ему стало грустно при мысли, что из столь почетного заведения выходят будущие политики и государственные деятели, – миновали стену с портретами в полный рост, на которых были изображены бывшие ректоры, поднялись на этаж выше, свернули в коридор, застеленный почти что новеньким малиновым ковром, и, следуя за манящим запахом свежесваренного кофе, оказались перед двустворчатой дверью, покрытой резьбой не иначе как ручной работы, с тяжелыми медными ручками, начищенными так, что сияли, будто золотые...

И вот тут-то в отчаянном спурте посыльный обогнал Гиньоля!

Обогнал всего на полшага.

Тяжело, с надрывом дыша, он встал на пути гостя, раскинув руки в стороны. Как будто готов был принести себя в жертву. Только чего ради?

– Я должен... Извините... Я обязан... Господин Гиньоль...

Бедолага разевал рот, словно выброшенная на берег рыба.

– Тебе надо чаще посещать спортзал, – с сочувствием посмотрел на студента Гиньоль.

Старшекурсник глотнул воздуха и на одном выдохе, чтобы снова не запнуться, выпалил:

– Я должен сначала доложить о вашем прибытии, господин Гиньоль!

После этого несчастного скрутило так, что он едва не упал на ковер.

Однако ж незавидная доля у подхалимов, подумал Гиньоль.

– Давай, докладывай, – сказал он вслух.

Студент чуть приоткрыл дверь и юркнул в образовавшуюся щель, такую узкую, что в нее, казалось, и лист бумаги не пролезет.

Глядя ему вслед, Гиньоль только головой покачал. Затем он подошел к двери и постучал рукояткой трости по медной табличке, на которой красивыми буквами с завитками было выгравировано:

Григорий Кириллович Бей-Брынчалов
Ректор Центральной Академии

«Ну что ж, ректор – иногда тоже звучит гордо», – подумал Гиньоль.

Дверь широко распахнулась.

– Прошу вас, господин Гиньоль! – взмахнул широким рукавом мантии прислуживающий ректору студент.

Гиньоль даже взглядом его не удостоил. В кабинете ректора и без того было на что посмотреть.

На обстановку денег не пожалели. Но дорогое убранство не могло компенсировать абсолютное отсутствие вкуса у того, кто занимался оформлением. Интерьер кабинета ректора можно было назвать гимном вопиюще-воинствующей эклектике. Совершенно несочетающиеся между собой стили, казалось, шли войной друг на друга в стремлении уничтожить, смять, раздавить противника. Рядом с лакированным секретером начала века стояли собранные в полный рост рыцарские доспехи – с одной стороны и античная статуя богини со страдальческим выражением на лице и отколотыми по локоть руками – с другой. На открытых офисных стеллажах красовались фолианты и гримуары в кожаных переплетах, перемежающиеся всевозможными безделушками, дешевыми сувенирами, фарфоровыми статуэтками и штампованными бюстикami выдающихся личностей, как почивших в бозе, так и ныне живущих. Среди последних – Почетный Президиум Городского Совета Централя. Почти в полном составе. Не хватало только Попечителя общественных туалетов – Гиньоль слышал, что Ректор с ним не в ладах. К гобелену ручной работы с изображением мифического зверя путиведа был прилеплен большой корабельный компас, которому,

вообще-то, следовало находиться в горизонтальном положении. А рядом – трехмерный постер с подмигивающей красоткой в купальнике: последний писк масскульта, производимый, как и весь китч, в провинции Су. Большое стрельчатое окно, врезанное в противоположную от двери стену, было закрыто тяжелой бархатной портьерой с золотыми кистями, похожей на опавшее полковое знамя поверженной армии. Чтобы компенсировать отсутствие дневного света, под потолком горела трехъярусная хрустальная люстра, громоздкая и нелепая.

Ректор сидел за огромным дубовым столом, отделанным красным деревом, с резными ножками в форме львиных лап. Для того чтобы сдвинуть его с места, потребовалось бы человек шесть. Речь, понятное дело, идет о столе. Для того чтобы выставить из кабинета Ректора, потребовалось бы приложить куда больше усилий. Здесь, в этом кабинете, за столом на львиных лапах Григорий Кириллович Бей-Брынчалов чувствовал себя человеком, равным Бургомистру. А может быть, и повыше. Двое сыновей нынешнего Бургомистра уже получили образование. Между прочим, оба в Центральной Академии. И оба были среди лучших учеников. Однако ж, как достоверно было известно Ректору, у обоих уже подрастали наследники. И, надо полагать, не только счастливые родители, но и дедушка маленьких сорванцов, то бишь сам нынешний Бургомистр Централя Артур Рингольдович Макдуров, мечтал, чтобы учились отпрыски сии не где-нибудь, а в Центральной Академии. А это в свою очередь означало, что глава Городского Совета должен был сохранять с Ректором по крайней мере добрые отношения. Бургомистр – всего лишь частный случай. Дети были у всех. Не дети, так внуки. Не внуки – так племянники, крестники, невестки, дети друзей, знакомых и малознакомых людей, которые когда-то оказали тебе услугу и теперь ждали ответного знака внимания. Если как следует разобраться, то, скорее всего, окажется, что все, абсолютно все жители Централя связаны между собой теми или иными отношениями. А это означало, что все они должны были относиться с должным почтением и глубочайшим уважением к Ректору Центральной Академии. Даже те из них, кто испытывал глубочайшее и самое искреннее отвращение ко всем наукам, включая космогонию и арифметику. Разумеется, имелись и такие, перед кем сам Ректор трепетал, как листик на ветру. Но их было не так уж много. Да и не часто их жизненные маршруты пересекались с тем светлым путем, по которому шагал Ректор.

Григорий Кириллович Бей-Брынчалов был вальяжен и тучен. Вернее, тучен и вальяжен. Поскольку вальяжность его являлась следствием тучности, а не наоборот. Чрезмерная полнота делала любое движение неудобным и неловким, поэтому ректор предпочитал без нужды и вовсе не двигаться, а сохранять, как он это называл, осанку. Все необходимые движения он сводил к коротким плавным жестам. Вальяжность его была того свойства, что в другом месте ее могли бы определить как чванливость. Однако сам Ректор об этом даже и не подозревал. Сам он считал себя отличным малым, душой компании и заядлым либералом, почти демократом.

Прежде Гиньолю доводилось видеть Ректора лишь издали. Да и не рассматривал он его особо, поскольку никаких дел у него с Бей-Брынчаловым не было и не намечалось. Теперь же, взглянув на Ректора вблизи, Гиньолю решил, что он здорово смахивает на раздувшуюся от собственной важности жабу, завернутую в пурпурную мантию с золотой

каймай. Гиньоль даже решил, что для законченности образа Ректору здорово недостает белого напудренного парика с буклями.

Однако ж Гиньоль имел замечательную привычку держать собственное мнение при себе. И даже когда его мнением интересовались, он далеко не всегда высказывал его вслух. А то, что все же бывало воплощено в слова, далеко не всегда и не во всем соответствовало тому, что он думал. Оказавшись перед всемогущим Ректором, Гиньоль лишь дежурно улыбнулся. Вежливо, но без подобострастия. У него не было на примете никого, кого бы он хотел пристроить в Центральную Академию. А раз так, следовательно, это Ректор имел к нему какой-то интерес, а не наоборот.

Между тем Григорий Кириллович Бей-Брынчалов старательно делал вид, что не замечает гостя. Растянув, насколько это было возможно, складки на шее, он сосредоточенно и тупо пялился в экран стоявшего перед ним монитора. И то и дело исправно давил двумя пальцами на клавишу пробела.

Уголки губ Гиньоля едва заметно изогнулись, лишь обозначив ироническую усмешку. Не дожидаясь приглашения, он подошел к столу, сел в глубокое и крайне неудобное кресло эпохи Бронсаль, обитое бело-голубым атласом с вышитыми геральдическими ромашками, кинул ногу на ногу и положил на коленку трость. Покачивая острым, блестящим мыском кожаной туфли, Гиньоль от нечего делать считал удары пальцев Ректора по клавише пробела.

Один... Два... Три...

Человеческая натура странна, но легко предсказуема.

Четыре... Пять...

Ректор хотел дать понять Гиньолю, что он страшно занятой человек.

Шесть...

Да, конечно, он сам пригласил Гиньоля, но при этом...

Семь...

...При этом Ректор все же делал одолжение, приняв его.

Восемь... Девять...

Зачем он это делал? Вот это – вопрос.

Десять...

Причины могут быть самые разные. Начиная с ничем не замутненного тщеславия и заканчивая мелочной, но тщетной в отношении Гиньоля надеждой сбить таким образом цену.

Одиннадцать...

Гиньоль не проявлял нетерпения. Он готов был ждать, сколько потребуется. Во-первых, ему не было скучно, поскольку любимым его занятием было наблюдение за людьми.

Двенадцать...

Он их бережно собирал и тщательно сортировал, как спичечные этикетки. Ректор Центральной Академии, несомненно, претендовал на заслуженное место в его коллекции. Гиньоль уже давно к нему присматривался. Однако возможность понаблюдать за Ректором вблизи представилась ему впервые. Ну а во-вторых...

Тринадцать...

...Гиньоль точно знал цену своему времени. То время, которое он проведет в кабинете Ректора, так же, как и то, что он затратил на прослушивание лекции по космогонии, будет

непрерывно включено в счет, который он в конце концов предъявит господину Бей-Брынчалову. Как частному лицу или как Ректору Центральной Академии – это уже не имело значения.

– Четырнадцать!

Ректор вздрогнул от неожиданности и испуганно вскинул голову. Так, что щеки колыхнулись из стороны в сторону. Как уши у старого слона.

– Что?

Гиньоль улыбнулся приветливо, открыто и в меру располагающе.

– Вы знаете, почему число четырнадцать считается несчастливым?

– Н-нет. – Ректор слегка запнулся.

На всякий случай, уже не глядя на экран, он еще раз ударил пальцем по клавише.

– Хотите, расскажу?

– П-простите?..

– Я могу рассказать вам, почему люди не любят число четырнадцать.

– Это имеет какой-то рациональный смысл?

– Абсолютно иррациональный.

Ректор немного ожил. Он понял, что имеет дело со здравомыслящим человеком. Он заерзал на стуле. Подпер щеку кулаком. В глазках его мелькнул иррациональный интерес.

– Ну-ну? – Он уже не запинался.

Гиньоль взмахнул тростью, широко расставил ноги, утопил набалдашник в густом ворсе ковра и оперся о рукоятку. Он любил эту позу и называл ее «Застывший Порыв».

– Когда-то, очень давно, я бы даже сказал, на заре истории, в календаре было четырнадцать месяцев. Вам это известно?

– Ну, это не входит напрямую в сферу моих научных интересов.

Прозвучавшая из уст Ректора сия замысловатая фраза должна была означать то же самое, что и «нет», произнесенное обычным человеком.

– У вас бэббидж «Ананас»? – неожиданно сменил тему Гиньоль.

Ректор удивленно посмотрел на монитор. Он никогда не интересовался, какой марки у него вычислитель.

– А операционная система? – продолжал насесть Гиньоль. – «Цезарь» три в одном?

Ректор недовольно засопел. Он уже прикидывал, кому сделать втык за то, что его не поставили в известность, какая операционная система установлена на его вычислителе.

– Который час? – снова невпопад спросил Гиньоль.

Ректор глянул на часы в золотом корпусе в форме надкушенного яблока.

– Пятнадцать минут четвертого.

– Вы пригласили меня к двум.

Гиньоль произнес это даже без тени укоризны, просто констатируя факт.

– Разве? – не очень-то старательно изобразил недоумение Ректор. – Должно быть, я заработался... Но все равно вас должны были встретить и предложить кофе...

– Я не пью кофе.

– Да?

– От него понижается нервный тонус.

– Я полагал, наоборот...
– Думаю, этот вопрос также не входит напрямую в сферу ваших научных интересов. Вместо того чтобы травить себя кофе, я посетил лекцию по космогонии.

– Да? – Ректор улыбнулся. – Ну и как вам?

– Замечательно. Если, конечно, называть лекцией выступление выжившего из ума старика, с неподражаемо дурацким видом изрекающего банальные истины, известные даже первокласснику, который не поленился открыть школьный учебник. Вашему лектору следовало бы выступать в кабаре «Белая Лошадь». Там бы он имел сногшибательный успех!

Ректор покрутил головой, как будто ему вдруг стало трудно дышать из-за того, что воротник давил на шею.

– Я бы предпочел... – начал было он.

Но осекся.

Потому что и сам не знал, что хотел сказать.

– Что?

Гиньоль чуть подался вперед. Весь – ожидание.

Ректор кашлянул, чтобы прочистить горло, и предпринял вторую попытку.

– Я бы хотел...

Впрочем, также безуспешную.

– Вы бы хотели знать, кто я такой! – как всегда вовремя пришел на помощь Гиньоль.

Двумя пальцами он извлек из нагрудного кармана золотистую визитную карточку и протянул ее Ректору.

***«Гиньоль Гиньоль
Решаю любые проблемы».***

Бей-Брынчалов искоса глянул на гостя и перевернул карточку.

***«Джин Ойл
Решаю любые проблемы».***

– Вы партнеры?

– Нет. Я един в двух лицах.

– Как это?

– Мое имя некоторым кажется необычным, странным и почему-то труднопроизносимым. Поэтому я пользуюсь двумя.

Ректор удивленно хмыкнул.

– А это не противозаконно?

– Не более чем заставлять гостя ждать.

Ректор с озадаченным видом покрутил карточку в руках.

– Какое же из этих имен настоящее?

– Первое.

Ректор еще раз перевернул карточку со стороны на сторону. Но даже не стал пытаться угадать, какая из двух сторон первая.

– И как же мне вас называть?

– А мне вас?

– У меня одно имя.

– Вас можно называть официально – господин Ректор. Или чуть менее официально – господин Бей-Брынчалов. Или уважительно – Григорий Константинович. Или по-приятельски – Гришка. Или совсем уже просто – Бей. Или насмешливо...

– Обращайтесь ко мне официально, господин Гиньоль!

– Ну вот видите, как все просто, – улыбнулся гость. – Перейдем к делу?

– Да, конечно...

Ректор вновь посмотрел на визитку Гиньоля. *«Решаю любые проблемы»*. Не слишком ли самоуверенно? Так уж и любые?..

– Мне порекомендовали вас друзья.

– Именно так и узнают обо мне все мои будущие клиенты. – На лице Гиньоля ни тени улыбки. Он серьезен, как грозовая туча, знающая, что она несет тем, кто вышел сегодня из дома без зонта. – Я экономлю на рекламе.

– И что, вы действительно... – Ректор постучал краем золотистой карточки по яблоку-часам. – Действительно можете решить любую проблему?

Снисходительно усмехнувшись, Гиньоль откинулся назад и царственно возложил согнутый локоть на спинку кресла.

– Скорее всего, нет, – изрек он в некой задумчивости. Но тут же оживился. – Я даже уверен, что существуют проблемы, которые я не в силах решить! Наверняка существуют! Но. – Гиньоль стукнул тростью об пол. На паркетном или каменном полу это получилось бы куда более эффектно. А так звук потонул в ковровом ворсе. Однако осталось красивое, можно даже сказать, яркое движение. – Я пока с такими не сталкивался, – закончил Гиньоль.

Ректор, все еще в нерешительности, пожевал толстые, похожие на гусениц, губы.

– Вы можете привести примеры?

– Примеры? – недоумевающе вскинул брови Гиньоль. – Они повсюду!

– Например?

Гиньоль с неодобрением покачал головой. Но все же ответил.

– Прошлогодний финансовый кризис.

– При чем тут это?

– Вам не показалось, что с ним справились на удивление быстро?

– Хотите сказать, что это ваша заслуга?

Гиньоль деликатно отвел взгляд в сторону.

Из складок мантии Ректор извлек толстый, увесистый бумажник из бычьей кожи и аккуратно уложил в него золотистую визитку.

Гиньоль понял, что заполучил нового клиента.

Замечательно!

Теперь лишь оставалось сделать так, чтобы клиент остался доволен. Опыт подсказывал,

что довольный клиент – это, по крайней мере, четыре новых клиента. Ну а как сделать клиента довольным, Гиньолю не нужно было объяснять. Он вовсе не ломал комедию. Он действительно решал любые проблемы.

Глава 3

Артур Рингольдович Макдуров, Бургомистр и глава Городского Совета Централя, был вне себя. Бургомистр был возмущен до глубины своей необъятно широкой души. Проще говоря, Бургомистр был в бешенстве.

– Негодяи! Злыдни! Подонки!..

Стоя посреди просторного, из-за пустоты своей кажущегося огромным, как футбольное поле, зала для торжественных приемов, Бургомистр зло глянул по сторонам, ища, что бы схватить, сломать, садануть о стену. Но, как назло, ничего подходящего не было. Разве что только одно из кресел, в которые опускали свои натруженные зады члены Городского Совета, когда им предстояло обсудить и решить важные вопросы, касающиеся городского бюджета, сбора налогов или уклонистов от службы в рядах сил охраны правопорядка. Однако Бургомистр отличался живым умом и умением предвидеть будущее на пару минут вперед. Артур Рингольдович отдавал себе отчет в том, что далеко уже не так молод и совсем не так крепок, как, скажем, лет эдак тридцать, ну, пусть будет двадцать восемь, тому назад, и отчетливо представил, насколько смешно и нелепо будет он выглядеть, ежели, ударив креслом о стену, не сумеет расшибить его в щепки. А кресла между тем были тяжелыми и сколоченными на совесть. Иначе бы и не выдержали членов Городского Совета, славящихся умением сладко поесть и нелюбовью к любого вида упражнениям, будь то умственные или физические. Да что там, он даже поднять это клятое кресло не сможет!

– Остолопы! Дармоеды! Сучье отродье!.. Чтоб вам всю жизнь пустые щи хлебать!..

Бургомистру только и оставалось, что сыпать бранью. Благо в этом он толк понимал. И достиг совершенства в результате упорных, продолжительных тренировок. Вообще-то, спровоцировать его на ругань было не так-то просто. Но раз уж сорвавшись с цепи, Бургомистр не скоро успокаивался.

– Мусорные объедки! Морковные сблевыши! Простагландины!..

Значения последнего слова Бургомистр не знал. Он даже не помнил, где впервые его услышал. Но, едва услышав это удивительное слово, он сразу понял – то, что надо! Крепко, сочно и по сути! Что называется, не в бровь, а точно по сусалам! Хорошего человека простагландином не назовут! Так ведь?

– Растукокоры растабайские! Шваль подзаборная! Ворье позорное!..

Увы, из-за раннего часа запечатлеть всю подлинную красоту и истинную ярость бургомистрова красноречия было некому. Единственными свидетелями дивной в своем неистовстве вспышки гнева Артура Рингольдовича Макдурова оказались шестеро орков-шенгенов, неловко жавшихся в дверях. Однако по причине неудовлетворительного знания языка, на котором изъяснялся Артур Рингольдович, они понимали лишь то, что Бургомистр взбешен и зол. Чертовски зол! Но вот причину его злости они пока что уяснить не могли. Так же, как и не догадывались, во что она может вылиться. Собственно, они готовы

были заранее признать себя виноватыми и во всем покаяться. Лишь бы только с работы не выгнали.

Прежде шенгены были вполне уважаемыми гражданами Мира-На-Оси, хотя и редко выбирались куда-то из своего Шенгена. Ну а ежели и выезжали куда, так строго по приглашениям, в смысле по делу, не иначе. Орки-шенгены имели некоторые магические навыки, как правило, чисто бытового свойства. Однако ж после кризиса магии, грянувшего вслед за повсеместным внедрением преобразователей силы Шмица-Шульмана, Шенген пришел в упадок. Дабы хоть как-то свести концы с концами, орки-шенгены всеми правдами и неправдами старались добраться до Централя. Или еще до какого процветающего места. Где с надеждой и радостью брались за самую непрестижную и низкооплачиваемую работенку.

Шестеро орков-шенгенов, испуганно наблюдавшие за неистовством Бургомистра, работали в Городской ратуше, где все они сейчас и находились. В их обязанности входило: уборка помещений, ремонт мебели и мелкий ремонт здания, охрана всего, что имеется, чистка мантий и треуголок членов Городского Совета, закупка плюмажей для треуголок; две женщины-шенгенки должны были готовить легкие закуски и подавать напитки во время заседаний; младший орк-шенген, кое-что смысливший в технике, подрабатывал еще и киномехаником; старший по праздникам занимался пиротехникой. Жили орки здесь же, при ратуше, которую в народе по всем понятным причинам именовали не иначе как Желтым Домом. Им были отведены два небольших полуподвальных помещения. Члены Городского Совета долго и на это не решались, полагая, что выгоднее сдать помещения под склад какой-нибудь коммерческой фирме. Однако в конце концов вняли голосу рассудка, исходившему из уст Бургомистра: для того чтобы заменить шестерых орков-шенгенов, Городскому Совету пришлось бы нанять шестьдесят трех местных жителей, каждому из которых следовало бы платить втрое больше, чем всем шенгенам, вместе взятым. Совместное проживание шенгенов не смущало, поскольку все они приходились друг другу родственниками. Система родственных связей у орков настолько сложная и запутанная, что подробно разбираться в этом никто не стал. Да и кому какое дело? Живут себе – и пусть!

Преданно глядя на изнывающего от горя и тоски Бургомистра, орки-шенгены тихо перешептывались и время от времени толкали друг друга локтями – смотри, мол, что делается!

Изрыгнув еще десятка полтора изощреннейших ругательств, Бургомистр наконец-то утихомирился. Вернее, он понял, что, помимо штатной obsługi, других слушателей у него нет. А к низшему сословию следовало обращаться соответственно. Шенгены уже стали свидетелями его гнева. Пусть же теперь узрят его мудрость!

Бургомистр обратил свой светлый лик к шенгенам.

– Все! – трагически понизив голос, он широко развел руки в стороны. – Все, что нажито годами службы народу и отечеству! – Голос едва заметно дрогнул на трагической нотке, а руки театрально взлетели вверх. – Все пропало! – Руки упали, подбородок уперся в грудь.

Пауза.

Бургомистр чуть приподнял голову и глянул на шенгенов.

Орки ровным счетом ничего не понимали, но все равно внимали с разинутыми ртами.

Бургомистр вскинул голову. Гордо и независимо.

– Я понимаю, воровство – это часть государственной системы. Без этого нельзя. Если человек трудами и стараниями, а где-то и подкупом добрался до высокой государственной должности, он должен компенсировать себе моральные и материальные затраты. Верно?

Орки дружно закивали.

– Но всему же должен быть предел! Нельзя вот так, внаглую, тащить вещи оттуда, где ты работаешь! Когда пропали три речных трамвайчика, я молчал. Хотя и знал, в чьем пруду они теперь плавают. Когда пропали бронзовые львы с причала, я тоже не стал поднимать шума. Зачем? Что мы, новых львов не отольем? Когда из Гримм-парка однажды среди ночи исчез фонтан со скульптурными изображениями четырнадцати фаз додекаэдра, все снова сделали вид, будто ничего не случилось. А ратман Мидоу, в саду у которого появился точно такой же фонтан, уверял, что он заказал себе копию пропавшего. Мы даже закрыли глаза на то, что из городского зоопарка таинственным образом исчезли три крокодила, два слона, бегемот и гигантская носовертка, а ратман Люпин в то же самое время открыл свой домашний зверинец! Но – Центральную Ось всем им в душу! – я не потерплю того, что из зала для торжественных приемов среди бела дня исчез рояль! И не какой-нибудь, а именно! Подаренный Городскому Совету величайшим пианистом современности Джерри Ли Льюисом! Тот самый рояль, на котором он в третий раз выиграл триста восемьдесят шестой Международный конкурс исполнителей, проходивший... – тут Бургомистр запнулся, потому что забыл, где именно проходил вышеупомянутый конкурс. Но, быстро сообразив, что шенгены все равно ничего об этом конкурсе не слышали, продолжил ловко: – Проходивший уже не в первый раз! Мы найдем вора, изобличим его и призовем к ответу! – Бургомистр задумался, все ли он сказал? Вроде бы все. И поставил точку: – Так!

Правая рука Бургомистра торжественно легла на грудь. Он чуть повернулся. Чтобы луч додекаэдра, проникающий в зал через широкое окно с полукруглыми створками, красиво блеснул на орденах и позументах темно-синего бургомистрова мундира. И замер. В красивой позе. С благородно вскинутым подбородком.

Шенгены знали, что нужно делать в такой ситуации, и дружно захлопали в ладоши. Они были уверены, что это тоже входило в их служебные обязанности.

– Благодарю, друзья мои, – с чувством улыбнулся Бургомистр. – Благодарю. Я знал, что на вас всегда можно положиться. А сейчас, пока ратманы еще не собрались, давайте проведем маленькое, свое, так сказать, внутреннее, дознание. Ага?

Бургомистр пододвинул кресло, плюхнулся в него, откинулся на спинку и вытянул ноги.

Шенгены что-то залопотали по-своему, по-орочьи. Судя по всему, они не понимали, что хочет большой хозяин.

– Хозяин хотить пить? – сложив руки на груди, вежливо осведомилась пожилая шенгенка.

– Нет, – поморщившись, махнул рукой Бургомистр.

– Хозяин хотить исть?

– Да нет же!

– Хозяин хотить спать! – догадалась более молодая шенгенка. – Хозяин много работать! Хозяин шибко устать!

– Да не хочу я спать! – замахал на них уже обеими руками Бургомистр. – Я хочу...
– Хозяин хотить смотреть фильму? – робко предположил шенген-киномеханик.
– Нет, я вам говорю!
– Хозяин хотить?..
– Стоп! – поднял руки Бургомистр. – Говорить буду я! А вы станете говорить, когда я вам скажу! Это ясно?

Шенгены заговорили по-своему. Все разом. Видно, ничего не поняли.

– Кто у вас старший? – спросил Бургомистр.

Он точно помнил, что назначал кого-то из них старшим.

– Моя старший, – сделал маленький шагок вперед один из шенгенов.

Прищурившись, Бургомистр посмотрел на него, будто купить собрался. А может, наоборот – продать.

Рост чуть выше среднего, большая голова, крупные, грубые черты лица, короткая стрижка. Широкие плечи, длинные руки, кривоватые в коленях ноги. Типичный орк. Шенгены, они, как известно, всем оркам орки.

– Как тебя зовут? – спросил Бургомистр.

Он точно знал, что у старшего шенгена есть имя, но никак не мог его вспомнить.

– Алик, – ответил шенген.

На самом деле это, конечно же, было не его имя. У всех орков длинные, труднопроизносимые имена, напоминающие виртуозно закрученный скэт. Что-то вроде Шамти-Дам-Титам-Турам-Дида-Ди-Дам. Но, приезжая в Централь, они назывались местными именами. Так было проще. Хотя, с другой стороны – ущемление национальной гордости. Но вы глубоко заблуждаетесь, если полагаете, что орки предпочитают быть гордыми, но голодными. Скорее наоборот.

– Итак, Алик, ты помнишь рояль, что стоял тут? – Бургомистр рукой указал на то место, которое еще вчера вечером, как он ясно помнил, украшал мемориальный инструмент Джерри Ли Льюиса.

– Помнишь?.. – Шенген сосредоточенно сдвинул брови к переносице. – Что – помнишь?.. – И тут же быстро добавил: – Алик все помнишь!

– Большой, черный, блестящий ящик. – Бургомистр руками попытался набросать форму рояля. – Который здесь в зале стоял. Помнишь?

– Помнишь! – уверенно кивнул Алик. – И они – тоже помнишь! – кивнул он на своих родственников.

– Помнишь!.. Помнишь!.. – хором заголосили шенгены.

– Отлично! – поднял руку Бургомистр. – Когда вы видели его последний раз?

– Кого? – изумленно вытаращился на Бургомистра Алик.

– Рояль... Тьфу, то есть черный ящик.

– Вчера.

– Точно?

– Точно. Вчера вечер. Жена мой пыль с него убирать. – Алик схватил за локоть шенгенку, ту, что постарше, и подтащил ее к себе. – Моя жена! – гордо улыбнулся шенген. – Мара звать!

– Так ты, Мара, вытирала пыль с рояля? Вчера вечером?

– Вытирала, конечно, как обычно... Ой! – шенгенка смущенно зарделась, быстро провела пальцами по вискам, пряча выбившиеся волосы под платок, и продолжила уже совершенно по-другому: – Вытирать, хозяин, вытирать. Хорошо вытирать, чисто! – Она достала из кармана фартука тряпку и начала изображать, как вытирает пыль с крышки рояля. – Вот так вытирать! Вот так!..

– А скажи-ка мне, Мара, ничего подозрительного ты, часом, не заметила?

– По-до-зри-тель-но-го?.. – медленно, по слогам, повторила вслед за бургомистром Мара.

– Ну, чего-то странного, необычного?

– Нет, – покачала головой Мара.

– Точно?

– Нет.

– В каком смысле нет?

– Нет, ничего не видеть.

Бургомистр с досадой цокнул языком.

– А может, кто-то из ратманов возле рояля крутился?

Лица Алика и Мары сделались сосредоточенными и задумчивыми. Глядя на них, Бургомистр вспомнил, что такое же выражение он видел у древней каменной маски с плато Текапо-Капо, выставленной в Центральном музее.

– Ратман Студень крутился! – неожиданно подал голос шенген-киномеханик. – Я видеть!

– Точно? – вскинул голову Бургомистр.

– Точно! Весь вечер крутился!

– И что еще?

– Маленький бирка читать! Долго читать!..

– А-х! – Бургомистр азартно хлопнул в ладоши. – Попался, мерзавчик!

Ратман Студнев был самым молодым избранником народа в Городском Совете. За это все остальные ратманы люто его ненавидели. Впрочем, они все друг друга ненавидели. В той или иной степени. Но Студнева – особенно. Его папаша к делу пристроил. А старший Студнев, или, как все его называли, Студнев-старик, был не кто иной, как владелец всех центральных пивоварен.

«Пиво «Студнев» – для людей!

Днем и ночью – пой и пей!»

Вот так денежки-то делаются!

Хотя на самом деле пиво у Студнева было препоганое. Пили его разве что только орки да гномы. Ну и прочее отребье. Те, кому все равно с чего, главное – отрубиться. Хоть стакан спирта, хоть кирпичом по затылку – лишь бы крепко.

Глава 4

– Какого рода ваша проблема, господин Ректор?

– Я хочу, чтобы вы сами увидели!

Ректор повелительно взмахнул рукой, и тотчас же студент-старшекурсник, все это время, словно призрак, прятавшийся в тени у дверей, метнулся к старинному трехдверному гардеробу. Порывисто распахнув сразу две створки, студент нырнул в разверстое чрево. Но вскоре появился, живой и невредимый, держа на вытянутых руках, будто бесценный дар Небес, круглую, очень широкополую шляпу, в цвет ректорской мантии, с такой же золотой отделкой по краю.

Ректор оперся обеими руками о массивные подлокотники, крикнул от натуги, но все же поднялся на ноги. Опираясь о край стола, он медленно обошел его и, едва переставляя ноги, направился к ожидавшему его студенту. Лицо Ректора приобрело мученическое выражение. Казалось, каждое движение требует от него невероятных усилий.

В один миг Гиньоль оказался сначала на ногах, а затем и рядом с Ректором.

– Господин Ректор, – зашептал он ему на ухо. – У меня есть один знакомый изобретатель.

– Ну?

– Замечательный изобретатель! Умничка! Самородок!

– Ну?

– У него есть одно гениальное изобретение.

– Только одно?

– Одно, которое вам просто необходимо!

– Мне?.. Мне ничего не нужно.

Разумеется, Ректор имел в виду: «Мне ничего не нужно сверх того, что у меня уже есть». Но стоило ли об этом говорить вслух? Все ведь и без того было понятно.

– Вы просто не представляете, насколько вам это нужно! – стоял на своем Гиньоль. – Это изменит всю вашу жизнь!

– А я не хочу ее менять.

– Хорошо, в таком случае, внесет в нее новую, живительную струю! – Гиньоль хитро прищурился. Но так быстро, что этого никто не заметил. – Как вам такой вариант?

Ректор задумался. Закатил глаза. Слова Гиньоля звучали как-то очень уж неопределенно. Или, лучше сказать, – двусмысленно. Это было похоже на искушение. Против которого Ректор не мог устоять.

– Что за изобретение?

Гиньоль многозначительно посмотрел на студента с ректорской шляпой в руках.

Ректор тяжело вздохнул, принял из рук студента шляпу и, как рыцарский шлем, водрузил ее на голову.

– Иди, – небрежно махнул он рукой на услужливого студента.

Тот попятился, отвесил низкий поклон и, чуть приоткрыв дверь, скользнул в образовавшуюся щель.

– Никогда не видел человека, пресмыкающегося с таким чувством собственного достоинства, – глядя на дверь, заметил Гиньоль.

Ректор довольно улыбнулся.

– У нас в Академии очень талантливые студенты.

– Не сомневаюсь! А этот, что вышел за дверь, должно быть, самый талантливый?
– Пока лишь подающий надежды.
– Уверен, его ждет большое будущее.
– Так что за изобретение?
– А! Мой друг, – хотя кроме них в комнате больше никого не было, Гиньоль вновь понизил голос до таинственного полупшепота, – изобрел замечательнейшее устройство. Называется «выталкиватель».

- Выталкиватель? – недоумевающе переспросил Ректор.
– Именно! – щелкнул пальцами у него перед носом Гиньоль. – Выталкиватель!
– И для чего он нужен, этот ваш выталкиватель?
– Для того, чтобы выталкивать.
Ректор почувствовал себя заинтригованным.
– Что же, позвольте спросить, он выталкивает?
– В принципе, все что угодно.
Подумав, Ректор покачал головой.
– Мне ничего не нужно выталкивать.
– Вы уверены?

Гиньоль задал этот вопрос так, что Ректор задумался. А в самом ли деле он уверен в том, что выталкиватель ему ни к чему? Более того, Ректор почувствовал некоторое сомнение. Быть может, ему все же может понадобиться выталкиватель? Что, если в тот самый момент, когда выталкиватель будет крайне необходим, его не окажется под рукой? Так ведь всегда и бывает – вещь, которая крайне необходима, чаще всего теряется. Третий закон неопределенности бытия!

- И что же, по-вашему, я должен выталкивать? – тихо спросил Ректор.
– Ваш зад! – торжественно провозгласил Гиньоль.
– Что?
– Ваш зад, уважаемый господин Ректор!
– Зад?
– Именно!
– Послушайте, не слишком ли это резко?
– Ни в коей мере! Выталкиватель работает мягко и плавно. Не исключено, что со временем вы даже станете получать удовольствие от этой процедуры.
– Нет.
– Да!
– Я сомневаюсь...

– И совершенно напрасно! Выталкиватель будет установлен на сиденье вашего кресла. В надлежащий момент вам нужно будет всего лишь легким движением пальца надавить на спрятанную в подлокотнике клавишу, и механизм мягко вытолкнет ваш глубокоуважаемый зад из кресла. Никто из присутствующих ничего не заметит. Они будут уверены, что вы сами легко и красиво поднимаетесь на ноги.

Заложив одну руку за спину, а другую прижав к выпяченной груди, Гиньоль изобразил гордую осанку, с которой Ректор должен был подняться из кресла с помощью выталкивателя.

Ректору это понравилось.

– Когда я смогу испробовать этот ваш выталкиватель?

– В самое ближайшее время. – Гиньоль ловко подхватил Ректора под локоток и повлек его к выходу из кабинета. – Вы и представить себе не можете, насколько велик спрос на выталкиватели. Сейчас ими пользуются все уважающие себя люди, которым регулярно приходится публично вставать из кресла.

– Что, даже?.. – Ректор указал пальцем на потолок.

Прикрыв глаза, Гиньоль многозначительно наклонил голову. Мол, я не могу об этом говорить, но вы ведь и сами все прекрасно понимаете.

– Мой друг с трудом справляется с наплывом заказов. Но я постараюсь поставить вас в начало списка.

– Буду весьма признателен вам, господин Гиньоль, – прочувственно поблагодарил Ректор.

Он уже и сам не понимал, как прежде жил без столь необходимой вещи, как выталкиватель? А заодно обдумывал, кому бы сделать втык за то, что его не держат в курсе последних достижений научно-технического прогресса.

Локоть к локтю, тихо о чем-то перешептываясь, как старые друзья-однокурсники, Ректор и Гиньоль вышли из кабинета.

В хвост к ним тут же пристроился студент-посыльный. Этот парнишка знал свое место. Он шел в двух шагах позади, низко опустив голову, так, чтобы сразу среагировать, если вдруг Ректор его окликнет, но при этом не слышать ни слова из приватной беседы хозяина с гостем.

Гиньоль не обращал на студента внимания. Ему были неинтересны прямолинейные, убежденные в своей правоте лизоблюды. Таких в его коллекции было предостаточно. Он бы с радостью отдал десяток-другой за что-то более любопытное.

Они пересекли просторный холл, одну из стен которого украшала монументальная фреска на тему строительства первой железнодорожной ветки, связавшей Централь с Сардонией. Централь, как водится, символизировали Центральная Ось, ну и, само собой, Центральная Академия. Рядом с группой домиков, отмечающих местоположение Сардонии, стоял улыбающийся широкоплечий бородач в кожаном фартуке с горсткой гисов в сложенных ладонях, испускающих несвойственное им сияние. А вот первый локомотив братьев Балабановых был изображен очень достоверно, с тщательной прорисовкой каждой заклепки и вниманием к деталям.

Гиньоль обратил внимание на то, что как студенты, так и преподаватели, едва заприметив пурпурную мантию Ректора, старались немедля исчезнуть. Скрыться с глаз долой. Раствориться в воздухе. Либо сотворить еще какой трюк. Спрятаться за портьеру, в конце концов. Лишь бы только не столкнуться лоб в лоб с господином Бей-Брынчаловым. Те же, кому это не удавалось, едва не падали в обморок, когда их касался – всего лишь на миг, не более! – суровый взор Ректора Академии. А один студент-первокурсник даже принялся икать и, взмахивая руками, подпрыгивать на месте, по причине чего у него из-под мантии посыпались тетрадки, свитки, карандаши и завернутый в вощеную бумагу бутерброд.

Заметив встревоженный взгляд Гиньоля, Ректор благодушно улыбнулся.

– Не тревожьтесь, друг мой Гиньоль, с мальчиком все в порядке.

– Вы так полагаете?

Гиньоль оглянулся.

Провожая их взглядом, студент продолжал взмахивать руками.

– Конечно. Он готовится к практическим занятиям по вуду.

– Вы знакомите детей с практикой вуду? – удивился Гиньоль.

– После соответствующей теоретической подготовки, – заверил его Ректор.

По мнению Гиньоля, то, что вытворял паренек в розовой мантии, не очень-то походило на вуду. Но он не стал спорить с Ректором на эту тему. В конце концов, Ректору было виднее. А если и нет, то он все равно был Ректор. И это была его Академия.

О магическом факультете Центральной Академии ходило множество слухов. Зачастую совершенно нереальных и нелепых. Постороннему попасть туда было не просто сложно, а практически невозможно. Гиньоль подозревал, что подобная таинственность, скорее всего, скрывает лишь то, что ничего удивительного на этом факультете не происходит. Одно только название, что магический. После того как был открыт гранулированный источник силы, магия начала выходить из широкого повседневного употребления. И постепенно стала забываться. Ну, в самом деле, зачем вызывать мага, чтобы он, сопя, кряхтя и размазывая локтем соплю, сотворил для тебя самодвижущуюся повозку, если можно сесть в удобный, комфортабельный вагон поезда, следующего точно по расписанию, и доехать куда тебе нужно? Кстати, поездка на поезде и обходилась дешевле. Значительно дешевле. Вот и пришлось магам переквалифицироваться. Одни стали консультантами, другие – маркетологами, третьи – карточными шулерами. Однако ж, для расширения собственных познаний, Гиньоль не отказался бы воочию взглянуть на то, что представляет собой магический факультет Центральной Академии. И он надеялся, что личное знакомство с Ректором Бей-Брынчаловым весьма ему в этом поспособствует. Но для того чтобы обратиться к ректору с подобной просьбой, нужно было выбрать подходящий момент. А сейчас он был явно не тот. Господин Бей-Брынчалов сопел, отдувался, тяжело дышал и еле-еле переставлял ноги. Они перемещались столь медленно, что, казалось, никогда и никуда не придут. К тому же Гиньоль и вовсе не знал, куда они направляются. Ему уже становилось в тягость поддерживать светскую беседу с Ректором. Тем более что говорить почти все время приходилось ему одному. Решив, что пора наконец прояснить ситуацию, Гиньоль вдруг охнул и схватился рукой за поясницу.

– Что с вами, уважаемый? – удивленно посмотрел на него Ректор.

– Прострел, – процедил сквозь зубы Гиньоль. – Пять лет назад застудил спину. И с тех пор мучаюсь. Может вдруг прихватить в самый неподходящий момент... Как правило, ненадолго. Но все же... Ох!

Гиньоль попытался сделать шаг и болезненно сморщился.

– Ну же, друг мой! – подбодрил его Ректор. – Мы уже почти пришли!

– Правда?

– Конечно! Нам осталось лишь спуститься по лестнице и пересечь центральный холл.

– Я попытаюсь.

Гиньоль сделал шаг. Затем еще один.

– Что стоишь? – прикрикнул на студента-подхалима ректор. – Не видишь, что ли,

человеку плохо! Помоги!

– Э, нет, благодарю! – уклонился от протянутых к нему рук Гиньоль. – Мне уже лучше!

– Уверены?

– Абсолютно! – Гиньоль подпрыгнул на месте. – С этим прострелом всегда так – может отпустить через минуту, а может на неделю уложить в постель.

– Идемте, – махнул рукой Ректор.

Стена, вдоль которой тянулась лестница на первый этаж, была украшена богатой коллекцией холодного оружия. От самых древних и надежных систем для убийства до почти безобидных новомодных игрушек. Гиньоль, кое-что понимавший в оружии, мог почти с уверенностью сказать, что большинство из этих настенных украшений были настоящими. И стоили немалых денег.

– Это коллекция генерала Мюзиля, – верно истолковал заинтересованный взгляд гостя Ректор.

– Того самого Мюзиля? – уточнил на всякий случай Гиньоль.

Хотя какие могли быть сомнения? Генерал Берт Мюзиль, победитель гигантских червей, был один! И другого просто не могло быть!

– Тот самый, – кивнул Ректор. Держась за перила, он осторожно переступал со ступени на ступень. Прежде чем поставить ногу на очередную ступень, Ректор как следует ощупывал ее мыском. Гиньоль обратил внимание, что на ногах у Бей-Брынчалова короткие сапожки из мягкой кожи. – Генерал подарил Академии свою коллекцию холодного оружия после того, как ушел в отставку с должности Первого Смотрителя гигантских червей.

– Я не знал, что Берт Мюзиль тоже заканчивал Центральную Академию.

– Нет, Мюзиль не получал образование в этих стенах. Но он был и остается горячим сторонником просвещения. Ежегодно, в годовщину основания Академии, он приходит к нам, чтобы выступить перед первокурсниками. У него очень прочувственные и вдохновляющие речи.

– Сколько же ему сейчас лет?

– Точно не скажу. За сто – это наверняка. Но он все еще выглядит бравым воякой!..

Ректор тряхнул сжатой в кулак рукой и при этом чуть не упал с лестницы.

Дабы не случилось непоправимого, Гиньоль решил более не отвлекать Ректора от главного. Иначе их спуск мог либо затянуться на неопределенный срок, либо внезапно прерваться.

«Рано или поздно всему приходит конец» – так говорил Император Ху. Спустившись наконец по лестнице, они пересекли центральный холл и вышли на широкое парадное крыльцо. Мраморные ступени, резная каменная балюстрада и небольшая золоченая скульптура, запечатлевшая самый напряженный, решающий момент схватки льва с единорогом.

Вид с крыльца открывался изумительный. Корпуса Академии, разбросанные среди высоких зеленых холмов и невысоких гор, поросших соснами и кипарисами, были похожи на волшебные замки, в которых живут таинственные существа из Малого мира. Центральная Ось, будто полупрозрачный радужный столб, возносилась над срезанной вершиной Голгофы и исчезала в ослепительном сиянии додекаэдра. Небо сияло пронзительной голубизной, не

замутненной ни единым облачком, пусть хотя бы размером с носовой платок. Легкий ветерок нес с гор прохладу. Мир-На-Оси был прекрасен, как мечта, и казался нереальным, как сон. Хотя это только так говорится. На самом деле, что может быть реальнее сна?

– Куда мы направляемся? – поинтересовался Гиньоль.

– Туда!

Палец Ректора, увенчанный тяжелым перстнем с рубином, довольно-таки искусно декорированным под старину, оказался нацелен в такую даль, что Гиньолю сделалось не по себе. Да, конечно, погода и природа располагали к пешей прогулке. Однако, учитывая скорость перемещения Ректора, следовало задаться вопросом, а успеют ли они вернуться засветло?

Однако сам Бей-Брынчалов сомнений не ведал!

– Иди-ка сюда! – подозвал он студента.

И, как только тот оказался рядом, ухватился за его руку и начал спускаться по парадной лестнице. В которой, по счастью, было всего-то одиннадцать ступеней.

Оказавшись внизу, Ректор не последовал в указанном им же самим направлении, а двинулся в обход крыльца.

Под широким крыльцом был спрятан небольшой гараж, вмещающий трех велорикш. Видимо, это был обычный способ передвижения Ректора по территории Академии. Гиньоль улыбнулся. Ему нравился такой подход к решению повседневных проблем. Просто, рационально и экологично.

Кряхтя и что-то недовольно бормоча, Ректор подтянул полы мантии и кое-как взгромоздился в зеленую коляску с тентом. Гиньоль остановил свой выбор на синей. Сопровождавший их студент направился было к третьей коляске, но ректор резко осадил его:

– Останься!

Студент покорно сложил руки на груди и понуро склонил голову.

Одетые в серые размахайки орки-рикши заняли свои места, надавили на педали, и коляски дружно, бок о бок, выкатились из гаража.

Закинув ногу на ногу и поигрывая рукояткой трости, Гиньоль откровенно наслаждался прогулкой. Он уже не жалел о том, что посетил Академию. Даже если дело, которое собирался предложить ему Ректор, яйца выеденного не стоило, что ж, можно было считать, что Гиньоль в кои-то веки взял себе выходной. Послушал лекцию, прокатился в коляске по дивным живописным местам, подышал свежим горным воздухом. В конце концов, даже у человека, занятого решением любых проблем, должны быть выходные.

– Эй, ты! – окликнул Ректор своего рикшу.

И когда тот обернулся, протянул ему плеер с наушниками. Орк, видимо, был в курсе, что нужно делать. Не задавая вопросов, он надел наушники и включил музыку.

– Господин Гиньоль, передайте своему рикше плеер. Он в кармашке слева от вас.

В самом деле, в кармашке слева от сиденья лежал плеер и наушники. Гиньоль передал их орку, и тот живо погрузился в волшебный мир музыки.

– Ну вот, – улыбнулся Ректор. – Теперь можно спокойно поговорить.

– Куда мы направляемся? – поинтересовался Гиньоль.

– Терпение, друг мой. Мы скоро будем на месте.

– Может быть, пока мы едем, вы введете меня в курс дела?

– Я хочу, чтобы вы все увидели собственными глазами. Понимаете, мне кажется, что в данном случае очень важно первое впечатление.

– А вы уверены, что дело стоит того, чтобы за него взялся именно я?

– Вне всяких сомнений, господин Гиньоль. Иначе бы я не стал вас беспокоить.

Гиньоль озадаченно постучал пальцами по рукоятке трости.

– Дело касается вас лично, господин Ректор? – решил зайти он с другого бока.

Но и тут не получилось.

– И меня лично, и всей Академии.

Гиньоль посмотрел вверх, на вершину Голгофы, подножие которой они как раз огибали. Центральная Ось смотрелась отсюда особенно эффектно. Абсолютно нереальный столб света, возносящийся к небесам.

– Как близко можно подойти к Центральной Оси? – спросил Гиньоль.

– К ней невозможно приблизиться, – ответил Ректор.

– Как это?

– Еще никому, ни одному человеку не удалось взойти на Голгофу.

– Почему?

– Какая сторона вопроса вас интересует, теоретическая или практическая?

– И та и другая.

– В настоящий момент общепризнанной является теория, гласящая, что Центральную Ось, будто кокон, обволакивает пространственно-временной хаос. Это область, в которой пространство одномерно и n-мерно одновременно, а прошлое и будущее составляют настоящее. Практически это означает, что, сколько бы вы ни карабкались на вершину Голгофы, вы никогда там не окажетесь.

– Занятно.

– Еще бы.

Обогнув Голгофу, они миновали спортивный городок с футбольным полем, двумя открытыми бассейнами, теннисным кортом и площадкой для легкоатлетических соревнований.

– У вас замечательная спортивная база, – заметил Гиньоль.

– Вы знаете, сколько чемпионов вышло из Академии? – лукаво улыбнулся Ректор.

– Нет, – покачал головой Гиньоль.

– Я тоже, – развел руками Ректор. – Я даже в юности не увлекался спортом. Но у нас замечательные тренеры.

Далее располагались корпуса сельскохозяйственного факультета, окруженные садами, огородами, теплицами, дендрариями, розариями, скотными дворами и свинофермами. Здесь был даже сад камней, произведший на Гиньоля неизгладимое впечатление. Он решил, что при первом же удобном случае непременно сюда вернется, чтобы сполна насладиться аскетической красотой и совершенством пустоты этого удивительного места.

Широкая гравиевая дорожка привела их к подножию еще одной горы, пологой, но высокой. Узкая тропа, ведущая наверх, змеей извивалась по склону, то ныряя в заросли кипарисов, то скрываясь среди камней, то прячась за небольшими, как будто специально

устроенными водопадами.

– Это Лысая гора, – объяснил Гиньоль Ректор. – Излюбленное место прогулок студентов и преподавателей Академии. Нередко мы проводим на вершине горы – она большая и плоская, как стол, – различные наши неофициальные, но традиционные мероприятия. Мы блюдем традиции Академии, господин Гиньоль!

– Какие, например?

– Например Ночь живых скорбцов. Или – День слепого ананаса. Час вервольфа – ровно в одиннадцать утра! Вечер памяти всего, что не забыто. Орочьи пляски под звездным небом. Эльфийские заунывные песнопения в дыму костров. Гномьи чемпионаты по небылицам и байкам. Кроме того, у каждого факультета есть свои собственные знаменательные дни и даты, которые они любят отмечать на Лысой горе.

– И вы им это позволяете?

– Конечно. Нужно только заблаговременно подать прошение, составленное по соответствующей форме, и получить разрешение.

– Значит, с народной тропой на гору все в порядке?

Ректор подался в сторону Гиньоля. Коляска, в которой он сидел, опасно накренилась. Находившему за рулем велорикше пришлось проявить все свое мастерство, чтобы избежать аварии.

– Вам уже что-то известно?

– О чем? – искренне удивился Гиньоль.

Ректор откинулся на спинку сиденья и большим розовым платком вытер покрывшееся испариной лицо.

Гиньоль снова посмотрел на вьющуюся по склону тропинку. Резвый студентик взбежит на гору за полчаса, малость запыхавшись по пути. А вот сколько же времени уходит у Ректора, чтобы достичь вершины? По узкой тропинке велорикша не проедет. Или главу Академии доставляют наверх в паланкине? Собственно, только об этом он и подумал, когда Ректор принялся рассказывать о развеселых празднествах на вершине Лысой горы.

Гиньоль бросил косой взгляд в сторону Ректора, но спрашивать ни о чем не стал. Чрезмерным любопытством Гиньоль не страдал. Человек его специальности – а таких совсем немного, быть может, он вообще единственный в своем роде, – в общении с клиентами не должен проявлять любопытства. В конце концов, клиенту все равно придется рассказать ему все. Врать специалисту по решению проблем – это все равно что пытаться обмануть лечащего врача. Неправильно поставленный диагноз наверняка скажется на исходе операции. Для тех же, кто этого не понимал, в договоре, который Гиньоль предлагал подписать своим клиентам, имелся пункт, в соответствии с которым вся ответственность за ошибки, связанные с отказом клиента предоставить полную и достоверную информацию по любому вопросу, пусть даже, по его мнению, и не связанному с делом, за которое брался Гиньоль, полностью ложилась на клиента.

Как и ожидал Гиньоль, ситуация несколько прояснилась, когда, обогнув купу тутовника – Гиньоль, не удержавшись, сорвал пару спелых, необыкновенно ароматных и сладких ягод, – они оказались у начала тропы, ведущей на Лысую гору. Вход на тропу был закрыт высокими дощатыми щитами с угрожающими надписями:

«Вход воспрещен!!!»

«Опасно для жизни!!!»

«За нарушение – немедленное отчисление!!!»

Не хватало разве что только традиционного и всенародно любимого:

«Осторожно! Злая собака!!!»

Хотя что-то подсказывало искушенному наблюдателю, что собака поблизости все же имелась.

– Это и есть ваша проблема? – спросил Гиньоль.

– Нет, – не глядя на него, буркнул Ректор. – Это щиты, закрывающие вход на тропу.

Щиты были сколочены кое-как, на скорую руку. А краска, которой были сделаны угрожающие надписи, местами еще не высохла. В чем бы ни заключалась проблема – она пряталась за этими щитами. Гиньоль готов был поспорить, если бы нашелся желающий. Но у велорикш уши были заткнуты наушниками. А Ректор явно не был расположен к тому, чтобы заключать пари. Тем более что ему-то тайна щитов была доподлинно известна.

Гиньолю стало любопытно, что же может приключиться на тропе, ведущей к вершине невысокой горы, по которой ежедневно поднимаются и спускаются сотни, если не тысячи студентов? Вернее, что это за случай на тропе, требующий незамедлительного вмешательства специалиста по решению любых проблем? А между тем ситуации, когда клиентам удавалось его заинтриговать, случались крайне редко. Как правило, проблемы представляются неразрешимыми лишь тем, кому кажется, что от их решения зависит их собственная жизнь. Ну или, по крайней мере, дальнейшая судьба. Заметьте – в девяти случаях из десяти им только так кажется. Виной всему депрессия, стресс, шок, цейтнот, цугцванг... Да все что угодно! Вплоть до дождя за окном, из-за которого у клиента начинается мигрень. Или соседского кота, чье появление вызвало приступ аллергии. Специалист же по решению любых проблем видит и оценивает ситуацию непредвзято. И почти сразу находит выход из неразрешимой для клиента ситуации.

Но дело на этом не заканчивалось. Скорее даже наоборот – с этого оно лишь начиналось. Клиент за свои деньги был достоин большего, нежели простой констатации факта, что его проблема решена. И Гиньоль устраивал небольшое или большое – все зависело от счета, который был готов оплатить клиент, – представление. Включающее в себя

неплохую артистическую игру, умелые спецэффекты, напряженный сюжет, драматическую развязку и, конечно же, счастливый финал.

Однако Лысая гора, похоже, была готова преподнести Гиньолю сюрприз. Во всяком случае, он очень на это надеялся. Время от времени ему требовалась хорошая встряска. Иначе ведь, погрязнув в рутине, можно было и вовсе потерять квалификацию.

Однако, к величайшему удивлению Гиньоля, они, не останавливаясь и даже не притормозив, миновали угрожающие щиты, закрывающие проход на горную тропу. Дорожка, по которой они ехали, сделалась более узкой, и велорикшам пришлось перестроиться. Теперь они катились не бок о бок, а один за другим. Вперед, конечно же, выдвинулась зеленая коляска Ректора. Ветки деревьев цепляли борта колясок и нависали сверху зеленым пологом. Лучи додекаэдра лишь временами проскальзывали сквозь густую листву. Казалось, что вскоре дорожка превратится в тропинку, которая спустя еще какое-то время затеряется в густой, непролазной зелени.

Гиньоль чувствовал зуд в коленках. Происходящее все больше нравилось ему.

Что может быть сокрыто в лесной чаще? Труп жуткого мутанта, появившегося на свет в результате чудовищного эксперимента в генно-инженерной лаборатории? Живой зубоскал, выловленный в Лирнейских болотах – до них отсюда рукой подать – и посаженный на цепь какими-то шутниками? Останавливающий время камень-перевертыш, на котором кто-то из первокурсников написал добытыми из желудочного мешка кракена несмывающимися чернилами «Ректор – жирная свинья»?..

Гиньоль был полон самых сладких и мрачных предвкушений. Поэтому, когда навстречу им из чащи выскочило жуткое человекообразное чудище и с ревом, брызжа слюной, бросилось к коляске Ректора, Гиньоль, не задумываясь, выпрыгнул на ходу из своей коляски, легко выдернул шпагу из трости и кинулся навстречу монстру.

– Нет! Нет! Господин Гиньоль! Остановитесь!.. – перевесившись через край коляски, замахал на него розовым платком Бей-Брынчалов. – Назад! Назад, Гарик!.. Плохой Гарик! Плохой! – Это он уже отгонял похожее на недоразвитого тролля чудище.

– Э... – растерянно замер на месте Гиньоль. – Так вы... знакомы?

– Это – Гарик. – Ректор постучал велорикшу по плечу и, когда тот обернулся, жестом велел остановиться. – Он присматривает за фуникулером. – Открыв дверцу, Бей-Брынчалов вывалился из кабинки. – Идемте, господин Гиньоль, – сделал он приглашающий жест рукой, сжимающей платок. – Гарик, вперед!

Странное существо, которое Гиньоль поначалу принял за тролля, неловко, раскинув руки в стороны, переваливаясь с боку на бок, потопало вперед, в ту самую сторону, куда все они, судя по всему, направлялись. Гиньоль отметил, что на него надета старая, драная профессорская мантия. А в правой руке Гарик сжимал сухой длинный сучок.

– При первой встрече Гарик производит не слишком приятное впечатление, – ободряюще улыбнулся гостю Ректор.

– Да уж. – Гиньоль спрятал шпагу в трость. – Удивительное создание.

– На самом деле это совершенно безобидное существо, не способное причинить кому-либо вред.

Деревья будто разошлись в стороны, и они оказались на опушке, прилегающей к склону

Лысой горы. На нем разместились небольшой домик служителя, похожий на дощатую времянку с затянутыми целлофаном оконными проемами, и площадка фуникулера с веселеньким красно-желтым вагончиком.

– Вот! – гордо улыбнулся Бей-Брынчалов. – Для особо важных персон!

Весьма демократично, отметил про себя Гиньоль. Студенты поднимаются по тропе на своих двоих. А высший преподавательский состав – на фуникулере, спрятанном в лесу. Наверняка о нем все знали, однако неравенство не назовешь вопиющим, поскольку в глаза оно не бросается. Таким образом, явление Григория Кирилловича Бей-Брынчалова студентам на вершине Лысой горы было сродни чудесному вознесению. Игра, которая всех, по-видимому, устраивала. Ректора-то уж точно.

Гарик подбежал к вороту, через который был протянут трос фуникулера, и, что-то невнятно бормоча, принялся колотить по нему прутиком.

– Что это оно... существо, в смысле, делает? – спросил Гиньоль.

– Гарик присматривает за фуникулером, – улыбнулся Ректор. – Вообще-то, его зовут Игорь. Игорь Горшков. Но мы называем его Гариком. Ему нравится это имя. Правда, Гарик?

Услыхав свое имя, Гарик обернулся, и Гиньоль смог как следует его рассмотреть. Худое, с впалыми щеками лицо Гарика было покрыто клочьями щетины. По-видимому, он обстригал ее ножницами. На длинном крючковатом носу висели круглые очки в широкой пластмассовой оправе. Над левой бровью багровел кривой уродливый шрам, похожий на упавшую набок готическую S.

– Что у него с головой?

– Он идиот, – все так же с улыбкой ответил Ректор.

Должно быть, он любил идиотов.

– Это я понял, – кивнул Гиньоль. – Откуда у него шрам на лбу?

– Односторонняя лоботомия.

– Односторонняя?

– Врачи решили, что этого будет достаточно.

Гарик пробурчал что-то невнятное и махнул прутиком в направлении стоявших неподалеку Ректора и Гиньоля.

– Отлично, Гарик! – дважды хлопнул в ладоши Ректор. – Сделайте то же самое, – велел он Гиньолю. – Иначе Гарик обидится.

– Замечательно! – зажав трость под мышкой, Гиньоль похлопал в ладоши.

Гарик пустил слюну изо рта, повернулся к вороту и вновь принялся охаживать его прутиком.

– Идемте, – кивнул Ректор. – Гарик готов.

Они поднялись на помост и вошли в вагончик фуникулера. Внутри находились две небольшие скамеечки, тянущиеся вдоль бортов. Ректор сел на одну из них. Гиньоль занял место напротив.

– Гарик! – взмахнул розовым платком Бей-Брынчалов. – Сотвори чудо! Вознеси нас на вершину горы!

Идиот восторженно зарычал и принялся крутить ворот, от которого не тянулось ни единой передачи. Однако ж скрипел ворот нещадно. Видимо, услышав этот скрип, из окошка

домика выглянул гном. Увидев Ректора в вагончике фуникулера, гном приветливо помахал рукой и скрылся в доме. Почти сразу же включился привод, и, медленно набирая скорость, вагончик пополз в гору.

– Что с ним приключилось? – спросил Гиньоль, глядя на старательно крутящего пустой ворот Гарика.

– Грустная и одновременно загадочная история. – Откинувшись на спинку, Ректор помахивал перед лицом розовым носовым платком. Не то мух отгонял, не то прохладу ловил. – Несколько лет назад Игорь Горшков учился на магическом факультете. Сами знаете, все попытки поставить магию на службу человечеству по большому счету ни к чему не привели. Опыт, который невозможно воспроизвести, фактически ничего не стоит. Ну а после того как был создан универсальный преобразователь силы Шмица-Шульмана и грянула научно-техническая революция, интерес к магии и вовсе пропал. Она стала никому не нужна. Магический факультет в нашей Академии был сохранен как дань традиции. Ежегодно мы с трудом набираем для него минимальное число студентов из тех, что провалили экзамены на других факультетах. Игорь был не из таких. По словам преподавателей, он был буквально одержим магией. А одержимость, как известно, ни до чего хорошего не доводит. Уже на втором курсе преподаватели и студенты стали замечать странности в его поведении. Он уверял, что является потомственным магом, что его родители пали смертью храбрых в борьбе с великим злом и теперь пришла его пора встать на защиту всех живущих. В общем, нес всякую околесицу. Поначалу над ним только посмеивались. Но потом он выстругал себе палку из ученической линейки и стал повсюду с ней ходить, утверждая, что это волшебная палочка. Он тыкал ею в лицо тем, кто над ним смеялся, и выкрикивал какую-то белиберду, которую сам считал заклинанием. Было несколько неприятных инцидентов, когда на лицах учеников оставались ссадины или оказывались повреждены глаза. Игорь перестал есть. Вместо этого он садился перед пустой тарелкой, махал над ней своей волшебной палочкой, произносил заклинание и делал вид, будто что-то ест. Одноклассники подкармливали его, предлагая то пирожок, то яблоко, то шоколадку. Иначе бы он совсем загнулся. Но на четвертом курсе дело приобрело совсем дурной оборот. Игорь перестал мыться и стал называть себя Гарри. Он пропадал ночами в лесу, уверяя, что там живут драконы, единороги и грифоны. Орков-шенгенов, работающих уборщиками на факультете, Игорь ловил и выбрасывал в окна, утверждая, что таким образом освобождает их. Но самое ужасное – он сменил свою волшебную палочку на бейсбольную битку. После того как в результате магических экзерсисов Гарика несколько студентов получили переломы – кстати, он сам пытался их тут же вылечить с помощью все той же волшебной биты, – нам пришлось обратиться к специалистам. Гарик был помещен в сумасшедший дом. После тщательного и всестороннего обследования консилиум врачей пришел к единодушному выводу, что единственным спасением для пациента является односторонняя лоботомия, которая сделает из Гарика всего лишь полуидиота, но при этом и агрессивность его снизится ровно вдвое. Блестящее решение. Но для того, чтобы воплотить его в жизнь, требовалось согласие родственников. Когда мы подняли архивы, то выяснили, что родителей Гарика на самом деле нет в живых. Они погибли во время отдыха на острове Краков, когда там внезапно произошло извержение вулкана Краковау. Помните, об этом писали все газеты? Других

родственников у Игоря не оказалось. И вообще непонятно было, кто привел его в Академию. В комнате, где он жил, нашли только старое чучело совы и именную метлу – на ее рукоятке была приделана медная бирка с его именем. Вот и все. В общем, прикинув все за и против, Ректорат решил, что Академия возьмет на себя опеку над несчастным идиотом. После того как Гарику была сделана лоботомия, учиться он, понятное дело, уже не мог. Вот мы и приставили его к фуникулеру. И, надо сказать, он отлично справляется со своей работой. Правда, все еще считает, что делает это с помощью магии.

– И родственники Игоря так и не объявились?

– Пару лет назад явился какой-то здоровенный бородатый мужик. Уверял, что он приходится Игорю каким-то там очень дальним родственником, тоже называл его Гарри и нес какую-то чушь про борьбу со злом. Поскольку никаких документов он предъявить не смог и вел себя при этом весьма агрессивно, нам пришлось выставить его. Кто знает, может быть, он хотел забрать Гарика, чтобы потом продать его в подпольную клинику по пересадке органов? Слышали, наверное, бывают такие случаи...

Вагончик ударился о стопор и остановился.

Ректор и Гиньоль вышли на площадку.

Улыбчивый бородатый гном приветливо помахал им рукой, высунувшись из кабинки дежурного. Приезжающие в Централь гномы, как и орки, частенько брались за скучную, малооплачиваемую работу. И выполняли ее, надо сказать, старательно и на совесть. В отличие от орков совесть у гномов все же имелась. Хотя и не совсем такая, как у людей.

Подойдя к обнесенному деревянными перилами краю фуникулерной площадки, Гиньоль окинул взглядом окрестности.

Лысая гора вполне оправдывала свое название. На ее вершине не было ничего, кроме травы. Для праздников были устроены пять больших кострищ, обложенных камнями, – дрова для костров, должно быть, доставлялись на фуникулере или, что скорее всего, студенты таскали их на своих спинах, – и большая открытая сцена.

Посреди этой огромной зеленой поляны лежал большой черный рояль. Именно что не стоял, а лежал. Ножками вверх.

– Ну, что скажете, уважаемый? – спросил Ректор.

– О чем? – не понял Гиньоль.

– О проблеме, которую вам предстоит решить.

Гиньолю показалось, что голос Бей-Брынчалова звучит заметно бодрее, чем когда они только встретились. Как будто с вызовом даже. Конечно, он уже был уверен, что переложил свою проблему на чужие плечи. В конце концов, ведь именно для этого он и пригласил специалиста по решению любых проблем.

– А в чем проблема? – непонимающе посмотрел на Ректора Гиньоль.

Глава 5

Едва за Бургомистром захлопнулась дверь, как Мара с размаху влепила мужу звонкую затрещину.

– Ты что, совсем из ума выжил! – Шенгенка еще раз заехала мужу по затылку. –

Хочешь, чтобы нас на улицу выставили! – Еще одна оплеуха, с другой руки. – Собрался всех нас по миру пустить!

Рука у шенгенки тяжелая, ладонь – широкая. Если как следует припечатает – мало не покажется. А разошлась Мара не на шутку.

Алик знал свою жену лучше, чем кто-либо. И понимал, что с ней сейчас спорить не стоит. Лучше дать ей пар выпустить. Пускай покричит, руками помашет – от него-то не убудет. Он за долгую счастливую супружескую жизнь от женушки своей и не такое видывал. Бывало, что и кое-чем потяжелее по затылку получал. Хорошо, что шерсть на голове густая – иначе бы шрамы были видны. А голая рука – это так, баловство. Детская забава. Как орки говорят, бьет – значит любит. Он лишь голову в плечи поглубже втягивал да локтями для порядка прикрывался. Порой покрикивал на жену – опять же только в силу привычки.

– Кончай!.. Чего творишь!.. Дура чумазая!.. Я тебе покажу! Чумичка недоделанная!.. Отстань, говорю!.. Тварь необразованная!..

– Что? Необразованная?.. Ты где ж, нечестивец, слов таких нахватался?

Бац! Бац!

Первый удар Алик успел парировать. Но второй пришелся точно в цель. Орк почувствовал, как в голове у него запели серебряные колокольчики и, вторя им, зачирикали сладкоголосые кенары.

Увидев блаженное выражение на лице мужа, Мара поняла, что с него пока довольно. Какой смысл колотить дурня, ежели он, все одно, не понимает, что происходит?

– А тебя кто просил соваться? – Шенгенка развернулась к юному орку-киномеханику. В Центrale он именовал себя Аскольдом. Маре он доводился племянником. Других родственников у Аскольда не было. В смысле, не то чтобы вовсе не было, но никто не желал его признавать за родственника. Поэтому Мара присматривала за ним. А Аскольдик боялся ее почти как родную маму. – Ты какого лешего встрял? Умник, об угол шарахнутый!

– Я... – глазки Аскольдика испуганно забегали по сторонам, – понимаете, тетя Мара...

– Не понимаю, змееныш! – рыкнула Мара и двинула Аскольдика кулаком в ухо, так что у того голова мотнулась из стороны в сторону, будто боксерская груша. – Ты какого лешего на Студнева наговаривать начал?

– Я не наговаривал, – придавленно пискнул Аскольд. – Он взаправду вокруг рояля вертелся. Весь вечер.

– Конечно вертелся, – вставила вторая шенгенка по имени Жанна. – На рояле этом никто не играл с тех пор, как его сюда притащили. А тут вдруг музыкант, тот самый, что рояль этот Городскому Совету подарил, Джерри Ли Льюис, желание изъявил сыграть на нем для господ ратманов.

– Вообще-то, папаша Студнева этому Джерри приличный кусок за концерт отвалил, – добавил орк по имени Гена.

– Откуда вы все это знаете? – удивленно взмахнула руками Мара.

Она была в растерянности, поскольку не знала, чья сейчас очередь получать тумачи. Смотрела она при этом почему-то на орка по имени Жора, единственного, кто за все время не проронил ни слова. Жоре от этого становилось не по себе.

– Откуда, я вас спрашиваю? – рявкнула Мара.

Что любопытно, между собой, в отсутствие посторонних, орки-шенгены разговаривали на хорошем человеческом языке. Для них это не составляло труда. Скорее уж, трудно было притворяться, что они его с трудом понимают. Но это было удобно. Так с них и требовали меньше, и не особо стеснялись высказываться в присутствии обслуживающего персонала, мало чем отличающегося от мебели. Собственно, именно поэтому вопрос Мары показался остальным более чем странным. То, что она его задала аж дважды, можно было объяснить лишь тем, что кровь ударила шенгенке в голову, поэтому она плохо соображала. О том, что вопрос мог оказаться риторическим, никто не подумал – для орков это уже было слишком.

– Тетя Мара, – шепотом позвал шенгенку Аскольдик. – Об этом уже неделю все только и твердят.

– Поэтому-то Бургомистр и велел с пианина...

– С рояля, – поправила Мара.

– Да свист с ним, хоть бы и с рояля, – обиженно шмыгнул расквашенным носом Алик. – Да только велел Бургомистр пыль с инструмента убрать. Как следует, значит, чтобы ни соринки. И пол велел натереть. Чтобы блестел, значит, как зеркало.

– А ты и расстарался, – зло оскалилась на мужа шенгенка.

– Ну да, – кивнул Алик. Чувствуя, что грозу пронесло, он даже рискнул заискивающе улыбнуться. А то ведь можно было и без обеда остаться. С Мары станется! – Я ведь как лучше хотел!

– А получилось как всегда, – хохотнул Аскольдик.

И тут же получил звонкую оплеуху. С комментариями:

– Алик – старый дурень! А ты – дурак молодой! Вырастешь – дурнее его станешь!

– Это почему же? – обиженно потер ушибленную скулу Аскольд.

– Зачем ты ратмана Студнева к этому делу приплел?

– Чтобы на нас никто не подумал! Пока будут с ратманом разбираться, мы – вне подозрения.

– Мы и так вне подозрения, – мрачно буркнул Гена. – Мы ведь орки – зачем нам рояль?

– Главное, чтобы улики никаких не было, – полушепотом добавила Жанна.

С тоской посмотрев на родственников, Мара удрученно головой качнула.

– Ой, дураки... Вы что же, думаете, кто-то обвинит ратмана в том, что он из ратуши рояль украл?

– Нет, конечно! – улыбнулся Жора. – Кто же посмеет обвинять ратмана в воровстве! Ведь если сегодня обвинят одного, так завтра, выходит, можно обвинить другого. А послезавтра – всех остальных. Эдак и до самого Бургомистра добраться можно. А что это будет означать?

– Что?

– Крах всех устоев! Моральный и нравственный кризис общества! Распад, анархия и деградация! Расслоение всех слоев! Нагноение всех гнойников!.. Короче – всем хана!

– Значит, Студнева обвинять в воровстве не станут?

– Конечно нет. Но все будут знать, что это сделал он. А раз так, то к нам – никаких претензий.

– К тому ж у Студнева столько денег, что он может и новый рояль у этого Льюиса

купить.

– Деньги не у него, а у его папаша.

– Да какая разница!

– Нет, – покачал головой Гена. – Новый рояль Студнев покупать не станет. У ратманов так не принято. Им запахло собственные деньги на общественные нужды тратить. Вот пропить, прожрать – это другое дело.

– Можно еще и на баб потратить, – тихо шепнул Аскольд.

– Я те ща покажу баб! – замахнулась на племянника Мара. – Таких баб тебе покажу, что мало не покажется!..

Шенгенка почувствовала, что нить разговора ушла куда-то не в ту сторону. И вела теперь уже совсем не к тому, к чему она изначально клонила. Поэтому, пока еще не поздно, нужно было расставить все апострофы над рунами.

– Ратман Студнев, конечно, негодяй и вор. – Мара уперла кулаки в крутые бока и сурово поглядела на сжавшегося под ее взглядом в комок шерсти мужа. – Однако ж рояль он не крал!

Последние слова она буквально выкрикнула в лицо Алику. С рыком и волчьим оскалом.

Нормальный человек после такого мог бы стать зайкой. Но Алик был орком, и он это пережил. Чай, не впервой. Орки – они вообще живучие. Алик только утерся, посмотрел на жену и спросил:

– Ну и что? С него, чай, не убудет. Одним роялем больше – одним меньше...

За что схлопотал еще одну звонкую оплеуху.

– Хватит драться-то! – рыкнул на жену шенген.

Во всем должен быть свой порядок. Есть время получать затрещины и время затрещины раздавать. Жена, понятное дело, имела повод малость побеситься. Основания на то имелись – Алик это готов был признать. Не особо серьезные, но все же. Однако даже самая драчливая жена должна понимать, что нельзя пренебрегать таким понятием, как чувство меры. Иначе может случиться непоправимое.

Мара была умной шенгенкой, а потому не стала гнуть палку сильнее, чем позволял ее запас прочности.

– Рассказывай, – с грустью посмотрела она на мужа. – Мигрень ты моя хроническая.

– А чего тут рассказывать-то? – Уяснив, что его более не станут бить, Алик приободрился, усмехнулся и подтер рукавом нос. Орел, а не мужчина! – Все было задумано как надо. Хозяин чего велел-то? В зале все как следует прибрать. Хозяин – мужик толковый, правильный. Ну вот я и решил для него постараться. Для кого бы другого – ни за что б не стал! А для Бургомистра нашего дорогого – со всем душевным радушием...

Алик мог еще долго заливаться соловьем по поводу щедрот, любезностей, благоденствия и прочих восхитительных качеств доброго хозяина. Поэтому Мара сочла за должное вмешаться.

– И что ты на этот раз учудил, чудовище?

Она так и сказала «на этот раз». Из чего всякий внимательный слушатель мог сделать вывод, что этот прокол у Алика не первый. А потому шенген знал, как следует себя вести в такой ситуации.

Алик опустил голову, стыдливо потупил взор, спрятал руки за спину и негромко, скромно так, произнес:

– Кадавра.

Мара подалась вперед, как будто какой увалень что есть мочи толкнул ее в спину.

– Что?

Алик быстро глянул на жену из-под насупленных бровей.

– Кадавра, говорю, – и на всякий случай поинтересовался: – Ты что, оглохла?

– Нет, – медленно, с затаенной угрозой покачала головой Мара. – Я-то не оглохла. А вот ты, должно быть, совсем из ума выжил! Зачем тебе кадавр понадобился, ирод ты стоеросовый?

– А как бы я иначе пол в зале натер? – Алик, должно быть, вспомнил, что лучшая защита – это нападение, и тоже повысил голос. – Там же этот рояль огромный стоял!

– Рояль можно было в сторону сдвинуть!

– В сторону? Тогда бы на паркете полосы остались!

– Он прав, – быстро кивнул Жорик. – Прав, остались бы полосы.

Только произнес он это так тихо, что Мара не услышала.

– И что же ты своему кадавру велел сделать?

– Велел вынести рояль из зала!

– И он?..

– И он вынес!

– Куда?

– Понятия не имею, – немного растерянно пожал плечами Алик. – Я его больше не видел.

– То есть как это не видел?

– А вот так! – Алик демонстративно глянул сначала в одну сторону, затем в другую, а потом еще зачем-то и ногу поднял. – Где кадавр? Нету кадавра!

– Нет кадавра – нет и проблем, – заметил склонный к философским умозаключениям Гена.

– Так, хорошо. – Мара явно не была склонна соглашаться с выводами Гены, она лишь настраивала себя на нужный лад, прекрасно понимая, что разруливать тупиковую ситуацию, созданную надотепой-муженьком, как всегда, придется ей самой. – Теперь скажи мне точно, слово в слово, что ты приказал кадавру?

Алик сосредоточенно помассировал пальцами складки на лбу.

– Ну, я так сразу и не вспомню...

– А по башке? – предложила посильную помощь Мара.

– Хорошо, я постараюсь, – тут же изменил тональность речи Алик. – Значит так, – он несколько раз щелкнул пальцами, как будто стараясь поймать нужный ритм. А затем быстрой скороговоркой выдал: – Я сказал ей, возьми этот чертов ящик и оттащи куда подальше. Да, именно так!

Справившись с задачкой, поначалу казавшейся ему невыполнимой, Алик счастливо улыбнулся.

Но нет, Мара не разделяла его восторгов.

– Во-первых, ты понимаешь, что таким образом формулировать задание для трупа может только полный идиот?.. Хотя о чем я спрашиваю? Конечно же, нет!

– Ну почему же? – обиделся Алик.

– Потому что если бы ты это понимал, то никогда бы не отдал трупу такого идиотского приказа!

– Логично, – подумав, согласился Алик.

– Второе. «Я сказал ей» – я правильно тебя поняла?

– Ну, это смотря в каком смысле, – задумчиво закатил глаза Алик.

– Труп был женского рода?

– Во всяком случае, мне так показалось... Или, может быть, мне хотелось так думать.

– Из чего ты его создал?

– Из старого манекена, что валялся в подвале. Он был никому не нужен. Точно. Я спрашивал у хозяина – он велел мне ее сжечь.

– Так это был женский манекен?

– Возможно, – попытался уйти от прямого ответа Алик.

– Точно, женский! – улыбнулся Гена и, подняв обе руки, изобразил то, что именно давало ему право признать манекен женской копией.

Мара живо представила себе эту картину – манекен с четко прорисованными женскими формами среди ночи тащит из Желтого Дома рояль. Интересно, что могли подумать видевшие ее честные граждане Централя? Хотя, конечно, все честные граждане ночью спят. Если бы кто-то из них видел среди ночи трупа с роялем, то в городе уже поднялся бы шум. А между тем в утренних новостях, которые Мара слушала, готовя завтрак, не было ничего сенсационного. Ну разве что только хозяин филателистской лавки на площади Звезды непонятно с чего вдруг повесился. Так с кем не бывает?

– Вы ее хотя бы одели? – строго посмотрела Мара сначала на главного злоумышленника, а затем на его поделщика.

Те быстро переглянулись. Улыбнулись как-то странно – Маре это совсем не понравилось. И дружно кивнули.

Глава 6

От Академии до Первого круга Централя монорельсом чуть больше часа.

Гиньолю повезло. Необремененный багажом, он едва ли не первым выскочил на привокзальную площадь и поймал одно из немногочисленных такси. В противном случае пришлось бы еще с полчаса трястись в переполненном трамвае. А так он уже к ужину был дома. Улица Дзуйхицу – это уже почти на границе Первого и Второго круга. Зато здесь не в пример тихо и спокойно. И трамвайная остановка всего в двух минутах ходьбы от дома. Такси, что и говорить, штука удобная, но оно не всегда оказывается там, где нужно. А трамвай ходит четко по расписанию.

Взбежав по невысокой лесенке, Гиньоля, как всегда, с чувством затаенной гордости глянул на овальную фарфоровую табличку, которую он сам выбрал в мастерской – дом два, дробь двадцать один, – распахнул дверь и радостно улыбнулся, услышав мелодичный

перезвон любимого колокольчика.

– Я дома! – возвестил Гиньоль, переступая порог.

В дом на улице Дзуйхицу Гиньоль перебрался без малого одиннадцать лет назад. Тогда он только-только начинал свое дело, которое, по первому времени, даже ему самому казалось в некоторой степени необычным, и ему требовалось помещение под офис. Ну а раз уж подвернулся такой замечательный дом в не менее замечательном местечке, Гиньоль решил и сам сюда перебраться. Чтобы не бегать на работу каждый день, а все свое время посвящать работе. Благо работа была интересная, захватывающая и порою опасная. Что еще требуется для того, чтобы почувствовать себя живым и здоровым мужчиной в полном расцвете сил?

Гиньоль кинул трость в подставку, сделанную из задней ноги пятирога, и прошептал в расположенную на первом этаже гостиную.

Поначалу Гиньоль снимал только два верхних этажа. На четвертом, среди подсобных помещений, располагалась небольшая спальня. На третьем – кабинет и гостиная, в которой Гиньоль принимал посетителей. Через три года, когда штат фирмы несколько расширился, финансовые возможности перестали внушать опасение и мысль о завтрашнем дне уже не сверлила мозг, как червяк прогнившее яблоко, Гиньоль решил выкупить все здание. Теперь на первом этаже, в столовой и кухне, хозяйничала невысокая, чуть полноватая дама средних лет по имени Туанона. Она также исполняла обязанности сиделки, ухаживающей за Франтишекком Йи.

Франтишек Йи жил на втором этаже. Комната его располагалась точно под гостиной, в которой Гиньоль разговаривал с клиентами. И это была не случайность. Франтишек Йи обладал уникальными сенситивными способностями. Ему не всегда удавалось прочесть мысли человека на расстоянии, зато он безошибочно мог уловить его чувства. Специальный вентиляционный ход позволял Франтишеку слышать все, о чем Гиньоль разговаривал с посетителем. И если что-то было не так или хотя бы казалось Франтишеку подозрительным, он тут же подавал Гиньолю знак с помощью особой сигнальной системы. Таким образом, Гиньоль всегда был в курсе, насколько искренен с ним клиент. А кроме того, мог многое узнать о складе его характера, а значит, и об истинных намерениях, приведших человека к тому, кто может решить любую проблему. И, надо сказать, удивительная способность Франтишека не только во многом облегчала Гиньолю жизнь, но также дважды ее спасла. Франтишек вовремя почувствовал и успел дать знать Гиньолю, что очередной посетитель горит жаждой мести. И причины у него на это, похоже, имеются. А под курткой спрятан ятаган – это в первом случае, отравленное шило – во втором.

Вот так-то!

Гиньоль встретил Франтишека Йи в одно из теплых марковских воскресений, прогуливаясь по Мемориальному кладбищу ветеринаров. Вокруг цвели и благоухали цветы, порхали бабочки, жужжали пчелки, мило улыбались необыкновенно красивые в этот удивительный весенний день женщины и мерзко вопили младенцы. Само собой, Гиньоль не просто так решил прогуляться туда, где каждый централец хотя бы раз назначал встречу и, как минимум, трижды – свидание. Он, как всегда, делал свое дело. Дело, с которым никто другой не смог бы справиться. Дело было настолько конфиденциальным, что мы не станем ничего о нем рассказывать. Мы даже не назовем имя того, чью проблему решал в этот час

Гиньоль, поскольку даже его инициалы слишком хорошо известны.

Да и не важно это!

Для нашей истории значение имеет лишь то, что на черной мраморной плите, под которой, если верить золоченой надписи, покоился бранный прах Жана-Клода Фрера – ну а уж кто такой Жан-Клод Фрер, надо думать, объяснять никому не нужно! – Гиньоль увидел нечто, что потрясло его воображение до самых глубин. А после, когда все устаканилось, снова всплыло на поверхность. Все верно – это был он, Франтишек Йи.

Что Франтишек делал на Мемориальном кладбище ветеринаров? Он и сам этого не знал. Скорее всего, искал тишины и успокоения. А может быть, и забвения заодно. От всех и вся.

Франтишеку Йи было нелегко. Во всех отношениях.

Начать хотя бы с того, что он был круглым сиротой, никогда не знавшим ни своих родителей, ни братьев с сестрами, ни дядей с тетками, ни даже деда с бабушкой. Младенцем его подбросили к дверям сиротского приюта имени Эволюционной теории. В коробке из-под пиццы.

По единодушному мнению работавших с Франтишеком психологов, именно это обстоятельство – коробка из-под пиццы, – которое работники приюта не потрудились скрыть от маленького подкидыша, стало причиной его нездоровой тяги к еде. К любой еде. В любом виде и в любой консистенции. К еде как к процессу и как к совокупности продуктов питания. Единственное, что совершенно не интересовало Франтишека, это еда как философия.

Франтишек ел постоянно. Он безостановочно что-нибудь жевал. Он заталкивал себе в рот все, что попадало под руку. И при этом, что удивительно, не испытывал ни малейших угрызений совести, терзающих патологических обжор. Из чего можно было сделать вывод, что Франтишек вовсе не был обжорой. Он просто любил поесть. Как следует. А в приюте ему это никогда не удавалось. Сами знаете, что такое сиротский приют.

Франтишек рос с немыслимой, можно даже сказать чудовищной, устрашающей скоростью. Он не только раздавался в ширину, набирая вес, но и вытягивался вверх. Сначала он стал на голову выше всех своих сверстников. Затем перерос тех, кто был на пять лет старше его. К двенадцати годам он сверху вниз смотрел на строй марийских гренадеров. А в марийские гренадеры, как известно, коротышек не берут.

Но и на этом Франтишек не остановился. Он продолжал расти.

Воспитанник Йи ел за пятерых. Одежду для него приходилось шить на заказ. Все это было весьма и весьма обременительно для скудного приютского бюджета, в который то и дело залезала чья-нибудь загибающая лапа. Поэтому, когда Франтишек решил покинуть приют, никто возражать не стал. Ему даже выправили документы, как для взрослого. Сделать это было не сложно, поскольку выглядел он вполне по-взрослому.

Отправляясь в большой мир, Франтишек был полон радужных ожиданий. Однако мир встретил большого человека, как каменная стена врезавшегося в нее мотоциклиста. Люди не желали принимать гигантского толстяка в свое общество. Они не считали его своим, потому что видели в нем не свое отражение, а уродливую пародию на человека. Что поделаешь, люди хотят видеть себя такими, как сами они себя представляют. Не задумываясь о том, какие они есть на самом деле. И когда они видят что-то, не соответствующее их представлениям, они

считают, что перед ними кривое зеркало. И приходят от этого в бешенство.

Франтишека дразнили. Его обзывали. С ним не желали разговаривать. В него кидали палки, камни и кожуру апельсинов. Его отовсюду гнали прочь.

Франтишеку было грустно и обидно. Обидно втройне из-за того, что, будучи чувствительным, он видел, какие мелкие, грязные душонки у тех, кто без всякой на то причины обзывал его последними словами. От страшной обиды Франтишек ел все больше и становился все толще. Раста вверху он перестал, а потому все шире и шире раздавался в стороны.

Он приходил на Мемориальное кладбище ветеринаров, потому что здесь было тише и спокойнее, чем в других известных ему местах. Здесь он садился возле понравившегося ему надгробия и предавался размышлениям о тщете и суетности всего сущего. Проходившие мимо принимали его за скорбящего по усопшему. На него и здесь бросали неприязненные взгляды. От него воротили носы – а ведь Франтишек следил за своим огромным телом, хотя это было и нелегко. Но здесь, по крайней мере, в него ничего не бросали. И не кричали, чтобы он убирался куда подальше.

Гиньоль был не похож на других людей. Потому, едва завидев огромное, перепоясанное многочисленными складками жира тело Франтишека, растекшееся по надгробной плите на могиле Жана-Клода Фрера, он понял, что перед ним нечто, не вписывающееся в рамки обыденности. Проще говоря, нечто удивительное. Еще проще – чудо.

Он подошел к необъятной груде плоти, коснувшись двумя пальцами полей шляпы, вежливо представился и поинтересовался, не требуется ли господину помощь.

– Вы это серьезно? – спросил Франтишек, не поднимая головы.

Он не любил смотреть на тех, кто над ним насмеялся.

– Вне всяких сомнений! – ответил Гиньоль.

Франтишек медленно поднял голову и посмотрел на Гиньоля своими маленькими грустными глазками.

– Вы хороший человек, – сказал он.

– Кто бы сомневался! – согласился с ним Гиньоль.

Это стало началом большой и долгой дружбы.

Франтишек стал помощником Гиньоля и переехал жить в дом 2 дробь 21 по улице Дзуйхицу. Со временем – хотя это может показаться невероятным, – он сделался еще толще. Ему стало трудно выходить из дома, и он почти все время проводил в своей комнате. Затворничество отнюдь не тяготило Франтишека. У него были книги, которыми Гиньоль снабжал его в избытке, и три волнистых попугайчика. Он звал их Му, Ма и Титикака. Мир за стенами дома перестал для него существовать еще до того, как Франтишек встретил Гиньоля. Он сам отказал этому миру в праве на существование. Кому нужен мир, который приносит лишь страдания и боль?

Врачи, самые именитые, которых неоднократно приглашал к Франтишеку Гиньоль, только в растерянности качали лысыми головами. Они ясно видели перед собой человека, страдающего патологическим ожирением. Настолько патологическим, что, вообще-то, его можно было назвать несовместимым с дальнейшей жизнедеятельностью организма. Однако ж толстяк был жив. Мало того, за исключением проблем с перемещением в пространстве и

телесной моторикой – он, к примеру, не мог дотянуться кончиками пальцев правой руки до локтя левой, – у пациента не наблюдалось никаких проблем со здоровьем. Все его органы работали если и не замечательно, то вполне удовлетворительно. Хотя им давно уже полагалось заплыть жиром и выйти из строя. Медики никак не могли объяснить сей странный феномен. Им оставалось лишь констатировать, что такова уж природная особенность Франтишека Йи. И сожалеть, что им ничего не известно о его родословной. Как сказал Гиньолью один из врачей, Франтишек не толстел из-за того, что много ел, а много ел, потому что постоянно толстел. В чем тут разница, Гиньоль, признаться, так и не понял. Но он и без того был рад, что у его друга нет проблем с внутренними органами.

Ну а для того, чтобы присматривать за тем, что снаружи, была приглашена сиделка. Туанона, женщина немолодая и одинокая – из родственников у нее остался лишь троюродный брат, проживающий в Ротонде, с которым она последний раз виделась пятнадцать лет тому назад, – всю свою заботу обратила на Франтишека. Порой Гиньолью казалось, что Туанона относится к Францу, как к собственному сыну. Они вместе читали и кормили попугайчиков. Или рассказывали друг другу истории своих нелегких жизней. Туанона отходила от своего подопечного, только когда Гиньоль ждал посетителя, а следовательно, и Франтишека ждала работа. Спустя месяц или полтора после своего появления в доме на улице Дзуйхицу, насмотревшись на то, как Гиньоль и Франтишек изо дня в день едят готовую пищу, что приносил им разносчик из близлежащей харчевни «Рыбка-На-Спинке», Туанона предложила за небольшую доплату заняться кухней. Гиньоль же взамен предложил Туаноне перебраться жить в комнату рядом с кухней. На что женщина с радостью согласилась. Она и без того почти все время проводила в доме на улице Дзуйхицу. И только ночевать ездила едва ли не на другой конец города, где у нее была крошечная комнатенка, в которой едва помещались раскладная кровать и пристенный столик. Ее нелегально сдавал Туаноне вороватый комендант общежития спортивного клуба ДОСААФ – «Добровольного общества самых активных апологетов фехтования». Ни разу не пробовавший стряпни Туаноны, Гиньоль понимал, что идет на определенный риск, беря ее на должность кухарки. Но ему не пришлось жалеть о своем решении. Туанона оказалась кухаркой, о которой можно было только мечтать. В ее руках любые продукты превращались в фантастические, изысканные яства. Проза слишком бедна для того, чтобы описать создаваемые Туаноной блюда. Феерия вкусов и запахов была достойна того, чтобы о ней слагались стихи, строфы которых затем высекались бы в мраморе! Кроме того, Туанона взяла на себя и уборку дома. От денег, которые предложил ей за это Гиньоль, Туанона с гордым видом отказалась, ответив, что она всего лишь наводит порядок в доме, в котором живет. К тому же потребности у Туаноны были невеликие, и денег, что уже платил ей Гиньоль, с лихвой хватало на полное их удовлетворение. Да еще и про запасаец кое-что оставалось. Никогда еще прежде Туанона не чувствовала себя такой богатой. И такой счастливой, как в доме Гиньоля.

Последняя, о ком следует рассказать, раз уж речь зашла об обитателях дома на улице Дзуйхицу 2/21, это Мадлона. Она была единственным приходящим работником в доме Гиньоля. Мадлона работала секретаршей и делопроизводителем. Проще говоря, отвечала на звонки, встречала посетителей, вела деловую переписку, расшифровывала магнитофонные

записи, которые делал Гиньоль, следила за архивом и картотеккой, обновляла персональный сайт Гиньоля и просматривала периодику, выискивая странные происшествия, которые могли бы привлечь внимание человека, решающего любые проблемы. Мадлона была довольно необычной молодой особой. Впрочем, как и все остальные обитатели дома на Дзуйхицу. Крашеная блондинка с короткой стрижкой, двадцати трех лет, в неизменно круглых очках в тонкой металлической оправе – Мадлона могла бы выглядеть симпатично, если бы только приложила к этому некоторые усилия. Однако собственная внешность, похоже, интересовала ее в последнюю очередь. Что интересовало Мадлону в первую, вторую и третью очередь, не знал никто. Прежде чем принять Мадлону на работу, Гиньоль, как и полагается, навел о ней справки. Девушка была из хорошей, обеспеченной семьи. Ее родители пребывали в добром здравии и вовсе не стремились поскорее выставить дочку за порог родного дома. То, что Мадлона решила найти себе работу, было ее собственной инициативой. Даже несмотря на неброскую внешность, у Мадлоны могло бы быть немало кавалеров. Хороший дом, хорошие родители и хорошее наследство легко могли обеспечить ей хорошего жениха. Но Мадлона замуж не торопилась. Более того, казалось, что замужество вообще не интересует ее. Так же, как и почти все остальное. Родители Мадлоны позаботились о том, чтобы дочь получила хорошее классическое образование. Девушка получила диплом с отличием. Но это не привило ей любви ни к живописи, ни к музыке, ни к театру. Зато она взахлеб читала все книги, какие ей только попадались, начиная с античных философов и заканчивая психосоматическим бредом писателя-таксидермиста Федора Беликина, и смотрела все фильмы, что выходили в прокат или на видео. Гиньоль выяснил, что раз в две недели Мадлона непременно перечитывала «Золотую ветвь» и пересматривала «Мертвеца». Для молодой девушки выбор довольно странный. Но Гиньоля такой вариант устраивал. Еще одной особенностью Мадлоны было то, что из-за невротического склада характера она часто плакала. По любому поводу. А то и вовсе без оного. Она могла расплакаться, если Гиньоль был чем-то недоволен. Или если он делал ей комплимент. Или если, боясь, что она снова заплачет, Гиньоль отводил взгляд в сторону и быстро пробежал мимо. Но при всем при том работу свою Мадлона выполняла безупречно. И за те три года, что она работала у Гиньоля, не пропустила ни одного дня. Гиньоль не отдавал себе в этом отчета, но он настолько привык к кажущейся незаметной помощи Мадлоны, да и просто к самому ее присутствию, что, если бы вдруг девушка решила уйти с работы, он не знал бы, что делать и где искать другую такую же безукоризненную секретаршу.

Вот такая несколько странная в некоторых своих проявлениях компания обитала в доме 2 дробь 21 по улице Дзуйхицу.

Теперь можно вернуться к тому, с чего начали.

Гиньоль вошел в дом, кинул трость в подставку из задней ноги пятирога, громко возвестил о своем прибытии и, не получив ответа, проследовал в гостиную.

На круглом столе, покрытом васильковой скатертью, стоял большой термopоднос с серебристой крышкой. Наклонившись, Гиньоль увидел на крышке свое искаженное лицо. Огромные, страшно вытаращенные глаза, приплюснутый нос, широкие скулы, будто вываливающиеся изо рта губы и оттопыренные уши. Впрочем, отражение его мало интересовало. Видеть свое изуродованное перспективой лицо стало для него привычным с

тех пор, как Туанона принялась чистить и полировать все, что только можно. Куда интереснее было узнать, что находится под крышкой. Туанона никогда заранее не говорила, что подаст к столу. Гиньоль даже подозревал, что кулинария Туаноны – это сплошная импровизация на тему имеющихся в наличии продуктов и она сама заранее не знает, что у нее получится. Поэтому, прежде чем поднять крышку с термopодноса, Гиньоль всегда делал паузу, пытаясь угадать, что увидит под ней на этот раз. Почти никогда ему это не удавалось.

Гиньоль медленно протянул руку к крышке и сладострастно улыбнулся. Взгляд он при этом отвел в сторону, чтобы не видеть собственного отражения. Взгляд скользнул по синей скатерти и встретился с самим собой. На него глядел ужасающий, похожий на драконий, глаз, растекшийся по ложке.

Насколько же неопределенна окружающая нас реальность, с затаенным трепетом подумал Гиньоль. Луч света всего лишь немного отклоняется в сторону – и ты превращаешься в монстра! Гиньоль любил немного пофилософствовать перед едой. Он полагал, что хорошие мысли способствуют здоровому пищеварению. И наверное, он был прав.

Гиньоль на секунду прикрыл глаза и попытался представить, что находится под крышкой. Там лапша с говядиной под кисло-сладким соусом, непонятно с чего вдруг решил он. Между тем как внутренний взор его созерцал тарелку с яичницей-глазуньей из двух яиц и маленьким кусочком поджаренного хлеба. Но Гиньоль был уверен, что Туанона не могла поступить с ним столь жестоко.

Определенно – не могла!

Гиньоль улыбнулся с надеждой и верой в человеческую доброту. И – вздрогнул от сурового окрика.

– Господин Гиньоль!

Гиньоль вскинул голову, будто пойманный с поличным жулик.

В дверях стояла Туанона. Спрятав руки под фартук и сурово сдвинув брови, домработница смотрела на Гиньоля так, будто застала его за чем-то в высшей степени непристойным.

– Туанона, – мягко, но все же с укоризной произнес Гиньоль. – Если ты будешь продолжать в том же духе, то скоро я стану заикой.

– Лучше стать заикой, чем заработать дизентерию! – изрекла, как приговор, Туанона.

– С чего бы вдруг? – Гиньоля явно не устраивала такая перспектива.

– Вы пришли с улицы и не вымыли руки!

– Я их мыл! – без зазрения совести солгал Гиньоль.

– Нет, не мыли!

– Почему ты так в этом уверена?

– Потому что, господин Гиньоль, вы даже шляпу не сняли!

– В самом деле? – Гиньоль поднял руку и снял с головы шляпу.

– Ну?

– Я очень, очень хочу есть, Туанона.

– Это не повод для того, чтобы садиться за стол в шляпе и с грязными руками!

– Я в своем доме, в конце-то концов! – попытался настоять на своем Гиньоль. – И могу

делать здесь все что пожелаю! Даже есть с невымытыми руками! Потому что, в конце концов, у меня есть вилка!

– Ах, так, – Туанона заметно понизила голос и слегка прищурилась.

Гиньоль сразу понял, что это означает, и быстро выбросил перед собой руку в предупреждающем жесте.

– Нет, не так, Туанона!..

– Если вы дадите мне понять, что это не мой дом!.. – Домоправительница развязала и сняла фартук.

– Туанона, ты все неправильно поняла!..

– Я вынуждена уйти! – Туанона бросила фартук на спинку стула. – Прощайте, господин Гиньоль! Прощайте навсегда!

В двери столовой заглянула Мадлона, с кожаной папкой, прижатой к груди.

– Что у вас тут происходит?

– Туанона опять уходит! – пожаловался секретарше Гиньоль.

– Ах вот оно что, – Мадлона шмыгнула носом. – Тогда я лучше подожду за дверью. – Губы девушки задрожали, глаза наполнились слезами. – Я не могу выносить это зрелище, – промямлила она и выбежала в гостиную.

– Ну вот видишь, Туанона! – указал ей вслед Гиньоль. – Расстроила девушку!

– Это ваша вина, – ничуть не смутилась кухарка. – Я ухожу!

Гиньоль, наблюдавший подобное уже не первый раз, отлично знал, что никуда Туанона не уйдет. Уже хотя бы потому, что ей некуда было идти. Но всякий раз, если кто-то в доме пытался нарушить ее правила, которых, следует признать, было не так уж много, она заявляла, что уходит. Наверно, проще всего было бы указать ей на дверь, чтобы раз и навсегда покончить с этим спектаклем. Но Гиньоль не мог так поступить. Он считал, что самоутверждаться за счет других, в особенности более слабых, это самое мерзкое, что можно откопать в человеческой натуре. Поскольку ничто человеческое ни одному из нас не чуждо, Гиньоль тщательно следил за тем, чтобы не допускать подобных промахов. Ну а кроме всего прочего, если вдруг Туанона возьмет да и на самом деле уйдет? Где он найдет другую такую домохозяйку?

– Хорошо, Туанона. – Гиньоль сделал мягкий, успокаивающий жест рукой с открытой ладонью. Как будто перед ним был хищник. Не особенно свирепый, но все же опасный. – Ты меня убедила. Видишь, я уже снял шляпу. А сейчас я пойду и вымою руки.

– Точно? – Во взгляде Туаноны не столько недоверие, сколько торжество.

– Я обещаю, Туанона, что не притронусь к еде, пока не вымою руки. Только надень, пожалуйста, фартук.

– Ну... хорошо, – вроде как сделав над собой усилие, Туанона накинула фартук и завязала его сзади красивым узлом. – Надеюсь на ваше благоразумие, господин Гиньоль. Помните, вы спите, а дизентерия – нет!

– Можно только один вопрос, Туанона?

– Конечно, господин Гиньоль. – Домработница вновь сложила руки под фартуком и выжидающе посмотрела на хозяина.

– Что сегодня на ужин?

– Яичница-глазунья с гренками.

Нужно доверять интуиции, сделал вывод Гиньоль.

Глава 7

– Ты куда собралась?

– Не твое дело!

Мара хлопнула дверью перед носом мужа, взбежала по выщербленным ступенькам и оказалась на заднем дворе ратуши. Поправив широкий цветастый платок на плечах, шенгенка направилась к грузовику, из открытого кузова которого Гена с Жорой выгружали картонные ящики с продовольственными заказами для членов Городского Совета.

Это была какая-то давняя традиция или даже ритуал, смысл которого чужакам, к каковым относились и орки-шенгены, было не понять. Каждую неделю в ратушу привозили продукты из большого магазина Беренштайна, расположенного тут же, на Ратушной площади, прямо напротив Желтого Дома. Заказы были заранее оплачены и разложены в картонные коробки в соответствии с аккуратно составленными списками. На следующий день коробки с продуктами, опять же строго по списку, выдавались членам Городского Совета. Которые радовались этому, как дети новогодним подаркам. Взрослые люди, государственные, можно сказать, мужи перебирали содержимое своих коробок, хвалились друг перед другом тем, что там находили, как будто это было нечто удивительное, бесценное, доступное только им одним. Наблюдая за всем этим сквозь щелку чуть приоткрытых дверей, орки только диву давались. Чему радуются эти странные люди? Все то же самое, по той же цене можно было купить, перейдя на другую сторону площади. Орки ничего не понимали. И весь следующий день ходили с огромными удивленными глазами. Служащие из местных относились к еженедельному ритуалу куда более спокойно. Они тоже не понимали смысл странного действия, но в отличие от шенгенов коренные жители Централя привыкли относиться со снисхождением к причудам и странностям обитателей Желтого Дома. В конце концов, на то они и члены Городского Совета, чтобы быть не такими, как все. То есть вести себя не по-людски, думать не по разумению и искать решение всех проблем на потолке зала заседаний. Иначе у граждан Централя могло сложиться мнение, будто в существовании членов Городского Совета и вовсе нет никакого смысла. А это ведь, согласитесь, обидно.

Мара подошла к сидевшему в кабине грузовика гному. У гнома был широкий клетчатый берет, лихо заломленный на правое ухо, и модно заплетенная в косичку рыжая борода. Томясь от вынужденного безделья, гном что-то тихонько напевал, выстукивая ритм пальцами по рулевому колесу.

– Здравствуйте, господин Визель, – обратилась Мара к гному, встав на подножку.

Гном улыбнулся Маре. Он уже не в первый раз доставлял продовольственные заказы в Желтый Дом. А поскольку он и сам был в Централе пришлым, то с такими же, как и он, чужаками поддерживал хорошие отношения. А Мара внушала ему уважение. Из всей компании орков-шенгенов, работающих в ратуше, она была самой спокойной, уравновешенной и здравомыслящей. Визель даже подозревал (и, надо сказать, не без оснований), что именно она здесь всем заправляет, а вовсе не ее безбашенный муженек.

– Вечер добрый, почтенная Мара. – Гном коснулся двумя пальцами края берета.
– У вас это последний рейс, господин Визель? – вежливо осведомилась Мара.
– Да, отработал, – улыбнулся гном. – Как только ваши друзья машину разгрузят, еду в гараж.

– Ваш гараж, насколько мне известно, находится на Левом берегу?

– Да, в Шепелявой слободке.

– А могу ли я, господин Визель, попросить вас подвезти меня?

– Ну, если это по пути...

– Иначе бы я и просить вас не стала. Мне бы в Холопень.

– Извиняюсь, почтенная Мара, но в сам Холопень не поеду. Он хоть мне и по пути, но я его стороной объезжаю. Там народец, извиняюсь, бестолковый, правильно парковаться не умеет. И правилам дорожного движения вовсе не обучен. Там два местных олуха, ежели упрутся друг в друга бамперами, так и будут стоять, потому что ни один не желает дорогу уступать. А вокруг еще народ соберется, начнет судить да рядить, выясняя, кто прав, кто виноват. Нет, почтенная Мара, при всем моем уважении, в Холопень не поеду. Ежели желаете, на окраине, возле Обруча вас высажу.

– Вы сама любезность, господин Визель.

Мара открыла дверцу и забралась в кабину. Поправив платок, она обернулась и постучала в заднее окошко.

– А ну, пошевеливайтесь! – прикрикнула она на родственничков.

Гена с Жорой забегали веселее. И стали брать не по одной коробке, а по две за раз.

– Я смотрю, вы своих помощников в строгости держите, – лукаво прищурился гном.

– А иначе с ними нельзя, – даже не улыбнулась Мара. – Им только дай волю – будут целый день бездельничать.

Выкинув из кузова последнюю коробку, Жора закрыл задний борт, свистнул и махнул водителю рукой – поезжай, мол.

Глядя вслед отъезжающей машине, орк задумчиво почесал колено.

– Куда это она? – озадаченно пробормотал Жора.

– Не знаю, – безразлично пожал плечами Гена.

– Непорядок это, – неодобрительно покачал головой Жора.

– Почему?

– Потому что непорядок.

– Ну, не знаю... Маре виднее.

– Так-то оно так... Да только все равно – непорядок!

Жора ногой приподнял крышку ящика, на которой было написано: «Ратман Баксбаги – 386 гр. 7 тр.». Соленые огурцы, шпроты, плавленый сырок, баклажанная икра, пять банок тушенки, палка сырокопченой колбасы «Академическая».

– Как ты думаешь, зачем члену Городского Совета вся эта дрянь?

– Откуда я знаю?... Может, есть будет?

– Ты бы это стал есть?

– Ну, если бы очень приперло...

– Так он же ратман, дурья твоя башка! Как его может припереть?

– Ну почему мне-то знать? Может, у ратмана тоже проблемы бывают.

– Может, и бывают. Только не денежные. – Жора взял банку тушенки, повертел в руках и кинул назад в коробку. – Даже стащить не хочется. Были бы яблоки. Или лимоны. А так – дрянь одна.

– Мара ничего брать не велела.

– А Мара ничего и не узнает. Мара куда-то укатила. – Жора обратил лицо к напарнику и многозначительно повел бровью. – С гномом.

– Да ладно тебе! – махнул рукой Гена.

– Мне-то ладно. А Алику какво?

– Если Мара узнает, чего ты тут болтаешь...

– А откуда она узнает?

– Не знаю.

– А не знаешь – так и молчи!

Гена недовольно насупился и схватил ящик.

– Ты чего?

– Ничего.

– А чего тогда за ящик ухватился?

– Болтаем много, а работа стоит.

– И что?

– Ничего... Сериал скоро начнется.

Мара сериалы не смотрела. Не потому, что не любила, а потому, что забот у нее было куда больше, чем у Гены с Жорой, вместе взятых. Гена с Жорой, в кооперации с ее благоверным, умели только создавать проблемы. Ей же приходилось после них все разруливать и улаживать. Поэтому вместо того, чтобы усесться под вечер с вязаньем у телевизора, Мара с водителем-гномом ехала в левобережный квартал Холопень.

Гном Визель, как и почти всякий водила, любил поболтать за рулем. Однако ж он сразу заметил, что Мара выглядит озабоченной, как никогда. Сидя рядом с водителем, шенгенка все время хмурилась, морщила лоб и смотрела через лобовое стекло куда-то вдаль. Видно, не до разговоров ей сейчас, решил Визель. И не стал донимать Мару своей болтовней.

А между тем поболтать-то ему ох как хотелось!

Визель жил один. Выпивал редко и весьма умеренно. В карты, домино и кости так и вовсе не играл. Поэтому в компании других гномов ему было неинтересно. Да и они смотрели на него как на чудака. Визель приехал в Централь десять лет назад. В Гефлинге, где он прежде жил, только и говорили о том, что в Централье можно запросто денег заработать. Сколько хочешь. Вот он и думал, отправляясь в путь, что подзаработает малость деньжат и вернется назад, в Гефлинг. Дом купит, семьей обзаведется. В общем, будет жить как все. А вместо этого так и осел в Централье. В машинах Визель разбирался отлично, у хозяина гаража был на хорошем счету. Поэтому и работу ему всегда доверяли ответственную, а значит – денежную да не пыльную. Вроде доставки тех же продовольственных заказов в Желтый Дом. Ну, разве нашел бы он такую работу в Гефлинге? Да ни за что в жизни!

Вот так и остался гном без родины.

Да если б только он один!

Мара тоже поначалу считала дни до того, как все они вернутся в Шенген. Сначала дни. Потом – месяцы. Годы. Пока вовсе не перестала считать. По-видимому, решила Мара, они застряли здесь навсегда. По-видимому – это чтобы еще оставалась какая-то лазейка. Слабая, но надежда, что они еще смогут вернуться в Шенген. Хотя, если бы кто-то, ну, к примеру, тот же Визель, спросил Мару, а зачем им, собственно, возвращаться, она бы не нашла что ответить.

А в самом деле, зачем?

В Централле жизнь – не сахар. Но в Шенгене-то и такой никто не видывал.

Машина переехала по мосту речку Салу, свернула налево, миновала Снарядье и на Пятипутье выбрала дорогу, на которую указывала стрелка с надписью «Холопень».

Холопень был районом, пользующимся не сказать что совсем уж дурной, но и не очень-то хорошей славой. Именно поэтому добропорядочный гном Визель предпочитал объезжать его стороной. А вот туристы, в особенности те, что впервые оказались в Централле, слетались в Холопень будто мухи на мед. Холопень предлагал всем и каждому развлечения на любой вкус и цвет. От самых безобидных до почти нелегальных. Почти – потому что даже здесь, в Холопени, грань закона никто преступать не собирался. Однако ж специально для заезжих любителей запретных наслаждений создавалась соответствующая атмосфера, оказавшись в которой туристы были уверены, что погрузились на самое дно ужасного и жестокого криминального мира. В подобной обстановке даже безобидная игра в домино казалась чем-то манящим и даже, может быть, немного порочным. Одним словом, за деньги, которые они оставляли в Холопени, туристы получали бездну самых ярких, не сравнимых более ни с чем ощущений. Которыми по возвращении домой они спешили поделиться с друзьями и родственниками. А те, в свою очередь, доведись им оказаться в Централле, первым же делом отправлялись в Холопень.

Визель высадил Мару у Обода. Так почему-то называлась большая полукруглая площадь, на которой останавливался трамвай, также обходивший Холопень стороной. На площади находился эльфийский ресторан «Ешь-пей сколько влезет», игорный дом «Гномья слободка», кинотеатр «Орочья нора», магазин «Все что надо» и еще десятка полтора заведений помельче. Не считая лотков и палаток, торгующих сувенирами, сладостями, фастфудом, путеводителями и прочей дребеденью, столь милой сердцу всякого уважающего себя туриста.

Мара почти сразу свернула с главной улицы, носившей имя Наставника Хакуина, в крошечный, почти незаметный проулок между разукрашенной аляпистыми розовыми цветами кондитерской мамы Мопассан «Пышка» и выдержанным в строгих готических тонах похоронным бюро Банди и сыновей «Мертв по прибытии». В безымянный сей проулок мало кто заглядывал, зато все, проходившие мимо, кидали в него мусор. Повсюду валялись обрывки газет, скомканные целлофановые пакеты, обертки от шоколадок и мороженого. Да к тому же стоял ядреный запах соленых огурцов трехлетней выдержки. В проулок не выходило ни одно окно, но двери временами встречались. Крепко сколоченные, обитые железными полосами двери. Что могло скрываться за такой дверью? Да, в общем, все что угодно. Не забывайте, что дело происходило в Холопени. Где, в принципе, можно ожидать всего. Вплоть до встречи с самим Сальвадором Дали.

Миновав с десяток наглухо запертых дверей, Мара остановилась возле той, что была ей нужна, и тихонько постучалась. С минуту за дверью царил тишина. Затем истошно заскрипел похоже, что очень старый, ржавый засов. Дверь приоткрылась самую малость. В образовавшуюся щель виден был только большой желтый глаз, казалось, светящийся во мраке.

– Я к почтенному Кроули, – тихо произнесла Мара.

– Вам назначено? – так же тихо спросило желтоглазое существо.

Голос у него был странный. Не мужской и не женский. Не старый и не молодой. Не злой, не добрый, не подозрительный. Вообще – никакой. Словно и не голос это был вовсе, а снова проскрипел тот же самый ржавый засов.

– Я по неотложному делу, – ответила Мара.

– Насколько неотложному?

– Настолько, что я приехала в Холопень за два часа до темной стороны додекаэдра.

– Холопень – хорошее место.

– Я не утверждала обратного.

– Но мне показалось...

– Мы будем говорить или дело делать?

– Вот, все вы так... Все...

Продолжая что-то бормотать себе под нос, если, конечно, у него был нос, желтоглазое существо приоткрыло дверь чуть шире и отступило во мрак.

Мара безбоязненно шагнула через порог. Ей и прежде доводилось бывать в этом доме. Не часто, но доводилось. Место было не из тех, куда ходят просто так, чтобы время скоротать. Сюда приходят, только когда уже припрет. По-настоящему, серьезно припрет. А иначе здесь и делать нечего.

В прихожей было темно и тихо. Как в могиле. Но пахло почему-то горчицей и розмарином. По прошлым своим визитам Мара знала, что темнота эта обманчивая. Нужно было только выждать какое-то время, дать глазам привыкнуть. И тогда станет ясно, что темнота эта вовсе и не темнота даже, а сероватый полумрак, подсвеченный тусклыми, направленными в потолок светильниками. Хозяева дома не любили яркий свет.

Первым, что увидела Мара, когда темнота начала редеть, было то самое желтоглазое существо, что открыло ей дверь. Существо было ростом под два метра. Но, даже видя его в полный рост, невозможно было понять, что оно собой представляет. От шеи и до пят оно было завернуто в серое бесформенное покрывало, полностью скрывающее очертания его фигуры. Голова же была плотно замотана красным платком. Так что был виден лишь один желтый, хищно прищуренный глаз. Свисающие на плечи кисти наводили на мысль, что, может быть, и не платок это был вовсе на голове у безымянного желтоглазого существа, а стяг поверженной армии. Но кому до этого было дело? А если кому и было, тот молчал. Желтоглазое вовсе не казалось опасным. Но и злить его при этом как-то не хотелось. Кто знает, как оно отреагирует на простой, казалось бы, вопрос – что за знамя у вас на голове?

– Дождь не собирается? – спросило желтоглазое у Мары.

– Нет, – ответила шенгенка, ничуть не удивившись такому вопросу.

– Уже неделя, как дождя не было, – недовольно проскрипело желтоглазое.

И, ворча, потопало в глубь помещения, волоча за собой длинный подол серой хламиды.

Мара пошла следом. Она знала, что никакого официального приглашения от желтоглазого не последует. Даже взмаха руки или кивка от него не дождешься. Желтоглазое так и будет семенить, путаясь ногами в одежде, что-то бубнить, будто разговаривая само с собой и не замечая, следует за ним кто или нет. А может быть, только делая вид, что ему это безразлично. Что можно знать о повадках существа, у которого даже названия не было? Может быть, его и вовсе не существовало? Мара слыхала про подобные штучки, но никогда не задумывалась над ними всерьез. По ее разумению, в существовании существа, которое на самом деле не существует, не было никакого существенного смысла. А ежели так, то чего ж об этом думать?

Следуя все в том же порядке – впереди желтоглазое, следом за ним Мара, – они оказались в длинном коридоре, света в котором было чуть больше. И пахло здесь корицей и рыбным соусом. Справа была глухая стена, слева – узкие дверные проемы, задернутые разноцветными шторами. Возле одной из таких зашторенных дверей желтоглазое остановилось, глянуло на Мару, может, сердито, может, насмешливо, но уж точно недобро, и скрылось за занавеской. Мара осталась в коридоре. Она знала, что заходить в комнату прежде, чем оттуда выйдет желтоглазое, нельзя. Ни в коем случае. Почему именно нельзя – этого она не знала. Да и не интересовали ее подобные вопросы. Мара была на удивление рационально мыслящей шенгенкой.

Прошло не больше пяти минут.

Желтоглазое выбралось из-за занавески и посмотрело на Мару так, будто думало, съесть ее прямо сейчас или оставить на потом?

– Почем нынче яйца на рынке? – сухо проскрипело непонятное существо.

– Тринадцать грандов семь триков за дюжину. – Это Мара точно знала.

– Инфляция, – удрученно покачало головой желтоглазое.

Мара слышала это слово – его частенько повторяли в Городском Совете, – но что оно означает, шенгенка не знала. Ратманы произносили очень много непонятных слов. Особенно во время заседаний, когда решали важные государственные вопросы. Поэтому она повторила то, что слышала:

– Падение курса не должно привести к стагнации. – Память у нее была хорошая.

– Кто знает, кто знает, – проскрипело желтоглазое и затопало дальше по коридору.

Пройдя несколько шагов, существо обернулось.

– В этом году лучше покупать богемское стекло, – глубокомысленно изрекло оно, сверля шенгенку единственным глазом.

– Я буду иметь это в виду, – с благодарностью кивнула Мара.

И желтоглазое засеменило дальше.

Дойдя до конца коридора, оно сделало полный оборот вокруг оси, одернуло на себе одеяние и скрылось за занавеской.

Только после этого Мара подошла к дверному проему и осторожно отвела занавеску в сторону.

Шенгенка знала, что ожидает ее по другую сторону занавески. Но выбора у нее не оставалось.

По крайней мере, она сама так думала. И скорее всего, была права.

Глава 8

Тем же вечером в Развеселом квартале, что расположен на юго-западе Второго круга Централя, появилась удивительная незнакомка, приковавшая к себе внимание всех, кто ее видел. Господ почтенных и не очень. Дам и девиц. Детей и стариков. Орков и гоблинов. Гномов и людей. В общем, все, кто видел ее, идущую по тротуару, только молча провожали незнакомку долгими завороченными взглядами. Одни улыбались. Другие утирали пальцем нос. Третьи нервно сглатывали. Четвертые цокали языком. Говорят, какой-то пожилой почтенный гоблин даже грохнулся в обморок. Впрочем, случилось это возле паба «Лемюэль». Так что гоблин мог оказаться попросту мертвецки пьяным.

Но, как бы там ни было с гоблином, незнакомка стоила того, чтобы посмотреть ей вслед. Да еще и присвистнуть. С восторгом и завистью. С восторгом от того, что в Централю, оказывается, еще можно увидеть такую красотку. И завистью к тому, кто бы решился подойти к этой крале и заговорить с ней. Ну хотя бы о погоде. Или об изменении маршрутов перелетных птиц, вызванных строительством Великой Вай-Вэйской Плотины.

Оценивая возраст незнакомки, свидетели расходились во мнениях. Мужчины давали ей от шестнадцати до тридцати пяти. Женщины – от двадцати семи до сорока трех. Зато оказавшийся неподалеку портной Зингер точно определил ее рост – метр шестьдесят восемь. Также он заметил, что незнакомка была худошава и ноги у нее длиннее, чем обычно. Когда же стоявшая рядом жена Зингера поинтересовалась, что значит длиннее, чем обычно, портной тут же все разъяснил:

– Это примерно как у тебя, дорогая!

Волосы у незнакомки были иссиня-черные и, как добавил цирюльник Ступка, очень аккуратно подстрижены под каре.

Цвет глаз ее никто назвать не мог – глаза прятались за большими солнцезащитными очками.

Одета незнакомка была в короткую ярко-красную курточку из искусственной кожи, со множеством ремешков и застежек. Под курткой можно было заметить тонкий темно-коричневый свитер. Черная кожаная ультракороткая юбка, несомненно, лишь подчеркивала все достоинства ее фигуры. А узкие сапоги-ботфорты с отворотами на середине бедер превращали ее и без того идеальные ноги в подлинное произведение искусства. Последнее утверждение принадлежит скульптору Безрукову, видевшему незнакомку из окна своей мастерской и разбившему после этого все, что он успел изваять в мраморе, глине и бетоне. Медные и бронзовые статуи Безруков отдал старьевщику за пять бутылок дешевого красного вина.

Последней деталью уже почти законченного портрета таинственной незнакомки был бумажный зонтик с нарисованными на нем журавлем и тремя ирисами. Незнакомка несла его, элегантно положив на плечико.

А вот чего у нее не было, так это сумочки. И – это уже заметили видевшие ее женщины – на незнакомке не было ни одного украшения. Ни кольца, ни браслета, ни серег,

ни даже цепочки на шее. Странно? Наверное. Хотя, конечно, дело вкуса.

Первым подкатить к незнакомке решился Мишка-Нож.

В Развеселом квартале человек он был известный. Хотя, сказать по чести, особой любовью и уважением у местного населения не пользовался. Мишка был пижон и бездельник. Да при этом еще водил дружбу со странными личностями, навещающимися в квартал с непонятными целями. Когда Мишку спрашивали о его друзьях, он закатывал глаза и с таинственным видом говорил что-то о грядущих перспективах и радикальных тенденциях. Что такое радикальные тенденции, никто не понимал. Поэтому на том разговор и заканчивался. Мишка, сколько его знали, нигде не работал. При этом жил в двухкомнатной квартире с черным котом с белым носом. И постоянно околачивался в пабах да шинках. Пил Мишка много, но особенно пьяным его никто не видел. И в долг он никогда не просил. Откуда у него деньги – никто не спрашивал. Не принято это было в Развеселом квартале. Вот такой человек был Мишка-Нож.

Да, кличку он себе сам придумал. А по документам он Бертольдом звался.

Приметив незнакомку с зонтиком между книжной лавкой Иванова и залом игровых автоматов, Мишка-Нож подумал, что эта девица – как раз то, чего ему не хватает в жизни. По крайней мере, на данном ее этапе. Сдвинув кепку-пятиклинку набекрень и глубоко засунув руки в карманы широченных, по-модному едва не сваливающихся с зада штанов, Мишка вразвалочку продефилировал мимо незнакомки. Но не был удостоен даже взглядом из-за солнцезащитных очков. Перебежав на другую сторону улицы, Мишка обогнал незнакомку, развернулся и снова пошел ей навстречу. На этот раз он бросил в ее сторону взгляд и, поравнявшись, многозначительно подмигнул. И вновь не достиг желаемого результата. Не привыкший сдаваться, Мишка еще раз повторил свой обходной маневр. На этот раз, поравнявшись с незнакомкой, Мишка-Нож элегантно шаркнул ножкой, учтиво коснулся пальцами козырька и бархатисто-утробным голосом произнес:

– Мадам...

Так, в его представлении, обращались к дамам истинные денди. Хотя кто такие денди, Мишка понятия не имел.

К немалому удивлению тех, кто наблюдал за этой сценой, незнакомка остановилась и повернула голову в Мишкину сторону.

Окрыленный успехом Мишка изобразил нечто похожее на книксен. Еще раз дернул кепку за козырек. И выдал сакраментальное:

– Сдается мне, мы где-то уже встречались.

– Нет, – ответила незнакомка.

Голос у нее был холодный и скользкий, будто чуть подтаявший кусочек льда.

– Вы уверены? – картинно прищурился Мишка-Нож.

– Абсолютно.

Судя по голосу, незнакомка была не настроена даже на легкий мимолетный флирт. Однако она и уходить не спешила. Стояла и смотрела на Мишку. Будто чего ждала.

Ободренный таким вниманием к собственной персоне, Мишка-Нож продолжил разыгрывать стандартную комбинацию.

– Мне кажется, я знаю, как вас зовут!

– Серьезно?

Незнакомка чуть склонила голову к плечу. Так, будто дурацкая Мишкина фраза на самом деле ее заинтересовала.

– Роза! – щелкнул пальцами Мишка-Нож.

– Роза?.. – растерянно повторила незнакомка.

– Нет, нет... Конечно же, не Роза, – замахал руками Мишка. – Значит – Сара!

– Я – Сара?..

– Нет, не то, – изображая задумчивость, Мишка постучал пальцами по лбу. – Знаю! – улыбнулся он. – Вас зовут Клара!

– Вы уверены? – В голосе незнакомки все еще слышалось сомнение. Но она как будто уже готова была согласиться.

– Несомненно! Это ваше имя!

– Клара, – повторила незнакомка. И – еще раз: – Клара, – как будто пробуя имя на вкус. – Клара... Мне нравится.

От радостного возбуждения Мишка-Нож едва не подпрыгивал на месте. Он чувствовал, как у него чесалось под коленками. Но чесаться в присутствии дамы, конечно же, моветон. Это было понятно даже Мишке. Поэтому Мишка терпел. Терпел изо всех сил.

– Могу я поинтересоваться, что привело вас в наши края? – спросил Мишка и радостно улыбнулся – эх, как завернул! Самому понравилось!

Незнакомка, которая теперь звалась Klarой, посмотрела по сторонам. Большие солнцезащитные очки скрывали половину ее лица вместе с эмоциями. Но, судя по несколько угловатым движениям, она была растеряна.

– Наверное, вы здесь по делу? – пришел на помощь новой знакомой Мишка-Нож.

– Нет... – Клара закрыла зонтик и сунула его под мышку. – Дело я уже сделала.

– Значит, вы здесь на прогулке? Так сказать, с ознакомительными целями?

– Да, я просто гуляю... – Клара будто оборвала фразу, не закончив.

– Я так понимаю, вы впервые в Развеселом квартале?

– Да, прежде я здесь не была...

– У вас есть какой-то определенный план? Или – цель?

– Цель?.. – Клара задумалась.

И думала она так долго, что Мишка-Нож решил прервать затянувшуюся паузу.

– Ну, в конце концов, можно ведь и так прогуляться. Без всякого смысла.

Клара резко вскинула голову.

– Смысл должен быть непременно, – отчеканила она, как гвоздем по наковальне.

– Ну конечно, – не стал спорить Мишка. – Без смысла – это что ж за дела такие?

– Так в чем же смысл? – спросила Клара.

У Мишки не было ответа на этот вопрос. Поэтому он решил перевести разговор в иное русло.

– Вы интересуетесь книгами? – спросил он, глядя на книжную лавку Иванова.

– Нет.

– Тогда, наверное, вы увлекаетесь искусством. Здесь неподалеку находится мастерская скульптора Безрукова. Если хотите...

- Нет.
- Театр?
- Нет.
- Музыка?
- Нет.
- Петушиные бои?
- Не сегодня.
- Тогда, может быть, по пивку?
- По пивку? Что это значит?

Мишка-Нож понял, что ухватил за хвост удачу. И главным сейчас было ее не упустить. Действовать следовало настойчиво, но аккуратно. Не забывая о таких понятиях, как деликатность и стиль.

– Ну как же, – Мишка едва не приплясывал от нетерпения. – Это, в смысле, время провести... Так, чтобы душевно... И с пользой для дела... Ну, в смысле, чтобы все по-людски, значит...

– По-людски? – быстро переспросила Клара.

– Конечно, – гордо выпятил грудь Мишка. – Что ж мы звери, что ли? У нас все по-людски. Даже ежели...

– Я хочу все по-людски! – перебила Клара.

– Прошу! – Мишка-Нож повернулся к девушке бочком и предложил ей согнутый кренделем локоть.

Поскольку Клара не решалась взять кавалера под руку, Мишка сам сделал все как надо. Но – деликатно. После чего вместе с дамой двинулся вдоль улицы, гордо поглядывая по сторонам на разинувших от изумления рты обитателей Развеселого квартала. Которые отказывались верить собственным глазам. Чтобы такая краля, да с Мишкой-Ножом, да под руку!..

Быть такого не может!

Иллюзия! Морок! Обман зрения! Тотальное умопомрачение! Сеанс массового гипноза!..

Да все что угодно!..

Толкните меня! Ущипните! Врежьте по уху! Дайте как следует пинка под зад!..

Чтобы я наконец-то очнулся! Пришел в себя! Увидел мир таким, какой он есть!..

Иначе рот мой так навсегда и останется разинутым!..

Мишке до всего этого не было дела. Он был горд и счастлив. Надут и расфуфырен, как индюк в брачную пору. На него смотрел весь Развеселый квартал. И ему завидовали все!

Все!

Включая вдов и сирот. Потому что каждый мечтал оказаться на его месте. И это была тема, которая еще не один день будет обсуждаться, перемалываться и обкатываться на всех углах и перекрестках Развеселого квартала.

Само собой, Мишка делал вид, что ничего вокруг не замечает. А если и замечает, то не понимает, что это он всему причиной.

– Посмотрите направо, – рисовался он пред спутницей. – Вы видите перед собой дом, в котором родился Габриэль Гарсия. Да, да! Тот самый знаменитый Габриэль Гарсия,

написавший роман «Сто дней до приказа»! Величайшую, так сказать, книгу современности, по сей день остающуюся в списках бестселлеров! Роман, переведенный на все языки Мира-На-Оси, включая клинопись хуну и узелковые письма бибилатов. А в Бедламбесе роман был признан экстремистским, подрывающим моральные устои общества, и на том основании запрещен. Многие не в курсе, что Гарсия родился и провел свои детство и юность в Развеселом квартале. А те, кто знают, почему-то отказываются в это верить. Вы читали «Сто дней до приказа»?

– Нет.

– А другие книги Гарсии?

– Нет.

– Ну, честно признаться, я их и сам пока не читал. Но тем не менее факт остается фактом, мы с вами идем по улице, по которой когда-то ходил величайший писатель Мира-На-Оси!

– По-людски?

– Что? – не понял Мишка.

– Мы идем по-людски?

Вопрос показался Мишке несколько странным. Судя по всему, Клара была та еще штучка. Так что ожидать от нее можно было всего, чего угодно. Поэтому, ничтоже сумняшеся, Мишка-Нож брякнул:

– Конечно, по-людски... А то как же?

И в самом деле, как же еще? Вне зависимости от того, что имела в виду Клара.

– А теперь обратите свой взор направо. Видите здание с круглой крышей? Примерно сто пятьдесят лет тому назад в этом здании был открыт первый в Централке публичный террариум. Коллекция насчитывала около трехсот видов различных гадов. Заведение пользовалось необычайной популярностью. Люди ходили туда не только затем, чтобы посмотреть, каких тварей способна создавать природа, но и просто так, отдохнуть, попить кофея, поболтать. В террариуме назначались свидания, заключались браки, справлялись юбилеи. Одно время террариум был самым модным местом для встречи нового года. Приглашительные билеты на празднование невозможно было достать ни за какие деньги, только по благу. По очень большому благу. Однако в год своего столетия террариум переехал в новое благоустроенное помещение, расположенное на территории нынешнего зоопарка. А в здании разместился квартальный участок револьверос – по сути, тот же гадюшник... Вам интересно то, что я рассказываю?

– Очень интересно, – ответила Клара, даже не взглянув на спутника. – Но я хочу по пивку. Что по-людски.

– Мы уже пришли, – улыбнулся Мишка-Нож. – Кстати, вот еще одно примечательное место! – Мишка указал на дверь, мимо которой они проходили. Самая обыкновенная дощатая дверь, на которой желтой краской был нарисован раскрытый зонт. – Знаете, что это такое?

– Нет.

– Первый общественный туалет! Можете мне не верить, но это исторический факт! Первый общественный туалет был открыт в Развеселом квартале. Произошло это всего-то восемнадцать лет тому назад. Одновременно с вводом в строй третьего кольца монорельса.

Казалось бы, подумаешь, общественный туалет. Но как это изменило всю нашу жизнь! С тех пор были открыты сотни, если не тысячи общественных туалетов по всему Централю! Сегодня мы просто не можем представить себе жизнь без общественных туалетов! Даже несмотря на то, что Городской Совет сделал их платными, решив, что это станет хорошим подспорьем для городского бюджета. А чтобы деньги не разворовывались кем попало, была введена государственная должность Главного Смотрителя Общественных Туалетов Централя. Теперь Бургомистр точно знает, кто ворует деньги из общественных туалетов. И, должно быть, деньги немалые, поскольку за два года, что существует эта должность, с нее были смещены и посажены семеро Главных Смотрителей Общественных Туалетов. Говорят, ни в одной другой отрасли нет такой текучки кадров. В настоящее время двери всех общественных туалетов Централя помечены стилизованным изображением открытого зонтика. Есть много версий, объясняющих происхождение этого символа. От ернической бытовой до мистической. Но что бы ни говорили всевозможные знатоки и исследователи, дело в том, что самая первая дверь самого первого общественного туалета в Развеселом квартале была сколочена из старых ящиков, на одном из которых был нарисован раскрытый зонтик. Это означало, что находившийся в ящике продукт боялся сырости... Вам это не интересно?

– Нет.

– Почему?

– Я не ворую деньги из общественных туалетов.

– Ну, я как бы тоже нет...

– Так «нет» или «как бы»?

– Ну... Собственно, мы уже пришли.

Мишка-Нож решил не скупиться и привел новую знакомую в самый дорогой и модный паб во всем Развеселом квартале. Назывался паб «Время от времени». Почему? Да кто ж это знает? Встречаются и куда более чудные названия. И не только в Развеселом квартале. Вам бы хотелось покидать кости в казино «Последняя надежда»? Или посетить стоматологическую клинику «Зуб за зуб»? А может, увидев вывеску «Народный Фронт», вы сразу догадались бы, что это пельменная, и тут же возжелали бы в ней отобедать? «Время от времени» – определенно не самое плохое название для паба. Тем более что паб действительно был очень хорош.

Это было заведение, рассчитанное на солидных, в меру уважаемых клиентов, желающих в спокойной обстановке вкусно поесть и выпить хорошего пива. Меню было в основном традиционно мясное. Пиво же – едва ли не со всех концов Мира-На-Оси. Хозяин паба сделал простой, но оказавшийся весьма удачным ход. Во время ремонтных работ в помещении он не стал прятать все коммуникации, а наоборот, выставил их напоказ, раскрасив разными цветами. Водопроводные трубы, радиаторы центрального отопления и вентиляционные короба превратились в детали изысканного и необычного дизайна. А развешанные по стенам картины пока что малоизвестного, но очень талантливого художника, скрывающегося под псевдонимом Пузырь, лишь усугубляли атмосферу потусторонности. Пузырь рисовал очень странные картины. На которых ничего невозможно было разглядеть. Но при этом действовали они на зрителей завораживающе. Пузырь уверял, что так выглядел

бы наш мир, будь он трехмерным.

Посетителей было немного, и Мишка-Нож попросил посадить их с Кларой за самый дальний столик. Чтобы никто не мешал – Мишка многозначительно подмигнул распорядительнице в зале. Но та даже бровью не повела – она знала свое дело лучше, чем мог представить себе Мишка.

Мишка заказал себе и Карле по большому стейку средней прожарки, кувшин красного экваториального пива – оно было чуть крепче обычного, что в данной ситуации, как полагал Мишка, было именно то, что надо, – и стопку лепешек с мясной начинкой.

Пока мясо жарилось, Мишка разлил пиво в бокалы и завел с Кларой непринужденный разговор. Во всяком случае, так ему самому это представлялось. На самом же деле это был пространный и довольно-таки несвязанный монолог ни о чем и одновременно обо всем на свете. У всякого, кто попытался бы вникнуть в суть этой всеобъемлющей речи, похожей на реку киселя, скоро случился бы приступ паники, как у увязшей в этом самом киселе мухи. Но Клара вела себя на удивление спокойно и почти непринужденно. Она либо вообще не слушала, что говорил Мишка, либо не принимала это всерьез. В любом случае, она не пыталась понять, что именно он говорит.

Свой зонтик Клара положила на свободное кресло. Но куртку снимать не стала. И очки, как и прежде, скрывали ее глаза.

Пиво она лишь пригубила. Так что Мишка-Нож в одиночку и, надо сказать, довольно быстро приговорил кувшин экваториального. И тут же незамедлительно заказал второй.

Вообще-то, Мишка-Нож пил немного. Да и до пива был не любитель, предпочитая, если уж приходилось, более крепкие напитки. Но сегодня пиво пошло у него исключительно хорошо. Должно быть, все дело было в замечательной слушательнице. Быть может, не самая внимательная, она тем не менее не перебивала и не задала вопросов. И, что самое главное, не оспаривала ничего, что бы ни говорил Мишка. Даже когда он нес полную околесицу, Клара с невозмутимым выражением лица лишь изредка тихонько кивала. Мишка говорил почти без остановки. Лишь время от времени он делал паузу, чтобы смочить горло. И чем чаще он это делал, тем больше хотелось ему сказать. А чем больше он говорил, чем чаще прикладывался к бокалу с пивом.

Когда принесли мясо, Мишка уже приканчивал третий кувшин. Речь его была уже довольно бессвязной, но слова он пока еще произносил вполне внятно. Есть он уже не хотел, но заказал еще кувшин пива.

– Я говорил... – Мишка опустил голову и задумался. – О чем я говорил?.. – Он посмотрел на Клару. – Ты не помнишь?..

– Помню, – спокойно ответила та.

– О чем?

– Об овощах.

– К чему бы это?..

– Ты хотел знать, не вегетарианка ли я.

Клара отрезала кусочек ароматного стейка и отправила его в рот.

– И что ты ответила?

– Нет.

– Это хорошо, – кивнул Мишка-Нож.

– Почему?

Клара отрезала еще один кусочек мяса.

Мишка-Нож задумался над вопросом. Но скоро нашел ответ.

– Так мы скорее найдем общий язык.

– Ты собираешься идти искать язык?

– Непременно!

– Чей?

– Да хоть чей!.. В конце концов, возьмем да закажем!.. Эй, дорогая! – Мишка махнул рукой официантке. – У вас есть язык?

– Заливной, – ответила та.

– Будешь заливной язык? – спросил Мишка у Клары.

– Нет.

– Язык мы не будем, – Мишка удрученно посмотрел на официантку и разочарованно развел руками. – Во такие, вишь ли, мы. Не хотим языка и все тут!..

– Что-нибудь еще? – вежливо осведомилась официантка.

– Еще?.. – Мишка-Нож наморщил лоб. – Точно! Еще пива!

Официантка бросила взгляд на уже стоявший на столе полный кувшин. Но ничего не сказала. И вскоре рядом с первым появился второй кувшин пива.

– Видишь! – гордо указал на кувшины Мишка. – Все моментом!.. Бабочкой... То есть – мухой... А знаешь, почему?..

Он наполнил бокал, частично пролив пиво на стол, и залпом выпил.

– Почему? – без особого интереса спросила Клара.

– Потому что меня здесь уважают! – Мишка вновь наполнил бокал, не забыв и стол окропить. – А знаешь, почему?

– Почему?

– Потому что я всегда исправно плачу за свою выпивку! – Мишка-Нож вытащил из кармана пригоршню мятых купюр и кинул их на стол. – Сам плачу!.. Понимаешь?.. Могу себе это позволить!.. Да! Могу!

По натуре своей Мишка-Нож не был бузотером. И голос ежели и повышал, то исключительно символически. С расчетом на театральный эффект.

Клара взяла мятую купюру в десять грандов, разгладила ее о край стола, прижала по углам пальцами и посмотрела так, будто собиралась предъявить Мишке обвинение в изготовлении фальшивых банкнот.

– Это деньги?

– А что, не похоже? – Мишка-Нож криво усмехнулся и хлебнул пива.

– Зачем?

– Что значит зачем?

– Зачем они нужны?

– Ну, даже и не знаю... – озадаченно пожал плечами Мишка-Нож. Он сообразил, что Клара собирается перевести разговор в философскую плоскость. И в принципе был не против. Вот только туман в голове мешал ему сосредоточиться и собраться с мыслями. –

Вообще-то, деньги – это очень полезная штука...

– Для кого?

– Для тех, у кого они есть, разумеется.

– А что они могут?

– Все!

– Все?

– Ну почти все!

– А что они не могут?

– Кое-что.

– Например?

Мишка-Нож задумался. Определенно было что-то, чего невозможно было получить даже за все деньги мира. Ну просто не могло не быть. Нужно было только сосредоточиться и как следует это обдумать... Думать о деньгах, а не о белой обезьяне...

Мишка-Нож задумчиво взял в руку бокал и попытался сделать глоток. Бокал оказался пуст. Мишка чертыхнулся и долил в него пива.

И тут Мишку осенило.

– Деньги не могут воскресить мертвого!

– Это плохо, – качнула головой Клара.

– Ну, не знаю... – все так же задумчиво Мишка-Нож глотнул пива. – Представляешь, сколько вокруг было бы народу, если бы можно было воскрешать мертвецов? – Мишка-Нож хохотнул. – Не протолкнуться!.. А в пабе стояла бы очередь за пивом... Да, были бы проблемы... Но с другой стороны...

Мишка-Нож внезапно умолк. Потому что забыл, с чего начал. Он посмотрел на валявшиеся на столе смятые купюры. Одну банкноту Клара все еще держала прижатой к столу.

– В общем, деньги – штука нужная, – нашел что сказать Мишка-Нож. – Деньги кого хошь сделают человеком!

– Правда?

Клара взяла со стола мятую купюру в двадцать грандов и разгладила ее ребром ладони.

– Конечно! – убежденно кивнул Мишка-Нож.

– И много для этого нужно денег?

Клара быстро собрала со стола все гранды и сложила их в стопочку.

– Ну, в общем, чем больше – тем лучше... Мне так кажется.

– А у тебя еще есть?

– Полно!

Широким царственным жестом Мишка-Нож выкинул на стол небольшую пачку стограндовых купюр, скрепленную поддельно-золотым денежным зажимом с гравировкой в виде свернувшегося дракона.

– Я могу это взять? – указала на деньги Клара.

– Доставь мне удовольствие, красавица, – криво усмехнулся Мишка-Нож.

Клара взяла деньги и быстро, как кассир со стажем в добрых три десятка лет, пересчитала банкноты.

– Этого достаточно для того, чтобы стать человеком?
– Для начала – хватит, – махнув рукой, Мишка-Нож откинулся на спинку кресла.
– А потом?
– Ну, деньги – они повсюду! – Мишка-Нож взмахнул кончиками пальцев. – Нужно только уметь их находить.

– Это трудно?
– Да нет... Не думаю... Просто не у всех это получается... Точно – не у всех... Но, с другой стороны, если как следует подумать... – Мишка-Нож прижал указательный палец к середине лба. – Если бы у всех это получалось, тогда бы денег на всех не хватило!.. А?.. Точно!..

Мишка-Нож схватил кувшин и опрокинул его над бокалом. Кувшин оказался пуст.

– Вот-те!.. Нужно еще пива заказать!..

Мишка приподнялся со своего места, чтобы позвать официантку.

– Я закажу, – жестом усадила его на место Клара.

– Да?.. Ну что ж...

Мишка-Нож беспомощно всплеснул руками и уронил голову на грудь. Он готов был уснуть, но мысль о прекрасной незнакомке не позволяла ему так поступить. Он был порядочным человеком. Во всяком случае, считал себя таковым. А порядочный человек если уж привел девушку в паб, то должен был потом и проводить ее домой. Ну да, так полагалось. Так поступали все порядочные люди в Развеселом квартале.

Клара поднялась на ноги, спрятала деньги в карман и взяла под мышку зонтик.

Приподняв голову, Мишка-Нож посмотрел на нее долгим, задумчивым, ничего не понимающим взглядом.

– Зачем тебе зонтик? – поинтересовался он.

– Я всегда ношу его с собой, – ответила Клара и пошла к выходу.

– Человек, с которым я пришла, хочет еще пива, – на ходу сказала она официантке.

Глянула на себя в зеркало, висевшее у двери, девушка улыбнулась и вышла на улицу.

Глава 9

За занавеской находилась небольшая комнатка, тускло освещенная двумя ночниками. На левой стене горел синий рожок, на правой – красный. Создавалось впечатление, что комната разделена надвое. Это была придумка хозяина. Меняя яркость ночников, он создавал иллюзию, будто одна часть комнаты больше другой. Или – наоборот. Чисто психологический эффект, с помощью которого во время переговоров легко заставить несговорчивого клиента вдруг почувствовать себя загнанным в угол. Или – прижатым к стенке.

На синей половине комнаты стояла деревянная кадка, в которой торчал большой развесистый фикус. Под сенью фикуса, на круглой одноногой стойке сидела белая, но в свете ночника казавшаяся синей, морская свинка. Зверек сидел неподвижно, точно чучело. Но глазки его живо бегали по сторонам и усики то и дело заинтересованно вздрагивали. Очень милая свинка по имени Христофор.

На красной половине располагался открытый стеллаж, нижние полки которого были

заняты папками с файлами, а верхние – сувенирами и именными подарками. В дальнем углу стоял небольшой конторский столик, за которым сидел хозяин.

Хозяин в полном смысле этого слова. Он владел не только этой двухцветной комнаткой, но и всем зданием, фасад которого, между прочим, выходил на оживленную улицу Трех Обезьян. И располагалось за этим фасадом одно из самых привлекательных для туристов заведений.

Во всем Холопене другого такого не было.

Это уж точно.

Называлось оно «Салон Окультирных Услуг Алистера Кроули».

Как и обещала вывеска, салон предоставлял посетителям полный спектр оккультных и околуюльтных услуг. В соответствии с преysурантом. Массаж и педикюр – за отдельную плату.

Когда-то в Мире-На-Оси магия была распространена почти повсеместно. Специалисты в этой области пользовались всеобщим почетом и уважением. Никому даже в голову не приходило, что ведьм и колдунов стоило бы, возможно, жечь на кострах. Однако с началом эпохи научно-технической революции интерес к магии начал падать и вскоре свалился ниже нулевой отметки. В самом деле, ну кому теперь нужны сложные, трудновоспроизводимые, малоэффективные, да к тому же порой еще и дурно пахнущие магические процедуры, когда все то же самое можно получить, просто нажав кнопку? Как сказал в своей знаменитой лауреатской речи Александр Шульман, один из изобретателей преобразователя силы Шмица-Шульмана: «Открытие гранулированного источника силы убило магию. Но никто об этом не знал до тех пор, пока мы с Генрихом Шмицем не собрали свой первый преобразователь!»

И после этого Мир-На-Оси долгое время прекрасно обходился без магии. Магия сделалась чем-то полузабытым и неимоверно скучным. Как старый дедов сундук на чердаке, покрытый слоем пыли и паутины. Каждый раз, когда он попадает на глаза, думаешь о том, что надо бы посмотреть, что там внутри, и каждый раз понимаешь, что нет ни малейшего желания этим заниматься. Ну в самом деле, что там может быть интересного?

Кроули оказался первым, кто почувствовал, что пришел момент! Он щелкнул пальцами и сказал: «Вот оно! Самое время снова предлагать потребителям магические услуги». Но уже не в виде продукта повседневного спроса, а как экзотический, очень редкий, а потому и дорогостоящий товар! Как спичечные этикетки, ныне ставшие объектами пристального внимания коллекционеров, готовых платить за эти прежде никому не нужные кусочки бумаги немалые деньги.

И идея Кроули сработала!

Туристы толпами валили в «Салон Окультирных Услуг» только ради того, чтобы взглянуть на то, как работают истинные маги и чародеи. Хотя, сказать по секрету, их-то как раз в заведении Алистера Кроули и не было. На Кроули работали отличные менеджеры и безупречные лицедеи, которые умели продать наивным туристам именно то, что те и хотели – уверенность в том, что они стали свидетелями истинного чуда. Увы, не всякий маг на такое способен.

Итак, звали хозяина Алистер Кроули. Но имя это было не настоящее. Как и всякий орк,

приехавший в Централь, он взял себе псевдоним. Вполне соответствующий выбранной им области деятельности. Кроули был одним из умнейших, достойнейших и уважаемых орков. Поэтому-то все прочие орки Централя, ежели вдруг у них возникали проблемы, серьезные проблемы, а не те, что решаются после опохмела, шли за советом к Кроули.

Невысокого роста, широкоплечий и коренастый, как и все орки, Кроули основательно поработал со стилистами и модельерами, выбирая себе подходящий имидж. Длинные черные волосы он гладко зачесывал назад и слегка бриолинил. Почти никогда, даже ночью в помещении, он не снимал каплевидные солнцезащитные очки в тонкой металлической оправе. Скулы и подбородок Кроули оттеняла аккуратно подбритая трехдневная щетина. На ногах у него всегда были остроносые сапоги на высоком каблуке из змеиной кожи. Узкие черные джинсы, черная кожаная куртка на молнии и надетая под нее темная майка с оскаленным черепом и надписью «НАТЕ!!!» завершали образ владельца «Салона Окултных Услуг». Клиенты были от него в восторге. Они видели перед собой именно то, что и хотели увидеть.

– Заходи, Мара, заходи.

Кроули достал из-под стола баллончик с ароматизатором и брызнул вверх. В комнате запахло фиалками. Морская свинка Христофор недовольно задергала усами.

Шенгенка опустила взгляд. Будто пристыженно.

– Я бы не посмела беспокоить вас, почтенный Кроули...

– Присаживайся, Мара, – спокойно, не повышая голоса, перебил ее хозяин.

Не поднимая взгляда, Мара быстро сделала шаг вперед и села на самый краешек стула, стоявшего по другую сторону стола.

– Хочешь чаю или кофе?

– Благодарю вас, почтенный Кроули...

– А кваса? Или, может быть, молока?

– Спасибо, но...

– Я так и не понял, что ты будешь пить?

Мара подняла взгляд на орка в кожаной куртке и тут же снова опустила.

– Почтенный Кроули...

Орк снял трубку стоявшего на столе телефона.

– стакан ледяного чая с лимоном и ежевикой... Как на счет мяты? – обратился он к гостю. Мара отрицательно затрясла головой. – Нет, мяты не нужно... И поживее.

Кроули положил телефонную трубку. Провел кончиками пальцев по клавиатуре вычислителя.

– Мара, как давно мы с тобой знакомы?

– Точно и не скажу, почтенный Кроули...

– Ага, – усмехнулся орк. – Имеешь в виду, что обычно так долго не живут...

В комнату вплыла высокая, статная блондинка с прямыми волосами до пояса, в серебристом, облегающем тело платье. В руках она держала небольшой круглый поднос с высоким запотевшим стаканом. Девушка молча подошла к столу, поставила стакан перед гостьей и так же молча удалилась.

Кроули снял очки и чуть подался вперед.

– Мара, мы знаем друг друга с младенчества. А ты обращаешься ко мне, как... – запнувшись, он снял очки и взмахнул ими. – Как к ратману какому-нибудь!.. Можешь ты называть меня просто Алистером?

– Почтенный Алистер...

– Просто Алистер, Мара! Алистер – и все!

– Я не смею... – едва слышно пролепетала шенгенка.

– Край мира, Мара! – в сердцах выругался орк. – Не ставь меня в глупое положение! Прошу тебя!

– Вы такая известная личность...

– Обратная сторона додекаэдра! – всплеснул руками Кроули. – Все дело в том, что я управляю этим салоном, а твой непутевый муженек работает уборщиком в Желтом Доме? Так, что он, что я – оба бездельников обслуживаем!

– Если бы не ваша протекция...

– Ах, ты чувствуешь себя в долгу передо мной из-за того, что я вас туда устроил?

Шенгенка коротко кивнула.

– Забудь, Мара! – Кроули звучно постучал пальцем по краю стола. – Мы, шенгены, должны везде и всюду друг другу помогать! Мы все тут, в Центrale, можно сказать, одна семья! Ну, за исключением нескольких отморожков, за поимку которых револьверос награду объявили. И если ты по-прежнему будешь называть меня почтенным Кроули... Ты слышишь меня, Мара?

– Да, – едва слышно пролепетала шенгенка.

– Ну так подними голову! Посмотри на меня! – Кроули картинно, но не рисуясь, раскинул руки в стороны. – Я обычный парень! Такой же, как все!.. Давай, давай, Мара! А то мы только попусту время теряем!

Шенгенка осторожно приподняла голову. В душе у нее боролось столько противоречивых чувств, что она не знала, какому из них отдать предпочтение. Собственно, только в этом была причина ее растерянности.

– Выпей чаю, Мара! – Кроули указал пальцем на стакан, вокруг которого уже начал растекаться кружок воды. – Я же знаю, ты любишь ледяной чай. А у нас его отменно готовят.

Шенгенка послушно взяла стакан и сделала из него глоток.

– Ну вот, – улыбнулся, глядя на нее, хозяин. – Совсем другое дело! Это наш фирменный оккультный чай. Называется «Сым-Ту». Название я сам придумал.

– А что это значит? – Мара сделала еще глоток.

Напиток и в самом деле был замечательный.

– Понятия не имею! – развел руками Кроули. – Но посетителям нравится! Хотя и стоит он у нас в полтора раза дороже, чем в эльфийской лавке напротив. Но ведь у нас чай оккультный, – Кроули хитро подмигнул гостье. – Способствует проникновению в Седьмую Сферу... А от этих эльфов вообще спасу нет! Подобрали под себя чуть ли не все предприятия общественного питания! Да и ладно бы, если бы кормили нормально! А то ведь они – ты только представь, Мара! – даже сардельки норвят вегетарианскими сделать!

Шенгенка хихикнула, прикрыв рот ладошкой.

– Ну вот! – довольно улыбнулся Кроули. – Наконец-то я тебя узнаю. Я бы тебя в

трактир пригласил. Тут, неподалеку, есть неплохой. Эти остроухие до него еще не добрались. Держит трактир один мужичок из Байтостана. Рыбу на углях готовит – объеденье! – Орк чмокнул сложенные вместе кончики пальцев и с тоской посмотрел на Мару. – Так ведь ты же все равно не пойдешь?

– Я хотела домой засветло вернуться, – извиняясь улыбнулась шенгенка.

Кроули глянул на часы.

– Уже не успеешь. Ну да не беда, я вызову для тебя такси.

– Нет! – протестующе вскинула руку Мара.

– Да, – спокойно возразил Кроули. – Я не принимаю отказа. В противном случае я вообще отказываюсь о чем-либо с тобой говорить. Подумай сама. Ты ставишь меня в крайне глупое положение.

– Я...

– Пей чай, Мара.

Шенгенка послушно припала губами к стакану.

– И не переживай по пустякам, – Кроули улыбнулся. – Все будет хорошо, Мара. Раз уж ты ко мне пришла – я тебе это обещаю.

– Ох, не знаю. – Мара с озабоченным видом покачала головой и поставила на стол пустой стакан.

После чая ей и в самом деле сделалось лучше. Сердце в груди перестало колотиться как сумасшедшее. Мысли в голове уже не путались. Язык не прилипал к сухому небу. Она почувствовала себя спокойнее и увереннее. Самую малость. Но и это уже было неплохо.

– Так что у тебя стряслось?

Кроули надел очки. Так ему было удобнее говорить о деле.

Сидя в кабине грузовичка гнома Визеля, Мара всю дорогу думала, как лучше начать этот мучительный, крайне неловкий для нее разговор?

– Боюсь, у меня проблема... – Это было лучшее из того, что пришло ей в голову.

Глава 10

За ужином Гиньоль просмотрел документы, что, шмыгая носом, вручила ему Мадлона. Два благодарственных письма от бывших клиентов. Приглашение прочитать лекцию в Обществе пробуждения бобров; тема выступления – на усмотрение лектора. И короткие, но, как всегда, емкие справки, составленные самой Мадлоной по просьбе Гиньоля, позвонившего ей из Академии. Гиньоля интересовали следующие вопросы: основополагающие принципы теории суперструн, идея элегантной вселенной, биография Джерри Ли Льюиса, угроза инопланетного вторжения и библиография отечественной фантастики. Причину своей внеплановой депрессии девушка объяснить не смогла. Должно быть, вчера вечером посмотрела фильм с плохим концом, решил Гиньоль. Обычно так всегда и случалось.

Отужинав, Гиньоль прихватил заметки Мадлоны и поднялся на второй этаж, в комнату Франтишека.

Франтишек Йи сидел в сделанном на заказ кресле, занимавшем полкомнаты, и задумчиво глядел в потолок. По животу его бегали волнистые попугайчики – Му, Ма и

Титикака, – собирая оставшиеся после ужина крошки.

– Как дела, Франц?

Гиньоль вытянул из-под стола табурет с круглым вращающимся сиденьем и устроился на нем.

Франтишек скосил левый глаз на приятеля.

– Что в Академии?

– Серьезная проблема.

– Насколько серьезная?

– Настолько, что я взялся за ее решение.

– Да неужели? – Франтишек повернул голову и посмотрел на Гиньоля двумя глазами. –

Излагай!

– Сегодня поутру два студента, поднявшись на вершину Лысой горы, обнаружили там рояль.

Франтишек приподнял кисть левой руки и направил на Гиньоля толстый, как сарделька, указательный палец.

– Которого там не должно быть!

– Точно, – кивнул Гиньоль.

– Но рояль – это еще не проблема.

– Если это обычный рояль. Но если на нем имеется золоченая табличка, извещающая, что сей рояль преподнесен в дар Городскому Совету Централя не кем-нибудь, а самим Джерри Ли Льюисом, то это уже проблема.

Франтишек вытянул из-за подлокотника специальную палочку с загнутым концом и принялся чесать ею между лопаток.

– Так-так-так-так-так! – быстро, возбужденно зашелкал он языком. – Концерт Джерри Ли Льюиса на Лысой горе, как я понимаю, не планировался!

– Ты, как всегда, проницателен, – согласился Гиньоль.

– Что же мешает Ректору просто спустить рояль с горы?

– То, что рояль является собственностью Городского Совета.

– И что с того? Ректор ведь, как я понимаю, никак не связан с этой историей?.. Или?..

– Нет-нет, Ректор заверил меня, что понятия не имеет, каким образом рояль оказался на горе. И я склонен ему верить.

– Так в чем же дело?

– Господин Бей-Брынчалов опасается, что его недоброжелатели в Городском Совете, число каковых, как я понимаю, превышает критическое, могут использовать эту историю для того, чтобы подмочить его репутацию. А то и вовсе сместить с должности Ректора Центральной Академии.

– Ах вот оно как.

– Именно.

– Так чего же проще! Нужно уничтожить рояль! Разломать на мелкие кусочки и сжечь! То, что не сгорит, – закопать в землю!

Франтишек был убежденным сторонником простых и радикальных решений.

– Дело вовсе не такое простое, как может показаться! – Гиньоль азартно щелкнул

пальцами. – Ситуация осложняется тем, что к тому времени, когда информация о рояле на Лысой горе дошла до Ректора, кое-кто об этом уже узнал. А некоторые самолично видели злосчастный музыкальный инструмент. В случае, если произойдет утечка информации, это уж точно поставит крест на карьере Бей-Брынчалова. Он ведь не просто сокрыл раритетный инструмент, похищенный из Желтого Дома, но уничтожил его.

– Так-так-так-так-так! – Франтишек палочкой подтянул поближе к себе лежавшую на столе открытую пачку овсяного печенья, вытащил одно и принялся сосредоточенно жевать. – Получается, что рояль нельзя уничтожить, но нельзя и вернуть его с извинениями Городскому Совету.

– Да, вот такая закавыка, Франц.

– Так-так-так-так-так! – Крошки печенья сыпались на живот толстяка. Попугайчики, радостно чирикавая, склевывали их. – Какие меры предприняты на данный момент?

– Студенты, обнаружившие рояль, и те, кому они успели об этом рассказать, отправлены на картошку.

– Куда?

– Чистить картошку на кухню. Такая уж в Центральной Академии практика. Обычно туда отправляют нарушителей дисциплины и неуспевающих студентов. Начистить картошки на всю Академию – дело непростое. Те, кто не выполняют норму, получают дополнительное взыскание. Как мне объяснили, застрять там можно очень надолго. Есть такие бедолаги, которые уже не первый год своей учебы не могут выбраться с кухни. Хотя кому-то, говорят, это даже нравится. В конце концов, они ведь, как и все, получают диплом. Правда, по специальности «Прикладная кулинария». В общем, на какое-то время наиболее возможный источник утечки информации перекрыт. Впрочем, от неприятных неожиданностей мы не застрахованы. Академия большая, за всеми не уследишь и не выяснишь, кому что известно.

– Известно, каким образом рояль попал на гору? – Франтишек, как чеку из гранаты, выхватил из пачки еще одно печенье.

– Это загадка, не имеющая на данный момент объяснения. Попасть на гору можно двумя путями. Либо на своих двоих по тропе, либо на фуникулере для высшего преподавательского состава. Фуникулер обслуживают два гнома и некто Гарик, полудурок с односторонней лоботомией. Все трое твердят, что ни на минуту не оставляли фуникулер без присмотра. Да это и не важно, поскольку загрузить рояль в вагончик фуникулера можно, только разломав его на части. Тропа же, ведущая на вершину горы, настолько узкая, что на ней двоим разойтись трудно. Если бы кому-то пришла в голову дурная идея втащить на гору рояль, ему пришлось бы сделать это в одиночку.

– Голем? – предположил Франтишек.

– Исключено. Голем большой, неуклюжий, и от него слишком много шума. Его заметили бы еще на подходе к горе. Здесь действовал кто-то быстрый, ловкий и чрезвычайно сильный.

– Известно, когда рояль пропал из ратуши Городского Совета?

– Если доверять Мадлоне, а мы ей, конечно, доверяем, никакой официальной информации о пропаже рояля не поступало. Своих информаторов я еще не успел задействовать.

– Так, значит, от нас требуется создать ситуацию, при которой Ректор смог бы официально заявить о том, что рояль Джерри Ли Льюиса, пропавший из Желтого Дома, объявился на территории возглавляемой им Академии, избежав при этом каких бы то ни было обвинений или даже упреков?

– Именно так, – подтвердил Гиньоль.

– У тебя уже есть идеи?

– Да. – Гиньоль протянул Франтишеку подготовленные Мадлоной бумаги. – Мы обвиним во всем космических пришельцев!

По выражению лица Франтишека можно было понять, что он ожидал услышать все что угодно, только не это. Более того, у него появились серьезные подозрения в том, что гениальный мозг Гиньоля перегрелся и начал давать сбои.

– Я правильно тебя понял? – Франтишек осторожно, будто боясь спугнуть скачущих по животу попугайчиков, указал пальцем на потолок. – Ты говоришь именно о них? Об обитателях иных миров?

– А что, разве плохая идея?

Франтишек озадаченно скривил губы.

– Не могу сказать, что плохая, – медленно изрек он. – Но... Не слишком ли дерзкая?

– Именно! – щелкнув пальцами, Гиньоль направил указательный на толстяка. – Дерзости! Вот чего нам в последнее время не доставало!

Франтишек все еще с сомнением покачал головой.

– Я, конечно, понимаю... И даже в чем-то готов согласиться... Но все же...

Так и не сформулировав до конца мысль, он заткнул рот печеньем.

– Прежде чем что-то сказать, выслушай меня внимательно. – Гиньоль, как фокусник перед трюком, показал ладони с растопыренными пальцами. Чтобы толстяк мог убедиться, что он ничего не прячет. – Тема космических пришельцев то и дело всплывает в средствах массовой информации. Причем практически по любому поводу. Когда к сказанному больше нечего добавить, в ход идут инопланетяне. Посмотри на вырезки из газет, собранные Мадлоной! Если принимать их всерьез, то получается, что во всех наших бедах виновны инопланетяне. Массовый падеж скота, проигрыш национальной сборной по настольному хоккею, отставка министра водопровода и канализации, слишком дождливый февраль и слишком жаркий джун, трехглазый карп, выловленный деревенским мальчиком в пруду, коммерческий провал последней книги великого писателя-таксидермиста Федора Беликина, бесследное исчезновение писаря районной управы, в пух и прах проигравшегося накануне в карты, близнецы, которые, будучи двух лет от роду, внезапно заговорили на никому не понятном языке – все это и многое другое легко можно списать на злокозненные происки пришельцев из космоса. Так почему не повесить на них еще и похищение рояля? Инопланетяне стали устойчивым архетипом, закрепившимся в сознании наших сограждан и занявшим определенное место в субкультуре не только Централя, но всего Мира-На-Оси. Достаточно только воскликнуть: «Смотрите! Пришельцы!» и указать пальцем куда следует, и все увидят именно то, что им хочется видеть. Вернее, то, что мы хотим им показать. Вот так!

Гиньоль взмахнул кистями рук и подкинул ногтем невесть откуда появившуюся монетку.

– Архетип, говоришь... – Франтишек закинул палочку за спину и задумчиво почесал левую лопатку. – Ты собираешься списать похищение рояля на инопланетян?

– Нет-нет-нет! – взмахнул кончиками пальцев Гиньоль. – Мы предложим нашему клиенту правдоподобное и непротиворечивое объяснение того, как мемориальный рояль мог исчезнуть из ратуши Городского Совета и оказаться на Лысой горе.

– Ты полагаешь, наше объяснение будет настолько убедительным, что с ним все согласятся?

– С ним согласятся, потому что другого не будет.

Франтишек почесал палочкой-чесалкой кончик носа.

– А тебе не интересно, что произошло на самом деле?

– Нет, – не задумываясь, ответил Гиньоль.

– Совсем нисколечко?

– Франц, я – профессионал.

– А если вдруг...

– Именно поэтому никаких «вдруг» быть не должно! У нас есть идея. Осталось разработать план и воплотить его в жизнь. И на все про все у нас только три дня.

– Не слишком ли сжатые сроки? Мне кажется, неделя...

– Через три дня в ратуше Городского Совета состоится концерт Джерри Ли Льюиса. Полагаю, он захочет сыграть на своем рояле. И, если инструмента не окажется на месте, это будет форменный скандал. Сиречь исключительный повод для всех газет и новостийных каналов поднять шум и гам. После такого нам со своими инопланетянами до них уже будет не достучаться. Значит, мы должны обработать телевидение и прессу раньше!

– Но три дня?.. – Франтишек с сомнением поджал губы.

– Именно! – довольно улыбнулся Гиньоль. – Только три дня!

Такая уж была у Гиньоля натура. Чем задача труднее – тем ему интереснее. И спорить с ним было бесполезно.

– Хорошо. С чего начнем?

– Нам нужны консультанты.

– Специалисты по связи с прессой?

– Нет. Нам нужна парочка психов из... – Гиньоль нашел нужную страницу среди подготовленных Мадлоной справок. – Из Центра Угрозы Панспермии. Нам не мешает определенная наукообразность и авторитетная поддержка организации, чье название время от времени мелькает в прессе. Всерьез этот ЦУП никто не воспринимает, но в данный момент это не главное. Нам нужен кто-то, на кого можно сослаться. ЦУП для этой цели вполне подходит. В качестве генератора безумных идей мы используем писателя-фантаста, не обремененного морально-этическими принципами. А то, знаешь, бывают такие, что при любом удобном и неудобном случае начинают рассуждать о высокой миссии литературы, роли писателя в жизни общества и прочей художественной галиматее.

– Такой нам не нужен?

– Конечно, нет! Мы же не собираемся проводить цикл публичных лекций для малограмотных и маргинальных слоев общества! Нам нужен настоящий фантаст! Человек, из которого идеи сыпались бы, как горох из порвавшегося мешка. И чем глупее – тем лучше.

– Ты не перегибаешь? – осторожно поинтересовался Франтишек.

– А как ты думаешь, что больше понравится журналистам? Эссе на тему универсальности основополагающих принципов теории неоднозначности или история о жестоких сексуальных экспериментах, что проводили инопланетяне над похищенной кинозвездой? По-моему, кинозвезда в бикини будет куда как привлекательнее смотреться на обложке журнала, нежели лысый старый гриб в запотевших очках и мятом халате.

– Разве были случаи похищения кинозвезд?

– Будут. Если в этом возникнет необходимость. И для этого нам нужен фантаст, умеющий с ходу придумывать дурацкие, но завораживающие глубиной своего идиотизма истории.

– Тогда нам нужен непризнанный гений.

– Скрупулезно подмечено!

– И Мадлона?..

– Мадлона уже нашла для нас героя! Скромного гения клавиатуры по имени Кимер Фанфанов. В общем зачете у него триста восемьдесят шесть романов и более тысячи рассказов.

– Край мира!

Испытывая острую потребность заесть недоумение, Франтишек сунул руку в пачку с печеньем. Но та оказалась пуста. Франтишек в сердцах смял пачку и запустил комок в корзину. Попугайчики недоуменно переглянулись и возбужденно зачирикали, должно быть, обсуждая странное поведение хозяина. Франтишек почувствовал неловкость.

– Будь добр, Гиньоль, подай новую пачку.

Наклонившись, Гиньоль открыл тумбочку, в которой Франтишек хранил свои запасы. Из тех, что, как сам он выражался, можно пожевать между едой.

– Овсяное, ванильное, медовое, шоколадное, с орехами, с изюмом, с цукатами?..

Франтишек наморщил лоб и задумался. Выбор был не простой. Есть обжоры, которые кидают в рот все подряд, особо не задумываясь над тем, что они едят. Франтишек был не из таких. Он знал, что еда должна быть созвучна мыслям и душевному состоянию того, кто ее вкушает. Иначе проку от нее никакого. Поэтому он и просил Гуанону, чтобы в тумбочке всегда находилось не менее восьми сортов печенья. Ну и еще кое-какая мелочь вроде бисквитов, вафельных трубочек, шоколадных батончиков, мармелада и желейных палочек. Но только не лакрица! Вот чего Франтишек терпеть не мог, так это лакрицу!

– Пожалуй, с орешками.

Гиньоль кинул пачку печенья Франтишеку на живот.

– Осторожно! – встревоженно колыхнулся всем телом тот. – Птичек пришибешь!

Попугайчики увлеченно продолжали сплетничать о хозяине, даже не заметив угрозы, которой им чудом удалось избежать.

– Кимер Фанфанов... – Франтишек откусил половинку печенья и вдохновенно захрустел. – Триста восемьдесят шесть романов... Край мира!.. Где Мадлона его откопала? – Франтишек протянул Гиньолю пачку печенья. – Хочешь? – Гиньоль сделал отрицательный жест рукой. – Ну и где же публикуется наш гений?

– По большей части где придется, – Гиньоль вновь обратился к заботливо

подготовленной Мадлоной справке. – «Похождения межпланетной бестии», «Монстр, который меня соблазнил», «Тысяча и одна ночь с пиратами Веги», «Тварь, прилетевшая с холодной планеты», «Я приду, чтобы вырвать твои щупальца», «Последняя битва за планету Кошмаров», «Кошмарники наносят ответный удар», «Звездный секс-десант», «Империя или смерть», «За воротами кровавой бани», «Миссия...»... Нет, ну это уже слишком! – Гиньоль кинул листок на стол.

Франтишек взял его и быстро пробежал взглядом.

– А это, часом, не порнография?

– Нет, это сексплотэйшн.

– А в чем разница?

– Разница примерно та же, что между вареным и сырым яйцом.

Франтишек удивленно приподнял левую бровь.

– Вареное яйцо можно разбить, не запачкавшись.

– А можно объяснить это, не прибегая к столь сложным аллюзиям?

– Мадлона уверяет, что книги Фанфанова совсем не так плохи, как утверждают их названия.

– Мадлона читала Фанфанова?

– По-моему, Мадлона читала все, что когда-либо было напечатано на сброшюрованной бумаге. Она говорит, что издатели нередко сами меняют названия книг, рассчитывая таким образом поднять их продажи. В общем, Фанфанов – это именно тот фантаст, который нам нужен: плодовитый, разноплановый и не спорящий с теми, кто платит за веселье.

– А кто сказал, что он захочет сотрудничать?

– Мы сделаем Кимеру предложение, от которого он не сможет отказаться.

Гиньоль загадочно улыбнулся.

– Серьезно?

– Первая и последняя рецензия на роман Фанфанова «Тварь в драных колготках» была напечатана пять лет назад в журнале «Грязное белье». В котором, кстати, был опубликован и сам роман. Полагаешь, у господина фантаста хватит дерзости отказаться от литературной премии Центральной Академии?

– Вот это я называю серьезным, продуманным подходом к делу, – уважительно наклонил голову Франтишек. – Хочешь печенье?

– Нет, – отказался Гиньоль.

Франтишек же продолжал усердно хрумкать одно печенье за другим. И не собирался останавливаться. Его желудок усваивал сахара, обеспечивая бесперебойную подачу питания активно работающему мозгу. Франтишек Йи готовился к схватке с хаосом повседневной жизни, который им с Гиньолем предстояло вновь на время обратить в порядок, чтобы поставить себе на службу.

Такая уж у них была работа.

Глава 11

– Боюсь, у меня проблема... – начала Мара.

И запнулась, не зная, как продолжить.

– Полагаю, что все же проблема не у тебя, а у твоего мужа, – пришел на помощь Кроули.

Мара молча кивнула.

– И насколько серьезна эта проблема?

– Даже и не знаю, – покачала головой Мара.

– Вопрос касается денег?

Мара задумалась.

Конечно, пропавший рояль стоил денег. Она представления не имела, сколько стоит рояль, но, по всей видимости, немало. И все же дело здесь было не в деньгах. Вернее, не только в деньгах.

– Не совсем, – сказала Мара.

– Мне уже интересно, – заерзал на стуле Кроули и нацепил очки.

Он не играл и не притворялся. Ему действительно было интересно. Есть особая категория разумных существ, которые сами себе создают проблемы. Постоянно. Самые немислимые. Среди них муж Мары Алик был неоспоримым гранд-мастером. Его дурацкие выходки, оборачивающиеся большой бедой, не шли в сравнение ни с чем другим. Порой Кроули диву давался, как этому типу вообще удалось дожить до своих лет, не свернув себе шею? Другой бы на его месте уже раз десять успел бы нарваться на такие неприятности, что после забудешь обо всем, кроме больничной утки. А этот – ничего. Живет себе и радуется жизни. За женой спиной.

Кроули с глубоким, искренним уважением относился к Аликовой жене. И с нетерпением ждал ее историю.

Мара начала издали.

Она рассказала Кроули о великом пианисте Джерри Ли Льюисе. О том, как, выиграв очередной престижный конкурс, он на радостях, а может, так просто, сдуру, подарил свой рояль Городскому Совету. Рояль – он ведь, должно быть, немалых денег стоит. А в зале Городской ратуши он, все одно, стоит на манер мебели. Будто комод или стол какой. Самому-то Льюису рояль, должно быть, нужнее, чем ратманам. За все то время, что шенгены работали в Желтом Доме, Мара ни разу не видела, чтобы кто-нибудь этот рояль открывал. Бургомистр велел оркам только пыль с него стирать да медную табличку, на которой написано, что это за рояль, кем и когда подарен, шлифовать до блеска. И, в общем, все бы ничего, если бы неделю тому назад этот самый Джерри Ли Льюис, непонятно с какого перепугу, не изъявил желания сыграть на подаренном Городскому Совету инструменте. И – все! Ратманы зашуршали, завертелись, начали трендеть о своей любви к фортепианной музыке!.. Одним словом, все готовились к штатному, в меру пафосному мероприятию. Приглашали именитых гостей, зазывали прессу, закупали еду и питье для фуршета... В общем, все как полагается. Не больше и не меньше. Маре подобные мероприятия были уже не в новинку. Она точно знала, что и как нужно делать. Так что, казалось, и беспокоиться не о чем. Если б только...

Если б только...

– Ну, и что на этот раз учудил твой благоверный? – снова пришел гостье на помощь

Кроули.

– Он создал кадавра, – едва вымолвила Мара.

И отвела взгляд в сторону.

Она глядела на синюю половину комнаты. И ей казалось, что даже морская свинка Христофор смотрит на нее с осуждением.

– Как? – недоумевающе переспросил Кроули. – Алик создал кадавра?

Он при этом, должно быть, еще и глаза вытаращил. Однако за темными стеклами очков этого было не видно.

– Ну, в общем, он не один это сделал, ему помогал его кузен Гена, – быстро-быстро, словно боясь, что ее остановят и не позволят досказать всю историю до конца, заговорила Мара. – И, как я догадываюсь, сама идея как раз Генке-то и принадлежит. Бургомистр велел этим двум олухам натереть как следует полы в зале, где стоит рояль. А им, видишь ли, было лень инструмент с места на место двигать...

– Стой, стой, стой! – будто испугавшись словесного напора, вскинул руки Кроули. – Так они, что же, рояль оживили?

– Рояль?

Мара представила себе оживший рояль, и ей сделалось нехорошо. В ее воображении рояль, сшибая стулья и вазы, носился по залу за Бургомистром, норовя ухватить этого достойного мужа за фалды. При этом он злобно хлопал крышкой, взмахивал ею, будто ворон крылом, и хищно скалил черно-белые клавиши. Да уж, картина была та еще! Будто из фильма Бунюэля! Какое счастье, подумала Мара, что эти двое недоумков до такого не додумались.

– Нет, они оживили манекен, который нашли в подвале, и велели ему убрать рояль.

Кроули снял очки и откинулся на спинку стула. Выражение лица у него было очень странное. Мара назвала бы его глупым, если бы не относилась к Кроули с глубочайшим уважением.

– И что дальше? – заинтригованным полупшепотом спросил Кроули.

– Больше их никто не видел.

– Алика с Геной?

– Кадавра с роялем. А через три дня концерт. – Мара снова затараторила. – Приедет сам Джерри Ли Льюис. Приедет, между прочим, чтобы играть на своем рояле. А инструмента-то и нет! Скандал. Форменный скандал. В присутствии почетных гостей и прессы. Ну ладно, гости – они могут и фуршетом обойтись. А журналисты-то, как пить дать, обо всем напишут. Им сколько ни наливай, они все равно все помнят. А что не вспомнят, так то приврут...

– Стой! – прервал Мару Кроули. – Давай разбираться во всем спокойно и по порядку. Без спешки и суеты. Договорились? – Мара согласно кивнула. – Отлично! Итак. Когда это случилось?

– Вчера. Вчера поздно вечером. Когда в ратуше уже никого не было. Ну, в смысле, кроме нас, шенгенов. Но известно обо всем стало только сегодня, уже после обеда, когда явился Бургомистр и начал выяснять, куда подевался рояль.

– Надеюсь, Бургомистру про кадавра ничего не сказали?

– Какое там, – уголки губ Мары поползли вниз, как будто шенгенка собралась разрыдаться. – Хуже.

– Да куда уж хуже-то? – выразительное лицо Кроули сделалось недоумевающим.

– Эти олухи, чтоб им за край свалиться, заявили Бургомистру, что по их, видишь ли, соображениям, рояль ратман Студнев умыкнул.

Услыхав такое, Кроули не смог удержаться от смешка.

– А что? Хорошая идея! На Студнева все что хочешь можно списать. А с него все одно как с гуся вода. С таким-то папашей его никто не тронет. А если и тронет, так после о том пожалеет.

– Так-то оно, может, и так, – согласилась Мара. – Да только рояль все равно надо на место вернуть. А то ведь может обнаружиться в самом неподходящем месте. Да и кадавр где-то разгуливает. Потому я и пришла к вам...

– К тебе, Мара!

– К тебе, почтенный...

– Без этого.

– К тебе, Кроули...

– Мара, мы же договорились – просто Алистер!

– К тебе, Алистер...

Произнеся эти слова, шенгенка так и замерла с чуть приоткрытым ртом. Как будто удивляясь своей дерзости.

– Ну вот видишь, – ободряюще улыбнулся орк. – Все очень просто. Как много лет назад.

Мара глубоко вздохнула, как будто вынырнула из ледяной воды. И даже попыталась улыбнуться.

– Продолжай, – попросил Кроули.

– Я пришла к тебе за помощью, Алистер. Ты лучший знаток магии во всем Централе.

– Ну, это ты преувеличиваешь, – смущенно улыбнулся Кроули. – Я знаком с магией ровно настолько, насколько мне это требуется для работы. А все мои знания – вот они. – Орк погладил рифленую крышку процессорного блока стоявшего на столе вычислителя. – У меня огромная база данных, в которой собрано все, что так или иначе имеет отношение к магии, оккультизму или сверхъестественному. Но я использую эту информацию, только чтобы устраивать шоу для своих клиентов. Как практикующий маг – я полный профан. Твой муж, похоже, разбирается в этом гораздо лучше меня. Используй я все свои знания, я все равно не смог бы создать кадавра. Более того, я понять не могу, как Алику-то это удалось? В наше время действуют разве что только самые простые заклинания. Кулинарные да косметические. Все остальные практически утратили свою силу. Видишь ли, Мара, хорошее заклинание, как картина, имеет свой срок. Проходит время – и краски на холсте начинают тускнеть, покрываться патиной и осыпаться. Для того чтобы картина вновь ожила, ее необходимо отдать в руки опытному реставратору. В противном случае ее можно потерять навсегда. То же самое и с заклинаниями. В свое время практикующие маги постоянно подновляли их, приводили в соответствие с новым временем. Теперь же это стало никому не нужно. Искусство обновления старых заклинаний, так же как и изготовления новых, практически утрачено. Как языки, на которых никто не говорит. Поэтому я хочу тебя спросить, ты уверена, что Алик не придумал всю эту историю с кадавром?

– Ему мозгов не хватило бы придумать такое, – процедила сквозь зубы Мара. – Кроме

того, рояль-то исчез.

– Наверное, можно найти и другое объяснение исчезновению рояля. Более реалистичное.

– Какое? – почти в отчаянии всплеснула руками Мара. – Не продал же его Алик?

– Ну, честно говоря, именно этот вариант я и хотел предложить в первую очередь, – признался Кроули.

– Нет, – решительно мотнула головой шенгенка. – Алик, может, и болван, но не полный же идиот. Он все же понимает, что пропажу рояля сразу заметят. А нас после этого попрут с работы. Да и кому он продал бы этот рояль?

– В общем, да, согласен, – кивнул Кроули. – Тогда... – Орк задумчиво почесал за ухом. – Для начала следует выяснить, какое заклинание использовал Алик для создания кадавра? Видишь ли, кадавра можно создать множеством различных способов. От того, каким заклинанием пользовался создатель, зависят свойства кадавра.

– Я уже все выяснила, – Мара достала из кармана сложенный вчетверо листок бумаги. – Он использовал заклинание Шредингера.

– Что?..

Кроули как будто хотел сказать еще что-то, но в последний момент передумал, решив, что прозвучит это совсем уж глупо. Хотя, может быть, он и не хотел говорить ничего, кроме того, что сказал.

А, впрочем, какая разница?

– Заклинание Шредингера, – еще раз прочитала по бумажке Мара. И, посмотрев на Кроули, добавила: – Так он мне сказал – Алик.

– А он, часом, не сказал, где он узнал это заклинание?

– Нет. А это имеет значение?

– Одну минуту. – Кроули ударил пальцем по клавише пробела. – Я должен кое-что проверить.

Орк достал из стола дискету, сунул ее в дисковод и принялся выстукивать болеро на клавишах. Спустя не минуту, правда, и не две, а четыре с половиной, он недовольно поморщился, вытащил дискету и, вставив на ее место другую, продолжил танец пальцев.

Мара, замерев, ждала.

Она чувствовала, что что-то не так.

Но что именно?

И насколько не так?

Это уже нужно было не почувствовать, а понять.

– Я так и знал! – Кроули расслабленно взмахнул кистью левой руки, откинулся на спинку кресла и, сдвинув очки на кончик носа, посмотрел на Мару поверх оправы. – Заклинание Шредингера – одно из самых древних и самых сильных заклинаний для создания кадавров. Последний случай его удачного применения был зарегистрирован более ста лет тому назад. С тех пор все попытки использовать заклинания Шредингера оканчивались неудачами. Тридцать три года назад магический факультет Центральной Академии вынес окончательный вердикт, гласящий, что заклинание Шредингера состарилось настолько, что полностью утратило свою силу и не подлежит реставрации. Последнее заявление связано,

скорее всего, с тем, что не стало реставраторов, способных заставить вновь работать вещицу такого уровня, как заклинание Шредингера. Как это удалось твоему мужу?.. – Кроули недоумевающе развел руками. – Но если все же мы соглашаемся с тем, что Алику удалось то, что не смог сделать более никто за последние сто лет... – Орк сделал паузу. Как будто для того, чтобы коротким движением указательного пальца вернуть очки на прежнее место. – Тогда у нас куча проблем.

– Я знаю, – смиренно склонила голову Мара.

– Нет, – помахал рукой Кроули. – Ты пока еще ничего не знаешь! Как правило, кадавры наделены огромной силой. Прежде, во времена магии, их использовали в основном для выполнения тяжелой физической работы. В качестве наемных убийц они тоже были хороши. Кадавры более проворны, чем големы. Для того чтобы остановить кадавра, нужно дословно знать фразу, которая была использована для того, чтобы поставить перед ним задачу. Ну, или использовать современное стрелковое оружие. Заклинание Шредингера было направлено на то, чтобы создавать не просто тупых исполнителей, а кадавров, наделенных зачатками разума, способных к развитию и самообучению. Работая с кадавром Шредингера, следует быть крайне осторожным, иначе можно утратить контроль над своим творением. Особенно в этом плане опасны человекообразные кадавры. В средневековом трактате Шпренгера и Инститориса «Серп и Молот» приводятся примеры того, как кадавры-гуманоиды занимали важные государственные посты, после чего от них очень долго не могли избавиться. Совершенно удивительна история кадавра по имени Вилен Ушанов-Тенин, захватившего власть в Сарроте и правившего в течение ста семидесяти семи лет. Дабы его бессмертие никого не удивляло, Вилен сымитировал собственную смерть и похороны в специально отстроенном для этого мавзолее. После чего оттуда уже продолжал править Сарротом, опираясь на алчность беспринципных чиновников. Остановить его удалось лишь числом огромных жертв и невероятных усилий ведущих специалистов в области квантовой релятивистики. Однако по непонятным причинам мавзолеей Ушанова в Сарроте сохранили. И по сей день в нем хранится тело кадавра. Кто и с какой целью его сохранил – загадка.

Впрочем, я отвлекся.

Другой уникальной особенностью кадавров Шредингера является то, что они способны использовать эффект квантового туннелирования. Если не забираться глубоко в научные дебри, то можно сказать, что суть эффекта квантового туннелирования заключается в том, что, когда мы бросаем мячик в стену, всегда существует вероятность, что мячик не отскочит от стены, а окажется по другую ее сторону. Ничтожно малая, но все же не нулевая вероятность. То есть, совсем уж просто говоря, кадавры Шредингера могут проходить сквозь стены. А также сквозь разделяющее эти стены пространство. Скажем, войдя в эту стену, – Кроули указал на стену, рядом с которой сидел, – кадавр выйдет из стены Желтого Дома и окажется на Ратушной площади.

– На это способны все кадавры Шредингера? – удивленно спросила Мара.

Кроули сделал неопределенный жест рукой.

– Существует такое понятие, как парадокс кадавра Шредингера. Он заключается в том, что мы не можем проверить способность этих кадавров использовать эффект квантового туннелирования. В те времена, когда могли создавать кадавров Шредингера, не существовало

источника энергии, необходимой для воспроизведения эффекта квантового туннелирования. Сегодня можно было бы использовать для этой цели те же гисы, но теперь у нас нет кадавров. Вот такая, понимаешь, загогулина.

– А... – Мара растерянно приоткрыла рот. Но поскольку шенгенкой она была воспитанной, тут же его захлопнула. Из всего, что сказал Кроули, она поняла только то, что кадавр, созданный ее непутевым мужем, может сейчас находиться где угодно. Поэтому она и спросила: – И где же теперь наш кадавр?

– Давай попробуем в этом разобраться.

Кроули чувствовал, что его разбирает азарт. Как охотника за древними сокровищами. Нет – как охотника за Ти-Рексом Болана – легендарным чудовищем, вымершим много тысячелетий назад, но то и дело невесть откуда выползающим на белый свет. Кроули пока что с трудом верилось в то, что малообразованный орк, работающий уборщиком в ратуше Городского Совета, мог создать кадавра Шредингера. Но уже шевелился вьедливый червячок сомнений, твердящий неустанно: а что, если?..

– Как я уже сказал, следует быть крайне осторожным в обращении с кадавром Шредингера. Осознанно кадавр не может нарушить или не выполнить приказ своего создателя. Так же, как не может причинить вред повелителю. Но заложенное в нем стремление к самосовершенствованию естественным образом подразумевает желание обрести свободу. Поэтому он будет стараться использовать любую возможность для того, чтобы избавиться от хозяина. А такая возможность может представиться ему только в случае, если создатель допустит ошибку. Поскольку созданный Аликом кадавр ушел и не вернулся, следует предположить, что твой муж с самого начала допустил какую-то оплошность.

– Кто бы сомневался, – обреченно вздохнула Мара.

– Для того чтобы понять, что произошло с кадавром, я должен знать все, о чем говорил с ним Алик. Все приказы, которые он ему отдавал. В точности, слово в слово!

Мара еще раз вздохнула и перевернула листок, который держала в руках.

– Он сказал следующее: «Возьми этот чертов ящик и оттащи куда подальше. А потом убирайся с глаз моих долой». – Мара подняла взгляд на Кроули. – Я записала со слов Алика. Если только он сам ничего не напутал... Под ящиком он подразумевал рояль.

– Понятно. – Кроули удрученно постучал пальцами по столу. – По всей видимости, кадавр истолковал слова Алика буквально. То есть он должен унести рояль как можно дальше, а после этого может быть свободен. – Он искоса глянул на шенгенку. – Это плохо, Мара. Очень плохо. Кадавр, чувствующий себя человеком... – не закончив фразу, Кроули только головой покачал. – Я даже подумать боюсь, на что может оказаться способен этот монстр!

Глава 12

Туанона вошла в гостиную, аккуратно прикрыла за собой дверь и остановилась, сложив руки на белом накрахмаленном переднике.

Гиньоль отложил газету. В утреннем номере «Центральных новостей» не было ни слова об исчезновении мемориального рояля из ратуши Городского Совета. И это было хорошо.

Выражение лица у Туаноны было крайне недовольным. Гиньоль даже припомнить не мог, когда он последний раз видел ее такой. И это было плохо.

– Да, Туанона? – спросил он как можно более непринужденно.

И даже улыбнулся через силу.

Он не любил, когда на него смотрели так, как будто он сидел без штанов.

– Господин Гиньоль, к вам посетители. – Голос Туаноны был похож на потрескивание кусочков льда, брошенных в стакан с соком. Пожалуй, что с томатным.

– Да? – изображая удивление, Гиньоль вскинул брови. – Так почему же вы не пригласили их пройти?

– Они не внушают мне доверия. Мадлона, едва их увидав, разрыдалась и убежала. Мне пришлось оставить их в прихожей без присмотра. Боюсь, они что-нибудь там стащат.

– Туанона! – Гиньоль с досадой цокнул языком. – Я же предупреждал, что у нас сегодня будут гости!

– Эти двое не похожи на обычных гостей.

– Охотно верю, Туанона.

– Они не дали мне своих визиток.

– Возможно, у них нет карточек.

– Тогда это проходимцы, которым не место в нашем доме.

– Это крупные ученые...

– Они не похожи на ученых.

– Исследователи...

– И на исследователей тоже не похожи.

– На кого же они похожи?

Туанона на секунду задумалась. Всего на секунду.

– На карточных шулеров, только что сбежавших из тюрьмы!

– Туанона! Это выдающиеся люди... Своего рода... Пожалуйста, пригласите их пройти!

– Я не могу взять на себя такую ответственность, – с вызовом вскинула подбородок домработница.

– Хорошо, я сделаю это сам. – Гиньоль поднялся со стула.

Туанона сверкнула на Гиньоля глазами.

– Если вы настаиваете, господин Гиньоль...

Не закончив фразу, она резко развернулась, вышла из столовой и хлопнула за собой дверь. Не сильно, но выразительно.

В общем, это была ее обычная манера поведения. Туанона любила показать, кто в доме хозяин. Гиньоль к этому привык и не брал в голову.

Он снял трубку телефона, стоявшего на комодике возле стены, и дважды ударил пальцем по рычажку.

– Все в порядке, Франц?

– Я готов, – ответил Франтишек, хрумкая то ли вафлей, то ли сухим печеньем.

Обычно Гиньоль принимал посетителей в своем кабинете, расположенном над комнатой Франтишека. Кабинет и комната были оборудованы специальной системой связи. Оставаясь в своей комнате, Франтишек слышал все, о чем говорят в кабинете, и параллельно

оценивал эмоциональное состояние посетителя. Если что-то, по его мнению, шло не так или посетитель вел себя слишком нервно и странно, Франтишек мог незаметно дать знать Гиньолю об этом.

Однако сегодня Гиньолю решил принять посетителей в гостиной. Он не без оснований полагал, что беседа со специалистами из Центра Угрозы Панспермии, проведенная за обеденным столом, окажется значительно содержательнее и уж точно продуктивнее. Эта парочка не внушала Гиньолю ни малейшего опасения. Он хотел только, чтобы Франтишек оценил степень их вменяемости и после поделился с ним своими наблюдениями.

– Гости прибыли, – сказал Гиньолю в трубку и положил ее рядом с аппаратом.

Так Франтишеку будет слышно, о чем говорят в столовой.

Едва Гиньолю отошел от комодика с телефоном, как дверь распахнулась.

Первой вошла недовольная больше, чем прежде – хотя, казалось бы, куда уж больше! – Туанона.

– Господин Гиньолю! К вам эти двое! – провозгласила домработница и, подобно стражу, заняла место сбоку от двери, бдительным взглядом следя за каждым движением, каждым жестом подозрительной пары.

Взглянув на гостей, Гиньолю мысленно признал, что Туанона была права – они действительно производили весьма странное впечатление. Наверное, трудно было бы найти двух более непохожих друг на друга людей, чем эта пара. Обоим было чуть больше пятидесяти. Один был маленького роста, толстый, с обвисшими щеками и тремя подбородками. Его розоватую лысину, обрамленную вялым венчиком из остатков волос, покрывали капли пота размером со спелую землянику. Из-за огромного живота двигаться ему было жутко неудобно. Должно быть, поэтому он тяжело дышал и отдувался так интенсивно, что запотели большие, тяжелые очки, только каким-то чудом державшиеся на крошечном носике-пуговке. На нем были мятые брюки и клетчатая рубашка с оторванной на животе пуговицей и закатанными по локоть рукавами. Под мышкой он держал сильно потертую дерматиновую папку на молнии. Второй гость был ростом под два метра и страшно худой. Сказать, что он был болезненно худ, – все равно что не сказать ничего. Он был настолько худой, что казалось странным, как его кости еще не порвали сухую морщинистую кожу, имевшую весьма нездоровый желтоватый оттенок. Длинные седые волосы, кое-как расчесанные на прямой пробор, ниспадали до самых плеч. И, по мнению Гиньоля, их давно пора было помыть. Если худой и брился сегодня утром, то не иначе как столовым ножиком для масла – на щеках и подбородке клочьями торчала щетина. На нем были фиолетовые тренировочные брюки с пузырями на коленях, затасканная майка и длинный халат, здорово смахивающий на банный. Сцепив руки за спиной, тощий помахивал хозяйственным целлофановым пакетом, как будто каким-то тряпьем набитым.

По всей видимости, это были те самые высококлассные специалисты по изучению внеземной жизни из Центра Угрозы Панспермии, о встрече с которыми договорилась Мадлона. Гиньолю, признаться, не ожидал, что все так скоро получится. Мадлона позвонила в ЦУП сразу после завтрака. И вот, не прошло и двух часов, а ученые, если можно так выразиться, мужи уже здесь. Стоят, переминаются с ноги на ногу посреди гостиной. Фантаст – тот лишь к обеду обещал прибыть. Сказал, что прежде должен закончить главу. Гиньолю

это было только на руку – он не хотел, чтобы фантаст и упологи встретились. Поначалу они не должны были даже догадываться, что будут работать над одной и той же проблемой.

Гиньоль, конечно, предполагал, что упологи – люди эксцентричные. Но не до такой же степени! Они не были похожи на карточных шулеров, как утверждала Туанона. Скорее уж, на полных психов.

В некоторой растерянности он посмотрел на Туанону.

Домработница самодовольно хмыкнула – я ведь вас предупреждала!

Что ж, Гиньолю приходилось решать и не такие проблемы.

Сделав над собой усилие, Гиньоль изобразил улыбку.

– Господа! Рад вас видеть в моем доме. Меня зовут Гиньоль Гиньоль. Или, если хотите, Джин Ойл.

Упологи переглянулись.

– У вас два имени? – подозрительно спросил толстый.

– Да, – радостно кивнул Гиньоль.

– Это, по меньшей мере, странно, – многозначительно изрек тощий.

– При моем роде деятельности, – доверительно понизил голос Гиньоль, – приходится быть осторожным.

– Чем же вы занимаетесь? – спросил тощий.

Толстый снял очки и, выдернув из штанов угол рубашки, с ожесточением принялся протирать стекла.

– А вас разве не предупредили? – Гиньоль сделал вид, что удивлен.

– Н-нет.

Тощий прикусил верхнюю губу. Которая и без того была слишком короткая.

– Я занимаюсь изучением пророчеств волхвов относительно грядущего Апокалипсиса. – Голос Гиньоля сделался едва слышен. – И многим это не нравится. – Он многозначительно закатил глаза. – Вы ведь меня понимаете?

Упологи дружно закивали.

Туанона недовольно поджала губы. Ей не нравилось, когда Гиньоль начинал нести околесицу. Хотя сам он называл это импровизацией.

– Доктор Вин-Винтовский, – потянул Гиньолю руку тощий.

– Профессор Хруль! – браво, по-военному отрекомендовался толстый.

Гиньоль с улыбкой пожал сначала сухую, а затем и потную руку.

– Рад нашей встрече, господа! Искренне рад! Надеюсь, вы не откажетесь... отобедать со мной?

Гиньоль запнулся, поскольку время было еще далеко не обеденное.

Однако упологов это ничуть не смутило. Во всяком случае, отказываться они не стали. И даже неловкости, похоже, не испытали.

Пока доктор с профессором усаживались за стол, Гиньоль вытолкал Туанону за дверь.

– Господин Гиньоль! Не оставляйте их там одних!

– Почему?

– Они что-нибудь стащат!

– Туанона!..

– Помяните мое слово! Непременно стащат!

– Туанона! Не позорь меня перед гостями!

– Да какие они гости!..

– Туанона!..

– Я б таких и на порог не пустила!..

– Стоп! – Гиньоль поднес к носу домработницы растопыренную пятерню. – Туанона, – он перешел почти на шепот. – Это мой дом. Я рад, что ты за ним приглядываешь, но посетители приходят ко мне. Посетители очень разные, порой даже странные. Такая уж у меня работа. Но кого из них пускать, а кого – нет, решаю я. Все ясно, Туанона?

Гиньоль говорил это Туаноне уже не впервой. И всякий раз реакция домработницы на его слова была одинаковой. Уверенная в своей правоте, Туанона фыркнула и отвернулась.

– А теперь, пожалуйста, Туанона, – Гиньоль повел рукой в сторону закрытой двери в гостиную, – накорми наших гостей.

– До обеда еще три часа, – глядя в сторону, ответила домработница.

– У тебя должно было остаться что-нибудь после завтрака.

– Обьедки?

– Хорошо, подай обьедки. Только придай им соответствующий вид.

– Чему соответствующий-то? – Туанона скосила на хозяина насмешливый взгляд. – Гостям, что ли?

– Туанона!.. – Гиньоль еще раз показал домработнице ладонь. – И не забудь про вино.

– Посыльный из магазина еще не приходил.

– Ну так позвони, пусть поторопится.

Туанона снова фыркнула и пошла на кухню.

– И скажи Мадлоне, что я ее жду, – сказал, глядя на ее широкую спину, Гиньоль.

– Она сегодня не в духе, – не оборачиваясь, ответила домработница.

– Что значит «не в духе»? Я ее не на свидание зову!

Ничего не ответив, Туанона скрылась за кухонной дверью.

Гиньоль приосанился, одернул манжеты, растянул губы в улыбке и распахнул дверь в столовую.

Гости дружно вздрогнули и уставились на него с таким видом, будто и вправду что-то стащили. Ну, или собирались стащить.

– Сейчас будет подан обед!

Гиньоль изящно взмахнул кистями рук – он знал, что это у него получается великолепно! – обошел стол и занял свободное место. Так, чтобы видеть обоих упологов.

– А что у нас на обед? – любопытствовал профессор Хруль.

– Честно говоря, не знаю, – открыто улыбнулся Гиньоль. – Моя кухарка такая затейница... – Он помахал в воздухе кистью левой руки. – Никогда заранее не знаешь, что она изобразит...

В чуть приоткрывшуюся дверь одним глазком заглянула Мадлона.

– Заходи, Мадлона! – махнул ей рукой Гиньоль. – Разреши представить тебе наших гостей. Профессор Хруль и доктор Вин-Винтовский. Оба – известные упологи. Преданные и целеустремленные борцы с угрозой панспермии.

Мадлона изо всех сил прижала к груди папку, что держала в руках. На лице девушки появилось страдальческое выражение.

– Можно, я... – она одним пальчиком указала на кресло в самом дальнем углу.

– Ты разве не присоединишься к нам? – Гиньоль посмотрел на свободное место у стола.

Мадлона пальчиком прижала перекладину очков к переносице и испуганно затрясла головой.

– Ну что ж, как пожелаешь.

Мадлона добежала до кресла, прыгнула в него, вся сжалась и затаилась, как мышка.

– Итак, господа! – Гиньоль сложил ладони и кончиками пальцев коснулся гладко выбритого подбородка. – Вы, должно быть, изнываете от любопытства?

Упологи непонимающе переглянулись.

– Вам, наверное, интересно, почему я вас пригласил? – задал наводящий вопрос Гиньоль.

– А, да, конечно, – затряс нечесаными патлами доктор Вин-Винтовский.

– Безумно интересно! – азартно воскликнул профессор Хруль.

Он даже хотел было вскочить на ноги. Но зацепился животом за край стола и снова плюхнулся на стул.

– Господа! – Гиньоль перевел взгляд с худого на толстого. – Доктор, профессор. – Он таинственно улыбнулся. – У меня к вам дело чрезвычайной важности!

Оба уполога замерли в ожидании.

Они понятия не имели, чего, собственно, ожидать? А потому выражения их лиц были скорее испуганными, нежели заинтересованными.

– Что вы думаете об угрозе инопланетного вторжения? – спросил Гиньоль.

В столовой повисла зловещая тишина.

В дальнем углу, непонятно с чего вдруг, сдавленно пискнула Мадлона.

Взгляд хозяина, казалось, придавил гостей к спинкам стульев. Как перегрузка примерно в 5g.

– Я жду ответа.

Доктор Вин-Винтовский медленно поднял руку и принужденно кашлянул в кулак.

– В каком смысле? – спросил он внезапно осипшим голосом.

– В том самом, который вы сами в него вкладываете, – ответил Гиньоль.

Профессор Хруль принялся нервно ерзать на стуле. Как будто ему вдруг нестерпимо захотелось в туалет. Лицо его приобрело страдальческое выражение. Казалось, ему хотелось сорваться с места и куда-то бежать. Вот только он страшно боялся последствий этого необдуманного поступка.

Вторя ему, доктор Вин-Винтовский принялся нервно барабанить ладонями по краю стола.

Так, подумал Гиньоль, не хватало только, чтобы еще и Мадлона в углу разрыдалась.

Но Мадлона, на удивление, держалась молодцом. Из ее уголка более не доносилось ни звука.

– Что вы от нас хотите? – внезапно выбросил вперед длинную, худую, как палка, руку доктор Вин-Винтовский.

– Да! Что вам от нас нужно?

Профессор Хруль попытался-таки вскочить на ноги, и вновь живот помешал ему сделать это как подобает.

– Господа! – Гиньоль поднял руки в умиротворяющем жесте. – Мне кажется, вы неправильно меня поняли!

– А как вас следует понимать? – воскликнул тощий уполог.

– Да! Скажите, как? – поддакнул ему толстый.

В голове у Гиньоля зародилась очень нехорошая мысль. Он начал думать, что, быть может, напрасно связался с этими недоумками из ЦУПа? Быть может, хватило бы и одного фантаста?.. А?..

Обстановку – вот же диво! – разрядила Туанона. Толкнув задом дверь, домработница, пятясь, вошла в столовую. Вкатив серебристый сервировочный столик, она развернулась и, чинно вышагивая, направилась к обеденному столу.

Гости замерли.

Не то в испуге, не то в недоумении.

Если Гиньоль внашал им недоверие, то Туанона – ужас.

Почему – этого упологи и сами не понимали.

Какие уж воспоминания будил в их душах мерный стук каблуков домработницы – о том, должно быть, никто и никогда не узнает. Только оба затихли, сели на свои места и сложили руки на коленках.

С видом невозмутимым и чопорным – какое мне дело до того, что тут у вас происходит, – Туанона принялась накрывать на стол. Если на блюдах действительно лежало то, что осталось от завтрака, значит, Туанона готовила его в расчете на дюжину гостей, которые так и не явились. Тут была и холодная говядина, и рыба под маринадом, и соленые огурчики, и грибочки под майонезом, и ветчинные трубочки, и сырные булочки, и острые соусы, и свежие фрукты. И – видимо, посыльный из магазина все-таки явился – две большие пузатые бутылки портвейна.

При виде такого изобилия даже Гиньоль невольно улыбнулся. А упологи – те так просто пожирали угощение глазами. И, казалось, готовы были начать тихо поскуливать. Как собаки Павлова, услышавшие звонок.

Туанона окинула творение рук своих придирчивым взглядом, поправила салфетку на тостах, смахнула с края стола невидимую пылинку и молча удалилась. На Гиньоля она даже не взглянула. Ибо и без того знала, что повергла его во прах. Доказав, что ее Дэ втрое, нет, вчетверо выше его! Гиньоль был не против. Его вполне устраивала кухарка даже с очень высоким Дэ, если она может из остатков завтрака приготовить роскошный обед.

Гиньоль взял за горлышко бутылку портвейна, выдернул из нее пробку и повторил свой вопрос:

– Так все же что вы думаете об угрозе инопланетного вторжения, господа?

– Такая угроза, несомненно, существует! – убежденно заявил доктор Вин-Винтовский.

– Вне всяких сомнений! – горячо поддержал коллегу профессор Хруль. – Это ужасная угроза!

– Я рад, что вы так считаете. – Гиньоль наполнил бокалы упологов вином. – Значит, нам

есть о чем поговорить.

Однако в течение следующих сорока трех минут поговорить о чем-либо с упологами оказалось невозможно. Они накиннулись на еду, точно стервятники на полуразложившийся труп. И были способны издавать лишь нечленораздельные звуки и междометия.

Оставив на время упологов одних – Мадлону, забившуюся в угол, вряд ли стоило принимать в расчет, – Гиньоль покинул столовую, чтобы заглянуть к Франтишке.

– Пока информации маловато, – Франтишек сунул в рот половинку зефира и почесал под горлышком сидевшего у него на животе попугайчика Ма. – Но мне кажется, что с этими людьми можно иметь дело.

– На мой взгляд, они производят впечатление абсолютных психов. Которых к тому же неделю не кормили. Туанона, кстати, со мной согласна.

– Смею полагать, что внешний вид этих, с позволения сказать, ученых – то же самое, что татуировки и пирсинг, которыми уродуют свои тела подростки.

– То есть?.. – непонимающе сдвинул брови Гиньоль.

– Это неосознанное стремление продемонстрировать окружающим свои душевные страдания. Завуалированный призыв о помощи. Я не знаю, что за проблемы были у этих людей, но, думаю, жизнь их крепко помяла. Упология – для них это не игра, а тот последний стержень, что не дает сломаться. Они никого не дурачат. И хотя, может быть, и сами до конца не верят в то, о чем говорят, но очень, очень хотят поверить.

– По-моему, ты допускаешь некоторую натяжку, – с озадаченным видом Гиньоль потер пальцами подбородок. – Почему нельзя говорить об угрозе панспермии и иметь при этом опрятный, респектабельный вид?

– А почему настоящие рок-музыканты носят длинные волосы и драные майки?

– Это часть имиджа.

– Нет. Имидж – это для неофитов, которые хотят, чтобы их считали рокерами. Для настоящего рок-музыканта его внешний вид – это образ жизни. Это – внешняя оболочка его внутреннего мира. Как ты думаешь, почему у фазана такой длинный хвост?

– Для красоты?

– Природа не думает о красоте. Она руководствуется принципом целесообразности.

– Но длинный хвост только мешает фазану!

– Именно! Это не что иное, как демонстрация принципа избыточности! Это вызов, который фазан бросает всем вокруг. Он как бы говорит своим соперникам: «Смотрите! Даже с таким длинным и неудобным хвостом я все равно лучше вас всех!» То же самое касается и рокеров. И твоих упологов.

– Вот как? – Гиньоль озадаченно хмыкнул. – Кажется, я начинаю понимать...

– Это не так сложно, как кажется. – Франтишек взял из коробки пряник. – Обрати внимание, – он пальцем указал на лежавшую на столике рядом с вазочкой розового желе телефонную трубку, – в твоё отсутствие они не произнесли ни слова.

– В столовой осталась Мадлона.

– Скорее всего, они ее даже не замечают. Они ни о чем не говорят, потому что у них нет никаких планов.

– Естественно. Я ведь еще ни о чем с ними не говорил. Кроме того, они жуют без

остановки.

– Я тоже постоянно жую. – Франтишек откусил половину пряника. – Но при этом ведь еще и говорю. Этим двоим нечего обсуждать, потому что у них нет никаких планов. Они пришли к тебе, потому что ты их позвал. Они станут делать для тебя все, до тех пор пока будут уверены, что ты разделяешь их взгляды. Так что постарайся не допускать фальши. Не переигрывай, иначе они от тебя сбегут. – Франтишек сунул в рот остаток пряника. – Это только предварительные выводы.

– Уже неплохо!

Гиньоль подмигнул Франтишеку, щелкнул пальцами и побежал к гостям.

Глава 13

Двухместный полуспортивный «Гепард-69» с откидным верхом въехал на задний двор ратуши Городского Совета и мягко затормозил возле лесенки, ведущей в полуподвал. Роскошный эксклюзив ручной сборки ярко-малинового цвета. По дверцам и задним крыльям змеились огненно-рыжие и черные разводы, имитирующие языки пламени и дыма – казалось, машина была охвачена огнем.

Выбежавший за минуту до этого на двор Аскольд замер с разинутым ртом. В один момент у шенгена все, что было, вылетело из головы. Как будто его неструганой доской по затылку шарахнули. Край мира! Он даже забыл, зачем выбежал на двор. А ведь не просто так выбежал, а по делу.

Из машины вышел невысокий, коренастый орк в распахнутой кожаной куртке и черных джинсах. На майке под курткой большой вопросительный знак и надпись под ним: «Кто дальше». Сдернув с рук мягкие кожаные перчатки, орк кинул их на водительское сиденье.

– Эй! – кончиками пальцев поманил он к себе Аскольдика. – Ты из местных?

– Я тут работаю, – оробел шенген.

В голове суетливо, тараканами забегали самые разные мысли. По большей части глупые и неуместные. Вроде:

«Клевая тачка!.. Вот сейчас бы прыгнуть на сиденье, дернуть на себя рычаг и угнать!.. Нестись, как ветер!.. Все равно куда... Без разницы... Куда-нибудь... Да хоть в Суч-И... Я ведь никогда не был в Суч-И. И, может, никогда не доведется... А вот на машине, да на такой клеевой, – можно махнуть...» Позавчера Аскольд листал журнал «Вокруг Оси». Там была большая статья про Суч-И. С фотографиями. *«Клевые фотки! Беседки, заводи... Лебеди черные в воде плавают... Деревянные драконы раскрашенные по берегам стоят... Говорят, в Суч-И у каждого есть свой дом. Потому что там дома из соломы – вот и не стоят ничего... Еще говорят, там на десять грандов можно целый месяц жить. В свое удовольствие, между прочим... А что такое свое удовольствие, я знаю... А по дороге найду девчонку клевою... Ну, такую, чтобы просто за край свалиться!.. С такой-то машиной накрутейшей все девчонки будут мои... Пусть даже у меня вся рожа в прыщах...»*

– Эй, – приехавший на машине щелкнул пальцами у Аскольдика перед носом.

Шенген вздрогнул, и мысли его, уже почти приобретшие некую упорядоченность, вновь посыпались в разные стороны. Примерно так:

«Зачем приехал этот орк? Что ему надо?.. Не иначе как ищет кого... Ох, быть беде!.. А все Алик с его дурацкими затеями... Рояль... Ну где мы теперь сыщем этот рояль?.. Ох, чует моя селезенка, вышибут нас отсюда!.. Пинком под зад... А место хорошее... Насиженное... Да и работа не пыльная... Мне нравится кино крутить... Я бы хотел стать киномехаником... А потом открыть свой собственный кинотеатр... А потом... Что дальше?.. Почему у него на майке написано: «Кто дальше?..» Ох, не к добру все это...»

– Эй, парень! – Орк в кожаной куртке помахал рукой у Аскольда перед глазами. – Ты, вообще-то, меня слышишь?

– Слышу, – едва слышно вымолвил шенген.

– А с головой у тебя все в порядке?

– Да... – сказал Аскольд. И, как всегда, с запоздалой досадой подумал, что неплохо бы было дураком прикинуться. С дурака ведь какой спрос? – Вроде бы, – на всякий случай добавил он. Не очень-то убедительно, но – все же...

– Значит, ты понимаешь, что я говорю? – гнул свое незнакомый орк.

Аскольд смекнул, что дело, видать, совсем плохо. И, дабы не доводить до беды, сорвался с места и с криком кинулся в подвал.

Приехавший на машине непонимающе посмотрел ему вслед и озадаченно почесал затылок. Он рассчитывал на более спокойную реакцию.

Тем временем Аскольд пробежал через предбанник, в котором были свалены рабочие инструменты, лопаты, метлы и ведра, через комнату, в которой шенгены обедали, а потому называли ее столовой, затем – еще через одну общую комнату, у которой не было своего названия, взлетел вверх по ступеням и оказался под главной лестницей ратуши.

Здесь он ненадолго замер, прислушиваясь.

Погони слышно не было.

Аскольд перевел дух и выглянул из-под лестницы.

В холле было пусто.

Аскольд шмыгнул за угол и по узенькой черной лесенке взбежал на второй этаж.

Из настесь распахнутых дверей зала для заседаний доносились громкие голоса.

– Куда понес?.. Куда, я тебя спрашиваю?..

– Туда!

– Куда это – туда?

– В президиум!

– Зачем?

– Чтобы красиво было!

– Ты что, совсем дурной? Кто ставит фикус в президиум? В президиуме первые лица страны сидят! А ты им – фикус!

– Ну и что?

– А то, что это может быть расценено как злонамеренная провокация!

– Какая еще провокация? Это ж цветок!

– Да какой это, край тебя, цветок? Это ж – фикус! Вот ежели б розовый куст, тогда определенно цветок!

– А так что?

- А так – фикус!
- Где ты вообще взял этот фикус?
- В кабинете!
- В каком кабинете?
- На третьем этаже!
- Чей это кабинет?
- Да почем мне-то знать? Уж точно не мой!
- Вот и тащи этот фикус обратно!
- Так я уже не помню, где взял...

Шенгены готовили зал для очередного заседания Городского Совета.

Ратманы собирались еженедельно по пятницам после обеда, чтобы провести пленарное заседание. Так они это называли. Что это означало на самом деле, шенгены не понимали. Да и, сказать по чести, не было им до этого никакого дела. Их задача – подготовить зал перед заседанием и убрать его после того, как ратманы разойдутся. В смысле, разойдутся по домам. То, как они расходятся во время заседания, к делу никакого отношения не имеет. Орать друг на друга, топтать ногами и размахивать руками – это их работа. Их для этого граждане Централя наняли и деньги им за это платят. Временами, подглядывая за разошедшимися ратманами сквозь щелку в дверях, Жора с Геной с досадой думали: ну почему они не стали ратманами? Это ж не работа, а мечта! В представлении орков, все, что требовалось от ратмана, – это делать все то же самое, что и всегда. Только с особым вкусом и мыслями о народе. И, надо сказать, в своих выводах орки были недалеко от истины. С унылой неизбежностью Жору с Геной примиряло лишь одно – мысль о том, что, если бы эта их мечта осуществилась, им больше не о чем было бы мечтать.

А чего стоит орк без мечты?

Вот именно!

Орк – это вам не ратман.

Орк без мечты и в петлю сунуться может.

Или, того хуже, булимью где на стороне подхватить.

Аскольд кинулся в зал и чуть не столкнулся в дверях с Геной, шедшим в обнимку с деревянной кадкой, в которой торчал двухметровый развесистый фикус.

– Видал!

Гена с гордостью продемонстрировал Аскольду цветок. Как будто сам его вырастил.

Аскольд в ответ всполошенно взмахнул руками.

– Беда, Гена! Беда!..

– Что за беда?

– Беда!.. Где дядя Алик?

– В зале.

Аскольд оттолкнул Гену, да так, что тот едва фикус не выронил, и кинулся в зал.

Кресла в зале были сдвинуты к стенам. Жора с Жанной надраивали пол. Мара чистила занавеси в президиуме. Алик сидел на краю председательского стола, скрестив ноги. И чувствовал себя самой важной фигурой.

Вот кому бы быть ратманом, едва взглянув на дядю, подумал Аскольд. *А я бы*

согласился стать при нем помощником. Помощник ратмана – хорошая должность. Все девчонки были бы мои! Даже несмотря на то, что вся рожа у меня в прыщах...

– Где тебя носило, неслух? А?

– Дядя Алик!..

– Я тебя за чем посылал? А?

– Дядя Алик!..

– Где ящики под мусор? А?

– Да послушайте же, наконец, дядя Алик!

Аскольд провонял это так, что все шенгены прекратили работать и воззрились на него. И даже Гена вернулся вместе с фикусом и заглянул в зал. Чтобы быть в курсе происходящего. На всякий случай. Мало ли что.

– Чего орешь как оглашенный? – сурово, из-под бровей глянул на родственника Алик. – Дом, что ль, горит?

– Какой дом? – растерялся Аскольдик.

– А! – махнул на него рукой Алик. – Излагай, что случилось? Только так, чтобы понятно было. В смысле, спокойно, не торопясь то есть, и по порядку. Усек?

Аскольдик судорожно кивнул.

– Ну так давай, не тяни!

Устав держать кадку с фикусом, Гена поставил ее на пол.

Аскольд сделал глубокий вдох.

– Там орк на машине приехал!

– Где это – там?

– На заднем дворе!

– И что ему нужно?

Аскольд задумался. В самом деле, орк не сказал, зачем приехал. И кто ему нужен, тоже не сказал. Он лишь спросил у Аскольда, не из местных ли он?.. Да, точно, именно так и спросил!

– Дядя Алик! Он про тебя спрашивал!

Ну а про кого же еще? Если бы незнакомому орку требовался кто-то из Городского Совета, он не стал бы искать ратмана на заднем дворе.

Наконец-то у Аскольда в голове все сложилось как надо.

– Чего ему нужно, сказал?

Алик тоже почувствовал некоторое беспокойство. Среди его знакомых орков ни один не ездил на собственной машине. События же последних дней заставляли думать о самом плохом.

– Нет! – затряс головой Аскольдик. – Ничегошеньки не сказал... Но...

Он вдруг запнулся и посмотрел на Алика так, будто в последний раз. Даже слезы в глазах блеснули.

– Что, край тебя? – уже не на шутку встревожился Аркадий. – Ну же, говори!

– Дядя Алик, это ассасин! – выпалил Аскольд.

Алик от неожиданности потерял дар речи. Стоял, смотрел на племянника и не мог ничего сказать.

Мара поняла, что пора ей вмешаться.

– С чего ты это взял? – строго спросила она у Аскольдика.

– Не знаю, – честно признался тот.

– Так и нечего тогда без толку языком-то болтать!

– Похож он на ассасина!

– И как же, по-твоему, выглядеть ассасин?

Все обернулись на голос.

А Гена, оказавшийся ближе всех к незнакомому орку, присел на корточки и попытался спрятаться за фикусом.

Взглянув на чужака, Аскольдик непонятно с чего вдруг почувствовал прилив безудержной удали. В голове мелькнуло: *«Двум смертям не бывать, а от одной можно сбежать!»* – ну, или что-то вроде того. И выпалил:

– В точности как ты!

Незнакомый орк усмехнулся.

Алик почувствовал, как внутри у него все оборвалось. Все, до последней струнки. Ну племянничек! Ну и удружил! Это ж надо – заявить такое в лицо самому почтенному орку Централя!

– Да что ты несешь, олух! – Мара в сердцах кинула в Аскольдика мокрой тряпкой. Точно в шею попала. – Это же господин Кроули!

Все облегченно вздохнули.

То, что чужак оказался Алистером Кроули, совершенно меняло ситуацию! Алистер Кроули был почтенным и состоятельным орком. И, если бы ему понадобилось кого-то убить, не стал бы делать это сам. Определенно – не стал бы! Тем не менее все равно оставался вопрос: зачем Алистер Кроули пожаловал в Желтый Дом с черного хода?

– Мара, мы с тобой договаривались!..

– Да помню я, помню!

Одернув фартук, Мара поспешила навстречу гостю. По дороге не забыв, однако, еще и подзатыльник отвесить непутевому родственничку.

– Ну, что встали! – прикрикнул на остальных Алик. – Продолжаем работу! Продолжаем!

Алику очень хотелось, чтобы Кроули видел в нем орка, ответственно и с умом относящегося к своей работе. У него в голове уже сложилось собственное видение текущих событий. Кроули, конечно же, приехал не просто так, чтобы в домино с ним сыграть или пивка тяпнуть. Нет! Он собирается предложить Алику новую работу! Куда как интереснее той, которой ему приходится заниматься. И, кто знает, ежели все пойдет как надо, так, может быть, вскорости Алик и сам станет разъезжать по Централю на красивом быстром автомобиле...

– Алистер, я думала, ты сначала позвонишь.

– Вчера мы с тобой обо всем уже договорились. Дело срочное, не терпящее отлагательства – вот я и приехал.

– Спасибо, Алистер.

– Спасибо? Мара, ты не представляешь, насколько мне самому это интересно!

Алик слушал разговор жены с гостем и пытался понять – о чем это они? Попытки, одна за другой, оказывались тщетными. Настолько тщетными, что даже и вспоминать о них не хотелось. И еще. Если Мара так уверенно называет всеми уважаемого господина Кроули просто Алистером, дозволено ли и ему, Алику, обращаться к нему так же? Несмотря на всю присущую ему от рождения самоуверенность, в последнем Алик почему-то сильно сомневался.

– Так что за дела привели вас к нам, господин Кроули? – улыбаясь, как и подобает радушному хозяину, спросил Алик у гостя.

– Дела, говоришь? – Кроули засунул руки в карманы куртки. Алику сделалось не по себе от того, что взгляд Алистера прятался за темными стеклами солнцезащитных очков. – Да вот, захотелось у тебя спросить, когда дурковать перестанешь?

Такой вопрос Алику совсем не понравился. Главным образом потому, что он не мог понять, о чем, собственно, спрашивает его Кроули? Алик воспринимал только конкретные смысловые фигуры. Все прочее он относил к категориям «в общем» или «ни о чем» – то бишь не заслуживающим внимания. Поэтому, прикинув и так и эдак, как бы половчее ответить на каверзный вопрос, Алик выдал следующее:

– Видите ли, господин Кроули, у нас тут сейчас уборка идет. – Он бросил крайне недовольный взгляд на Гену, который все еще топтался на месте, не в силах решить, что ему делать с фикусом. – Так что, ежели вы поговорить желаете, могу пригласить вас пройти к нам в столовую. Там вас Мара и чайком заодно побалуует.

Кроули как стоял, засунув руки в карманы, так и не двинулся с места. Пропало красноречие Алика втуне.

Алику это, конечно же, было обидно. Он не считал себя великим оратором, но все же полагал, что врожденное чувство прекрасного позволяет ему изъясняться красиво и грамотно, а если требуется, так еще и витиевато.

– Что ты предпринял для того, чтобы найти сбежавшего кадавра? – спросил Кроули.

После этого Алику стало ясно, что ни о какой новой работе речь не идет.

– А что я могу сделать? – беспомощно развел он руками. – Что потеряно – того уж не вернешь. Такова моя философия.

– С такой философией тебе нужно было бы оставаться в Шенгене. Забиться там в самый темный угол и даже кончика носа на свет не показывать. Понятно?

Кроули произнес все это спокойным, ровным голосом, без малейших признаков недовольства или агрессии. Но Алику это почему-то все равно не понравилось. Он на всякий случай потрогал свой нос и сказал:

– Понятно.

Хотя на самом деле совершенно не понял, что хотел сказать Кроули.

– Эй! – Чтобы привлечь к себе внимание всех присутствующих, Кроули хлопнул в ладоши над головой. – Давайте-ка заканчивайте работу!

– Нам нужно подготовить зал для вечернего заседания, – попытался было возразить гостю Алик.

Он все же был здесь старшим. По крайней мере, считал себя таким.

– И – что? – посмотрел на него сквозь темные очки Кроули.

– У меня есть определенные обязательства, – отвел взгляд в сторону Алик.

– Перед кем?

– Перед Бургомистром.

– У которого ты рояль украл?

Алик от изумления рот раскрыл. Да так и остался стоять – молча, с открытым ртом. Такого коварства со стороны соотечественника он никак не ожидал.

– А что ты на меня так смотришь? – усмехнулся Кроули. – Кадавра кто создал? Ты. Кто велел ему рояль унести? Снова ты. Так что у нас получается? Кто умыкнул инструмент?

Алик пару раз быстро моргнул.

– Рояль пропал бесследно. Хотя имеется подозрение, что к этому делу причастен ратман Студнев.

– Согласен, со Студневым мысль была неплохая.

– Это я придумал! – радостно поднял руку Аскольд.

Алик скрипнул зубами – ну, кто, спрашивается, его за язык тянул?

– Так, значит, – ухмыльнулся Кроули. – Ну а что дальше, Алик? Когда выяснится, что Студнев здесь ни при чем?

– Да почему мне знать? – с показным безразличием Алик пожал плечами. – Само все как-нибудь утрясется. Подумаешь, рояль. Велико дело. На нем и не играл никто.

– Само, говоришь?..

На этот раз в голосе Кроули явственно прозвучали зловещие нотки.

И Мара поняла, что пора вмешаться.

– Что делать, Алистер? Ты что-нибудь придумал?

Медленно, как бы с неохотой, Кроули кивнул.

– Но для начала... – он сделал шаг к Алику и ткнул его пальцем в грудь. – Ты. Расскажешь. Мне. Все.

– Я готов, – согласился Алик.

И получилось у него это легко и непринужденно. Естественно, как птичья трель. Потому что он, в принципе, всегда был готов к тому, чтобы кто-нибудь другой решал его проблемы. А кто именно это будет – жена или самый уважаемый орк Централы, – для Алика это, по большому счету, не имело значения. Главное – есть желающий взяться за дело. И, кто знает, может быть, даже способный довести его до конца. Который непременно должен оказаться счастливым. Иной вариант Алика не устраивал.

– Где ты взял заклинание?

– Нашел.

– Хорошая попытка. Спрашиваю еще раз – где ты взял заклинание, с помощью которого создал кадавра?

– Нашел. Честное слово, нашел!

– Вот просто так, шел по улице и нашел заклинания для создания кадавра Шредингера?

– Какого кадавра? – непонимающе скривился Алик.

Кроули с тоской посмотрел на Мару.

– Он даже не понимает, что сотворил.

Мара безнадежно махнула рукой.

– Где ты нашел заклинание, горемыка?

– Как ты сказала? – насторожился Алик.

Его неприятно задело незнакомое слово.

– Так, еще один вопрос, и ты вылетишь отсюда обратно в Шенген, прежде чем успеешь правильно произнести слово «постмодернизм». – Кроули был настроен крайне серьезно. Ему не нравилось попусту терять время. – Это понятно?

Алик быстро кивнул. На сей счет у него никаких сомнений не было – он понятия не имел, что такое постмодернизм и зачем ему вообще учить это слово?

– Я задаю вопросы, а ты на них отвечаешь. Это понятно?

Алик снова кивнул – а чего тут было не понять-то?

– Где ты нашел заклинание?

– В библиотеке.

– Ой, вот только не надо мне врать! Да еще столь откровенно! Думаешь, я поверю в то, что ты ходишь в библиотеку?

– Библиотека есть здесь, на втором этаже, – сказала негромко Мара. – Мы там убираемся два раза в неделю.

– Ну точно, – подтвердил слова жены Алик. – Там, в смысле, тут, в библиотеке, я и нашел эту бумажку.

– Пошли, – коротко кивнул Кроули.

И все трое – Мара, Алик и Кроули – отправились в библиотеку.

Гена с фикусом увязался было за ними. Но ему велено было остаться.

Глава 14

В гостиной царили умиротворение и покой. Гости закончили трапезу. Они съели почти все, что было на столе. За исключением нескольких листочков кресс-салата, веточки укропа и трех красненьких, ядерных редисочек. Упологи сидели, откинувшись на спинки стульев, зажав в руках бокалы с портвейном. Взгляды их были несколько осоловелыми, зато лица лучились сытой радостью.

Гиньоль посмотрел в угол, чтобы убедиться, что с Мадлоной все в порядке.

Девушка держалась молодцом. Она сидела в кресле, поджав под себя ноги и прикусив зубами кончик карандаша. Но плакать не собиралась. Напротив, с некоторым удивлением Гиньоль отметил, что упологи вызывают у Мадлоны интерес. Должно быть, прежде ей не приходилось встречаться с подобным типом людей.

Гиньоль посмотрел на упологов, вспомнил историю о хвосте фазана и улыбнулся. Пожалуй, Франтишек был прав. Эти двое, называющие себя профессором и доктором, жили наперекор всему. Не потому, что им так хотелось, а потому, что не умели по-другому. Как фазан, который не в силах избавиться от своего длинного, совершенно неуместного в дикой природе хвоста.

– Итак, господа, – Гиньоль занял свое место за столом, – вернемся к нашим проблемам.

– Конечно! – Доктор Вин-Винтовский поднял с пола целлофановый пакет и поставил его перед собой на стол. – Я хочу продемонстрировать вам, господин Гиньоль, несколько

артефактов из нашей обширной коллекции.

Пошарив в пакете, уполог достал из него большой серый булыжник и грохнул его на стол. Мадлона тихо ойкнула в углу. А Гиньоль только порадовался, что Туанона этого не видела.

Доктор Вин-Винтовский отхлебнул портвейна из бокала и с видом победителя посмотрел на Гиньоля.

– То, что я собираюсь вам показать, господин Гиньоль, перевернет все ваши представления о мире!

– Не думаю, что в этом есть необходимость, – попытался возразить Гиньоль.

Ему совсем не хотелось тратить время на рассматривание коллекции булыжников. Которых, судя по всему, было много у доктора в сумке.

– Я настаиваю! – Вин-Винтовский двинул булыжник через стол в сторону хозяина.

Гиньоль натянуто улыбнулся. Не видя иного выхода, он взял булыжник в руку и посмотрел на него с трех разных сторон.

– Присмотритесь! – указал на булыжник тонким, похожим на сучок пальцем доктор Вин-Винтовский. – Вы видите ячеистую структуру внутри этого образования?

– Да, в самом деле. – Гиньоль ничего не видел, но решил не спорить с упологом. – Что-то там такое есть...

– Это споры инопланетной жизни! – вознес палец к потолку доктор Вин-Винтовский.

– Не может быть! – искренне удивился Гиньоль.

– Именно! – заверил его уполог. – Именно так все и говорят, впервые увидев это! Не может быть! Но! – Доктор Вин-Винтовский выхватил из сумки другой камень. – Взгляните!

Он протянул руку, в которой сжимал каменюку.

Гиньоль вытянул шею и посмотрел на артефакт.

– Впечатляет, – кивнул он. – Там, – он покрутил пальцем над камнем, – полным-полно спор!

– Нет, – зловеще оскалился Вин-Винтовский. – Это не споры!

– Да что вы такое говорите? – Гиньоль снова посмотрел на камень. – Как есть – споры!

– Смотрите внимательнее, господин Гиньоль, – навалившись животом на стол, зашептал профессор Хруль. Как будто они были одноклассники, одного из которых зверюга профессор старательно валил на экзамене. – Это уже не споры, а зародыши. Зародыши инопланетной жизни. Присмотритесь – у них видны хвостики.

Гиньоль не имел ни малейшего желания рассматривать хвостики инопланетных зародышей. К тому же обязанные своим существованием лишь не в меру бурному воображению маловменяемых упологов. Поэтому он встал, взял в руку бокал портвейна и торжественно провозгласил:

– Господа! Профессор! Доктор! Я склоняю голову перед вашей самоотверженностью и мужеством в деле борьбы с мировой угрозой панспермии! За вас, господа!

Такой тост доблестные упологи пропустить не могли. Они дружно вскочили на ноги, сдвинули бокалы и затянули некое песнопение, похожее на вой голодных гиен, затерявшихся в ночи.

Гиньоль недоуменно посмотрел на Мадлону, надеясь, что, быть может, она сумеет

объяснить ему суть происходящего.

– Это гимн, – едва слышно прошептала Мадлона.

– Гимн? – удивился Гиньоль.

– Неофициальное название «Гимн без слов». Написан более ста лет тому назад патриархом центральной словесности Сержем Мышаковым, положен на музыку Гиви Гигулиным. Поскольку текст Гимна не содержит никаких слов, а лишь бравурные, жизнеутверждающие возгласы, он может исполняться по любому случаю. В свое время Мышаков продал его семи разным правительствам, трем спортивным союзам и Добровольной ассоциации по борьбе с лизоблюдством. Все остались довольны.

Должно быть, упологи являлись большими почитателями творчества Мышакова. Потому что пели они долго. За это время Туанона дважды заглянула в столовую, видимо, обеспокоенная странными звуками. Лишь пропев все десять куплетов Гимна, упологи с чувством глубокого удовлетворения вновь сдвинули бокалы и залпом осушили их.

– Господин Гиньоль! – обратился лицом к хозяину профессор Хруль. – Вы – великий человек!

– Я знаю, – не стал спорить Гиньоль.

– Как правило, общаясь с людьми вашего образа жизни, мы натываемся на стену непонимания, – сказал доктор Вин-Винтовский.

– Это очень грустно, – скорбно склонил голову Гиньоль. – Честное слово, мне искренне жаль людей, недооценивающих угрозу инопланетной панспермии.

– Именно! – ввинтил указательный палец в воздух профессор Хруль.

– Я думаю, пришла пора положить этому конец! – торжественно провозгласил Гиньоль.

– Чему именно? – осторожно поинтересовался доктор Вин-Винтовский.

– Непониманию, косности и лицемерию!

Упологи вытаращили глаза на Гиньоля. Они откровенно не понимали того, что говорил Гиньоль. Но им это все равно нравилось.

– Господа! – Гиньоль вновь наполнил бокалы упологов портвейном. – В результате серьезных и кропотливых социологических исследований, которыми на протяжении двух последних лет занималась моя помощница, – Гиньоль указал на затаившуюся в уголке Мадлону, – мы пришли к выводу, что сочувствующих нашим идеям среди населения Мира-На-Оси гораздо больше, чем можно было бы подумать.

Фраза была закручена хитро, витиевато, а потому и не могла не вызвать восторженного приема у упологов, которые, дружно пригубив бокалы, с одобрением закивали.

– Проблема лишь в том, – вдохновенно продолжил Гиньоль, – что идеи, провозглашаемые ЦУПом, не пользуются популярностью. То есть, попросту говоря, открыто провозглашать себя сторонником идеи угрозы панспермии не модно. Вот эту-то нездоровую тенденцию нам и предстоит сломать.

– То есть?.. – начал было доктор Вин-Винтовский и растерянно запнулся.

– Вы хотите сказать... – подхватил было профессор Хруль, но тоже умолк.

– То есть я хочу сказать, что берусь за дело, – прояснил ситуацию Гиньоль. – Мы начнем с массивованного выброса материалов в средствах массовой информации. Вам, господа упологи, предстоит подготовить данные. Максимально достоверные, убедительные и

непротиворечивые. Читатель должен ощущать нашу правоту не разумом и даже не сердцем, а всем своим естеством. Мы должны не убеждать его в нашей правоте – мы должны помочь ему набраться смелости, чтобы поверить в собственную проницательность. Прочитав статью, он должен – нет! – просто обязан стукнуть ладонью по столу и воскликнуть: «Я так и знал!» Потому что он действительно все это давно уже знал, но не решался поверить! Вы меня понимаете?

Упологи недоумевающе переглянулись.

– Почему? – спросил доктор Вин-Винтовский.

– Что значит «почему»? – удивился Гиньоль. – Вы должны спрашивать не «почему», а «как»?

– Почему он, то бишь читатель, поверит нам, если прежде не решался? – спросил профессор Хруль.

– Все очень просто, господа, – снисходительно улыбнулся Гиньоль. – Потому что за дело берусь я!

– Вы хотите заняться распространением нашего журнала? – с удивительным для его комплекции проворством профессор Хруль нырнул под стол и вылез оттуда, прижимая к груди коричневую папку на молнии.

– Журнала? – не понял, о чем, собственно, речь Гиньоль. – Какого еще журнала?

– «Вестник ЦУПа!» – гордо провозгласил толстяк.

Поставив папку себе на колени, он дернул замок молнии. Замок проехал примерно треть предназначенного ему пути и замер, намертво схваченный зубьями молнии. Стиснув зубы, профессор Хруль рванул замок изо всех сил.

Потом еще раз...

Еще...

Хруль сражался с замком с ожесточением, достойным легендарных героев Первой войны за столбы. Но неподатливая молния оказалась сильнее. Слизнув каплю пота, сползшую по верхней губе, доктор Хруль просунул руку меж зубьев молнии и, скрипя зубами, вытянул из папки нечто, напоминавшее одну из бесплатных брошюр о правилах личной гигиены, стопками разложенных в местах общественного пользования. Именно таким образом – выпуском одноразовых пропагандистских брошюр – решил ответить Городской Совет Централя на многочисленные жалобы сограждан, считающих, что в общественных местах давно пора навести чистоту и порядок, и почему-то уверенных в том, что заниматься этим должны именно ратманы.

– Вот! – Профессор метнул журнал в Гиньоля. Но тот успел уклониться. – Смотрите! – второй журнал упал в тарелку Гиньоля. – Натя! – Хруль замахнулся третьим журналом.

– Довольно! – вскинув руку, остановил его Гиньоль.

Толстяк замер с журналом в поднятой руке.

Гиньоль посмотрел на то, что лежало в тарелке. Серая, невыразительная обложка с плохо пропечатанным, невразумительным рисунком, автором которого вполне мог оказаться трехлетний племянник Мадлоны. Как-то раз, когда Мадлона привела его с собой, он изрисовал цветными мелками все стены и пол в прихожей. Гиньоль взял вилку и осторожно приоткрыл ею журнал. Бумага рыхлая, явно неоднократно побывавшая в переработке.

Заголовки статей – все равно что строки мышаковского Гимна без слов – набор звуков, из которого не так просто извлечь хоть какой-то смысл.

«Общие тенденции аутентичного подхода к параметрическому феномену с точки зрения парадоксальной иллюзии», – прочитал Гиньоль на первой странице и тут же захлопнул журнал. Будто чего испугался.

– Что это такое? – тихо, едва слышно произнес он.

При этом глаза его, казалось, готовы были начать метать молнии.

Упологи струхнули, сообразив, что совершили какую-то оплошность. Вот только понять, в чем их ошибка, они не могли. Да и не старались.

– Это журнал! – гордо вскинул подбородок профессор Хруль.

– Я еще раз спрашиваю, что это такое?

На сей раз голос Гиньоля прогрехотал подобно громовому раскату. А в довершение он еще и вилку вонзил в лежавший на тарелке журнал.

Хруль попытался втянуть голову в плечи.

Ничего не вышло. Помешал третий подбородок.

– Мне кажется, я понимаю, о чем вы говорите, господин Гиньоль, – медленно, вдумчиво начал доктор Вин-Винтовский. – Вам не нравится обложка нашего журнала...

– Нет, вы не понимаете, – не дослушав, перебил Гиньоль. – Дело не в обложке. Мне ничего не нравится. – Гиньоль двумя пальцами приподнял вилку, на которую был насажен злосчастный «Вестник ЦУПа». – Ничего из того, что я вижу.

– Я понял... – снова начал доктор.

– Нет, вы ничего не поняли! – указал на него пальцем Гиньоль. – Вы поймете лишь после того, как я вам все объясню!

– Я понял, – согласился Вин-Винтовский.

Хруль тоже кивнул. На всякий случай. Мол, мне тоже все понятно.

– Господа, – выражение лица Гиньоля вновь сделалось мирным, почти умиротворенным, а голос звучал почти что ласково. – Скажу вам прямо. Подобная продукция, – он кинул нанизанный на вилку журнал на тарелку, – это, извините за выражение, полный отстой. И именно поэтому ваши идеи не идут в массы. Читателям нужна не самиздатовская макулатура, а гляцевые журналы по сходной цене. И не статьи о тенденциях, параметрах и иллюзиях, а зубодробильные истории о похищениях, нападениях и угрозе инопланетного вторжения. Вперебивку со сплетнями из жизни звезд, анонсами телепередач, кулинарными рецептами и болтовней о моде. – Заметив, что Вин-Винтовский собирается ему возразить, Гиньоль чуть повысил голос. – Так, и только так, господа, совместными усилиями, мы сумеем добиться успеха!

– Но у нас нет денег на гляцевый журнал, – уныло развел руками профессор Хруль.

– Подумаешь, велика беда, – ободряюще улыбнулся Гиньоль. – Зато у вас есть я. Я уже обо всем подумал и договорился с кем надо.

– Мы будем издавать новый журнал? – от изумления едва не подпрыгнул на месте Вин-Винтовский.

– Не сразу, – осадил его Гиньоль. – Раскрутить новый журнал не так просто, как кажется. Для начала мы воспользуемся площадями уже выходящих периодических изданий.

Мадлона, будь добра, сообщи нашим гостям, с кем нам удалось договориться о публикациях в ближайших номерах.

Мадлона поднялась из кресла, одернула юбку. Поправила очки. Открыла тонкую салатовую папочку, что держала в руках.

Салатовый был ее любимым цветом.

– Короткая информация об угрозе инопланетного вторжения и о фактах замалчивания этой угрозы государственными органами власти будет размещена в утренних номерах всецентральных газет «Вестник Централя», «Центральные новости», «Самобытный централец», «Центральная жизнь» и «Предприниматель». Развернутые статьи будут размещены в газетах «Как бы не так», «С глаз долой», «Совладелец», «Веские аргументы» и «Ужасающие факты». Оппозиционная газета «Сегодняшняя жуть» готова отдать под наши материалы целую полосу. Также в ближайших номерах разместят предложенные нами материалы женские журналы «Аня», «Саша», «Катя», «Аделаида», «Бриджит», «Фёкла», «Юн-Жин Ким», «Алиса» и «Аврора». Журналы по рукоделию – «Спица и крючок» и «Мягкая игрушка». Модные журналы – «Блеск», «Глянец», «Софит», «Отблеск». Мужские журналы – «Господин мускул», «Господин сталь», «Господин пень» и «Орки не сдаются!». Молодежные журналы – «Закат», «Рассвет» и «Последний рассвет». Детские журналы – «Играйте с нами», «Спроси у Вовы», «Кроха», «Первые шаги» и «От двух до пяти». – Мадлона захлопнула папку, перехватила ее обеими руками и бесстрашно посмотрела на пришибленных обрушившимися на них новостями упологов. – Таким образом, мы охватываем около девяноста семи процентов статистического населения. Неохваченными остаются только неграмотные и радикальные маргиналы, вроде бомбастеров и бакуганов.

– Ну? – картинно разведя руки в стороны, радостно обратился к упологам Гиньоль. – Что вы на это скажете?

– Я не знаю... – медленно, набычась, промычал профессор Хруль.

– Да все в порядке, профессор, – успокоил его Гиньоль. – Вы бы много чего не знали, если бы я вам этого не сказал.

– Я не знаю, насколько нам это нужно... – выдавил чуть более длинную, но, как и прежде, незаконченную фразу Хруль.

– Поконкретнее, пожалуйста, уважаемый, – слегка поморщился Гиньоль. – Вас что-то смущает?

– Мне кажется... – профессор Хруль чуть приподнял голову и выставил вперед нижнюю челюсть. Похоже, он готовился к бою. Последнему и решительному. К борьбе за ЭТО. И ЭТО было для него все. Ну, или почти все. – Мне кажется, что, действуя вашими методами, господин Гиньоль, мы потеряем свое лицо.

– Какое лицо? – язвительно осклабился Гиньоль. – Какое еще лицо? Вот это, что ли? – Он поднял наколотую на вилку брошюру. – Да такое лицо не жаль и потерять! Если бы у меня было такое лицо, я бы пригласил первоклассного стилиста и попросил бы – нет! – умолял бы его привести эту рожу в порядок!.. Держите, профессор. – Гиньоль вместе с вилкой кинул журнал толстяку. – Храните свое лицо, ежели оно вам так дорого. Только знаете что? Дам вам один бесплатный совет – никому его больше не показывайте.

– Браво, господин Гиньоль! – вскинув худющие руки, звонко захлопал в ладоши доктор

Вин-Винтовский. – Bravo! Именно это мы и надеялись от вас услышать!..

Продолжая аплодировать, доктор глянул на своего не в меру консервативного партнера. Быстро, но выразительно. Настолько выразительно, что даже Мадлона поняла: ежели Хруль скажет хоть слово, Вин-Винтовский тут же, не раздумывая, позабыв о многолетнем сотрудничестве, собственноручно расквасит ему нос.

– Пришло время выходить на широкую аудиторию!..

– Это время давно уже пришло, – заверил доктора Гиньоль. – И я рад, господа, что вам нравится предложенный мною план. Уверю вас, сетевая инфозона сама подхватит поднятую нами тему. Сетевики – они, как голодные псы, бросаются на любую брошенную кость. Ну а следующим нашим шагом станут радио и телевидение. Туда без поддержки печати нечего даже и соваться. Конечно, я могу устроить вам выступление на одном из центральных каналов. Но о чем вы станете говорить с аудиторией? Об окаменевших зародышах с хвостиками? – Гиньоль неодобрительно погрозил пальцем. – Уверю вас, телезрители вовсе не это хотят слышать!

– А что они хотят слышать, господин Гиньоль? – с придыханием спросил доктор Вин-Винтовский.

Опершись руками о стол, он весь подался вперед и пожирал Гиньоля преданным взглядом. Так начинающая певичка смотрит на знаменитого продюсера, случайно обратившего на нее внимание. Она понимала, что сейчас, в этот самый момент, быть может, решается вся ее жизнь. И по глупой наивности была уверена, что все зависит от того, насколько преданно она будет глядеть на своего кумира.

Вин-Винтовский был готов. Готов на все. Есть у Гиньоля с ладони, чистить ему ботинки, стирать носки и подносить домашние шлепанцы. Он хотел стать звездой. Хруль тоже этого хотел. Но он пытался сохранить хотя бы видимость независимости. Но у него это плохо получалось. Да какое там – не получалось вовсе.

– Я полностью согласен с моим коллегой, господин Гиньоль. – Лицо толстяка побагровело от напряжения так, что, казалось, сейчас его точно хватит удар. С толстяками такое случается. – Надеюсь, вы это понимаете, господин Гиньоль? – Гиньоль благосклонно кивнул. – Мои возражения – это даже и не возражения вовсе. – Сильный ход, отметил про себя Гиньоль. – Мне всего лишь хотелось понять, насколько готова современная журналистика к восприятию того материала, что мы ей предоставим? Ведь вы же прекрасно понимаете, господин Гиньоль, что уровень подготовки аудитории...

– Я все прекрасно понимаю, профессор Хруль, – прервал уполога Гиньоль. – Поэтому свои материалы вы предоставите мне. И не позднее двух часов пополудни. А я уже займусь подготовкой материала для публикации. К полуночи я должен доставить материал в редакции.

– Но позвольте, господин Гиньоль!..

– Не позволю, профессор Хруль! Вы хотите сказать, что у вас слишком мало времени? Чепуха! У вас три с лишним часа. При желании за это время можно горы сдвинуть. У вас есть такое желание?

– Вне всяких сомнений! – заверил Гиньоля Вин-Винтовский.

– Вы ведь понимаете, господин Гиньоль, – снова завел свою песню Хруль. – Я всего

лишь хотел удостовериться в том...

– Господа, за дело! – Гиньоль взял со стола початую бутылку портвейна и ударом ладони загнал в ее горлышко пробку. – Вино можете взять с собой.

Упологи не стали отказываться от бутылки.

– Что скажешь, Мадлона? – спросил Гиньоль у помощницы, когда дверь за гостями закрылась.

Мадлона крепче прижала папку к груди.

– Они даже не догадываются, что ждет их завтра, – сказала она и негромко шмыгнула носом.

Так, для порядка.

– Надеюсь, они любят сюрпризы.

По губам Гиньоля скользнула тень зловещей усмешки.

Глава 15

Клара ночь напролет бродила по городу. Без всякой цели. Следуя за людским потоком. Который после полуночи превратился в тоненький ручеек. Но к утру вновь забурился полноводной рекой.

Клара неосознанно выбирала те улицы, что пошире, на которых больше народа. Она шла, с любопытством глядя по сторонам и, как шоколад, смакуя новые впечатления. Ей было интересно все, но в особенности люди. Люди были очень разные, совершенно непохожие друг на друга. Наблюдать за ними было необыкновенно любопытно.

Так она оказалась неподалеку от центра Первого круга.

Тут она стала обращать внимание на яркие витрины магазинов, разукрашенные зазывной рекламой. Она останавливалась и подолгу стояла возле сверкающих огнями и переливающимися осколками зеркал широкими стеклянными окнами, в которых были выставлены ювелирные изделия, женская одежда или посуда. Ее странным образом тянуло зайти в один из таких магазинов. Но она долго не решалась это сделать. Почему – и сама не понимала. Как будто тихий внутренний голос нашептывал ей, что нужно держаться от всего этого в стороне. Не выпячиваться. Не выставлять себя напоказ.

Почему?

На этот вопрос внутренний голос отвечать не желал. А может, не знал ответа.

Наконец Клара остановилась возле модного бутика, в витринах которого были выставлены наряды, настолько элегантные и в то же время необычные, что, когда внутренний голос вновь посоветовал ей ступить себе мимо, Клара велела ему заткнуться и решительно толкнула стеклянную дверь.

Тут же навстречу ей кинулась невысокая блондинка, одетая во все голубое. Блондинка улыбалась так счастливо, будто Клара была ее давней подругой, с которой они не виделись три дня, а значит, у обеих накопился ворох новостей, требующих незамедлительного обсуждения.

– Здравствуйте, меня зовут Светлана, – представилась блондинка. – Чем я могу вам помочь?

В некоторой растерянности Клара замерла на месте. Что она могла ответить блондинке? Она ведь и сама не знала, зачем зашла в магазин.

– Вы хотите мне помочь? – спросила Клара.

– Конечно!

Блондинка, казалось, излучала дружелюбие. Пускай и не совсем искреннее. Но Клара почувствовала к ней доверие.

Клара быстро глянула по сторонам. По огромному магазинному залу неторопливо, разглядывая развешанные повсюду модели, расхаживали еще четыре женщины в сопровождении похожих на Светлану спутниц. Они были далеко и не могли слышать, о чем Клара собиралась переговорить со Светланой.

– Вы действительно хотите мне помочь?

Клара смотрела Светлане прямо в глаза и была уверена, что сразу догадается, если только та попытается солгать.

– Конечно. Для того я здесь и нахожусь.

Светлана, несомненно, говорила правду.

Клара переступила с ноги на ногу, повела плечами.

– Я хорошо выгляжу? Как, по-вашему?

– Вы выглядите замечательно!

А вот этого ей бы не следовало говорить!

Клара приблизила свое лицо к лицу лживой блондинки.

– Слушай меня внимательно, маленькая лгунья. Если ты еще раз попытаешься меня обмануть... Догадайся сама, что я с тобой сделаю.

Уже сказав это, Клара подумала, что, пожалуй, погорячилась. Можно было и как-то поделикатнее указать девушке на ее просчет. Но, к ее удивлению, Светлана улыбалась все так же счастливо, как и прежде. Она не первый день работала в бутике «Готье Ги Барьян» и ей было не привыкать к эксцентричным, а порой и выходящим за рамки всех понятий о приличии выходкам богатых посетительниц.

– Я всегда к вашим услугам. И, если вы хотите знать правду...

– Да, именно это я и хочу!

– Ваш наряд старомоден, вульгарен и безвкусен настолько, что подходит разве что для карнавала.

Все это Светлана произнесла на одном дыхании, с невозмутимым выражением лица. Как будто читала заголовок утренней газеты, разместившей на первой полосе статью о скучном, ничего не значащем событии.

– Умничка! – улыбнулась Клара. – А теперь помоги мне от всего этого избавиться.

Вы когда-нибудь видели, как женщина в магазине выбирает предмет туалета? Самый наипростейший. Ну, скажем, шелковый платок. Вы думаете, она возьмет первый же понравившейся ей расцветки? Выходит, вы ни разу не ходили с женщиной в магазин.

Она непременно переберет целую гору совершенно одинаковых для стороннего взгляда платков. Она будет мять их, щупать, рассматривать на просвет, перекидывать с правой руки на левую, нюхать, может быть, даже попробует на вкус. И непременно станет задавать продавщице массу вопросов. А не поплывет ли рисунок от воды? А не ползут ли нитки? А

как будут выглядеть краски при ультрафиолетовом излучении? А в полной темноте? А моль его не поест? А сколопендры?..

Все дело в том, что настоящая женщина не может просто что-то купить. Для нее это все равно что для настоящего мужчины просто выпить пива. Без друзей, без воблы, без анекдотов про то, как женщины ходят в магазин. И то и другое – это не заурядное событие, а обряд, сопряженный со строго определенной последовательностью церемониальных действий. Без которых он теряет всякий смысл.

Клара вела себя как настоящая женщина. А Светлана ей в этом, как могла, помогала. Они настолько увлеченно, с истинной страстью юных влюбленных, неподдельным маниакальным азартом старого, закоренелого игромана и восторженностью неофита, только-только познавшего свет истины, предавались процессу создания нового имиджа Клары, что вскоре превратились в центр кристаллизации, к которому невольно потянулись все прочие дамы – покупательницы, консультанты и продавцы, находившиеся в торговом зале. Всем им непременно хотелось принять участие в этом увлекательнейшем процессе. И каждая при этом, конечно же, имела на сей счет свое собственное, строго эксклюзивное мнение. А посему результата, который устраивал бы всех, достичь было практически невозможно. Ну разве что только в первом приближении.

Вечерние платья, легкие сарафаны, деловые костюмы, брюки, джинсы, юбки, майки, топики, пуловеры, кружевные накидки, шали, мантильи, болеро – к вящей радости собравшихся дам, Клара померила все, ну, или почти все, что имелось в бутике. Но ни один из нарядов не вызвал всеобщего одобрения. Одним нравилось то, но не нравилось это. Другим же, наоборот, это было по душе, а вот то – ну просто никуда не годилось. И что с этим или тем делать, было совершенно непонятно.

Самым ужасным было то, что Клара и сама не могла решить, какой из предложенных вариантов ей более подходит. Она уже начинала ощущать странное чувство, никогда не испытываемое ею прежде. Нечто похожее на пропорциональную смесь раздражения, недовольства и отчаяния. Что это такое, легко поймет любая женщина. А вот мужчинам – лучше и не пытаться. Эта опасная смесь начинала понемногу бурлить и пениться, превращаясь в нечто совершенно иное, уже не имеющее названия, но способное взорвать мир. Клара даже не подозревала, насколько это опасно. А остальным, похоже, до этого просто не было дела. Если женщина не может подобрать себе костюм, то мир может катиться в тартарары! Кому какое дело!

Трудно сказать, чем бы все это могло закончиться. Кто знает, быть может, в модном бутике «Готье Ги Барян», что на улице Грез, действительно случился бы взрыв чудовищной силы. Но в тот самый момент, когда чека была уже почти выдернута из запала, Клара услышала у себя за спиной негромкий, очень спокойный и уверенный голос:

– Нет, милочка, это никуда не годится. Снимите это немедленно.

Странный это был голос. Плавный. Даже немного напевный, он не приказывал, не объяснял и даже не советовал, что делать, а будто разговаривал сам с собой. И, что самое удивительное, – голос был мужской.

Клара обернулась.

Мужчина был невысокого роста – ниже ее почти на полголовы. Тщедушного

телосложения. И довольно странно одет. На нем был тонкий свитер в широкую красно-белую полоску, очень узкие, обтягивающие штаны из синтетического материала, напоминающего змеиную кожу, и туфли с узкими мысками на очень высоком каблуке – должно быть, таким образом он старался хоть как-то компенсировать недостаток роста. На голове у него был мягкий бледно-голубой берет, а на шее – желто-оранжевый платок. При этом мужчина выглядел очень уверенно. Как будто он один среди всех обступивших Клару знал, что ей было нужно. Причем знал абсолютно точно.

– У вас удивительная фигура, – взгляд его был подобен взгляду эксперта, оценивающего подлинность древней, а потому очень дорогой вазы. – Я бы даже сказал – идеальная. Вы будто самой природой созданы для того, чтобы быть моделью. – Мужчина игриво улыбнулся, вскинул руку и указал на Клару пальцем. – Я угадал? Вы – модель? На кого вы работаете? На Жильи? На Ле Карре?.. Или на Мэнни Чао?

– А вам-то что за дело? – недовольно сдвинула брови Клара.

Ее несколько удивила, но отнюдь не смутила вызывающая напористость незнакомого мужчины.

– Мне? – Мужчина чуть откинулся назад и сложил ладони на груди. – Вы это серьезно?

Он глянул по сторонам и картинно раскинул руки в стороны.

Дамы дружно засмеялись.

Клара понимала, что смеялись они вовсе не над ней. Но она не понимала, над чем именно они смеются. И это ей было неприятно.

– Это – Сам! – шепнула на ухо Кларе Светлана.

– В каком смысле?

– Сам – Готье Ги Барян.

– И что?

– Он обратил на вас внимание.

– Я должна радоваться?

– Другая бы на вашем месте в обморок упала.

– Не дождется, – фыркнула Клара и задернула шторку примерочной кабины.

Если бы она только видела, что произошло после этого снаружи! Дамы, онемев, замерев, заледенев, смотрели на Ги Баряна, словно на вестника судьбы, который явился, чтобы объявить свой приговор. Ему следовало лишь подать им знак, едва заметный, движением брови или хотя бы взглядом. И они тут же пришли бы в смятение, в ужас, в негодование, в неистовство. Им нужно было только понять, чего ожидает от них кумир и баловень мира моды?

А что Ги Барян?

Ги Барян пальцем подозвал Светлану и что-то шепнул ей на ухо. Девушка кивнула и убежала. А всемирно известный кутюрье сложил руки на груди и остался стоять на том же самом месте. Невозмутимый и бесстрастный, словно памятник самому себе. В глазах – озорной блеск, в уголках губ – чуть хитроватая улыбка. Он будто и не замечал устремленные на него со всех сторон вожделенные взгляды. Ему будто и дела не было до того, что все вокруг ждут продолжения. Ведь, если Ги Барян не уходит, значит, это еще не конец истории странной посетительницы с модельной фигурой. Значит, будет еще на что посмотреть и о чем

потом можно будет рассказать подругам. Свежая сплетня о известнейшем модельере – что может быть лучше!

Светлана вернулась с большой плоской коробкой в руках. Ги Барян чуть приподнял крышку – дамы вытянули шеи, в надежде увидеть хоть краешек того, что лежит в коробке! – и одобрительно кивнул. Светлана прихлопнула крышку, прижала коробку к бедру и юркнула в примерочную кабинку.

Все замерли в ожидании.

Дамы даже перешептываться перестали.

Лишь только томно вздыхали.

Время от времени.

Исключительно ради того, чтобы самим себе напомнить о собственном существовании.

И – вот!

Занавес отлетел в сторону!

И взглядам затаившей дыхание публики предстала Клара. Преображенная гением великого и несравненного Готье Ги Баряна.

На ней был светло-светло-серый брючный костюм. Плотные облегающие бедра брюки ниже колен становились шире и, книзу превращаясь почти что в клеш, показывали лишь острые мыски черных лаковых туфель на плоском каблуке. Укороченный жакет с широкими лацканами застегивался внахлест на две большие пуговицы. Тонкий свитер с широким воротом обтягивал длинную шею. На голове – шляпа в тон жакету, полумужского фасона, с широкими полями и клетчатой лентой, пущенной по тулье. Из прежних вещей остались лишь большие солнцезащитные очки, закрывающие половину лица.

Выйдя из кабинки, Клара совершенно неосознанно приняла позу, идеально подчеркивающую все достоинства как нового костюма, так и ее фигуры.

– Снимите очки! – требовательно взмахнул кончиками пальцев Ги Барян.

Клара выполнила указание.

Модельер коснулся пальцами подбородка.

– Да, немного макияжа не помешает... – задумчиво произнес он. – Но в целом... В целом...

Ги Барян бросил взгляд налево. Затем – направо. Метнулся в сторону. Оказался возле одной из дам. И обворожительно ей улыбнулся.

– Вы позволите...

Ги Барян не спрашивал – он знал, что ни одна женщина не сможет ему отказать. Поэтому он и ответа дожидаться не стал. А просто снял с груди дамы небольшую серебряную брошь, украшенную двумя камушками. Дама лишь умиленно вздохнула в ответ.

Еще бы!

Самому Готье Ги Баряну приглянулся ее аксессуар!

А Ги Барян, двигаясь плавно, будто скользя по полу, сместился в другую сторону и оказался возле Клары. Приколов брошку к лацкану ее жакета, он отбежал на два шага назад, вскинул руки и на пять секунд замер.

Для ожидающих окончательного вердикта дам эти секунды были подобны часам. Но они не смели роптать. Они были счастливы – им выпал редкий, да что там редкий, почти

нереальный шанс наблюдать за работой Гения! Немного постаравшись, они могли бы даже вообразить себя его соавторами. Но для этого у них было слишком мало фантазии. Ну и ладно. Неважно. Главное – они получали то, что хотели!

– Идеально, – тихо произнес Готье Ги Барян.

И в ту же секунду зрители взорвались аплодисментами.

Если бы у дам были с собой цветы – они полетели бы к ногам кутюрье.

Мастер красиво и с достоинством принял адресованные ему бурные восторги, после чего подошел к Кларе и взял ее под локоток.

– Так вы не работаете ни на одного из моих конкурентов? – доверительно поинтересовался он.

– Я вообще ни на кого не работаю. – Клара достала стянутую зажимом пачку денег и протянула ее модельеру. – Этого достаточно за мой костюм?

– О нет! – вскинул руки Ги Барян. – Спрячьте деньги! Это – подарок!

Клара не стала спорить. Сказала:

– Спасибо, – и убрала деньги.

– Я понимаю, вы дама обеспеченная. – Готье улыбнулся. – Другие в мой бутик и не заглядывают. И тем не менее... – Модельер сделал паузу. Как будто вдруг задумался, а стоит ли продолжать? Но думал он недолго. – И тем не менее у меня к вам есть одно очень интересное предложение.

– Какое?

– Не здесь! – раскинул руки в стороны Ги Барян. – Если на сегодняшний вечер у вас нет никаких определенных планов, я бы хотел пригласить вас на ужин.

Кларе припомнился обед с Мишкой-Ножом.

– В пивную?

Ги Барян улыбнулся, сочтя вопрос Клары шуткой.

– Куда вам будет угодно. Лично я предложил бы ресторан «Алексеич». Вы в нем, конечно же, бывали?

– Нет.

– Не может быть! Должно быть, вы не из Централя?

– Нет.

– Тогда понятно. Скажу лишь, что в «Алексеиче» прекрасная атмосфера, изысканная кухня и уникальная винная карта. – Готье улыбнулся. – Что еще нужно для того, чтобы приятно провести вечер?

– Знать, где ты проведешь ночь, – не задумываясь, ответила Клара.

– Так вы еще нигде не остановились?

– Я шла мимо вашего магазина...

– Замечательно! – не дослушав, перебил Клару Ги Барян. – Можете занять одну из моих квартир! На площади Звезды. Я держу ее специально для гостей. Ну, и чтобы время от времени устраивать вечеринки. Сейчас она совершенно свободна!

– Серьезно?

– Конечно!

– Но мы с вами совершенно незнакомы.

– Это легко исправить. – Модельер щелкнул каблуками и галантно поклонился. –
Мадам! Позвольте представиться! Готье Ги Барян!

Клара улыбнулась.

Ей определенно нравился этот маленький забавный человечек.

Глава 16

Улицу заливал яркий свет полуденного додекаэдра. Воробьи плескались в лужах, оставшихся после поливальных машин. Дети, которых строгие мамы и няни крепко держали за руки, с завистью смотрели на мокрых и довольных жизнью птах. Буйство зелени граничило с безумием. А ярость благоухающих цветов казалась почти кощунственной. Такие удивительные дни, когда все лучи сходятся в одной Точке Радости, выдаются крайне редко, а запоминаются надолго.

Того, что день сегодня удивительно необычный, не замечал лишь один человек. В длинном сером полупальто с поднятым воротником, глубоко засунув руки в карманы, он широко шагал и смотрел лишь себе под ноги. А что там можно было увидеть? Только брусчатку мостовой да разбитые мыски стоптанных ботинок. Полы полупальто разлетались на ходу. Под ним была темно-синяя затасканная водолазка и мятые серые штаны на ремне со сломанной пряжкой.

На вид чудаку, забывшему, как радоваться жизни, можно было дать лет сорок. Его длинные, с заметной проседью, чуть вьющиеся волосы были зачесаны назад. Лицо имело нездоровый сероватый оттенок, как у всех, кто редко выходит на улицу. Подбородок и щеки плохо выбриты. В целом выражение лица его можно было охарактеризовать как крайне сосредоточенное. Или – чрезвычайно задумчивое. Что, впрочем, почти одно и то же. Интересно, изменилось бы это мнение, если бы довелось заглянуть ему в глаза? Но это никому не удавалось, поскольку, как уже было сказано, мужчина шел, глядя себе под ноги. Следовательно, голова его была низко опущена.

Временами он то дергал локтем, то наклонял голову в сторону, то резко вскидывал колено. Выглядело это так, будто вокруг него происходило нечто такое, чего никто больше не видел.

Пройдя по Контенфло, он свернул на Дзуйхицу, остановился на углу дома номер 2/21, достал из кармана клочок бумаги и сверил написанное на ней с овальной фарфоровой табличкой. Удовлетворенно хмыкнув, он смял бумажку и кинул ее в водосток. После чего подошел к парадному крыльцу, проворно взбежал по лесенке и нажал на кнопку звонка.

Где-то в глубине дома ударил и раскатисто загудел гонг. Должно быть, очень большой.

Дверь открыла Туанона. Ну а кто же еще?

Смерив незнакомца придирчивым взглядом, кухарка не то чтобы осталась довольна, но после утренних визитеров этот мог сойти за средний класс. Выглядел он пусть и не вполне уважаемым, зато и не абсолютно безумным.

– Я вас слушаю. – Туанона сложила руки на переднике.

– Я по приглашению, – ответил мужчина в полупальто.

И зачем-то быстро глянул по сторонам.

– Могу я узнать, кто вас пригласил?
Незнакомец нахмурился и потер виски.
– Ммм... Господин Гугл. Так, кажется.
– Я не знаю такого, – покачала головой Туанона.
– Ну, значит, не Гугл, – мужчина махнул рукой так, будто это все объясняло. Разом. – Я не записал его имя. А у меня отвратная память на имена. И на номера, кстати, тоже.
– Тогда, может быть, вы перепутали номер дома?
– Нет, номер дома я записал. Мне – именно сюда.
Мужчина пальцем указал туда, куда его отказывалась пропустить Туанона.
– Могу я узнать ваше имя? – поинтересовалась кухарка.
Вежливо, но непреклонно.
– Кимер Фанфанов, – представился мужчина. – Писатель. Фантаст.
О фантасте Туанона была уже наслышана. После ухода парочки упологов все о нем только и говорили. Вернее, о его предстоящем визите. Парочка безумных упологов оставила после себя столь плотный шлейф впечатлений, что все теперь только и гадали – что ждать от фантаста?

Туанона еще раз внимательно просканировала взглядом визитера.

Вроде бы вполне приличный человек.

Странно.

Если не сказать более – подозрительно.

– Подождите, я доложу хозяину.

– Да, конечно, – улыбнувшись, кивнул фантаст.

Вполне миролюбиво и даже дружелюбно.

И уж точно без пафоса.

Но все же Туанона закрыла перед ним дверь.

На всякий случай.

Беспечность – прерогатива олухов.

А Туанона – не из таких.

Фантаст спустился с крыльца. Потоптался на тротуаре. Прищурившись, посмотрел на небо. Яркий свет додекаэдра слепил глаза, и фантасту это не нравилось. Он присел на ступеньку и снова принялся изучать носки своих ботинок.

Что бы мог подумать, взглянув на него, случайный прохожий? Вот сидит на лесенке небрежно одетый мужчина средних лет и рассматривает свою обувь. На бездомного не похож. Значит, просто бездельник. Нечем ему заняться, вот и греется на додекаэдре. Скорее всего, именно так и подумал бы случайный прохожий. И, отведя взгляд в сторону, тут же забыл бы о мужчине в сером полупальто.

Наш гипотетический случайный прохожий был бы в корне не прав. В этот самый момент в голове у фантаста происходил удивительный процесс, отчасти связанный с мыслительным, но имеющий под собой совершенно иную основу. Его можно было бы сравнить с бегом трусцой по болотистой местности. Фантаст выстраивал невообразимо сложную сюжетную конструкцию, в которой и сам пока не мог разобраться.

Если бы вместо фантаста дело с этой многоплановой и многоуровневой конструкцией

имел кто-то другой, ну, к примеру, менеджер среднего звена, он бы очень скоро потерял в ней самого себя. Он бы бродил между узлами и связками, то и дело вскрикивая от ужаса, и в конце концов забился бы в какой-нибудь темный угол. Его бы нашли – если бы, конечно, его вообще кто-то стал искать, – истощенным, измученным, беззвучно плачущим и напрочь потерявшим рассудок.

Смысла в конструкции, что собирал Кимер Фанфанов, не было никакого. С эстетической точки зрения она также не представляла ни малейшей ценности. Но сосредоточенно и упорно Кимер продолжал свой нелегкий труд. Потому что знал, что так надо. Кому – это уже другой вопрос. На который Фанфанов не то что не пытался ответить – он даже не задавался им. Вопросы без ответов были его коньком. Плохо объезженным, подслеповатым и хромающим на все четыре ноги, но зато – его собственным.

Случайный прохожий, видевший перед собой лишь мужчину в потрепанном сером пальто, понятия не имел, что именно сейчас, в этот самый момент, Кимер Фанфанов работал над новым романом «Дорогая, я сожрал свою тещу!», двенадцатым из цикла «Оргия непокоренных». Кимер был почти уверен в том, что этот роман даст новый толчок его карьере. И вот тогда...

– Господин Фанфанов!

Кимер оглянулся. Увидев стоявшую в дверях Туанону, он встал, одернул пальто и поднялся по лесенке.

– Господин Гиньоль готов вас принять!

– Точно! – радостно щелкнул пальцами Фанфанов. – Его зовут Гиньоль!

– Да, – согласилась Туанона.

Пропустив фантаста в прихожую, кухарка закрыла за ним дверь.

Фанфанов быстро глянул по сторонам. Казалось, он был несколько удивлен и даже раздосадован тем, что увидел. Вернее – не увидел. По растерянному выражению лица Кимера можно было решить, что он был уверен в том, что хозяин примет его прямо здесь, в прихожей. Прежде с ним именно так и поступали.

– Не хотите снять пальто?

– Конечно.

Фанфанов скинул пальто и протянул его Туаноне.

Домоправительница взглядом указала на вешалку.

Кимер улыбнулся и сам повесил пальто.

– Прошу вас. – Туанона указала на дверь гостиной.

Едва Фанфанов переступил порог, как к нему тут же подскочил человек в красном пиджаке, схватил за руку и, радостно улыбаясь, с каким-то ожесточением принялся трясти ее. При этом он еще и приговаривал:

– Рад! Неимоверно рад видеть вас, друг мой! Настоящий, так сказать, писатель! Властитель дум! Инженер человеческих душ! Монстр современной фантастики!..

Не слушая особенно, что там говорит этот странный тип, Кимер окинул взглядом помещение. Помимо них в гостиной находилась только молоденькая, весьма симпатичная девушка в огромных очках, с плаксивым выражением лица. А раз так, выходит, тот, что тряс его за руку, как раз и был Гиньоль. Признаться, Кимер представлял его себе несколько иначе.

А если уж совсем начистоту, то совершенно по-другому.

– Так сколько всего патронов в вашей обойме?

– Что? – непонимающе посмотрел на хозяина Кимер.

– Сколько романов вы написали?

– А, триста восемьдесят шесть.

– Да ну? – Гиньоль изобразил недоумение. – Эдак ведь можно и со счета сбиться!

– Я веду картотеку.

– Признаюсь, я знаком далеко не со всеми вашими работами...

Фантаст оценивающе посмотрел на Гиньоля.

– Думаю, вы вообще их не читали.

Гиньоль сделал шаг назад и игриво погрозил гостю пальцем.

– А вы проницательны, друг мой! Еще как! Ну, собственно, я и не ожидал другого от человека вашей профессии.

– Я – фантаст.

– Я в курсе.

– И что вам от меня нужно?

– Вот так – прямо к делу?

– А что тянуть? Меня работа ждет.

– Я хочу, чтобы вы отобедали со мной.

Гиньоль сделал гостеприимный жест в направлении уже накрытого стола.

Кимер не двинулся с места.

– Ваша секретарша, – он бросил взгляд на Мадлону, – сказала, что у вас ко мне деловое предложение.

– Именно так.

– За этим я и пришел.

– У меня к вам действительно очень интересное предложение. Но почему бы нам не обсудить его за обеденным столом?

Кимер набычился, прищурился и сжал губы. Как будто его скрутил острый приступ геморроя.

– Хорошо! – непринужденно взмахнул рукой Гиньоль. – Не смею настаивать! Тогда я сяду за стол, а вы можете оставаться стоять, если вам так удобнее. Лично мне это не помешает.

Гиньоль как сказал – так и сделал. Обежал стол, сел на хозяйское место, положил на колени салфетку, привстав, взял в руку половник и приоткрыл фарфоровую супницу. Из-под крышки выплыло облако ароматного пара.

– Мадлона, – положив крышку на край подноса, Гиньоль протянул руку.

Девушка вздрогнула и испуганно глянула на Фанфанова. Как будто это был ее отец, заставший дочь на тайном свидании.

Кимер стоял, разведя руки в стороны и присогнув колени, точно готовился животом отразить удар пушечного ядра.

– Мадлона! – чуть требовательнее позвал Гиньоль.

Девушка хлопнула папку на стол и потянула первую подвернувшуюся под руку

тарелку.

– Не то, – процедил сквозь зубы Гиньоль.

В самом деле – тарелка была десертная.

Мадлона быстро поняла свою оплошность и передала Гиньолю суповую тарелку.

Гиньоль наполнил тарелку супом и вернул ее Мадлоне. Затем обслужил себя.

– Должен сказать, – обращался Гиньоль исключительно к Мадлоне, – Туаноне исключительно удается фасолевый суп.

– Да, – растерянно кивнула девушка.

– А на второе у нас, если не ошибаюсь, форель, запеченная с лимоном?

– Я ухожу! – рыкнул Фанфанов и решительно направился к двери.

– Ну что ж, если вас не интересует литературная премия Академии...

Гиньоль попробовал суп и восторженно закатил глаза.

Фанфанов замер, вцепившись в дверную ручку так, будто примерялся, как бы половчее вырвать ее.

– Что вы сказали? – не оборачиваясь, медленно произнес он.

– Я говорю, Туанона, как всегда, приготовила изумительный фасолевый суп.

– Нет! – Фанфанов взмахнул рукой над плечом. – Не о том!

– Простите?..

– Вы говорили о литературной премии Академии.

– А, ну да, – Гиньоль помешал ложкой суп.

– И что?..

– Как вам, должно быть, известно, ежегодная литературная премия, вручаемая Центральной Академией, является наиболее престижной и, не побоюсь этого слова, весомой во всем Мире-На-Оси...

– Продолжайте...

– Вам интересно?

– Я еще не знаю, что вы хотите сказать.

– Но вам уже интересно.

– Допустим.

– Тогда присаживайтесь и поговорим.

Фанфанов раздумывал секунд пять, не больше.

Оставив дверную ручку в покое, он подошел к столу и занял приготовленное для него место.

– Поскольку я уже начал есть, будьте добры, – Гиньоль протянул гостю половник, – обслужите себя сами.

Понимая, что спорить бесполезно, Фанфанов плеснул себе в тарелку полполовника супа.

– Нет-нет! – увидев это, запротестовал Гиньоль. – Наливайте больше! Уверяю вас, суп необычайно вкусный! И, если мы не съедим его весь, Туанона обидится.

Скрипя зубами, Кимер наполнил тарелку до краев.

– Ну вот, – удовлетворенно улыбнулся Гиньоль. – Совсем другое дело. Теперь попробуйте.

Фанфанов взялся за ложку.

– Ну как?

– Вкусно.

– Не верю, – покачал головой Гиньоль. – Вы так говорите, только чтобы отвязаться от меня. Верно?

– Да.

Гиньоль положил ложку на край тарелки и посмотрел на гостя, как врач на тяжелобольного. С тревогой, но в то же время ободряюще. И не без надежды.

– Послушайте, господин Фанфанов, ну почему вы столь негативно настроены?

– Почему? – исподлобья глянул на него Кимер.

– Да, почему?

– Потому что я достаточно повидал таких, как вы!

– О, боюсь, вы заблуждаетесь! – искренне рассмеялся Гиньоль. – Таких, как я, вы еще не встречали!

– Вы так думаете?

– Я уверен в этом.

– В таком случае, я скажу, что повидал немало самодовольных болванов, которым все в жизни дается просто так. – Фантаст щелкнул пальцами. – Как будто у них есть добрая фея-крестная. Они с презрением относятся к тем, кто вынужден в поте лица зарабатывать хлеб свой. Они уверены, что те, кто не разъезжают с приема на прием в золотых колясках, сами в этом виноваты, потому что ленивы, глупы и нечистоплотны.

– О, это точно не обо мне, – улыбнувшись, изящно взмахнул кистью руки Гиньоль. И взялся за ложку. – Давайте есть. А то суп остынет и станет невкусным.

Глава 17

Библиотека Городского Совета располагалась в левом крыле ратуши, на втором этаже. Просторный светлый зал с высокими сводчатыми потолками поистине являл собой хранилище человеческой мудрости. На вошедшего в библиотеку с открытых стеллажей взирали кожаные корешки книг с именами величайших мыслителей и литераторов Мира-На-Оси. Взирали они не просто так, а с укоризной. Каждая из книг, казалось, хотела спросить вошедшего: «Почему ты меня еще не прочитал?»

Алик, входя в библиотеку, неизменно чувствовал себя так, будто на него силой натянули смокинг и вытолкнули в зал, где проходил торжественный прием в честь пятьсот тридцать первой годовщины основания Централя. Вокруг – известнейшие люди, влиятельные персоны, ордена и ленты, возвышенные речи и изысканные яства. И среди всей этой немыслимо пафосной роскоши – шенгенский орк Алик. И что он тут делает – никому не известно. В том числе и ему самому. Наверное, так происходило потому, что Алик вообще ничего не читал, за исключением «Телегида» и спортивной странички в «Центральных новостях».

В свое время, лет эдак сто тому назад, библиотеку подарил Городскому Совету великий мореплаватель Джеймс Кук. Поэтому она так и называлась – Библиотека Кука.

Кто такой капитан Кук, знал даже Алик. В поисках Края Мира капитан Кук на трех военных кораблях прошел вдоль всего юго-восточного побережья, попутно открыв несколько островов и проливов, пока путь вперед не преградили Окраинные льды. Тогда капитан Кук повернул на восток и плыл до тех пор, пока компасы не начали сходить с ума и все вокруг не заволокло непроглядным Туманом Безвестности. Два из трех экспедиционных кораблей потерялись в тумане. И тогда капитан Кук принял решение возвращаться назад.

В школьных учебниках приводится запись из судового журнала, сделанная самим капитаном Куком. «Это проклятое место, где пространство и время искривлены до полного безобразия. То, свидетелями чего мы стали здесь, не увидишь и в бреду. Мы плыли по облакам и видели, как волны перекатываются у нас над головами. Мы плыли по волнам и обгоняли свой собственный корабль, проплывающий над нами в облаках. Мы ложились спать завтра и просыпались вчера. Все наши попытки добраться до Края Мира ни к чему не привели. А потому я с полной ответственностью утверждаю, что никому другому это тоже не удастся! И я готов тысячу раз подписаться под утверждением старика Пенроуза, провозгласившего, что Край Мира скрыт от наших глаз пеленой горизонта событий! Я могу только гадать о судьбе наших товарищей с кораблей, затерявшихся в этой пелене. Мы поворачиваем назад. Хотя кто бы мне сказал, что это означает? Мы не знаем, в какую сторону плыть, чтобы вернуться домой. Нам остается надеяться лишь на удачу».

И удача не подвела капитана Кука!

На обратном пути он открыл Зиндорский архипелаг, состоящий из ста пятидесяти четырех островов, больших и маленьких, но все, как один, населенных дикими, нецивилизованными, злобными дикарями. Да к тому же еще и каннибалами.

Поскольку запасы провизии и воды на корабле Кука давно уже закончились, капитану пришлось пристать к одному из Зиндорских островов, именуемому Манна-Хата. Что в переводе с языка дикарей означает «холмистый остров». Кук местного языка не знал, а потому, обозначив остров на карте, написал рядом с ним «Манхэттен». Численность дикарей на Манна-Хата многократно превосходила число прибывших с Куком моряков. И разумеется, каннибалам не терпелось попробовать пришельцев на вкус. Только ум и отвага капитана Кука спасли экспедицию.

Дабы оправдать свое пагубное пристрастие к поеданию себе подобных, зиндорские каннибалы создали и взрастили миф, будто делать это их вынуждает суровая жизненная необходимость. Дикари были уверены, что в процессе поедания плоти жертвы они получают все ее лучшие качества. Узнав об этом, капитан Кук велел судовому врачу ампутировать ему левую ногу до колена. После чего предложил отрезанную часть тела дикарям, дабы они могли оценить пришельцев на вкус. Долго просить каннибалов не пришлось. Они насадили голень капитана Кука на вертел, зажарили и съели. Как и полагается дикарям, без соли и перца. С невозмутимым выражением лица наблюдал капитан Кук за тем, как дикари обглаживали его берцовые кости. Когда же последний кусочек мяса был съеден, Кук встал на деревянную ногу, которую сделал ему корабельный плотник, оперся на им же смастеренный костыль и, выхватив свой верный палаш, обратил в бегство всех участников ужасной трапезы. Историки расходятся во мнениях, называя число дикарей, зарубленных отважным капитаном. А сам Кук в своих мемуарах скромно об этом умалчивает.

Но не в этом суть!

Капитан Кук наглядно продемонстрировал каннибалам, что все, абсолютно все его мужество осталось при нем. Они же, отведав его плоть, не стали ничуть храбрее. После чего дикарям не оставалось ничего иного, как отказаться от своих глупых предрассудков и встать на путь цивилизации. Они перестали есть гостей. И вскоре благодаря туризму Зиндорский архипелаг сделался процветающим местом. А капитан Джеймс Кук, в знак его неоценимых заслуг, был удостоен звания почетного гражданина Зиндор.

Но сам капитан Кук на Зиндоры более не возвращался. Он вообще больше ни разу не поднялся на борт корабля, поскольку считал, что одноному моряку не место на палубе. А капитану – и подавно. Кук осел в Централе, но не стал затворником. Он много ездил по стране, выступал с лекциями, неоднократно дискутировал на семинарах, посвященных проблеме Края Мира, издал восемь томов мемуаров. Будучи истым библиофилом, Кук собрал уникальную коллекцию книг, которую, уже будучи на смертном одре, передал в дар Городскому Совету Централя.

Вообще-то, по задумке капитана Кука пользоваться его библиотекой могли все желающие. Однако, поскольку доступ в ратушу строго ограничен, библиотекой не пользовался никто. Бесценные книги капитана Кука стояли на полках и с надеждой взирали на каждого, кто входил в зал, где они были выставлены. Как правило, это были орки-шенгены, явившиеся лишь затем, чтобы смахнуть с полок пыль.

Кроули с детства испытывал благоговение перед книгами. Когда он открывал книгу, все равно какую, будь это учебник по матричной физике или до слез сентиментальный роман Федота Рошковца, он испытывал ни с чем не сравнимое чувство единения с поколениями ушедших в небытие, чьи знания и опыт спрессовывались, сжимались и складывались в напечатанные на бумаге строчки. Все открытия, что были сделаны человечеством, ничего бы не значили ровным счетом, если бы люди не научились передавать свои знания новым поколениям, используя для этого абстрактные знаки и символы.

Хотя, может быть, дело было вовсе не в этом.

А в том, что в те далекие времена, когда Алистер Кроули был вовсе еще и не известный всему Централю Кроули, а самый обычный маленький орк из Шенгена, с труднопроизносимым, как и у всех орков, именем, его папаша, тяжелый на руку и быстрый на расправу, использовал в качестве орудия экзекуции увесистый том в черном переплете, на обложке которого был нарисован мальчик придурочного вида с метлой. Несмотря на страдания, что причиняла ему эта большая книга, будущий Алистер Кроули всякий раз, как попадал под горячую руку отца, испытывал жгучее любопытство: что же это за книга такая? И что она делает у них в доме, где других книг в помине не было? Стискивая зубы, чтобы не закричать, и глотая слезы, маленький орк снова и снова давал себе слово непременно выучиться читать, чтобы наконец узнать, что же это за безжалостная книга в руке отца?

Тут надо сказать, что семья будущего Алистера Кроули, в особенности по отцовской линии, происходила из ортодоксальных орков, которые в повседневной жизни придерживались патриархального уклада. Ортодоксы считали, что всякий порядочный орк должен по крайней мере раз в неделю напиваться в хлам и лупить свою жену и детей. Не так, чтобы покалечить, но достойно – для поддержания согласия и порядка в семье. Самым же

страшным злом ортодоксы считали образование. Они были уверены, что грамотный орк никогда не сумеет отыскать свое счастье в жизни.

По молодости будущий отец будущего Кроули посмеивался над стариками. И не только. Поговаривали, что смутьяном он был тем еще. И назло всем вокруг решил выучиться на машиниста. Чтобы, как он сам говорил, бесплатно гонять на локомотиве от Шенгена до самого Централя. Однако ж, провалив двенадцать раз кряду вступительный экзамен, будущий отец будущего Кроули потерял веру в просвещение, озлобился и подался в ортодоксы. Выпивал он и раньше регулярно. Ну а теперь, как и велел Завет ортодоксальных орков, женился и принялся регулярно поколачивать супружницу. А после того как дети родились – и их тоже. Большой, тяжелой книгой, на обложке которой был нарисован придурочный мальчик с метлой.

Понятно, что в столь зловонной социальной среде юный орк мог мечтать об образовании с тем же успехом, что и о полете в космос. Однако будущей красе и гордости Централя дерзости было не занимать. И он взялся за учебу. Можно сказать, что с отчаянностью обреченного. Потому что точно знал, что не хочет закончить свои дни так же, как и его папаша – в пьяном угаре, обозленным на весь белый свет, с одной-единственной книгой в доме, которая используется исключительно как антистрессовый тренажер.

Поначалу будущий Алистер Кроули брал уроки у старого грамотного орка, проживавшего на той же улице. Над орком все смеялись и тыкали в него пальцами. Но тому, похоже, было все равно. Он четко, раз в неделю, ездил на рейсовом дилижансе в Кимерсбург и возвращался с толстой стопкой книжек под мышкой. Он брал их в публичной библиотеке. И за неделю все прочитывал. Наверное, потому что никогда не смотрел телевизор.

Юный ученик платил старику по четыре трика за урок. Откуда он брал деньги – о том лучше не спрашивать. Что было – то было. И быльем поросло. Было так давно, что пора о том забыть.

Старик оказался совсем неплохим учителем. К тому же ни учитель, ни тем более ученик не знали и знать не хотели, что такое выходные. И уже через месяц непрерывных занятий будущий Алистер Кроули смог прочитать название книги, переплет которой не раз плотно припечатывался к его ягодицам. Настолько плотно, что порой он опасался, не отпечатались ли на них название. Или, того хуже, портрет странного недоумка с метлой.

Каково же было разочарование юного орка, когда он узнал, что книга, прошедшая вместе с ним детство, отрочество и начало юности, книга, имевшая для него если не мистический, то уж точно сакральный смысл, называлась «Необыкновенные приключения Гарри Грязнули, мальчика, который умел летать на метле». Именно так – та самая всемирно известная книга, единственным назначением которой могла стать замена сломавшейся диванной ножки, но уж никак не духовное обогащение читателя. А поц на обложке, выходит, и был тот самый Грязный Гарри.

После такого удара ниже спины будущий Алистер Кроули понял, что больше не может оставаться в родном доме. И он ушел, не оставив даже записки. Ушел навсегда.

Свое образование он продолжил в Кимерсбурге. Сначала в городской муниципальной гимназии для одаренных подростков, куда был зачислен по поддельному рекомендательному письму. Затем – в Кимерсбургском гуманитарном колледже, куда поступил уже на законных

основаниях. А впереди у него был Централь. Новое имя – Алистер Кроули. Слава, почет и всеобщее уважение.

Но даже после этого Алистер Кроули ни разу не задумывался о том, что бы сказал отец, узнав о том, какую карьеру сделал его образованный сын, которого он считал никчемнейшим существом во всем Мире-На-Оси, а потому и мутузил почем зря книгой о Гарри Грязнуле. А может быть, отец срывал на сыне зло из-за того, что самого себя считал полнейшим ничтожеством и последним неудачником? Кроули это было все равно. Потому что Алистер Кроули был уже совершенно другим орком.

Что чувствовала Мара, входя в библиотеку, не знал никто. Она смотрела не на книги, а на свои пальцы, которые двигались будто сами собой, скручивая и снова распуская уголок фартука. Огромное множество книг немного пугало ее. Шенгенке делалось не по себе, когда она пыталась представить, что творится в голове у человека, орка, гнома или эльфа, прочитавшего ну пусть не все, так хотя бы половину, да ладно – четвертую часть этих книг? Даже подумать страшно!

Кроули повернулся к прячущемуся у него за спиной Алику.

– Ну, и где?

– Там, – Алик взглядом указал в самый дальний, скрытый в тени угол библиотечного зала.

– Показывай, – сделал приглашающий жест рукой Кроули.

Алик потоптался на месте, хмыкнул весьма неопределенно – не то с сомнением, не то с осуждением – и пошел в указанном направлении.

Возле углового шкафа он остановился.

– Ну? – выжидающе посмотрел на него Кроули.

– Здесь, – мрачно буркнул Алик.

Кроули окинул взглядом плотные ряды книг. Опытный взгляд орка сразу же отметил толстые кожаные тома «Опытов» Хендрикса и «Путешествий» Гулливера.

– Где именно?

– Не знаю, – пожал плечами Алик.

– Что значит «не знаю»?

Если бы Кроули снял солнцезащитные очки, Алику, скорее всего, очень не понравился бы его недобрый прищур.

– Ну, тут... В этом углу где-то...

– Где ты взял заклинание? – медленно, почти по слогам и, как могло бы показаться, а может быть, и нет, с затаенной угрозой произнес Кроули.

– В общем так, – Алик сложил ладони вместе и кончиками пальцев коснулся подбородка. – Мы с Геной наводили здесь порядок. Я – в этом углу, он – в другом конце. Вон, видите, лесенка стоит? – Алик указал на лесенку на колесиках, предназначенную для того, чтобы снимать книги с верхних полок. – Я поднялся по ней едва не до самого верха и начал там пыль сметать... Знаете, есть такая специальная метелочка из перьев. Влажной тряпкой было бы, конечно, удобнее, но от влаги корешки книг портятся. Так вот. Я то в одну сторону потянусь, то – в другую. Тянусь, значит, как следует, так что порой только одной ногой о ступеньку опираюсь. Это чтобы лишний раз вверх-вниз по лесенке не бегать. Ну вот,

значит, потянулся я слишком сильно – так, что лестница начала из-под ног уплывать. Чувствую – падаю. Ухватился за то, что под руку подвернулось. Ну, и все равно полетел вниз вместе с грудой книг. Хорошо, что книги раньше упали, – я на них грохнулся. Ушиб локоток и затылком здорово об пол приложился. Но в остальном – порядок...

– Слушай, Алик, мне твои производственные романы, как говорят в Бедламбесе, по барабану!

– А почему они так говорят?

– Как?

– По барабану.

– Потому что передают сообщения на большие расстояния с помощью тамтамов.

– А при чем тут барабаны?

– Совершенно ни при чем. Я тебя о чем спрашиваю?

– О чем? – опешил Алик.

– О заклинании!

– Ну, а я о чем?

– О том, как с лестницы свалился!

– Ну, верно. Я как раз к самой сути и подхожу.

– Долго идешь.

– Ну, понятное дело, упал-то я быстро. А рассказывать об этом долго. Потому как закон гравитации...

– Заклинание, Алик!

– Ну да. В общем, мы с Генкой книги собрали и назад на полку поставили. Вот тогда и увидели, что на ковре остался сложенный в несколько раз листочек. Видать, из книги какой выпал. Развернули, а там – заклинание. Ну, мы-то поначалу решили, что это фигня какая-то. Мол, баловался кто-то, писал незнамо что. Я сунул бумагу в карман фартука. Выкинуть хотел, да и забыл про нее. А через пару дней, когда убираться-то в зале для торжественных приемов начали, Генка тут и говорит, вот бы, говорит, здорово сейчас то заклинание, говорит, что мы с тобой нашли, использовать. Сделать, значит, говорит, кадавра – пускай он за нас мебель двигает. Тут я и вспомнил, что бумажку-то выкинуть забыл. Мы, смеху ради, и попробовали. А оно возьми да и сработай!

Алистер чувствовал, как его постепенно, но неумолимо распирает злость на Алика. Виной всему, понятное дело, была непробиваемая тупость и внушающая страх и трепет дичайшая безалаберность орка.

– Книгу, из которой выпала бумага, ты, конечно, показать не можешь?

– Шутить изволите? – криво усмехнулся Алик. И кивнул на полки. – Вон их здесь сколько!

Кроули и не ожидал другого ответа.

– А бумага?

– Какая бумага?

– Бумага, на которой написано заклинание? Где она?

Алик скорбно развел руками.

– Нету!

– Как это нету? – не поверил Кроули.

– А вот так! – Алик повторил свой жест. Но на этот раз – не без гордости. – Нету! И все тут!

– Слушай, Алик. – Кроули двумя пальцами поправил очки. Хотя в этом и не было никакой необходимости. – Ты мне мозги не канифоль, – чтобы Алику было понятнее, Кроули перешел на конкретный шенгенский жаргон. – Хочешь, чтобы у тебя были проблемы? Они у тебя будут!

– Не будут, – Алик оскалил редкие зубы в довольной, нет, в самодовольной ухмылке. – Об том я уж позаботился.

– Это еще что значит?

Кроули бросил быстрый, недоуменный взгляд на Мару.

Та пожала плечами.

– Я бумагу с заклинанием сжег! – гордо объявил Алик.

Услышав такое, Кроули на какой-то миг лишился дара речи. Голова у него пошла кругом, а перед глазами быстро-быстро закрутились прозрачные шестеренки с радужными переливами. Сделав усилие, он попытался убедить себя в том, что ослышался. Или, быть может, неправильно понял то, что сказал Алик...

– Сжег?..

Хотя, какое уж там...

– Точно! – Алик вскинул руку к плечу и, как фокусник, щелкнул пальцами. – Чтобы, значит, никаких улик!

Кроули захотелось сначала дать ему кулаком в нос. Так, чтобы кровища брызнула. Потом он подумал, что, пожалуй, лучше Алика задушить. Он бы, наверное, так и поступил. Если б рядом не стояла Мара и не смотрела на него умоляюще.

Оставалась еще одна, очень слабенькая, почти что призрачная надежда...

– Перед тем как сжечь заклинание, ты хотя бы снял с него копию?

– Конечно нет! Я что, похож на идиота?

Нет, конечно же, Алик не был похож на идиота.

Идиот – это совсем не подходящее название для орка, что собственными непутевыми ручищами уничтожил бесценное сокровище. Быть может, последнее работающее заклинание для создания кадавров Шредингера.

Не зная, что еще сказать, Кроули витиевато и длинно выругался по-шенгенски. Прежде Алистер и не подозревал, что способен на такую виртуозность. Ничего не поделаешь – память предков. Сколько ее ни выдавливай, сколько ни травы – все равно проступает родимыми пятнами. Особенно в такие минуты, когда хочется все послать за край, а самому...

– Алистер, – тихо произнесла Мара. – Что нам теперь делать?

– Не знаю! – Кроули, как Алик, развел руками. – Честное слово, Мара – не знаю!.. Для того чтобы остановить вышедшего из-под контроля кадавра, нужно знать оригинальное заклинание... Которого у нас нет.

Все.

Сейчас бы развернуться и уйти.

Оставить Алика одного.

Пускай сам разбирается с тем, что наворотил.

Если бы не Мара...

Кроули снял очки и устало потер пальцами веки.

– Ладно, – он вернул очки на прежнее место. Теперь это был прежний Алистер Кроули. Невозмутимо спокойный, решительный, знающий, что нужно делать. Умение контролировать эмоции Кроули почитал за одно из наивысших достоинств. Наряду со способностью проявить сострадание. – Как я уже говорил, туннельный переход требует от кадавра Шредингера значительных энергетических затрат. Значит, для того чтобы компенсировать потерю энергии, кадавр должен был двигаться в направлении ее источника. В окрестностях Централя имеется два таких места. Это хранилище гисов в Заозерье и Центральная Ось, что на территории Академии. Ты, Алик, хватай своего приятеля Гену и дуй с ним в Заозерье. Мы с Марой отправимся в Академию.

– У нас, вообще-то, работа, – недовольно буркнул Алик.

Он, вообще-то, был не прочь задвинуть работу, но для солидности решил покочевряжиться.

– Тебе по ушам дать? – спокойно спросил Кроули.

– Зачем? – удивился Алик.

– Чтобы лучше слышал. Бери Гену и мотай в Заозерье. Понял?

– Понял. Чего ж тут не понять-то?

– Так почему ты все еще здесь?

– А что нам делать в Заозерье?

– Искать!

– Кадавра?

– Рояль, дубина! Кадавр если и был там, то его давно уже нет! – Кроули не сдержался. И теперь жалел об этом. – Что еще?

– А как мы попадем в хранилище гисов?

– Не знаю. Прояви смекалку... Хотя, какое уж там... Скажите, что вы новые рабочие. Или пришли наниматься на работу... Хранилище гисов – это обычный склад. Охраняемый, но не как Центральный Банк.

– А?..

Алик наклонил голову и почесал ногтем бровь.

– Что?

– А как мы доберемся в Заозерье?

– Как хотите. Я полагаю, что даже с твоим интеллектом эту задачку решить можно.

Пошли, Мара.

Кроули взял шенгенку под руку и повел к выходу из библиотеки.

– А может...

Кроули обернулся.

– Может, лучше мы с Геной в Академию смотаемся?

Кроули улыбнулся.

На этот раз ему действительно было смешно.

– Вас с Геной на территорию Академии не пропустят.

- Это почему же?
- Попробуй догадаться сам.

Глава 18

Откинувшись на спинку стула, Гиньоль положил ногу на ногу и взял в руку стакан с холодным клюквенным морсом.

Обед был закончен, Гуанона убрала со стола, оставив лишь напитки и сухое соленое печенье, которое любил погрызть Гиньоль. Мадлона, как обычно, взяла себе чашку зеленого чая. Фанфанов попросил кофе со сливками и тремя кусочками сахара. То, что фантаст отказался от предложенного ему портвейна, приятно удивило Гиньоля.

В конце обеда Гиньоль под каким-то надуманным предлогом ненадолго покинул гостя, чтобы подняться к Франтишеку. По мнению сенситива, они сделали правильный выбор. Несмотря на свою мрачную нелюдимость, Кимер Фанфанов был именно тем человеком, что им требовался.

– Только знаешь, что я тебе скажу? – Франтишек взял лежавшую у него на животе книжку карманного формата в мягкой бумажной обложке и показал ее Гиньолю. На обложке было нарисовано жуткое чудовище со множеством щупальцев, в скользких, холодных объятиях которого извивались сразу три насмерть перепуганные полуобнаженные красотки. Под картинкой значилось: «Кимер Фанфанов. Возвращение в мир пучеглазых тварей». – Он действительно умеет писать.

– Я знаю, – улыбнулся Гиньоль. – Мне Мадлона говорила.

– Нет, ты меня не понял! – замахал книжкой Франц. – Он умеет писать, но пишет не о том!

– В каком смысле «не о том»?

– За «Возвращение в мир пучеглазых тварей» литературных премий не дают!

– Ну и что? – пожал плечами Гиньоль. – Мы же не собираемся издавать собрание сочинений Кимера Фанфанова.

– Но ты собираешься рекомендовать его на литературную премию Центральной Академии.

– А это уже проблема Академии. Я не имею никакого отношения к жюри премии.

– Но ты обещал Фанфанову премию!

– Нет. Я обещал ему только то, что его имя будет включено в номинационный список.

По его меркам это уже огромное достижение.

– Ты играешь чужими судьбами, Гиньоль.

– Я не верю в судьбу. Каждый сам творец своего счастья.

– Как я слышал, именно эта философия вызывает особое недовольство нашего гостя.

– Поэтому он и есть тот, кто есть.

– Хорошо, с Фанфановым все ясно. – Франтишек вернул раскрытую книжицу на живот. – Но мне не дает покоя еще один вопрос.

– Так говори, не стесняйся.

– Каким образом рояль Джерри Ли Льюиса оказался на Лысой горе?

– Отличный вопрос! – Гиньоль хлопнул в ладоши. – Я и сам его пару раз себе задавал.

– Ну и как?

– Никак, – развел руками Гиньоль. – За ответ на него мне никто не заплатит. А к тому, за что платят, это не имеет отношения.

– Гиньоль! – Франтишек указал на друга надкушенной копченой колбаской. – Ты – циник!

– Я прагматик!

Гиньоль щелкнул каблуками, коротко поклонился, как актер, знающий себе цену, а потому не бисирующий, и вышел за дверь.

Высказав под фасолевый суп все, что он думал о таких, как Гиньоль, Фанфанов сразу заметно притих. И даже от форели отказываться не стал.

Мадлоне казалось, что Кимер стал похож на плюшевого мишку – в детстве она видела его в витрине магазина игрушек, мимо которого проходила каждый день. Другие игрушки постепенно исчезали с витрины, а мишку почему-то никто не покупал. И маленькой Мадлоне казалось, что с каждым днем он делается все грустнее. Однажды, остановившись возле витрины, девочка заплакала, и встревоженный продавец, выбежав на улицу, принялся ее утешать. Тогда-то он и объяснил девочке, что на самом деле плюшевый мишка был не один. Игрушка эта была настолько популярна, что продавец постоянно завозил в магазин новых мишек, на смену тем, что уже купили. И новый мишка из очередной партии засиживался на витрине не более трех дней. Вопреки ожиданиям, услышав это, девочка еще больше расстроилась и залилась горькими слезами. Мадлона поняла, что по глупости и наивности все это время жалела того, за кого следовало бы радоваться. Но самое главное – она поняла, что в жизни подобная обманка могла подстергать ее на каждом шагу.

– Итак, господин Фанфанов, о премии мы с вами уже поговорили. Теперь – о деле.

Кимер прикрыл левый глаз. Бровь над правым поднялась высоко вверх и изогнулась. Можно было подумать, что фантаст целится в Гиньоля из невидимого пистолета.

– Я полагал, что именно о премии вы хотели со мной поговорить.

– Вы ошибаетесь, – Гиньоль сделал глоток из стакана с морсом. – Премия – это бонус, который вы получите после того, как справитесь с работой, которую мы собираемся вам поручить.

При слове «работа» фантаст выразительно поморщился. Но слово «премия» на другом конце фразы было куда как весомо.

– Что за работа?

Гиньоль сделал знак Мадлоне.

Девушка подошла к Фанфанову и положила перед ним на стол толстую картонную папку.

– Что это?

Кимер даже не прикоснулся к папке. Как будто боялся запачкаться или обжечься.

– Это материалы, подготовленные нашими коллегами для публикаций в прессе. Особо подчеркну, в изданиях, ориентированных на массового читателя, а не в специализированных научных журналах. Статьи посвящены угрозе инопланетного вторжения и связанным с этим явлением и феноменом. Да вы сами взгляните.

Фанфанов открыл папку. Перелистнул пару страниц. Заглянул в середину стопки. После чего усмехнулся и покачал головой. Не то насмешливо, не то с сочувствием.

– Вы думаете, кто-то станет это читать? Я имею в виду нормальных, вменяемых людей, а не тех, у кого мозги набекрень.

– Полагаю, что нет. Поэтому мы и пригласили вас. Чтобы вы пером мастера привели все в надлежащий вид. Нам нужен по-настоящему интересный, захватывающий, даже, не побоюсь этого слова, сенсационный материал. Статьи, которые стали бы предметом обсуждения на ближайшие пару дней. Понимаете? Об угрозе инопланетного вторжения должны говорить везде и всюду. Больные с врачами, продавцы с покупателями, дети с родителями, музыканты с дирижером, спортсмены с тренером, орки с эльфами, ратманы... Ну, ратманы могут говорить сами с собой, у них это отлично получается.

– Но я в этом ничего не понимаю, – пожал плечами Фанфанов.

– А вам и не надо! Используйте воображение! У вас ведь есть воображение, господин Фанфанов?

– Ну, в некотором роде... – замялся фантаст.

– Вот именно это нам и нужно! – с непоколебимой уверенностью заверил его Гиньоль. – Именно в некотором роде! Лучше без жесткого порно и чрезмерного насилия. Детей, пожалуй, тоже не стоит трогать. А в остальном – все на ваше усмотрение!

Фанфанов пробежал взглядом первую страницу и с сомнением поджал губы.

– Вам что-то не нравится? – поинтересовался Гиньоль.

– Все! – Кимер возложил пятерню на стопку бумаг. – Это полный бред. Полнейший! Я в жизни не читал ничего более сумасшедшего!

– Ну, на самом деле все не так уж плохо, – ободряюще улыбнулся Гиньоль. – И, в конце концов, если не вы – то кто же?

– Не знаю, – честно признался фантаст.

– А как же премия Центральной Академии? – едва заметно прищурился Гиньоль.

Фанфанов обреченно вздохнул и снова взялся за первую страницу.

– Прочтите заголовок, – попросил Гиньоль.

– «Общие аспекты возможности внедрения чужеродных носителей генетической информации в организмы сельскохозяйственных животных и возможные последствия вызванных ими мутаций».

Кимер взмахнул страницей, как белым флагом, заранее признавая свое поражение.

– Сформулируйте то же самое, только покороче, своими словами.

– Как? – растерянно посмотрел на Гиньоля фантаст.

– Да как угодно!

Кимер на секунду задумался.

– «Инопланетяне вырывают кишки у коров».

– Очень хорошо, – одобрительно наклонил головой Гиньоль. – Только чуть менее грубо и с претензией на достоверность. Например: «На пастбище в Четкене инопланетяне вскрывают коров».

– А почему в Четкене?

– Да потому что это далеко. Никто не потащится в такую дыру, как Четкен, чтобы

проверить достоверность изложенных в статье материалов. В то же время название определенного места придает статье достоверность.

– А зачем пришельцы вскрывают коров?

– А это уж вы сами придумайте, дорогой мой! Кто из нас фантаст?

Фанфанов улыбнулся. Должно быть, ему уже пришла в голову идея, как обыграть эту ситуацию.

Он открыл начало другой статьи.

– «Пересмотр общей концепции невмешательства в случаях пространственно-временных искажений в точках возможного контакта».

– Смелее! – подбодрил фантаста Гиньоль.

– «Аномалия в месте посадки инопланетного корабля стала причиной гибели семьи».

– Отлично! Только лучше сказать не «гибели» а «исчезновения» – давайте оставим читателям надежду на счастливый конец истории. И непременно нужно указать, сколько человек было в семье.

– Для достоверности? – догадался Кимер.

– Именно.

Глаза фантаста блеснули азартом. Похоже, он начал входить во вкус. Как с фасолевым супом Туаноны.

– Семь человек будет достаточно?

– Думаю, вполне, – согласился Гиньоль.

– И собака! – щелкнул пальцами Фанфанов. – Рыжий сеттер! Домашний любимец!

– Просто замечательно, господин Фанфанов! Вы на лету схватываете самую суть!

Кимер смущенно улыбнулся, сделал глоток из чашки с остывшим кофе и потянулся за следующим листом.

– Э, нет, дальше вы уже сами! – остановил его Гиньоль. – Я не сомневаюсь, у вас все отлично получится. Ну а если что не так, то я потом подкорректирую.

Посмотрев на пачку статей уже новым взглядом, Фанфанов с предвкушением потер руки. Да уж, тут было где разгуляться буйной, неудержимой фантазии!

– Когда нужно сдать работу?

– К четырем утра рукописи статей должны быть доставлены в редакции.

– Я имел в виду – день?

– Завтра утром.

Фанфанов недоумевающе посмотрел на работодателя – не шутит ли он? Но Гиньоль и не думал шутить.

– Я понимаю, что сроки сжатые. Но надо постараться. От того, как мы справимся с этой работой, зависит очень многое. И главное – доброе к нам отношение Ректора Центральной Академии. – Гиньоль чуть прищурил левый глаз. – Понимаете?

Кимер судорожно сглотнул, но все же кивнул.

– Отлично, – улыбнулся Гиньоль. – Я знал, что мы найдем общий язык. Мадлона устроит вас в отдельной комнате, чтобы никто не мешал. Но а если что понадобится, все мы в любой момент к вашим услугам. Зовите, не стесняйтесь. Кричите и топайте ногами. Еда и питье – в любое время. Только скажите заранее, что вы предпочитаете, чтобы Туанона

приготовила.

Фанфанов вспомнил свой завтрак – банку консервированного гороха и бутерброд с колбасой – и безразлично пожал плечами.

– Да мне, в общем, все равно.

– Тогда оставим меню на усмотрение Туаноны. Уверю вас, она не подведет.

– Кефир! – вспомнил вдруг Фанфанов. – Я люблю кефир!

– Не проблема, будет вам кефир.

– И томатный сок!

– Сколько угодно. – Гиньоль внезапно запнулся. Осознав, о чем идет речь. – Простите за любопытство, вы их смешиваете или пьете отдельно?

– По настроению, – ответил Кимер.

– И как оно? – осторожно спросил Гиньоль.

– Бодрит.

– Надо будет как-нибудь попробовать, – улыбка Гиньоля сделалась несколько напряженной. Как будто он уже ощутил убийственный результат воздействия этой смеси. – Какие-нибудь еще пожелания?

– Да нет, вроде бы.

– Вы работаете за вычислителем?

– Нет, на пишущей машинке.

– Если хотите, можете диктовать Мадлоне...

– Спасибо, я сам. Мне так привычнее.

– Ну, как угодно, – развел руками Гиньоль. – В таком случае, позвольте задать вам личный вопрос.

Фанфанов пожал плечами.

– Конечно.

С тех пор как Кимер стал писателем, у него не было никакой личной жизни. Он понятия не имел, что за вопрос хотел задать ему Гиньоль, но был уверен, что ничто не сможет его смутить.

– Положа руку на сердце, – Гиньоль сделал именно то, о чем говорил, – скажите мне, господин Фанфанов, вы сами верите в то, о чем пишете?

Вот так!

Какое-то время фантаст ошарашенно молчал.

Такого он никак не ожидал.

И, главное, он не мог понять, какого ответа ждет от него Гиньоль.

Поэтому он ответил искренне и прямо:

– Вы что, за идиота меня держите?

– Я хочу получить конкретный ответ. – Гиньоль крепче прижал руку к груди. Как будто у него случился сердечный приступ. – Да или нет?

– Конечно нет!

– Я рад это слышать, – Гиньоль опустил руку, что держал на груди. – В таком случае, как вы считаете, какие мотивы могут быть у пришельцев, похитивших музыкальный инструмент?

Кимер недовольно сдвинул брови.

Похоже, Гиньоль все же держал его за идиота.

Или...

– О каком именно инструменте идет речь?

– О рояле. Об очень редком, я бы даже сказал, уникальном в своем роде рояле.

– Вы что, собираетесь стащить рояль и списать это на пришельцев?

Гиньоль от изумления едва рот не открыл.

Фантаст-то оказался не промах!

Двое упологов с учеными степенями, которые, впрочем, они могли и сами себе приписать, все же не смогли понять, что именно затевает Гиньоль. А этот, с позволения сказать, писатель в момент раскусил задачку. Конечно, он подошел к ней с противоположной стороны, но тем не менее результат был впечатляющий. Смотрел Фанфанов не в небеса, а куда и полагается – в корень.

Гиньоль сделал строгое лицо и погрозил Фанфанову пальцем.

– Мы не собираемся красть рояль. Это не в наших правилах, да и не в наших интересах тоже. К тому же рояль уже... пропал.

– Вот просто так взял и пропал?

– Да – просто пропал.

– И откуда же он... пропал?

– Из Желтого Дома.

– Да ну?

– Именно.

– А чем уникален этот рояль?

– Он был подарен Городскому Совету Джерри Ли Льюисом. В знак, так сказать, уважения. А может, по какой другой причине. Нам это не интересно. Мы должны объяснить это... эту пропажу.

– Почему мы?

– Потому что это наша работа.

– А... – фантаст озадаченно поскреб ногтями щеку. – А почему вы считаете, что проще всего списать это на инопланетян?

– Вы можете предложить другое решение? Только имейте в виду, времени у нас в обрез.

– Да, собственно, мне-то без разницы. Пришельцы, значит, пришельцы.

– Мне нужно понять их мотивы.

– Может быть, они просто любят фортепианную музыку, а свой инструмент сломался?

– Посерьезнее, пожалуйста, господин Фанфанов. Мы здесь, между прочим, не в игрушки играем.

– Извините, – фантаст сосредоточенно наморщил лоб.

Он написал триста восемьдесят шесть романов. Неужели ж ни в одном из них не было похожей ситуации?

Быть того не могло!

Глава 19

Мара ни разу не бывала в Центральной Академии. Но, как и любой житель Мира-На-Оси, она много слышала об этом удивительном месте. По большей части это были слухи и досужие вымыслы. Но, даже если отбросить их и оставить только чистую, ничем не приукрашенную правду, все равно выходило, что Центральная Академия – место в высшей степени необычное. В котором нужно непременно побывать хотя бы раз в жизни.

Маре было интересно все.

– А вход на территорию свободный? – спрашивала она у Кроули.

– Конечно нет, – отвечал ей Алистер. – Нужен пропуск, подписанный Ректором.

– Как же мы туда попадем?

Алистер усмехнулся.

– С учетом того, какую огромную территорию занимает Академия, в ограде должно быть множество дыр, через которые студенты проникают на свободу. Но мы поедем через главные ворота.

– У тебя есть пропуск?

– Нет. Но у меня имеется кое-что другое, что несомненно заинтересует привратников.

Они подъехали к высоким решетчатым воротам.

Обе створки были раскрыты. Но проезд на территорию Академии закрывал шлагбаум, похожий на мощный таран с круторогой бараньей головой на конце.

Из окошка дежурной будки на незваных гостей без особого интереса, скорее даже со скукой, если не с тоской, взирал пожилой усатый привратник в фиолетовой униформе, украшенной серебряными галунами, аксельбантами и бутафорскими эполетами. Форма привратника была не просто безвкусной, а вызывающе безвкусной. Настолько, что даже становилось интересно: какие тайные цели преследовал безвестный модельер, создававший сей мундир?

Подождав какое-то время, Кроули понял, что сам по себе страж врат с места не двинется. Сначала он помахал привратнику рукой. Затем надавил на клаксон. Звук которого заставил привратника недовольно поморщиться. И не более того.

– Он не хочет нас пускать? – осторожно, шепотом спросила Мара.

– Конечно хочет. Просто ему нужен стимул.

Кроули вышел из машины, хлопнул дверцей, поправил очки и не спеша, прогулочным шагом подошел к будке привратника.

– Хороший денек, – обратился он к усатому сонному типу в окошке.

Тот посмотрел на орка оценивающе и вяло кивнул.

– Я могу вас попросить ненадолго поднять шлагбаум? – спросил Кроули.

– Зачем? – почти не разжимая губ, буркнул привратник.

– Нам нужно проехать на территорию.

– С какой целью?

– Мой племянник учится на землеройном факультете...

– День посещений в субботу.

– У нас дело, не терпящее отлагательства.

– Пропуск?

– Нет.
– Приезжайте в субботу.
– Но мне нужно сегодня.
– Позвоните секретарю-протектору.
– Стоит ли беспокоить занятого человека из-за такой ерунды. – Кроули сунул в окошку руку, между пальцами которой была зажата сложенная вчетверо купюра в пятьдесят грандов. – Нам всего-то на пару часов.

В свое время Кроули брал частные уроки у великого престижитатора, имя которого настолько известно, что ни к чему его произносить вслух. Манипуляции с мелкими предметами были его коньком. Но, край мира, кто бы сейчас объяснил Алистеру, каким образом его купюра превратилась в круглый пластиковый жетон с номером «32»?

– Ваше место на парковке. До двадцати ноль-ноль.

Кроули хотел было поблагодарить привратника, но вовремя одумался. С чего бы вдруг? Его услуги оплачены. Поэтому он лишь отсалютовал усатому пальцами, меж которыми был зажат жетон.

Привратник хлопнул ладонью по кнопке, и штанга шлагбаума поползла вверх.

– Ну что, видела? – спросил Кроули у Мары, садясь в машину.

Шенгенка покосилась на привратника.

– Он всегда делает это за деньги?

– Полагаю, за деньги он сделает все что угодно, – усмехнулся Кроули. – Как сказал Император Ху, глубина человеческой алчности сравнима разве что только с глубиной небесной бездны у нас над головой.

– Тебе от этого не становится страшно?

– Ну я же не боюсь, что небо упадет мне на голову.

Они проехали по ухоженной гравиевой дорожке, свернули на указателе и оказались на автомобильной стоянке. Свободных мест почти не было. Но место под номером тридцать два, как и обещал привратник, оказалось не занято.

Кроули вручил жетон гному-смотрителю, поставил машину на отведенное ей место и помог Маре выйти.

– Куда мы теперь? – спросила Мара.

– К Голгофе.

– Это та знаменитая гора, через которую проходит Центральная Ось?

– Она самая.

– И что мы там будем искать?

– Забыла? Нас интересует рояль.

– Алистер, рояль – это не пуговица. Он не может затеряться в траве. Будь он здесь, его бы давно уже нашли.

Кроули ничего не успел ответить.

– Уважаемые!

Следом за ними, размахивая над головой рукой, бежал гном с автостоянки.

– Чего еще? – недовольно глянул на него Кроули.

Гном наклонился, уперся руками в колени и шумно выдул из легких воздух. Затем

снова вдохнул, выпрямился и улыбнулся. Немного через силу, но все равно доброжелательно. Можно даже сказать, услужливо.

– Я так понял, вы впервые в Академии?

– С чего это ты взял? – недовольно сдвинул брови орк.

– Вы направляетесь не туда.

– Да? А куда, по-твоему, мы направляемся?

– Куда бы вы ни направлялись, вам лучше пойти в другую сторону. Вернитесь немного назад и сверните на дорожку по стрелке «Административный корпус», – гном рукой указал направление. – Академия, она-то большая. Скажем, до пасеки не меньше часа топать. Но можно воспользоваться услугами велорикш. Которые за умеренную плату быстро и с комфортом доставят вас в любое место! А там, куда вы направлялись, только факультет свиноводства находится.

– Серьезно? Ну спасибо тебе, дорогой!

Кроули сунул услужливому гному монету в десять триков.

Пройдя в указанном направлении и сделав нужный поворот, Алистер с Марой вскоре вышли к зеленой лужайке. На дорожке возле нее были припаркованы штук двадцать разноцветных машинок. А их водители в тенике под деревьями маялись от безделья. Кто-то жевал бутерброд, кто-то раскладывал пасьянс, кто-то просто дремал, улегшись на травку. Видно, особым спросом их услуги не пользовались. А может, просто время было неподходящее. Все велорикши, как один, были орками. Должно быть, какой-то ухватистый орк крепко держал это место в руках, а потому и на работу нанимал соплеменников.

– О-ха! – Кроули вскинул руку в традиционном орочьем приветствии. – Как оно, собратейнички?

Если Алистер рассчитывал на ответное приветствие, то он жестоко ошибся. Академические орки были то ли плохо воспитаны, то ли слишком высокого мнения о себе.

– А кто интересуется? – спросил один из велорикш, кинув на пришельцев косою, совсем недружелюбный взгляд.

Кроули усмехнулся и двумя пальцами потрогал дужку очков. Он знал, что произойдет, когда он назовет свое имя. Такое случалось каждый раз. За исключением одного-единственного случая, о котором Кроули не любил, да и не хотел вспоминать. Ни к чему это.

– Алистер Кроули.

Как и следовало ожидать, его слова произвели эффект сдетонировавшего фугаса. Или – неожиданного объявления о распродаже домашней сантехники с семидесятипятипроцентной скидкой.

Как всегда.

Орки повскакивали с мест. Даже те, что, казалось, спали и не должны были ничего слышать.

– Врешь! – не сдержавшись, выкрикнул один.

Другой тут же как следует ткнул скептика локтем в ребра. И в общем он был прав. Любое произнесенное слово имеет свои последствия. Необдуманные слова, как правило, ведут к нехорошим последствиям.

– Тебе документы показать? – усмехнулся Кроули.

Опрометчивый орк смущенно потупил взгляд:

– Да ну... Зачем... Это ж я так... – и попятился назад, за спины товарищей.

Тут загомонили все разом.

– Тот самый Алистер Кроули?

– А что, есть другой?

– Ну надо же! Сам Алистер Кроули!

Орки не знали, что и делать.

Как поступить?

Перед ними стоял и улыбался Алистер Кроули!

Сам Алистер Кроули!

Тот самый Алистер Кроули!

Собственной персоной!

Подходящих слов у орков, разумеется, тоже не было. Откуда бы им взяться? Слова ведь, как известно, есть озвученные мысли.

Что вообще принято делать или говорить в подобных случаях? Когда лицом к лицу встречаешься с живой легендой?

Кроули прекрасно понимал, что творится сейчас в головах его соплеменников. Поэтому, прежде чем начать говорить, он выдержал точно выверенную паузу. С орками всегда так – начни Алистер говорить секундой раньше, и они могли подумать, что он не достоин уважения; секундой позже – могли бы решить, что это он их не уважает. Сложный народ. Непростой. Впрочем, как и любой другой.

– Мы хотим осмотреть местные достопримечательности.

– Достопримечательности?.. – Орки непонимающе переглянулись. – Да нет тут никаких достопримечательностей!

– Ну как же так? – искренне удивился Кроули. – Академии более пятисот лет. И никаких достопримечательностей?

Орки растерянно молчали.

– Ну, это смотря что считать достопримечательностью, – изрек наконец рыжеволосый верзила с маленькими, будто прячущимися в складках кожи глазами.

Однако взгляд этих глаз был не сказать что хитрый, но явно не глупый.

– Мне нравится ход твоих мыслей, – улыбнулся рыжему Кроули. – Прокатишь нас?

– Ну а чего ж не прокатить-то, – польщенно зарделся здоровяк. – Если скажете куда, так и прокачу.

– Поехали!

Кроули с Марой сели в голубую двухместную коляску мощностью в одну орочью силу. Рыжий велорикша запрыгнул в седло и надавил на педали. Скрипя шинами по гравию, коляска покатила по дорожке. А орки-рикши, только что видевшие настоящего, живого Алистера Кроули, еще долго стояли и смотрели ей вслед.

– Так куда едем-то? – обернувшись, спросил рыжий верзила.

– Пока прямо.

– А потом?

– Ты не слишком ли много вопросов задаешь?
– Извините...
– Да ладно, собрательничек. Пошутил я. Скажи-ка лучше, ты сам давно при Академии работаешь?

- Третий год.
- Ну и как тут?
- Нормально...
- Это не ответ.
- Спокойно...
- Уже лучше.
- Только платят мало.
- А кто тут всем руководит?
- Ректор.
- Да я не про Академию спрашиваю, а про ваш автопарк.
- А... Гурам.
- Да ты что!

Гурама Кроули знал. И мнения был о нем далеко не лестного. Про таких, как Гурам, орки говорят, что лучше вести дело с эльфами – те хотя бы мертвым уши не откусывают.

- А аборигены как?
- Нормально...
- Не досаждают?
- Да нет вроде...

Кроули готов был поспорить, что рыжий рикша вовсе не был молчуном. Он болтал бы без умолку, если бы в коляске у него сидел не Алистер Кроули. Тогда бы он не сомневался в том, что гость хочет всего лишь прокатиться и показать своей спутнице местные достопримечательности. А так он предпочитал помалкивать. Дабы не создавать себе проблем. Все-таки Кроули – это Кроули. Если верна всего лишь десятая часть того, что о нем говорят, все равно получается, что Алистер Кроули – это тайный правитель Мира-На-Оси. Ну, или что-то вроде того. В общем, один из магистров Великой Ложи Плотников. Сам Кроули о себе таких слухов не распускал. Но и не пресекал их. Зачем?

- И что, здесь действительно не на что посмотреть?
- Все зависит от того, что вас интересует.

Крючочек, заброшенный рикшей, был не особо замысловато спрятан. Но Кроули и не собирался ничего скрывать. За исключением цели своего визита.

– Едем к Голгофе! Мы хотим посмотреть на Центральную Ось!
– К Голгофе так к Голгофе, – привычно согласился с клиентом рыжий рикша. – Только знаете, какое дело. На саму Голгофу карабкаться смысла нет. Потому как близко к Оси все равно не подойти. Пространственно-временной парадокс не пускает. Ось красиво смотрится с ближайших холмов. Особенно с Лысой горы. Лысая с Голгофой почитай что рядышком стоят. И высотой обе примерно одинаковые.

- Ну так поехали к Лысой горе.
- Поехать-то оно, конечно, можно. Не проблема. Но, видите ль, в чем дело, уважаемый

Кроули. Два дня назад тропу, ведущую на гору, закрыли. А к фуникулеру никого даже близко не подпускают.

– Да что ты говоришь? – Кроули крепко сжал руку Мары. – А в чем причина?

– Понятия не имею, – не оборачиваясь, пожал плечами рыжий. – За все то время, что я здесь работаю, такое впервой приключилось.

– И что об этом говорят?

– Да кто что говорит. А точно никто ничего не знает.

– Но тебе-то должно быть известно, что на самом деле произошло?

– Мне?.. Откуда?

– Ты же возишь не простых студентов, а преподавателей, администраторов, спонсоров да меценатов. Может быть, даже самого Ректора возить приходилось?

– Приходилось, – рыжий кивнул и через плечо быстро глянул на Кроули.

– Ну вот видишь, – улыбнулся тот. – И твои приятели разных людей немалого калибра тоже возят. Кто-то наверняка да слышал что-нибудь о Лысой горе. Верно ведь?

– Вообще-то, когда мы высоких лиц возим, нам полагается плееры слушать, а не то, о чем они говорят. Хотите, я и сейчас плеер включу?

– Нет, не хочу. Лучше расскажи, что слышно о происшествии на Лысой горе?

Пауза.

Рикша крепко сжимает руками руль и, кажется, изо всех сил давит на педали.

– Почему вас это интересует?

– Я по жизни любопытный.

– И какого же свойства ваше любопытство?

О! А рыжий-то, оказывается, совсем не так прост!

– Чисто личного.

Рикша сосредоточенно крутит педали.

– Я могу на вас положиться, господин Кроули?

– Всегда.

Пауза.

Короткая, почти незаметная.

– Ходят слухи, что из кабинета Ректора пропало что-то очень ценное. А потом эту вещь случайно обнаружили на вершине Лысой горы. Вот гору и закрыли для посетителей, чтобы, значит, в спокойной обстановке произвести дознание.

– Что-то я не вижу вокруг револьверос.

– А их нет. Нет и не было.

– Кто же тогда проводит дознание?

– Ребята говорят, приезжал частный сыщик. Говорят, очень известный.

– Имя?

– Вот чего не знаю, того не знаю.

– Но описать его можешь?

– Говорят, одет он был чудно. Малиновый пиджак, широкополая шляпа и трость в руке.

– Да уж, действительно яркая личность, – сказал Кроули.

А про себя подумал, что частный сыщик, пожалуй, не станет одеваться столь броско.

– А что именно украли у Ректора?

– Вот этого никто не знает.

– Точно?

– Абсолютно. Похоже, это самый большой секрет с момента возникновения Большой Временной Петли.

Это было не совсем то, что надеялся услышать Кроули. Но все же лучше, чем ничего. Теперь у него была хоть какая-то зацепка.

– Тропу, ведущую на Лысую гору, сторожит та же частная охранная фирма, которая и привратников поставляет?

Если так, то Кроули уже знал стоимость входного билета.

– Это ни к чему. В начале тропы вывешен плакат, извещающий, что всякого, кто на нее ступит, в момент вышибут из Академии. Студенты знают, что Ректор скор на расправу. Рисковать никто не станет. К тому же еще и Гарик по окрестностям рыщет.

– Что еще за Гарик?

– Недоучившийся студент с магического факультета. Жертва лоботомии. Свихнулся на почве особого усердия в учебе. Ректор оставил его при Академии. Он у него вроде цепного пса.

– Такой опасный?

– Такой преданный.

– А фуникулер?

– Насчет фуникулера тоже с Гариком договариваться придется. Там есть еще два гнома. Один внизу сидит, другой наверху. Но Гарик к фуникулеру никого, кроме самого Ректора, не подпускает.

– Зачем тогда нужен фуникулер?

– Чтобы Ректор в дни великих празднеств мог вознестись на гору.

– Содержание персонального ректорского фуникулера не считается нецелевым расходованием бюджетных средств?

– А вот это уже точно не ко мне вопрос.

Каждый, кто посещает Академию, какие бы цели ни преследовал его визит, непременно хочет взглянуть на Центральную Ось, пронзающую Мир-На-Оси точно через вершину Голгофы. Многие только ради этого сюда и приезжают. На самом деле никакая это вовсе не Ось, а видимый отрезок гигантской вселенской Суперструны. И никто точно не знал, является ли Суперструна и нанизанная на нее Голгофа центром Мира. Ну и наконец, в последние годы среди ученых все более популярной становится теория, гласящая, что струна вовсе не служит опорой Миру-На-Оси. Однако именно благодаря взаимодействию с ней из многомерных свернутых структур Калаби-Яу смогли развернуться три основных пространственных измерения – длина, ширина и высота, – три дополнительных – изгибина, крутизна и плоскота – и еще три вспомогательных – огиб, разгиб и прогиб. Благодаря чему Мир-На-Оси выглядел именно так, как он выглядел. А не как иначе. Так что уже хотя бы поэтому стоило взглянуть на Центральную Ось. Или, если хотите, – на Суперструну.

– Вот и Голгофа.

Кроули и Мара посмотрели вверх.

Кроули уже доводилось видеть Центральную Ось. А Мара смотрела на нее впервые. И зрелище сие наполняло душу шенгенки благоговением и трепетом. И немудрено – не каждый день удастся воочию узреть силу и мощь Вселенной. Хотя, честно сказать, зрелище было так себе. Снизу, от подножия горы, Центральная Ось была похожа на воткнутую в вершину горы толстую светящуюся спицу, на дальнем конце которой балансировал сияющий Додекаэдр. Спецэффекты в классической гексологии братьев Люмьер «Поезд в огне» не в пример красивее, ярче и реалистичнее. У кого не захватывало дух при виде того, как Ном, с двуручным мечом в одной руке и суперпулялкой в другой вламывается в Суперструну и сквозь ревящее пламя несется к иным мирам? Хотя их же «Матрица», снятая двумя годами позже, оказалась полной дребеденью и с треском провалилась в прокате. Хитом она стала только в Бедламбесе. У бедламбесцев все не как у людей. А Национальный Лидер Единой и Нерушимой Партии Бедламбеса даже удостоил братьев Люмьер ордена имени Национального Лидера Единой и Нерушимой Партии Бедламбеса. Правда, только одного на двоих.

– Спасибо, – с чувством произнесла Мара.

– За что? – удивился Кроули.

– За то, что позволил мне это увидеть.

Это было уже слишком. Даже для Кроули. Ему было искренне жаль Мару. Но что он мог сделать? Как он мог изменить ее Путь, если Мара сама не хотела ничего менять?

– Так что, к Лысой горе? – спросил рикша.

– Да, – отрывисто бросил Кроули.

Он уже начал жалеть, что решил помочь этому остолопу Алику. Хотя, конечно, на самом деле он помогал не Алику, а Маре. И это при том, что он был уверен в том, что без Алика Маре было бы лучше...

Темная сторона Додекаэдра! Как же все запутано в этом мире!

Коляска остановилась возле деревянного щита, предупреждающего, что всякий, кто рискнет переступить сию незримую черту, будет незамедлительно с позором изгнан из стен Академии!

Кроули вышел из коляски и протянул руку Маре.

– Чего это вы удумали? – покосился на Кроули рикша.

– Нам эти угрозы не страшны, – взглядом указал на щит с предупреждением Алистер.

– Я бы на вашем месте все равно поостерегся. Где-то тут бродит Гарик.

– Он опасен?

– Он – полудиот. Слушается только Ректора. Подумайте сами, стоит ли с таким связываться?

– Я приму это к сведению. А ты, будь добр, дождись нашего возвращения.

– Да мне-то что?.. Подожду.

Рикша сложил руки на руле и отвернулся в сторону, всем своим видом говоря: я сделал все, что мог. Дальнейшее – не в моей власти. Как говорил Император Ху: «Каждый следует своим Путем». Даже если думает, что просто идет за пивом.

Алистер постучал по щиту с угрожающей надписью, улыбнулся Маре и, не думая ни о чем плохом, ступил на бегущую в гору тропу.

Но не успели они сделать и пяти шагов, как справа от тропы раздалось тяжелое, натужное сопение и треск ломающихся веток. Как будто сквозь кусты ломился матерый, злой, как демон, кабан-секач. Кроули благоразумно остановился и движением руки спрятал Мару за спину. А на тропинку перед ними вывалило уродливое человекообразное существо, завернутое в старую драную мантию. Невысокого роста, коренастое, будто пришибленное крепким ударом парового молота по затылку, существо, казалось, само не понимало, как оно тут оказалось, и ведать не ведало, что ему делать. Отсутствующий взгляд бродил по сторонам. А из уголка рта на подбородок стекала струйка слюны. Правый висок существа пересекал уродливый шрам. За нос цеплялись очки в круглой пластиковой оправе, с треснутой линзой.

– Это и есть Гарик? – не оборачиваясь, спросил у рикши Кроули.

– Он самый, – ответил рыжий орк, с немалым интересом наблюдавший за происходящим.

Гарик выглядел странно, чудно, может быть, даже диковато. Но при этом он вовсе не казался опасным. Кроули улыбнулся как можно более миролюбиво и сделал шаг вперед.

Гарик выбросил перед собой кулак, в котором у него была зажата длинная кривая палка, и принялся размахивать ею, что-то невнятно бормоча.

– Все нормально, Гарик! Все в порядке! Мы – друзья!

Кроули показал Гарику пустые ладони и, подталкивая Мару, осторожно сделал два шага назад.

Гарик поутих. Но все же держал палку нацеленной на незваных гостей.

– Вам мимо него не пройти, – сказал рыжий орк. – Лучше даже и не пытайтесь.

Кроули в задумчивости прикусил губу. Он не имел привычки отступать на полпути. Тем более, когда путь ему преграждал всего-то недоучившийся студент с односторонней лоботомией.

– Так ты говоришь, он на магическом учился?

– Ага. Говорят, оттого и свихнулся, что учеба не давалась.

Кроули снял очки и пристально посмотрел Гарику в глаза.

Бывший студент недовольно рыкнул в ответ.

Кроули поднял правую руку, свел вместе большой и указательный пальцы и заговорил на древнем, ныне мало кому понятном языке. Ни Мара, ни уж тем более рыжий рикша не понимали, что он делает. А вот Гарик наклонил голову к плечу, как будто прислушиваясь к произносимым Алистером словам.

Кроули продолжал говорить. Он снова и снова произносил три короткие фразы на древнетатарском – языке великих магов и гениев оккультизма. Он старался произносить слова отчетливо и ясно, чтобы звучание их пробудило давно забытые воспоминания в кастрированном мозге несчастного паренька, который тоже мечтал когда-то стать дипломированным магом.

Задрожала палка, что держал в руке Гарик. Лицо его исказила гримаса страха, а из-под стеклышек очков потекли слезы.

Кроули продолжал говорить.

Палка упала на землю. Гарик обхватил голову руками, протяжно взвыл и упал на

колени. Затем он опустился на четвереньки, подполз и упал возле ног Кроули.

Алистер наклонился и сложенными вместе пальцами коснулся макушки Гарика.

– Поднимись! – приказал он.

И Гарик поднялся на ноги.

Мысли в его глазах по-прежнему не было, но при этом лицо не было более искажено уродливой маской идиотизма. Он был похож на младенца, которому еще только предстояло познать удивительный, огромный мир, в котором он неожиданно для себя оказался.

– Что это было? – шепотом спросила Мара.

– Заклинание Бешеного Джабара. Также известное как заклинание подчинения.

Мара ахнула.

– Ты же говорил, что не владеешь магией!

– При чем тут магия? – Кроули пожал плечами. – Это заклинание уже не имеет никакой силы. Но бедняга слепо верит в магию. Он знает слова заклинания подчинения и ни секунды не сомневается в том, что оно работает. Теперь он под моим контролем.

– Это нехорошо, Алистер.

Кроули обернулся и посмотрел на свою спутницу.

– Что именно?

– Так нельзя обращаться с людьми. Особенно – с убогими.

– Я не сделал ему ничего плохого.

– Ты унизил его.

– Я? – Кроули надел очки. – По-моему, это уже сделали до меня.

– Алистер, вспомни, что говорила мама: не поступай с ближним так, как не хотел бы, чтобы поступали с тобой.

– Если бы все следовали этому чудному правилу, мы бы жили в самом лучшем из миров.

– Выходит, мы сами этого не хотим.

Алистер тяжело вздохнул и молча развел руками.

Краем глаза он заметил рыжего рикшу, который смотрел на них, разинув от удивления рот. Ну вот, подумал он, родилась еще одна легенда о великом и неподражаемом Алистере Кроули. Удивительно! Поначалу самому приходится прилагать массу усилий к тому, чтобы имя твое было у всех на слуху. А потом ты уже никуда не можешь от этого деться. Ты становишься заложником мифа, который сам же сотворил. Одним это нравится. Другие от этого сходят с ума. Кроули со своей позицией пока что не определился.

– Идем, – Кроули взял Мару за руку и повел за собой.

Путь на гору был свободен – так чего же ждать? Чтобы из кустов выскочил еще один слабоумный волшебник?

Но не тут-то было!

Гарик схватил Кроули за другую руку и, что-то курлыча, как самодовольный голубь, потянул его совсем в другую сторону.

– Гарик!.. В чем дело, Гарик?.. Мы хотим подняться на гору!..

Недоумок в ответ тряс головой, не то соглашаясь, не то возражая, и упорно тянул Кроули за собой. Надо сказать, хватка у него была крепкая.

– Эй!.. Гарик!.. А ну, отцепись!

Мыча что-то невнятное, волшебник-недоучка упорно продолжал тащить гостя за собой.

– Он вас к фуникулеру тащит! – догадался рикша. – Должно быть, здорово вы его проняли!

– Тогда... – Кроули указал пальцем на рикшу. – Дождись нас!

– Не извольте беспокоиться! – браво отсалютовал рыжий.

Пригнувшись, чтобы ветки не цепляли волосы, орки следом за Гариком пошли по узенькой, почти незаметной тропинке, больше похожей на лаз в густых зарослях суаха. Выбравшись на открытое место, они оказались возле деревянного помоста, к которому был припаркован красно-желтый вагончик фуникулера. На краю помоста, свесив ноги, сидел гном со шкиперской бородкой, одетый в серый френч и темно-синие брюки-галифе. Задумчиво глядя в пустоту, гном лузгал семечки и сплевывал очистки в траву. Где отчаянный спор за них вели белки со скворцами.

Нелепо переваливаясь с боку на бок, Гарик подбежал к гному и что-то забормотал, размахивая руками. Гном какое-то время внимательно слушал дурачка, даже семечки лузгать перестал. Потом он молча похлопал Гарика по плечу, встал и перешел на другой край помоста. Кроули решил, что таким образом гном дал понять, что к делам Гарика он никакого отношения иметь не желает, но при этом и мешать ему не собирается.

Жестами призывая Кроули с Марой следовать за собой, Гарик побежал вверх по лесенке. Поднявшись на помост, он проковылял к подвешенному на канате вагончику и распахнул дверь.

Остановившись, Мара посмотрела на убегающие высоко вверх, к самой вершине Лысой горы, туго натянутые канаты.

– А это не опасно? – шепотом спросила она у Кроули.

– Ну, поскольку этим фуникулером пользуется сам Ректор, полагаю, он абсолютно надежен и безопасен.

Алистер взял Мару за руку и помог ей войти в вагончик.

Захлопнув дверь и проверив, хорошо ли она закрыта, Гарик побежал в домик машиниста.

– Гарик! – окликнул его гном. – Большая красная кнопка!

И показал при этом сложенную из пальцев «козу».

Гарик взмахнул обеими руками, будто пчел отгонял, и скрылся в домике.

Гном снова принялся мирно лузгать семечки. На радость белкам и скворцам, перебравшимся следом за ним на другую сторону помоста.

Вагончик дернулся и, плавно набирая скорость, устремился к вершине Лысой горы.

– Как ты думаешь, что мы там увидим? – спросила Мара.

– Ты же слышала – с Лысой горы открывается замечательный вид на Центральную Ось.

– Я не об этом.

Кроули молча пожал плечами.

Ему на самом деле нечего было сказать. Будучи суровым реалистом до мозга костей, он никогда не тешил себя пустыми надеждами и иллюзиями. Так и сейчас, он даже не пытался угадать причину, по которой Ректор неожиданно решил закрыть вход на Лысую гору. Какой

смысл теряться в догадках, если скоро они сами все увидят?

Если, конечно, там будет на что смотреть.

Глава 20

Гиньоль положил последний лист на стопку уж просмотренных бумаг, откинулся на спинку кресла, поставил локти на подлокотники, соединил кончики пальцев и довольно улыбнулся.

– Блестяще!

Такие моменты случаются не часто. Но тем они и прекрасны. И сейчас наступил именно такой момент. Гиньоль был доволен абсолютно всем. Он был доволен собой – потому что отлично все продумал и должным образом организовал. Доволен Фанфановым – фантаст трудился не покладая рук, вымотался, как ишак на скачках, но сделал все как надо и в срок. Доволен Мадлоной – за весь долгий вечер она даже не всхлипнула ни разу. Доволен Туаноной – она все делала безукоризненно. Даже гоголь-моголь Фанфанову сделала. Хотя, когда Туанона ставила перед фантастом высокий стакан, наполненный взбитыми яйцами, по выражению ее лица можно было понять, насколько противоестественными считает она подобные вкусовые пристрастия. Франтишек Гиньоль был доволен всегда – тут и говорить нечего. Еще он был доволен чашкой крепкого чая, из которой минуту назад сделал глоток. И даже то, что после полуночи в окно начали тихонько стучать мелкие капли дождя – Гиньолю тоже было по душе. Хотя к последнему он, честно говоря, не имел отношения.

У него все сегодня получалось.

Абсолютно все.

Кого-то другого подобное удачное стечение обстоятельств могло бы и насторожить. А то и напугать. Ведь, как известно, за частоколом удач может скрываться провал. Но только не Гиньоля! Он никогда не полагался на удачу. Доскональное изучение проблемы, знание ситуации и точный расчет – таковы были его козыри. Для того чтобы проиграть, имея их на руках, нужно быть законченным идиотом. Мастерство же заключалось в том, чтобы сдать себе выигрышные карты.

– Господин Фанфанов! – Гиньоль со всей соответствующей случаю торжественностью возложил руку на стопку бумаг. – Я рад, что не ошибся в вас! Вы – гений! Прочь сомненья!

– Да будет вам, – смущенно улыбнулся Кимер. – Я всего лишь делал свое дело.

– Нет уж, позвольте! – протестуяще взмахнул рукой Гиньоль. – Я отвечаю за свои слова! Сухую, пресную и, чего уж тут скрывать, по большей части совершенно бессмысленную писанину этих, с позволения сказать, специалистов вы превратили в живое и увлекательное чтение!

– Вы, наверное, хотели сказать, чтиво. – Фанфанов сделал глоток из стакана с гоголем-моголем.

– Да, как вам будет угодно, – легко согласился на замену понятий Гиньоль. – В любом случае это, бесспорно, мастерская работа. Вот, к примеру, – он быстро прошерстил стопку и выдернул нужный лист. – Статью «Алкогольная амнезия как возможное следствие спонтанного контакта» вы превращаете в историю о группе туристов, провалившихся в дыру

во времени, которую инопланетяне используют как ловушку. После чего следует серия жестоких экспериментов с использованием галлюциногенных препаратов. Это зацепит любого!

– Ничего особенного, – махнул рукой фантаст. – Это было у меня в романе «Плоскоглазая тварь приходит на рассвете». Кажется, в третьей части.

– А вот тоже мне очень понравилось. – Гиньоль выдернул из стопки еще один лист. – «Коридор был длинный и темный, как прямая кишка». Феноменальная метафора! – Гиньоль щелкнул ногтем по листу. – Сразу понятно, что это слова очевидца, все еще находящегося в шоковом состоянии.

– Да, это действительно неплохо получилось, – согласился Фанфанов.

– Мадлона, а ты что скажешь? Как твои впечатления?

– Если честно, господин Гиньоль...

Девушка смущенно заерзала на стуле.

– Конечно честно, Мадлона! Мы не должны ничего упустить!

– В некоторых местах, – Мадлона опустила взгляд, – мне показалось, – и принялась теревить край лежавшей на столе салфетки, – что господин Фанфанов... Если можно так сказать... Ну, в общем, несколько перегнул палку.

– Например?

– Например, история с расчленением кролика... Или рассказ о дровосеке, заблудившемся в трех соснах.

– Согласен, истории несколько жестковаты, – кивнул Гиньоль. – Но они для мужских журналов. Так что брутальность здесь не лишняя.

– А «Кто же настоящий отец ребенка Дженни Ли?» – для женского?

– Точно!

– В это никто не поверит.

– Во что именно?

– В то, что знаменитая актриса Дженни Ли десять лет держала в бассейне своей загородной виллы гигантского разумного осьминога с третьей планеты пятой звезды системы Сколопендра.

– Почему?

– Да потому что, – Мадлона дернула плечиком. – Потому что это глупо.

– Именно! – щелкнул пальцами Гиньоль. – Глупо настолько, что в это сразу все поверят!

– Все?

– Ну нет, конечно же не все. Даже речам Бургомистра верят далеко не все.

– Вернее, верят только дураки, – уточнил Фанфанов.

– Точно, – согласился Гиньоль. – Есть такое понятие, как целевая аудитория. Смысл его в том, что одним нужно рассказывать одну сказку, а другим – другую. Проблема Бургомистра в том, что он этого не понимает. А у нас для каждой целевой аудитории своя история. Как раз такая, чтобы пришлась по вкусу. И если мы точно сработали, а я готов об заклад биться, что так оно и есть, то уже завтра в Центrale начнется массовая истерия. Потому что население наконец-то осознает, какую угрозу представляет для них, для всех них, буквально для

каждого, инопланетное вторжение.

– И что тогда? – спросила Мадлона.

– Если мы заставим всех поверить в то, что коварные пришельцы способны на любую подлость, вплоть до того, что засунуть анальный зонд Национальному Лидеру Единой и Нерушимой Партии Бедламбеса, кто посмеет усомниться в том, что они могут украсть именно рояль из зала для торжественных приемов Городского Совета?

Мадлона пожала плечиками.

– Тебя смущает анальный зонд?

– Нет. Я не понимаю, зачем пришельцам рояль?

– Да, в самом деле? – взгляд Гиньоля метнулся в сторону Кимера. – Зачем пришельцам рояль?

– У меня есть несколько вариантов ответа на этот вопрос, – изрек фантаст с чувством собственного достоинства.

Он несколько не сомневался в своем умении объяснить все что угодно. Даже то, что в принципе не поддается объяснению. Например, что находится по другую сторону Мира-На-Оси? Когда такой вопрос задают маститым академикам, те лишь усмеются наивности вопрошающих и отвечают, что данный вопрос не имеет смысла, поскольку другой стороны у Мира-На-Оси попросту нет. Нет, никогда не было и не может быть. Такова уж особенность девятого измерения. А вот Кимер Фанфанов легко мог бы предложить шесть, семь, а может быть, и все двенадцать возможных ответов на сей лишенный всякого смысла вопрос. Такая уж у него была работа. У него даже был набросан синопсис цикла романов под общим названием «По другую сторону Мира-На-Оси: Ненаписанные Хроники».

– Что ж, значит, нам остается лишь выбрать лучший. – Гиньоль положил руки на стол и переплел пальцы. – К утру у нас должна быть простая и непротиворечивая версия, которой мы и будем строго придерживаться в дальнейшем.

– Вариант первый. Рояль может представлять интерес для пришельцев, как...

В комнату вошла Туанона.

– Господин Гиньоль!

Гиньоль жестом извинился перед прерванным фантастом.

– Да, Туанона?

– Господин Йи просит вас взять трубочку.

Гиньоль посмотрел на телефонную трубку, лежавшую рядом с аппаратом.

– Спасибо, Туанона.

Еще раз жестом попросив Фанфанова не беспокоиться и немного подождать, Гиньоль подошел к аппарату и взял трубку.

– Гиньоль у аппарата.

Около минуты он молча слушал, после чего сказал:

– Хорошо, – и повесил трубку.

Вернувшись к столу, он взял чашку с чаем и сделал из нее глоток.

– Мадлона, я могу попросить тебя разложить материалы по пакетам и отдать посыльному? Он уже час как дожидается в прихожей.

– Конечно, господин Гиньоль.

– А после обзвони все редакции и скажи, что материалы им уже отправлены. Если будут что-то говорить насчет того, что, мол, весь номер сверстан и свободных полос не осталось, просто зачитай им заголовки.

Мадлона улыбнулась.

Видимо, вспомнила придуманные Кимером заголовки.

– А вас, господин Фанфанов, я хочу попросить пройти со мной в другое помещение. Там к нам присоединится мой друг и коллега, который примет участие в дальнейшей беседе.

– Почему мы к нему, а не он к нам? – насторожился Фанфанов.

– Видите ли, он несколько ограничен в передвижении. Нет-нет, он абсолютно здоров, но... Впрочем, вы сами все увидите. Поверьте, нам к нему подняться будет проще, чем ему спуститься к нам.

– Он слушал все наши разговоры по телефону? – Кимер взглядом указал на аппарат.

– Да. – Гиньоль улыбнулся с обезоруживающей простотой. – Должен вам сказать, мой друг – человек необыкновенный. Он очень тонко чувствует людей. Понимаете? – Кимер кивнул. Хотя, признаться, не до конца понял, о чем речь. – Вы его заинтересовали. Еще когда он читал ваши книги. И он просто-таки изнемогает от желания пообщаться с вами лично.

Из всего, что сказал Гиньоль, в сознании фантаста отпечаталась одна-единственная фраза.

– Он читал мои книги?

– Запоем.

Фанфанов вскочил со стула.

– Ну так чего же мы ждем?

Готовясь к приходу гостей, Франтишек привел комнату в порядок – загнал попугайчиков в клетку и стряхнул крошки с живота. Франтишек знал, насколько важно первое впечатление, а потому выложил на видное место стопку из шести книг Фанфанова. Сверху красовался роман «Красные жабы из Галактики RAF» с красивой длинноногой блондинкой на обложке, весь костюм которой состоял лишь из кобуры с бластером. И это была не пустая показуха – Франтишек добросовестно проштудировал труды литературного многостаночника. И у него сложился цельный и в целом весьма симпатичный образ современного писателя-фантаста, не блещущего литературным мастерством, но умело и в какой-то степени даже виртуозно компенсирующего отсутствие могучего таланта добросовестностью и усидчивостью.

Гиньоль представил Франтишека и Кимера друг другу. И оба тотчас же почувствовали взаимное расположение. Франтишек достал из-за кресла трехлитровую бутылку «Божоле», до которого он был большой охотник, и предложил Кимеру стаканчик. Фантаст отказался. Но в качестве ответной любезности согласился подписать все имевшиеся в комнате Франтишека книги. Даже те, названия которых были ему незнакомы.

Гиньоль понял, что ежели так и дальше пойдет, то они к утру не управятся с делами. А потому он решительно положил конец затянувшемуся процессу обмена любезностями.

– Господа! Вернемся к нашим роялям!

Франтишек распечатал новую коробку с засахаренными фруктами, открыл и протянул ее Кимеру. Фантаст улыбнулся и деликатно взял ломтик груши.

– Я начну с самого простого и очевидного. – Фанфанов откусил маленький кусочек груши. – Очень вкусно, – улыбнулся он Франтишеку. – Я думаю, все мы согласны с тем, что похищение рояля – это преступление? – Франтишек тут же кивнул и засыпал в рот горсть фруктового ассорти. Гиньоль немного подумал и тоже кивнул. – Значит, нам следует разобраться в мотивах преступника.

– То есть мы должны мыслить, как он, – догадался Гиньоль. – То бишь, как они – пришельцы.

– Верно, – согласился фантаст. – Что может толкнуть пришельца на преступление?

– Корыстные интересы, – тут же, не задумываясь, ответил Гиньоль.

– Ты хочешь сказать, что пришельцы похитили рояль с целью его перепродажи? – Франтишек с сомнением покачал головой и зацепил из стоявшей на столе вазы горсть миндальных орехов.

– Быть может, рояль представляет интерес для коллекционеров? – попытался отстоять свою версию Гиньоль. – На нем ведь играл сам Джерри Ли!

– Выходит, пришельцам тоже нравится Джерри Ли?

– Конечно! Джерри Ли нравится всем!

– Нет, так не годится! – протестующе взмахнул рукой фантаст. – Так мы сами рубим сук, на котором сидим!

– В каком смысле? – Франтишек пересыпал часть орешков из пригоршни в рот.

– Нам нужны не просто пришельцы, а злобные, безжалостные ублюдки, способные на любую подлость. Они не должны иметь ничего общего с нами, коренными жителями Мира-На-Оси. У любого из нас, будь то человек, орк, эльф или гном, пришельцы должны вызывать лишь омерзение и страх. Страх и омерзение. Понимаете? Пришелец, который любит Джерри Ли Льюиса, – это уже не мерзопакостная тварь, не заслуживающая ни жалости, ни сострадания. Это – почти свой парень.

– Он прав, – кивнул Франтишек.

Да, Гиньоль и сам уже это понял.

– Тогда скажем, что они украли рояль специально, чтобы досадить нам. Они ненавидят музыку Джерри Ли и вообще все, что связано с его именем.

– Уже лучше, – согласился Фанфанов. – Но – неубедительно.

– Почему?

– Какое дело пришельцам до Джерри Ли Льюиса и его музыки?

– Они ее ненавидят!

– Причина?

Гиньоль задумался.

– Они вообще ненавидят культуру!

– Все не так, – обескураженно качнул головой Кимер. – Никуда не годится.

– Почему?

– Пришельцы настолько чужды нам, настолько на нас не похожи, что все то, что мы понимаем под словом «культура», для них лишено какого-либо смысла.

– Хорошо. – Франтишек доел миндаль и запил его бокалом «Божоле». – Это мне нравится. – Он поставил бокал на стол и взял коробку с пастилой. – Соответственно, их

культура также вызывает у нас непонимание?

– Неприятие, – поправил его Кимер. – Полнейшее отторжение. И даже отвращение. Как вид гниющей плоти.

– Хорошо, – вновь одобрительно кивнул Франтишек.

– Что же тут хорошего? – непонимающе развел руками Гиньоль.

– Из-за фундаментальных культурных и мировоззренческих противоречий мы не в состоянии понять друг друга. Поэтому мы никогда не сможем договориться. Ни о чем. Ни по какому вопросу. Мы в принципе не можем понять их мотивов, так же, как они не понимают наших.

– Да, действительно хорошо, – подумав, согласился Гиньоль. – Это снимает многие вопросы.

– Кроме главного, – Франтишек заговорщицки подмигнул Кимеру. – Зачем они умыкнули рояль?

– Ну если мы не можем понять логику их действий, то и объяснять ничего не надо.

– Э, нет! – Франтишек показал Кимеру толстый указательный палец. – В данном случае нам необходимо объяснить случившееся. И объяснение должно быть красивым и эффектным. В общем виде мы можем говорить о пришельцах все что угодно. Но без конкретики наша история теряет всю свою привлекательность, а значит, и убедительность. Стоит кому-то из участников представления высказать сомнения на сей счет, и это может нанести серьезный удар по нашему клиенту.

– Вы хотите историю о пришельцах настолько убедительную, чтобы в ней невозможно было усомниться? – Фанфанов прикусил губу. – Мне кажется, это невозможно.

– Да нет же. – Франтишек слегка поморщился. Как будто ему попалась кислая пастила. – Сомневаться в ней могут сколько угодно. Но эти сомнения не должны высказываться вслух на официальном уровне. Понимаете? Все должно быть разыграно так, чтобы человек, рискнувший высказать подобные сомнения, сам бы оказался под огнем критики.

Фантаст протянул руку и взял пастилку из стоявшей на животе у Франтишека коробки.

– Они решили уничтожить весь наш мир! – торжественно провозгласил Кимер. И откусил половинку пастилы. – О, вкусная штука!

– Туанона покупает только менделеевскую.

– Замечательно! – Кимер доел пастилу. – Никогда не пробовал ничего подобного! Менделеевская, вы говорите?

– Потомственные кондитеры братья Менделеевы из Острожка. Все изготавливается только вручную, по старинным семейным рецептам. Пастила – их лучшая сладость. Угощайтесь! – Франтишек пододвинул фантасту коробку с пастилой. – У меня еще есть.

– Спасибо, – Кимер взял еще одну пастилу. – Могу я просить вас обращаться ко мне на «ты» и просто по имени?

– Тогда – на брудершафт!

Франтишек тоже взял пастилу и коснулся ею той, что держал Кимер.

– Господа! – чтобы привлечь к себе внимание, Гиньолю пришлось хлопнуть в ладоши. – Все это замечательно! Но, честно признаться, я не понял, какова связь между решением

коварных и злобных пришельцев уничтожить Мир-На-Оси и похищением мемориального рояля Джерри Ли Льюиса?

– Объясняю!

Кимер хитро улыбнулся, показал Гиньолу пастилу и быстро сунул ее в рот.

Глава 21

В ресторане «Алексеич» Кларе понравилось. Пожалуй, даже чуть больше, чем в пивной «Время от времени» в Развеселом квартале, куда водил ее Мишка-Нож. Правда, она по-прежнему не ощущала ни вкуса еды, ни аромата вина. Но внешне приготовленные блюда выглядели очень привлекательно. А вино красиво переливалось в хрустальном бокале, если посмотреть сквозь него на свет. Кларе хотелось верить, что со временем она, как и все, научится понимать вкус еды. А пока она тщательно пережевывала кажущуюся безвкусной пищу и слушала, что говорил ей Ги Барян.

Готье пел соловьем. И при этом, казалось, совершенно не замечал взглядов, которые бросали на него посетители, сидевшие за соседними столиками. Что самое интересное, он не манерничал. Ему в самом деле было все равно. Ги Барян давно уже привык к тому, что, где бы он ни появился, он тут же становился центром всеобщего внимания. Он считал, что причиной всему – присущая ему харизма. Во всяком случае, ему очень хотелось в это верить. И никто не пытался его разубедить. А зачем?

Поначалу Ги Барян пытался разговорить Клару. Кто она? Где живет? Чем занимается? Чего ради приехала в Централь? Что она любит? Что вызывает у нее раздражение? Читала ли она последний роман Федора Беликина?.. Готье было интересно все. Буквально – все. Но девушка отвечала односложно, неопределенно и в высшей степени неохотно. Так что после двухчасовой беседы Ги Барян знал о ней не больше, чем когда они встретились в бутике. Что только возносило ее ввысь в глазах кутюрье. Женщина, которая не желает ничего рассказывать о себе, – это что-то! Ну а когда Клара отказалась от предложения посплетничать о знаменитостях, тут Ги Барян и вовсе сомлел.

– Клара! – сказал он. – Вы нужны мне! Как воздух, как земля, как небо! Как додекаэдр!

– В каком смысле? – непонимающе сдвинула брови Клара.

– В самом прямом и определенном! – Готье долил ей в бокал вина. – Вы – идеальная модель!

– Модель?

– Именно!

– Что это значит?

– Вы станете моей музой! Вы будете демонстрировать наряды. Костюмы, которые я буду создавать специально для вас! Для вашей изумительной фигуры!

– Это – работа?

– Я понимаю, деньги вас не интересуют...

– Ну почему же. Очень даже интересуют.

– О да! Конечно! – картинно всплеснул руками Ги Барян. – Я забыл, что имею дело с женщиной, не похожей на других!

– Правда?

– Что именно?

– Я не похожа на других?

– Конечно!

– А мне казалось...

– Клара, вы лучше всех!

– Это значит, что сейчас я выгляжу, как настоящая женщина?

– Думаю, даже в телогрейке и валенках... Знаете такую одежду? Ее носят в Настрании. Там десять месяцев в году лежит снег и стоит страшный мороз... Так вот, даже в телогрейке и валенках вы, Клара, будете выглядеть, как настоящая женщина. Поверьте мне – я знаю, что говорю. Уж я-то повидал...

– Когда мы начнем?

– Что?

– Работу.

– Да хоть завтра!

– Договорились.

Ги Барян удивленно приоткрыл рот.

Впервые в жизни он чувствовал, что не понимает сидящую рядом с ним женщину.

А ведь умение понимать женщину является неотъемлемой составной частью работы кутюрье. Если ты не можешь понять женщину, то как же ты узнаешь, во что ее одеть?

Подумав немного, Ги Барян решил, что Клара – это вызов, который наконец-то бросила ему судьба. А то ведь он уже начинал скучать. А скука легко обращает мастерство в рутину, а затем и в ремесло. Но теперь, с появлением Клары, все должно было пойти по-иному! Его карьера, и без того кружащая в заоблачных высях, выйдет на новый виток!

Сидя за столиком ресторана, в уме Готье уже делал черновые эскизы костюмов, заниматься созданием которых без Клары, без ее удивительной, уникальной, умопомрачительной фигуры было бы пустой тратой времени. Он сделает ее звездой! Она подарит ему статус не имеющего равных!

Было уже далеко за полночь, когда они вышли из ресторана.

Ги Барян, как и обещал, отвез Клару в свою квартиру на площади Звезды.

Пока они поднимались на лифте, Ги Барян быстрой скороговоркой перечислял имена живущих здесь же, по соседству, знаменитостей. Кларе эти имена ничего не говорили, поэтому она особенно и не прислушивалась. А Готье уже в который раз задавал себе вопрос, в каких же кругах вращается эта женщина, если имена, которые он называет, не производят на нее ни малейшего впечатления?

Поскольку время было уже позднее, Ги Барян наскоро показал Кларе квартиру, пожелал ей чувствовать себя здесь как дома и убежал, пообещав завтра к одиннадцати прислать за ней машину.

Двухъярусная квартира Ги Баряна была очень большая. Даже по меркам элитного дома, в котором жили одни лишь звезды. Но Кларе сравнивать было не с чем. Это было ее первое жилье. Поэтому она взяла в руку коробочку с гисами, которую перед уходом вручил ей Ги Барян, кинула с десяток небольших серебристых шариков в преобразователь – Готье показал,

где он находится, и объяснил, что без этого свет вскоре начнет меркнуть, а затем и вовсе погаснет, – и отправилась на экскурсию.

На первом ярусе располагалась огромная гостиная с окнами во всю стену, кухня, кладовая и еще какие-то подсобные помещения, назначения которых хозяин квартиры и сам не знал. На втором ярусе – туда вела узкая пристенная лестница – имелись два кабинета, три спальни, две ванных и еще две небольшие пустые комнаты с коврами и расшитыми атласными подушками на полу – дизайнер, обставлявший квартиру, называл их комнатами для релаксации.

Побродив по дому, Клара решила обосноваться в одной из спален на втором ярусе. Бросив пару гисов в преобразователь большого телеэкрана, она сняла жакет, прилегла на кровать и стала смотреть на то, чем богат телеэфир.

Вскоре выяснилось, что, при наличии сорока пяти каналов, смотреть по телевизору нечего. Все было скучно, пресно, неинтересно – это в лучшем случае. В худшем – глупо, пошло и непристойно. Это поняла даже Клара, несмотря на свой скромный жизненный опыт. Правда, по наивности своей, Клара решила, что всему виной позднее время, а вовсе не людская глупость. Не проявляя ни малейших признаков раздражения, свойственного людям в подобных ситуациях, Клара просто выключила телевизор. И, поскольку никаких других занятий придумать не удалось, она легла спать.

Усталости она не чувствовала, а потому, лежа в темноте под одеялом, Клара какое-то время смотрела в потолок и думала. Ее память не будоражили впечатления прошедшего дня. Что прошло – то прошло, полагала Клара. Так чего же тогда ворошить прошлое? Она думала о дне грядущем. О том, что у нее теперь есть дом и работа. Судя по всему, хороший дом. И работа – тоже неплохая.

Она уснула.

А может, ей только показалось, что это был сон?

Реальность исчезла, будто рисунок на грифельной доске, стертый влажной губкой. Из чего всякий разумный человек непременно должен был сделать вывод, что реальность субъективна до полного безобразия, как тот луковый пирог, что ты съел на завтрак три недели назад. И, двигаясь из ниоткуда в никуда, непременно окажешься нигде. Поэтому, как ни крути, лучше всего оставаться на месте.

Проснулась Клара внезапно, будто ее кто тряхнул за плечо.

За окном все еще было темно.

Как долго ее не было в реальности?

Час?

Три?

Десять минут?

Самым ужасным было то, что она по-прежнему чувствовала себя выпавшей из реальности.

Нет!

Все было гораздо хуже.

Она чувствовала, что она сама нереальна.

Она была ненастоящей.

Хотя и не понимала, как это объяснить.

В конце концов, что значит быть настоящей?

Быть такой же, как все?..

Что это значит?

Приступ панического ужаса сдавил горло. Кларе казалось, что она задыхается.

Перед глазами мелькали странные светящиеся мошки.

Откуда они тут взялись?..

Клара выбралась из-под одеяла. Свесила ноги с кровати.

Но, встав на ноги, она почувствовала, что теряет равновесие.

Чтобы не упасть, ей пришлось схватиться руками за спинку кровати.

Она чувствовала, как силы покидают ее. Вытекают из ее тела широкими струями, будто песок из распоротого ножом мешка.

Что происходит?..

Клара присела на край кровати. Взяла в руку пульт от телевизора и нажала на первую попавшуюся кнопку.

– ...Вы все еще не можете уснуть? Не беда! Мы знаем, как вам помочь! У нас в студии популярный доктор-виртуоз Малахаев! Гений-самородок, не окончивший и трех классов, пешком пришедший из Настрании в Централь, он лечит все неизлечимые болезни исключительно подручными средствами! Особых успехов доктор Малахаев добился в лечении геморроя и ангины! Причем в обоих случаях он использует одно и то же средство! Какое именно, доктор?

– Негашеную известь, смешанную с красным жгучим перцем.

– Потрясающе! И каков процент излечившихся?

– Сто процентов.

– И как долго длится лечение?

– Достаточно одной процедуры.

– Не может быть!

– Может. Еще ни один пациент не приходил ко мне повторно. Из чего я делаю вывод, что все они излечились после однократного применения моего средства.

– Потрясающе! Дорогие телезрители, напоминаю, у нас в гостях народный целитель, доктор-виртуоз Малахаев! И сегодня он расскажет нам, как бороться с бессонницей. Ведь вы же знаете, как победить бессонницу? Так ведь, доктор?

– Конечно, знаю. Это очень просто.

– С помощью подручных средств?

– Я других не использую.

– И что же вы используете при борьбе с бессонницей?

– Девятидюймовые гвозди.

– И все?

– В особо тяжелых случаях еще и горсть семечек. Лучше – нежареных.

– И процент излечившихся, как всегда?..

– Сто процентов.

– Удивительно! Дорогие телезрители, не выключайте ваши телевизоры! После рекламы

всеми любимый доктор-виртуоз Малахаев расскажет вам, как победить бессонницу с помощью девятидюймовых гвоздей и пригоршни нежареных семечек!..

Клара выключила телевизор.

Все это было ненастоящее.

Такое уже происходило с ней однажды. Приступ панического страха. Ощущение безысходной нереальности всего происходящего. И жуткая, смертельная слабость. Тогда она каким-то образом оказалась на вершине горы, над которой возвышался столб яркого света, увенчанный сияющим додекаэдром. Она почувствовала, как ее тянет к этому столбу. Она подходила к нему все ближе и ближе. Перешагнула через ограждение. Протянула руки вперед. А затем... Она оказалась совсем в другом месте. На людной улице. И чувствовала себя превосходно. Потому что она была свободной...

Клара в страхе посмотрела по сторонам. Словно искала путь к спасению от страшной и непонятной беды. Взгляд ее упал на коробочку с гисами. Клара схватила ее, открыла, взяла в щепоть три серебристых шарика, кинула их в рот, проглотила и замерла, закрыв глаза.

Через минуту ей стало лучше. Слабость прошла. Однако осталось липкое и тягучее, страшно неприятное, пугающее ощущение собственной нереальности. Должно быть, виной всему был сон, который она забыла.

Клара проглотила еще два гиса, встала с кровати и быстро оделась. Она не могла более оставаться в этом месте. Ей нужно было оказаться среди людей. Среди тех, кто будет видеть в ней человека. Такого же, как они. Иначе ощущение нереальности раздавит ее.

Сунув коробочку с гисами в карман, Клара сбежала по лестнице и быстро пересекла гостиную.

На пороге она оглянулась, словно хотела убедиться, что ничего не забыла.

Ах да – свет!

Клара щелкнула выключателем.

Замечательная квартира Готье Ги Баряна погрузилась во мрак.

Глава 22

Он проснулся знаменитым.

Так обычно говорят о человеке, на которого внезапно, словно сорвавшаяся с карниза сосулька, обрушиваются слава и всенародная любовь. Хотя слава может быть и незаслуженной. А любовь – да что о ней говорить. Все мы знаем, чего стоят слава и всенародная любовь. Сегодня тебя, как героя, носят на руках, а завтра даже имени твоего никто не помнит. Новые времена требуют новых героев. И чем быстрее и гуще информационный поток, из которого выныривают эти самые всенародные любимцы, тем быстрее происходит их ротация.

Гиньоль известности не искал. Более того, при его роде деятельности известность была противопоказана. Но все же она его настигла. И, как водится, произошло это ранним утром.

Каждое утро, перед тем как выпить чашку чая, Гиньоль выходил на крыльцо, для того чтобы забрать почту и молоко. Даже лютый холод или проливной дождь не могли заставить его изменить этому правилу. Само собой, в дождь он брал зонтик, а если было холодно,

наматывал на шею шарф. Но нынешнее утро было восхитительно солнечным, и Гиньоль вышел на крыльцо в атласных тапках с загнутыми вверх мысками, надетых на босу ногу, и алом шелковом халате с вышитым золотом павлином, подпоясанном кушаком с кистями.

Все было как обычно. На верхней ступеньке крыльца стояла корзиночка с двумя бутылками молока и баночкой сметаны. Из почтового ящика высовывался край свернутых в тугую трубку газет. Лучи Додекаэдра играли в каплях утренней росы, ласкающих лепестки белых роз. Но не успел Гиньоль вынуть газеты из почтового ящика, как в лицо ему уткнулся объектив кинокамеры.

– Господин Гиньоль Гиньоль?

Гиньоль, несколько озадаченный столь неожиданной встречей, сделал шаг в сторону. И наткнулся на другую кинокамеру.

– Как вы можете прокомментировать сделанное вами заявление?

Гиньоль сделал два шага назад – и попал в объектив третьей камеры.

– По каким критериям вы оцениваете уровень инопланетной угрозы?

Гиньоль, конечно, сразу понял, о чем идет речь. Но, признаться, он не ожидал столь скорой реакции на свои выступления в прессе. По его прикидкам, телевидение должно было подключиться ближе к вечеру. Происходящее же означало, что брошенное им семя упало на хорошо унавоженную почву.

Гиньоль взял газеты под мышку и встал на ступеньку. Чтобы все три камеры могли снимать его в выгодном ракурсе.

– Господа! Я хочу сделать официальное заявление!

– От чьего имени вы хотите сделать заявление, господин Гиньоль?

– Господин Гиньоль! Какую организацию вы представляете?

– Я выступаю от лица Центра Угрозы Панспермии! Мы утверждаем, что угроза инопланетного вторжения сильно недооценивается! Мы считаем, что власти умышленно замалчивают факты и свидетельства очевидцев! Мы уверены, что власти проявляют преступную небрежность, не предпринимая никаких шагов для защиты нас, своих граждан, от инопланетного вторжения! Именно поэтому мы, истинные патриоты Мира-На-Оси, решили сломать ту ужасную стену молчания, что была возведена вокруг этой животрепещущей темы! Мы требуем, чтобы власти наконец-то дали нам ответ на вопрос: «Доколе?» И если у них нет ответа, то для чего нам такая власть? Если власть считает ниже своего достоинства обсуждать с нами, своими согражданами, эту тему, мы будем добиваться ее отставки! И избрания нового Городского Совета, в который войдут наши единомышленники! Те, кто готовы грудью встать на защиту Мира-На-Оси от нависшей над ним угрозы инопланетного вторжения!

С последними словами Гиньоль вскинул руку над головой. Получилось красиво. И даже эффектно. Фотокорреспонденты, сопровождавшие телеоператоров, лишь на секунду замерли в растерянности, а затем часто защелкали затворами фотоаппаратов.

– Господин Гиньоль, у вас имеются документальные подтверждения тех фактов, о которых шла речь в сегодняшних утренних публикациях?

– Конечно. Мы в ЦУПе тщательно и критично проверяем всю поступающую к нам информацию.

– Господин Гиньоль, вы обращались к властям с просьбами проверить имеющуюся у вас информацию?

– Не я лично, но ЦУП делал это неоднократно. Мы не получили ответ ни на один из своих запросов. Власть не желает вести с нами диалог.

– И вы призываете сменить власть?

– Если у вашей машины лопнет колесо, вы смените его или продолжите путь, надеясь, что, может быть, ничего не случится?

– Но Городской Совет это не колесо!

– А в чем разница?

– Для того чтобы отправить в отставку Городской Совет, требуется... Край мира! Я даже не знаю, что для этого требуется!

– Я вам подскажу. Для этого требуется большинство голосов избирателей. Если мы избрали Городской Совет, то мы можем и отправить его в отставку.

– И вы полагаете, вам удастся собрать требуемое число голосов?

– Я в этом уверен. Угроза инопланетного вторжения тревожит очень многих наших сограждан. Вы знаете, сколько людей ежегодно похищают пришельцы?

– Нет.

– В три раза больше, чем гибнет в автомобильных авариях!

– Не может быть! Почему же мы ничего об этом не знаем?

– Потому что не хотите знать! А сколько наших сограждан становятся жертвами изуверских инопланетных экспериментов?

– Каких экспериментов, господин Гиньоль?

– Об этом вам расскажет мой коллега и соратник!

Гиньоль приоткрыл дверь и жестом подозвал прогуливающегося по прихожей фантаста.

– Прошу любить и жаловать! – Гиньоль положил руку Фанфанову на плечо. – Истинный патриот Мира-На-Оси и весьма активно действующий член Центра Угрозы Панспермии! Гений пера и клавиши Кимер Фанфанов!

Кимер, следует отдать ему должное, ничуть не смутился под взглядами нацеленных на него объективов. Он был давно готов к славе. И не сомневался, что рано или поздно она к нему придет. И вот наконец это случилось. Слава, надо сказать, выбрала для своего визита отличный, додекаэдрный день!

Оставив репортерам Кимера, Гиньоль взял корзиночку с молоком и собрался удалиться, чтобы выпить наконец утреннюю чашку чая.

– Еще один вопрос, господин Гиньоль! Если вы собираетесь начать политическую борьбу за право граждан Централя знать правду о инопланетной угрозе...

– Не только знать правду, но и иметь надежную защиту от пришельцев!

– Не собираетесь ли вы создать на основе Центра Угрозы Панспермии политическую партию?

– Мы как раз обдумываем этот вопрос, – солидно кивнул Гиньоль. – А теперь, господа, простите, я должен выпить чашу чая. Без нее я – не человек.

– Самый последний вопрос, господин Гиньоль!

– Хорошо, давайте.

– Могли бы вы назвать самые свежие факты, свидетельствующие об угрозе инопланетного вторжения?

– За последние дни участились случаи таинственных исчезновений роялей.

– Роялей?

– Да.

– Вы имеете в виду музыкальные инструменты?

– Именно.

– При чем тут инопланетяне?

– А кто еще станет красть рояли?

– Ну, я не знаю...

– Вот именно! Рояли исчезают таинственным образом из запертых помещений.

Исчезают бесследно.

– И что это значит?

– Это значит, что инопланетяне вплотную подошли к своему зловещему плану по уничтожению Мира-На-Оси.

– Но при чем тут рояли?

– Вы серьезно это спрашиваете?

– Конечно!

– Вы действительно не понимаете?

– Нет. Но мы хотим знать.

Гиньоль улыбнулся и указал пальцем на любознательного корреспондента.

– Это уже хорошо!

– Что именно?

– То, что вы хотите знать! Как говорил Император Ху: «Стремление к истине – это уже начало Пути!»

– Но вы не ответили на мой вопрос. Зачем инопланетянам рояли?

– Подумайте сами.

– У меня нет никаких предположений.

– И все же подумайте. А я отвечу на ваш вопрос в другой раз. Надеюсь, мы теперь станем часто встречаться.

Еще раз похлопав по плечу ожидающего своей очереди Кимера, Гиньоль скрылся за дверью.

Навстречу ему из столовой выбежала взволнованная Туанона.

– Господин Гиньоль! Вам звонят по телефону!

– Кто?

– Сказали, что с телевидения! Канал «Централь-2»!

«Централь-2» – ведущий новостной телеканал. А если так – Гиньоль улыбнулся, – выходит, он стал главным создателем новостей! Надо сказать, создать сенсацию оказалось намного проще, чем он предполагал.

Отдав Туаноне молоко и газеты, Гиньоль чинно, не торопясь, прошествовал в гостиную и взял лежавшую рядом с телефоном трубку.

– Слушаю. Гиньоль.

– Господин Гиньоль? – напевно прозвучал из трубки профессионально поставленный женский голос.

– Я же уже сказал, меня зовут Гиньоль. Или вы мне не верите?

– Господин Гиньоль, меня зовут Марта Вон. Я второй директор телеканала «Централь-2». Меня очень заинтересовали статьи об угрозе инопланетного вторжения, появившиеся сегодня утром сразу в нескольких центральных газетах. Я выяснила, что, хотя статьи и подписаны разными именами, за всеми публикациями стояли именно вы.

– Я и не собирался это скрывать.

– Но ваше имя не значится в списках членов Центра Угрозы Панспермии, от лица которого выступают авторы упомянутых статей.

– До сегодняшнего дня я не афишировал своего участия в ЦУПе.

– Почему?

– Не считал нужным.

– Это странно.

– Вы меня в чем-то обвиняете?

– Ни в коем случае. Я пытаюсь понять мотивы ваших действий.

– Каких именно?

– Почему вы вдруг решили пугать жителей Центра инопланетной угрозой?

– Потому что эта угроза реальна.

– Господин Гиньоль, мы же с вами взрослые люди. Поэтому давайте без обиняков. Я навела о вас справки. И скажу честно, вы производите впечатление вполне здравомыслящего человека, а не свихнувшегося на зеленых человечках недоумка.

– Вы позвонили, чтобы сообщить мне об этом?

– Я позвонила, чтобы узнать, насколько вы в действительности соответствуете тому, что я о вас думаю.

– Зачем вам это?

– Хочу сделать вам предложение.

– Интересное? Заманчивое? Щедрое?.. А может быть – коварное?

Марта Вон усмехнулась:

– Мне нравится ход ваших мыслей, господин Гиньоль.

– Так что насчет предложения?

– Предложение последует, если станет ясно, что мы правильно понимаем друг друга.

– Мне кажется, мы разговариваем на одном языке.

– Тема инопланетной угрозы периодически всплывает в средствах массовой информации. Но, как правило, это происходит лишь тогда, когда больше вообще не о чем писать. Чудовище озера Верхнее, волосатый горный человек и зеленые человечки – все это явления одного порядка. И материалы на эту тему готовятся скучно и без затей. Выдергивается пара-тройка «свидетелей», у которых берут интервью, а затем просят прокомментировать эту галиматью какого-нибудь «специалиста», имени которого никто никогда не слышал. Новость оказывается устаревшей еще до того, как газета попадает к читателю. Вам же, господин Гиньоль, удалось найти совершенно новый подход к теме. Ваши истории настолько абсурдны и дики, что в них поневоле хочется верить. Потому что кажется,

что такое просто невозможно придумать. Да и зачем?

– В самом деле, зачем?

– Это я вас спрашиваю, господин Гиньоль, зачем вы начали эту кампанию?

Гиньоль задумался всего на пару секунд. Мгновение назад он еще не знал ответа на заданный ему вопрос. И – вот он, появился.

– Я собираюсь заняться политикой.

– Seriously?

– А что, недостаточно дико, чтобы в это поверить?

Марта Вон рассмеялась.

– Господин Гиньоль, я хочу предложить вам начать продвижение ваших идей с помощью нашего телеканала. Но лишь на условиях полного эксклюзива.

– Что именно вы предлагаете?

– Если вы готовы, начать можно сегодня же. Вы выступите в дневном выпуске аналитической программы «Процесс». Вам будет отведено десять минут. Ну а дальше – посмотрим. Если ваше выступление получит хороший рейтинг, запустим специальную еженедельную передачу. Минут на сорок пять.

– Госпожа Вон, меня устраивает все, кроме времени.

– Завтра вы сможете?

– Сегодня. Но в вечернем выпуске «Процесса».

– Об этом не может быть и речи. Десятичасовой вечерний выпуск «Процесса» ведет сам его создатель Франц Кафка. И он сам отбирает гостей для своего «Процесса». Поймите нас правильно, господин Гиньоль, мы не можем рисковать рейтингом популярной передачи. Если вдруг вы не справитесь с волнением и скажете что-то не то...

– Поймите и вы меня правильно, госпожа Вон. У дверей моего дома уже толпятся представители не менее десяти телекомпаний, – тут Гиньоль немного преувеличил. Но разве мы станем его за это судить? – Их сейчас развлекает мой коллега. Так что у меня есть из чего выбирать. Ваше предложение мне симпатично потому, что вы собираетесь строить наши отношения из расчета долгосрочного сотрудничества. Но, в конце-то концов...

– Вы меня убедили, господин Гиньоль. Ваш первый эфир сегодня в десятичасовом выпуске «Процесса».

– А как же Кафка?

– Кафку я беру на себя. К девяти я подготовлю договор, и еще до начала передачи мы с вами обговорим все формальности.

– Госпожа Вон...

– Просто Марта. Мы ведь уже почти друзья.

– Замечательно. Скажите, Марта, почему вы так уверены, что тема инопланетной угрозы будет иметь зрительский успех?

– Вы сегодня включали телевизор?

– Еще нет.

– Включите. По нашему каналу как раз идет выпуск новостей. До скорой встречи, Гиньоль.

– Всего доброго, Марта.

Гиньоль повесил трубку и озадаченно почесал затылок. События развивались столь бурно, что у него появилось некоторое сомнение, сумеет ли он удержать под контролем процесс, который сам же и запустил?

Ежедневный просмотр теленовостей входил в обязанности Франтишека. К нему и отправился Гиньоль.

Франтишек ел лобио из большой, похожей на таз, миски и прихлебывал густой красный эль из литровой кружки. Это был его обычный завтрак.

Увидев Гиньоля, Франтишек вытер губы салфеткой и улыбнулся.

– Хорошие новости?

– У наших дверей журналисты с кинокамерами. Я отдал им на съедение фантаста.

– О!.. – только и сказал Франтишек.

И как следует приложился к кружке с элем.

– Что по телевизору?

Франтишек бросил на Гиньоля странный взгляд поверх края пивной кружки.

– Ты еще не в курсе?

– Не в курсе чего?

Франтишек молча поставил недопитую кружку на стол, взял в руку пульт и включил телевизор.

– ...Манифестация, собранная по инициативе Центра Угрозы Панспермии, становится все больше, набирает силу. Сейчас по приблизительным оценкам она насчитывает около тысячи человек...

Чувствуя острую потребность что-нибудь глотнуть, Гиньоль взял кружку Франтишека и отпил из нее.

– Отпустило? – с сочувствием посмотрел на друга Франтишек.

Гиньоль отрицательно мотнул головой. И сделал еще глоток. Лучше ему после этого все равно не стало. Но в голове вроде бы начало проясняться.

То, что происходило на экране, не поддавалось никаким объяснениям. С точки зрения здравого смысла, разумеется. Толпа народа, состоящая по большей части из немолодых мужчин люмпенского вида и дам средних лет, похожих на домохозяйек, держала над головами рукописные плакаты.

«Мы хотим верить!»

«Нет инопланетной угрозе!»

«Инопланетяне! Убирайтесь домой!»

«Централь для центральцев!»

«Мир-На-Оси – это наш мир!»

В целом толпа вела себя мирно. Время от времени кто-то начинал выкрикивать лозунги, написанные на плакатах. Но энтузиазм единиц не получал активной поддержки масс.

– ...За порядком на митинге следят около ста револьверос. Как сказал нам дежурный офицер, никаких происшествий или правонарушений зафиксировано не было...

– Это где?

– Возле Телецентра. – Франтишек забрал у Гиньоля кружку и допил оставшийся в ней эль. – Как вы и договаривались, два чокнутых уполога, Хруль и Вин-Винтовский, с утречка

пораньше вывели на митинг к воротам Телецентра группу своих соратников. Сколько они тебе обещали?

– Сотни полторы, а то и две.

– Вместе с ними было человек пятнадцать. И только один плакат с надписью «Центр Угрозы Панспермии – сорок три года на посту!».

– И все?!

– Все. Однако они выбрали правильное месторасположение – толклись возле самых ворот...

– Это я им сказал, где нужно встать!

– И они все правильно сделали. Только вели себя слишком уж тихо. Но тем не менее попали в утренние выпуски новостей четырех развлекательных каналов. Ну в самом деле, чего за новостями бегать, если, вот они, сами под окнами стоят. Конечно, так себе новость – подумаешь, митинг упологов. Да и не митинг даже, а что-то вроде дружеской встречи. Потому и преподнесено это событие было соответственно – с шутками да прибаутками. Один из выпусков, кстати, назывался честно и откровенно «Дурацкие новости».

– И что за канал транслирует такие новости?

– ПКДД – Первый Канал Для Дураков.

– Впечатляюще накачало. – Гиньоль саркастически усмехнулся.

– Как бы там ни было, вскоре к митингующим упологам начали подтягиваться люди, заинтересовавшиеся происходящим. Некоторые приходили со своими плакатами. Особенно мне понравился один. – Франтишек взял блокнот со стола. – «Меня похищали семь раз. Я – наполовину киборг. Куда же смотрит Бургомистр?» – Франтишек кинул блокнот на стол, напугав пристроившегося на тарелке с крошками печенья Титикаку. – И это было только начало.

– Начало?..

Гиньоль вдруг почувствовал нечто странное – то, что одновременно заводило и пугало его. Он понимал, что сейчас еще можно положить всему этому конец. Но только – прямо сейчас. В эту самую минуту. Потом пути назад уже не будет. Как у Гая Юлия Соломона, который, перейдя реку вброд, оглянулся и увидел, что те, кто должны были следовать за ним, остались почему-то на другом берегу. После чего ему уже не оставалось ничего иного, как только плюнуть в эту злосчастную реку и идти дальше одному. История гласит, что, заблудившись в пустыне, он проплутал по ней сорок лет. Но зато обрел мудрость, не сравнимую ни с какими земными богатствами.

Гиньоля такой вариант не устраивал. Сорок лет – для него это слишком долгий срок. У него имелось только три дня на решение всех проблем. Поэтому он отринул все сомнения и уверенно обратился к Франтишеку с вопросом, отсекающим все пути назад:

– Что было потом?

Франтишек загадочно улыбнулся и нажал кнопку на пульте.

– ...Мы видим, что толпа, собравшаяся перед ратушей Городского Совета, в данный момент ведет себя спокойно. Хотя старший офицер револьверос, с которым мы недавно разговаривали, не исключает вариант применения силы против митингующих. Он полагает, что несанкционированный митинг на главной площади Централя представляет собой

непосредственную угрозу для членов Городского Совета. Виктор Цуйкин с Ратушной площади, специально для телеканала «Централь-2».

– Откуда все они взялись? – удивленно промолвил Гиньоль.

– Отделились от той группы, что собиралась возле Телецентра. На Ратушную площадь вышли более радикально настроенные сторонники упологии. Они требуют, чтобы власти приняли незамедлительные меры для защиты своих граждан от инопланетной угрозы.

Насколько можно было судить по кадрам теленовостей, толпа перед ратушей действительно была более молодой и не в пример энергичнее той, что вяло митинговала возле Телецентра. По лицам собравшихся на площади было понятно, что все происходящее доставляет им огромное удовольствие. И они готовы были продолжать.

– ...Полчаса назад из здания ратуши к митингующим вышел ратман Эдуард Баксбаги. Он попытался было вступить с собравшимися в диалог. Но после того как ратман заявил, что Городской Совет абсолютно уверен в том, что никакой инопланетной угрозы не существует и пришельцы никогда не посещали Мир-На-Оси, он был освистан. Когда же из толпы в него полетели ботинки, ратман вынужден был ретироваться...

– Ну что за идиот? – усмехнулся Франтишек. – С этой толпой уже нельзя спорить! Ее нужно ублажать!

– ...Как мне только что сообщили, сегодня в вечернем эфире нашего телеканала, в аналитической передаче Франца Кафки «Процесс» будет специальный гость. Это человек, который стоит за тем, что происходит сейчас в Центrale. Быть может, единственный, кто еще способен контролировать ситуацию. Его имя Гиньоль Гиньоль...

– Ты ничего мне об этом не сказал, – обиженно посмотрел на приятеля Франтишек.

– Просто не успел, – развел руками Гиньоль. – Сам видишь, что происходит!

– Знаешь, последний раз люди протестовали на площади перед ратушей Городского Совета двести пятьдесят лет назад. Во время знаменитого чайного бунта.

Гиньоль с досадой цокнул языком.

– Я еще не выпил свой утренний чай!

– А ты уверен, что сможешь контролировать ситуацию?

– Я понятия не имею, чего хотят эти люди? – Гиньоль рукой указал на экран телевизора. – Но я собираюсь им это объяснить.

Франтишек удовлетворенно кивнул. Ему нравился боевой настрой Гиньоля.

– По большому счету им ничего не нужно. Они протестуют, потому что ты их к этому призвал, – заметив жест Гиньоля, Франтишек внес правку. – Видимо, они так поняли твои статьи. Теперь они знают твое имя. Они твои фанаты, Гиньоль. Они станут делать то, что ты им скажешь.

Гиньоль покачал головой.

– Вообще-то я не о том думал, когда все это затевал. Стихийные народные волнения не входили в мои планы.

– Придется действовать по ситуации. – Франтишек достал из тумбочки коробку зефира в шоколаде. Открыл и протянул Гиньолю. – Хочешь?

– Нет, – отказался Гиньоль. – Пойду посмотрю, как там наш фантаст справляется с журналистами...

– Постой! – Франтишек взял со стола блокнот и чиркнул в нем несколько слов. – У тебя ведь есть надежные ребята, готовые взяться за серьезное дело?

– Есть несколько парней в Развеселом квартале, которые за сотню-другую грандов возьмутся даже за свержение правительства в какой-нибудь отдаленной провинции.

– Пошли их с этим лозунгом в толпу перед ратушей. – Франтишек вырвал листок из блокнота и протянул его Гиньолю. – А то как бы в суете не забылось, ради чего мы все это затеяли.

На листке было написано:

«Верните наши рояли!»

Глава 23

Все смешалось в доме Гиньоля.

Сначала исчез Кимер Фанфанов. На его счет Гиньоль особенно не волновался. Скорее всего, фантасту наскучило общаться с навязчивыми журналистами, которых интересовала всяческая чушь, а вовсе не его творчество, и, не сумев пробиться к двери, Кимер ушел от них переулками. Гиньоль был почему-то абсолютно уверен, что Кимер непременно вернется. И долго ждать его не придется.

Затем появилась рыдающая Мадлона. Проведя всю ночь за работой в компании Фанфанова и Гиньоля, девушка с утра пораньше отправилась домой, чтобы вздремнуть хотя бы пару часиков и привести себя в порядок. Гиньоль отпустил ее до полудня. Ровно без одной минуты двенадцать Мадлона вышла из такси возле дома 2/21 по улице Дзуйхицу и оказалась в толпе набросившихся на нее журналистов. Увидев молоденькую девушку, эти стервятники решили, что вот теперь-то они непременно узнают пикантные факты из жизни Гиньоля! Несчастная Мадлона поначалу не поняла, что происходит. И что хотят от нее все эти люди. А когда поняла, то разрыдалась и, отбиваясь от журналистов сумочкой, бросилась к дверям. После всего случившегося Туаноне пришлось полчаса отпаивать Мадлону зеленым чаем.

Сама Туанона оказалась едва ли не лучше всех подготовлена к осаде. В первую очередь психологически. Она не испытывала ни малейшего пиетета перед журналистами и телекорреспондентами, а потому, не задумываясь, лупила метлой тех, кто пытался подглядывать в окна. Время от времени Туанона набирала два ведра воды, выходила с ними на крыльцо и, делая вид, что хочет полить кусты роз возле дома, окатывала водой тех, кто не успевал убежать.

Но подлинный бедлам начался, когда сквозь строй журналистов в дом прорвались упологи. Профессор Хруль и доктор Вин-Винтовский. Выглядевшие так, будто только что сбежали из тюрьмы. Или – из сумасшедшего дома. Скорее второе, чем первое. Мятая, затасканная одежда, будто с чужого плеча. Волосы растрепаны, в глазах безумный блеск. Кисти рук совершают судорожные, хаотичные движения.

Гиньоль вышел им навстречу, все еще одетый по-домашнему – в халате и шлепанцах. С чашкой чая в руках.

– Господа? – удивленным взглядом окинул он упологов. – Мы разве договаривались о

встрече?

– Господин Гиньоль! – вскинул плохо выбритый подбородок Вин-Винтовский. – Вы нас обманули!

На последнем слове голос доктора сорвался на нервный фальцет.

– Да! – выпятив живот, уверенно поддержал коллегу Хруль. – Жестоко обманули!

– Обвели вокруг пальца!

– Использовали в личных целях!

– Подвели!

– Подкачали!

– Подставили!..

– А ну-ка прекратите, – недовольно поморщился Гиньоль.

Сделав глоток чая, он поставил чашку на газетный столик. Взгляд его при этом упал на разворот газеты с аршинным заголовком: «Можно ли вести с пришельцами диалог? Доктор Вин-Винтовский решительно заявляет: Нет!» Заголовок придумал Гиньоль. Статью по мотивам выступления доктора на Одиннадцатом Упологическом Конгрессе написал Фанфанов. Гиньоль сложил газету и сунул ее под стопку других. Сверху оказалась газета с заголовком: «У Молли была овечка. Ее выпотрошили пришельцы».

Гиньоль повернулся к нервно переминающимся с ноги на ногу упологам, расправил плечи, вскинул голову и сложил руки за спиной.

– Господа! Разве вы сейчас должны быть не на митинге?

Профессор Хруль набрал полную грудь воздуха и медленно выдохнул со словами:

– Митинг, который мы организовали...

Говорить далее Гиньоль ему не позволил.

– Давайте придерживаться фактов, господа. Митинг организовал я. Ага? – Гиньоль улыбнулся. Но взгляд его при этом был недобрый, а сама улыбка – коварной, как у змеи, точно знающей, кем она сегодня отобедает. – За все те годы, что существует ваш ЦУП, вы сами не смогли организовать ничего. Ни серьезной газетной публикации, ни выступления на телевидении, ни какой-нибудь захудалой акции, которая могла бы стать темой для досужих разговоров хотя бы на полдня. Для особо тупых повторяю еще раз: НИ-ЧЕ-ГО! Абсолютно ничего! Теперь же на ваши головы свалились слава и известность. Скоро вас начнут узнавать в лицо, приглашать на приемы и открытия научных центров. Женщины, молоденькие девушки станут заглядываться на вас. Не потому, что вы безумно богаты и суперсексуальны. А потому что вы – знаменитости! Впрочем, если удачно распорядиться своей известностью, то и богатство придет. Всему свое время. Так в чем же вы меня обвиняете? В том, что все это я преподнес вам на блюдечке?

Пауза.

Упологи, виновато потупив взгляды, стояли перед Гиньодем, как нашкодившие ученики перед директором школы.

– Профессор Хруль, когда на вас последний раз заглядывались девушки?

– Э-э-э...

– Доктор Вин-Винтовский, когда у вас последний раз брали интервью?

– Ну-у-у...

– Бросьте ваши «э» да «ну», господа! – Гиньоль широко раскинул руки в стороны. – Я дарю вам весь этот огромный мир! Со всеми его радостями и богатствами! Что? Вы готовы оттолкнуть этот дар?

Пауза.

Совсем короткая.

Настолько, что почти незаметна.

– Должно быть, вы неверно нас поняли, господин Гиньоль.

– Или мы с коллегой неточно выразили свои мысли.

– Я так и понял, господа. Между нами не может быть непонимания. У нас ведь одна общая цель. И – никаких сомнений!

Гиньоль пафосно взмахнул правой рукой, левой придерживая полу халата.

– Что касается цели, – осторожно, будто крадясь на цыпочках по скрипучим половицам, начал Вин-Винтовский. – Нам хотелось бы уточнить некоторые моменты...

– Отнюдь! – по-военному прижав ладони к бедрам, вытянулся профессор Хруль. – У меня никаких вопросов, господин Гиньоль! Готов и далее служить... э-э-э... действовать под вашим чутким руководством!

– Благодарю за доверие, профессор, – Гиньоль едва заметно наклонил подбородок. – Вы что-то хотели спросить, доктор?

– Ну, понимаете ли... Мои научные принципы... Ни в коем случае не желая обидеть вас, господин Гиньоль... И тем не менее...

– Давайте без обиняков, доктор, – ободряюще улыбнулся Гиньоль. – Мы ведь здесь все свои. И можем задавать друг другу любые вопросы.

– Хорошо! – набираясь решимости, Вин-Винтовский пригладил волосы ладонями. – Мне показалось, что в некоторых из опубликованных сегодня утром статей смысл того, о чем мы с вами говорили, оказался несколько искажен.

– Доктор! – с укоризной посмотрел на долговязого уполога Гиньоль. – Я же сказал – давайте говорить напрямик! Ну почему я должен за вас договаривать? Смысл был искажен не в некоторых статьях, а абсолютно во всех. И не несколько, а полностью. Так ведь, доктор? Вы это хотели сказать?

– Ну?..

– Профессор! – обратился Гиньоль к толстяку. – Вы ведь за этим сюда пришли?

Щеки толстяка Хруля раздулись, глаза налились кровью, а лицо побагровело так, что Гиньоль испугался, что вот прямо сейчас уполога хватит удар. И виноват в этом будет он. Поскольку своими заумными речами поверг бедолагу в смятение, граничащее с раздвоением личности. Он поставил Хруля в ситуацию, когда тот должен был сделать выбор, кого поддержать – коллегу и соратника Вин-Винтовского, с которым он съел не один пуд соли, либо обещающего ему золотые горы Гиньоля? Ну согласитесь, не простой же выбор?

Но, к радости и удивлению Гиньоля, Хруль нашел третий, альтернативный вариант ответа, который примирил его с двумя очевидными.

– Как скажете, господин Гиньоль! – рявкнул, будто взорвался, толстяк. – Я целиком и полностью поддерживаю все ваши начинания!

Гиньоль удивленно вскинул бровь. Затем сделал шаг вперед, положил руку профессору

на плечо, проникновенно заглянул ему в глаза и негромко произнес:

– Благодарю за доверие, товарищ!

Большие, навывкате, глаза Хруля с красными прожилками наполнились слезами. Профессор преданно шмыгнул носом.

А Гиньоль обратил свой взор на его коллегу.

– Вы правильно сделали, доктор, что подняли эти животрепещущие вопросы. Чем дольше мы тянули бы с ответами на них, тем труднее всем нам пришлось бы.

Вин-Винтовский растерянно приоткрыл рот, пытаясь понять, какие же такие животрепещущие вопросы он успел поднять? И главное – куда и откуда? Интересно, что вопрос о том, имеет ли смысл спорить с Гиньолем, он себе даже не задавал.

– Вот что я вам скажу, доктор. Да, нам действительно пришлось опустить некоторые из приведенных вами доводов. А отдельные факты мы вынуждены были интерпретировать в неожиданном для специалистов ключе. А почему?

– Почему? – растерянно повторил Вин-Винтовский.

– Потому что у нас не было выбора. Чтобы наши идеи овладели массами, мы должны были их драматизировать!

– Массы?

– Нет – идеи! Представьте себе, доктор, человека, который понятия не имеет, что такое огнестрельное оружие. Вернее, он слышал что-то такое, но знать не знает, как все это работает. Как, по-вашему, что он подумает, если показать ему патрон?

Вин-Винтовский недоумевающе пожал плечами.

– Вот именно! – щелкнул пальцами у него перед носом Гиньоль. – Он не знает, что это за штука, и поэтому она ему абсолютно неинтересна! А теперь мы на глазах у него заряжаем патрон в пистолет и делаем выстрел! Нет, мы не просто стреляем! Мы целимся в летящую у нас над головами птицу. И птица камнем падает на землю! Все! Теперь этот тип у нас в руках. Теперь уже ему будет интересно все. И химический состав пороха, и законы физики, выталкивающие пулю из ствола, и баллистика, направляющая ее по строго определенной траектории! – Гиньоль взял со столика чашку и глотнул остывшего чая. – То же самое, господа, проделали и мы с вами. Мы драматизировали ситуацию с инопланетной угрозой, тем самым подготовив массу к восприятию наших основополагающих идей. Теперь это касается всех и каждого. Непосредственно и напрямую. А значит, никто не останется в стороне. И равнодушных тоже не будет!..

В этот момент Гиньоль почувствовал, что его понесло. Такое с ним порой случалось. Но он всегда знал, когда следует остановиться. Ну, или почти всегда. Была пара случаев... Впрочем, Гиньоль не любил о них вспоминать.

Очень вовремя зазвонил телефон.

Извинившись перед гостями, Гиньоль снял трубку.

Звонил Франтишек.

– Остановись. Довольно. Иначе перегнешь палку. Упологи готовы. Сейчас им нужно время, чтобы их мозги перекодировали полученную от тебя информацию. И тогда они будут считать твои идеи своими. Но к прессе их подпускать еще рано. Могут сорваться.

– Да, согласен, – ответил Гиньоль и повесил трубку.

Поскольку крыльцо и его окрестности были оккупированы жаждущей сенсаций братией, Гиньоль попросил Туанону выпустить упологов через находящийся под лестницей черный ход. Пользовались им крайне редко, а потому кусты шиповника столь буйно разрослись на заднем дворике, что с улицы двери не было видно. Открыв дверь, Туанона в ужасе вскрикнула. Прямо перед ней стоял человек. Стоял возле самой двери. Так, будто уже позвонил и ждал, когда ему откроют.

Услышав крик кухарки, Гиньоль кинулся под лестницу, ожидая не то чтобы самого худшего, но чего-нибудь в меру пакостного. Ситуация была такая. Неопределенная. Поэтому Гиньоль прихватил трость со спрятанным в ней клинком. Что было вполне разумной мерой безопасности в любой ситуации.

К тому моменту, когда Гиньоль оказался под лестницей, недоумение разрешилось. Человек, напугавший Туанону, оказался не кем иным, как вернувшимся с прогулки Кимером Фанфановым. Не желая вновь встречаться с оккупировавшей парадный вход публикой, которую он почему-то назвал нездоровой, Кимер обошел дом с тыла и, как и ожидал, нашел дверь черного хода. Самое удивительное, что пришел он не один. Рядом с ним стояла девушка в элегантном светло-сером брючном костюме с серебряной брошью на лацкане. Модельной внешности, но с лицом несчастным, как у брошенной и позабытой хозяйкой куклы.

– Это – Клара, – представил гостью фантаст. – Я встретил ее на бульваре.

Выяснять, стоя в дверях, кто такая Клара, что она делала на бульваре и зачем Кимер привел ее в дом, было просто глупо. К тому же и упологи начали проявлять живейший интерес к происходящему. Хруль даже сказал, что они готовы задержаться, если требуется помощь.

Вот чего Гиньоль хотел меньше всего, так это продолжать лицезреть упологов в своем доме. Поэтому, вежливо поблагодарив ученых за предложенную помощь, Гиньоль не слишком деликатно вытолкал их за порог, захлопнул дверь перед носом обернувшегося, чтобы еще что-то сказать, Вин-Винтовского и запер ее на ключ. Только после этого он почувствовал, что его психическому здоровью ничто не угрожает. По крайней мере, в ближайшие полтора-два часа. Гиньоль очень хотел в это верить.

Препоручив Клару заботам Туаноны, которая с первого же взгляда почувствовала расположение к выглядевшей ужасно несчастной девушке, Гиньоль и Фанфанов прошли в гостиную. Где налили себе по чашке чая. А Кимер еще и пару бутербродов взял, с сыром и ветчиной. Видно, успел нагулять аппетит.

В отличие от своей спутницы Фанфанов выглядел таким счастливым, как будто Национальную литературную премию уже получил. Причем сразу за три года. Прошедший, текущий и будущий. Лицо его будто сияло изнутри, а глаза лучились каким-то странным, очень необычным светом, отчасти смахивающим на inferнальный. Нельзя сказать, что все это внушало Гиньолю опасение или тревогу. Но тем не менее требовало, как минимум, объяснений. Игра пошла по-крупному, и теперь уже нельзя было допускать ни малейших промахов или рисков. Потеря Фанфанова, скорее всего, не стала бы фатальной, но определенные проблемы, конечно, создала бы. Гиньолю проблемы были ни к чему. Поэтому он спросил напрямик:

– Кимер, ты остаешься в команде?

– Конечно! – счастливое лицо Фанфанова сделалось еще и немного удивленным. – Извини, что ушел не предупредив, но эти... – он постучал пальцем о палец, подбирая верное определение. – Ты знаешь, прежде я думал, что самые ужасные и никчемные люди на земле это критики. Теперь я понял, что был не прав. Вернее, не совсем прав. Критики и журналисты – вот кого бы следовало посадить на одну баржу, без руля и ветрил и, самое главное, без провианта, и оттолкнуть посудину в сторону окраинных льдов. Чтобы, еще не добравшись до края, они принялись грызть друг дружку!

Гиньоль улыбнулся. Проект Кимера, несомненно, был слишком экстремальным – на то он и фантаст! – но в целом Гиньоль разделял его мнение. Во всяком случае, в той его части, что касалась журналистов. С критиками же иметь дело ему пока не доводилось. Впрочем, жизнь Гиньоля была насыщена событиями и богата встречами с интереснейшими людьми. И он уже подумывал о том, чтобы когда-нибудь, на склоне лет, засесть за мемуары. Наверное, было бы совсем неплохо, чтобы к тому моменту все критики оказались на барже, придуманной для них Кимером Фанфановым.

– Одним словом, я бежал от этих псов. Да, я проявил слабость. Но я вернулся. И я готов продолжать начатое.

– Я рад, что не ошибся в тебе, Кимер. – Гиньоль отсалютовал фантасту чашкой чая. – А теперь расскажи мне про девушку, с которой ты пришел. Как ее зовут?

На память Гиньоль не жаловался, и он вовсе не забыл имя девушки. Он хотел услышать, как произнесет его Кимер. То, как мужчина произносит имя женщины, говорит очень о многом. Очень!

– Клара, – произнес негромко Фанфанов.

И Гиньолю сразу же стало ясно, что Кимер влюблен. Влюблен, как шестиклассник, – до дрожи в коленках и до конца жизни.

Поначалу, оставшись один в окружении представителей свободной и независимой прессы и такого же самостийного телевидения, Фанфанов пытался общаться с ними, как это принято между интеллигентными людьми. То есть один задает вопрос, другой его выслушивает, обдумывает и дает развернутый и аргументированный ответ. Который, кстати, тоже должен быть внимательно выслушан. Журналистов подобная манера общения явно не устраивала. Они забрасывали Фанфанова вопросами, один глупее и бессмысленнее другого, причем в таком скоростном режиме, как будто ответы их совершенно не интересовали.

– Вы давно знаете Гиньоля?

– Кем он вам приходится?

– Гиньоль злоупотребляет спиртным?

– Он принимает наркотики?

– В ваше меню входит дикий рис?

– Имя Сосо вам о чем-нибудь говорит?

– У него были проблемы с законом?

– Он бьет свою жену?

– Говорят, что он страдает энурезом?

– Вас самого похищали инопланетяне?

– Сколько раз?

– Над вами проделывали жестокие эксперименты?

– Это правда, что вы с Гиньолем жестокие ксенофобы и сексисты?..

Кимер был смущен и подавлен таким напором. Он понял, что ему не остается ничего другого, как только обратиться в бегство. И он побежал. Растолкав плотный строй журналистов, Кимер выбежал на улицу, метнулся влево, перебежал на другую сторону проезжей части и скрылся между домами.

Он пробежал внутренний дворик с детской площадкой, арочный проезд со стоящими вдоль стены вонючими мусорными баками, едва не запутался в вывешенном на просушку постельном белье, пересек огромную лужу, оказавшуюся к тому же еще и на удивление глубокой, такой, что он начерпал полные ботинки воды, протиснулся через невообразимо узкую щель между домами, перебежал еще одну проезжую часть, едва не угодив под трамвай, и оказался на бульваре. Среди зелени, цветов и покоя. По центральной дорожке разгуливали толстые, самодовольные голуби и присматривающие за порядком револьверос. Фанфанову всегда казалось немного странным то, что револьверос непременно присматривали за порядком там, где этого не требовалось. Ну, в самом деле, не думали же они, что угрозу общественному порядку представляют сидящие на скамеечках милые старушки в чепцах и мамы с колясками? Однажды Фанфанов собирался сделать револьверос главным героем романа. Но, написав с десятков страниц, понял, что не может понять логику своего героя. И бросил эту затею. О героях-револьверос и без того пишут все, кому не лень.

Найдя свободную скамейку, Фанфанов присел в тенишке.

Ему было хорошо.

Он чувствовал себя погруженным в спокойную, безмятежно-размеренную жизнь. Совершенно несвойственную большому городу.

Как такое могло случиться?

Быть может, он оказался в параллельном мире? Или в ином измерении? Или вообще на другой планете. Где все так же, только без суеты и спешки, без шума и гама, без глупости и подлости, без тупых чиновников и продажных политиков. Короче, без всех тех мерзостей, что являются неотъемлемой частью нашей повседневной жизни.

Какое-то время Фанфанов с интересом наблюдал за группой, расположившейся на скамейке неподалеку от него. Милая старушка, одетая в не по годам открытый сарафан, с волосами, выкрашенными в черный, отливающий в синеву цвет, держала на поводке маленькую короткошерстную собачонку. Которая и на собаку-то была мало похожа – так себе, зверушка. Зверушка вид имела до безобразия смешной, натуру – истеричную и злобную, а потому мерзко таякала на все, что попадалось на глаза. Хозяйка зверушки откровенно кокетничала с лысым стариком в сером костюме в косую полоску, худым, как трость, которую он держал перед собой обеими руками. Вокруг них бегал ребяенок лет четырех, которому явно нечем было заняться. Он то пытался повалить декоративную ограду вокруг розового куста, то кидался под ноги прохожим, то тыкал в револьверос пальцем, изображающим пистолет. Зверушка внимательно следила за ребяенком и заливалась истошным лаем всякий раз, стоило ему пробежать мимо. Время от времени, с заведенной

периодичностью, малыш подбегал к старику и пытался отобрать у него трость, вопя при этом:

– Дед! Дай палку! Дед! Дай палку!..

Старик деликатно просил внука прекратить кричать и пойти поиграть. Ну, или половить голубей.

Ребенок убегал, но вскоре снова возвращался. Все с тем же требованием.

– Дед! Дай палку!..

В конце концов старику все это надоело. Он хотел спокойно поговорить со своей знакомой. И хотя бы на несколько минут почувствовать себя, как когда-то, молодым и привлекательным. И он отдал ребятенку трость.

Мальчуган радостно взвизгнул. Взмахнул тростью. И со всего размаху огрел ею лысую собачонку.

После чего с чувством выполненного долга сунул трость в руки ошарашенному таким поворотом событий деду и побежал ловить голубей.

Старик в шоке. Старушка почти в обмороке. Собачонка визжит, забившись под скамейку. Счастливый малыш бегает, хлопая в ладоши.

Занавес.

Фанфанов, страшно довольный увиденным, деликатно отвел взгляд в сторону от героев этой маленькой трагикомедии.

И увидел девушку в светло-сером костюме и шляпе.

Девушка была необыкновенно красива и необычайно печальна.

Едва взглянув на нее, Кимер понял, что это девушка его мечты. Та, о которой он думал всю свою жизнь, которую описывал во всех своих романах, но которую даже и не надеялся встретить в реальности. Поистине, это было чудо. Которое если и случается с человеком, то только раз в жизни. А то и реже.

Кимер почувствовал, что теряет связь с реальностью. В ушах у него звенели хрустальные колокольцы. Перед глазами всплывали и снова исчезали фантастические, нездешние картины, наполненные яркими, режущими глаз цветами. Тело казалось то невесомым, словно перышко, то будто налитым свинцом. А разум смущали странные, неестественные желания, не возникавшие никогда прежде. Например, пуститься в пляс и запеть.

И тогда Кимер сделал то, чего не делал никогда прежде за всю свою жизнь.

– Я поднялся, подошел к скамейке, на которой сидела девушка, сел рядом с ней, представился и спросил, почему она такая грустная? Что с ней случилось? И не могу ли я ей чем-то помочь?

Гиньоль недоверчиво прищурился.

– Что, вот прямо так и сказал: я Кимер Фанфанов, фантаст, позвольте вам помочь?

– Нет, я сказал, что я просто писатель.

– И тут же выяснилось, что она читала твои книги?

– Нет. В смысле, об этом мы не говорили.

– А о чем же тогда?

– Она сказала, что ее зовут Клара. И у нее серьезные проблемы.

– Ну естественно, – саркастически усмехнулся Гиньоль. – Наверняка денежные?

– Нет, деньги у нее есть. Целая пачка.

– Откуда ты знаешь?

– Клара показала мне. После того как я спросил, не нужны ли ей деньги?

– Так в чем тогда ее проблема?

– В самоидентификации.

– В чем?

– Она не может найти свое место в жизни... Во всяком случае, так я ее понял. Порой ей вообще кажется, что она не существует. Что она не настоящая.

– Ну, с этим надо идти к психиатру.

– Да нет же! Это не врачебная проблема! С психикой у нее все в порядке!

– Это ты как врач говоришь? Или как фантаст?

– Я говорю серьезно. Клара пытается найти саму себя.

– А где она потерялась?

– Не смешно.

– А я и не шучу. Должно же быть какое-то место, какой-то переломный момент, когда она вдруг поняла, что запуталась. Или – заблудилась.

– Она сказала, что это случилось после того, как ее пригласили работать в модельное агентство Готье Ги Баряна.

– Ничего себе! – присвистнул Гиньоль. – На такую работу и я бы согласился!

– А Клара решила, что эта работа не для нее.

– Ну хорошо. Значит, ты взялся помочь ей?

– Да.

– Каким образом?

– Ну... Не знаю. Ей стало лучше после того, как мы поговорили.

– А что будет потом?

– Когда?

– Когда Клара поймет, что ей действительно нужно?

– А что ей нужно?

– Да откуда же я знаю?

– Тебе не нравится Клара?

– Я этого не говорил.

– Тогда в чем проблема?

Гиньоль допил чай и поставил чашку на стол.

Он видел множество проблем, которыми могло оказаться чревато вторжение Клары в личную жизнь Кимера. И перечисление их, одной за другой, заняло бы немало времени. Но он также понимал, что доказывать что-либо влюбленному олуху – это все равно что кидать в стену горох, надеясь пробить в ней дырку.

Поэтому он лишь дружески подмигнул Кимеру. И сказал:

– Удачи!

Глава 24

Гиньоль едва успел переступить порог Телецентра, как его подхватил под локоть здоровенный гоблин с квадратными плечами и бритой головой, одетый в строгий черный костюм. Глаза гоблина скрывали зеркальные солнцезащитные очки, а из-под мышки откровенно выпирала пистолетная рукоятка.

– Пройдемте. – Голос гоблина был похож на использованную промокашку.

Хватка его была не просто крепкой, но и профессиональной к тому ж.

Гиньоль не впервые встретился с гоблином-охранником. Эти ребята знали толк в своем деле и были исключительно сильны и надежны. Единственная их слабость заключалась в том, что они были уверены, что у них нет слабых мест. Тем не менее слабые места есть у каждого. Нужно только суметь их найти. У Гиньоля это неплохо получалось.

– Подождите! – Гиньоль растерянно взмахнул свободной рукой. – Я должен был предъявить на входе удостоверение личности! Для меня заказан пропуск!

– Все в порядке. – Гоблин настойчиво тянул Гиньоля за собой. – Мы знаем, кто вы такой.

– Нет, вы не понимаете! Меня пригласили на съемку передачи!

Вне себя от возмущения, Гиньоль дернулся, пытаясь вырваться. При этом он потерял равновесие. И, дабы не упасть, оперся на трость, которую держал в руке. Ну и надо же такому случиться – металлический набалдашник трости угодил точно в мысок черного, до блеска отполированного ботинка гоблина. А если вам не известно, то Гиньоль-то точно знал, что ноготь большого пальца левой ноги – это, пожалуй, единственная чувствительная точка на теле любого гоблина. Чувствительная настолько, что гоблин-охранник взвыл от боли и, забыв о Гиньоле, запрыгал на одной ноге. Гиньоль же не преминул этим воспользоваться. Подкинув трость, он ловко поймал ее за другой конец, рукояткой подцепил ногу гоблина и как следует подсек. Здоровяк грохнулся на пол так, что едва не расколот затылком мраморную плиту. Хорошо, что это был гоблин, – у другого бы треснул череп.

– Ничего личного, приятель. – Гиньоль прижал рукоятку трости к горлу охранника. – Но я не люблю подобного обращения. А ты явно не с тем связался.

– Чтoб тебя за край, – не зло, а скорее удивленно прохрипел охранник. – Тебя хочет видеть господин Чипизудов.

– Кто такой?

– Руководитель кабинета Бургомистра.

– Ну, так и надо было сразу сказать.

Гиньоль перехватил трость за рукоятку и протянул гоблину руку, чтобы помочь подняться. Охранник не стал отказываться от предложенной помощи. Поднявшись на ноги, он отряхнул пиджак и, усмехнувшись, посмотрел на Гиньоля.

– А ты, однако, ловкий парень.

Похоже, он не затаил на Гиньоля обиды. Для гоблинов вообще характерно такое поведение. Они яростны в драке, но отходчивы.

– Пошли.

На этот раз охранник не стал хватать Гиньоля за руку, а лишь махнул ему пальцами и пошел вперед, указывая дорогу.

Они пересекли холл и вошли в лифт, который, словно ожидая их, уже стоял с распахнутой дверью. Гоблин поймал за воротник и выкинул из лифта какого-то простака, сунувшегося было в кабину прежде него. Пропустив вперед Гиньоля, охранник вошел следом, нажал кнопку пятого этажа и замер, как изваяние, скрестив руки на животе.

– А по какому поводу встреча? – поинтересовался на всякий случай Гиньоль.

– Вот этого я не знаю, – едва заметно качнул головой охранник.

Собственно, другого ответа Гиньоль и не ожидал. Так, на всякий случай спросил.

Не удивило его и то, что господин Чипизудов занял кабинет директора Телецентра. Должно быть, хозяина кабинета выставили за дверь столь же бесцеремонным образом, каким охранник избавился от нежелательного попутчика в лифте. Насколько Гиньоль знал государственных чиновников, а знал он их неплохо, именно такую манеру поведения они считали наиболее естественной. И даже удивлялись, если кто-то с ними не соглашался.

Господин Чипизудов был высоким, статным мужчиной, чуть более пятидесяти лет, с холеным лицом, пронзительно-голубыми глазами, полными чувственными губами и густыми, красиво уложенными темно-русыми волосами с едва наметившейся проседью. Впрочем, цвет волос, скорее всего, был таким же искусственным, как и ровный загар на лице руководителя кабинета.

Одарив Гиньоля белозубой, заученной перед зеркалом улыбкой, которую сам господин Чипизудов, должно быть, считал приветливой, а то и дружеской, руководитель кабинета непринужденным жестом руки выставил за дверь доставившего гостя гоблина. После чего улыбка его сделалась умильной, а голова склонилась к плечу. Что это должно было означать, Гиньоль не понял. А потому, на всякий случай, насторожился. Гиньоль вообще недолюбливал чиновников. И, как у всех, у него имелись на то причины. Как в свое время сказал Император Ху: «Ох уж эти чиновники! Жить с ними невозможно, однако ж и убить их нельзя». А уж он-то знал, о чем говорил.

– Господин Гиньоль!

Руководитель кабинета развел руки в стороны, как будто собирался заключить Гиньоля в объятия. Но при этом не двинулся с места.

– Господин Чипизудов!

Гиньоль повторил тот же жест. При этом в одной руке у него была шляпа, в другой – трость.

– Господин Гиньоль!

– Господин Чипизудов!

Это было похоже на дурацкую игру.

Вот только непонятно было, почему нынче дураки?

– Господин Гиньоль!

Оттянув манжет, Гиньоль посмотрел на часы.

– Я вообще-то пришел на передачу.

– Да, я в курсе.

Гиньоль вскинул брови, давая понять, что ждет продолжения.

– Собственно, об этом я и хотел с вами поговорить.

– Я весь внимание!

– Присядьте.

Руководитель кабинета сделал приглашающий жест рукой.

Дождавшись, когда Гиньоль усядется в кресло для гостей, Чипизудов сел напротив него, непринужденно закинул ногу на ногу и сложил руки на коленке.

– Господин Гиньоль, полагаю, вы разумный человек? – так начал беседу руководитель кабинета.

– Не извольте сомневаться, господин Чипизудов, – улыбнулся в ответ Гиньоль.

– Как вам, должно быть, известно, я являюсь руководителем кабинета Бургомистра Централя.

– Кто же этого не знает? – изобразил удивление Гиньоль.

При этом он старательно пытался припомнить имя Чипизудова. Наверняка же где-нибудь слышал. Хотя бы раз, краем уха.

Чипизудов польщенно улыбнулся.

Как и всякий чиновник, давно и плотно сидящий на своем месте, он не просто был падок на примитивную лесть, но воспринимал ее всерьез. Настолько серьезно, что даже страшно становилось при мысли, что эти люди принимают ответственные, а кто-то и судьбоносные решения. Удивительно, на какой же тонкой грани балансирует наш мир? И – от чего зависит, сохранит ли он равновесие или ахнется в бездну?

Продолжая улыбаться, руководитель кабинета взял со стола пульт, направил его на большую телепанель у Гиньоля за спиной и нажал кнопку.

– Полагаю, вы это уже видели?

Гиньоль даже оборачиваться не стал. Зачем? И без того было ясно, о чем спрашивает Чипизудов.

Нет, Гиньоль ни секунды не сомневался в том, что интересы господина Чипизудова могли оказаться весьма разносторонними. К примеру, его могут интересовать особенности нереста пираний в дельте Аматыря. Или – урожайность кукурузы на севере Настрании. А почему бы и нет? Климента Чипизудова – Гиньоль наконец-то вспомнил его имя! – как частное лицо и как руководителя кабинета Бургомистра могло интересовать все что угодно. Он даже мог оказаться истым поклонником Федора Беликина. Или – тайным почитателем Кимера Фанфанова.

Но только не сегодня. Не в этот самый час.

Сегодня сознание, да заодно и подсознание Климента Чипизудова, руководителя кабинета Бургомистра, могло быть занято лишь одним.

Догадываетесь, чем?

Естественно – толпой у стен ратуши Городского Совета.

Поэтому Гиньоль лишь улыбнулся, глядя в честные глаза руководителя кабинета.

– Как видите, я сейчас нахожусь не на своем рабочем месте, а сижу перед вами. Но все эти люди...

Чипизудов умолк, не закончив фразу, и выжидающе посмотрел на Гиньоля.

– Да? – вскинул брови Гиньоль, всем своим видом изображая заинтересованность.

– Разве не вы призвали их выйти на площадь? – вкрадчиво поинтересовался Чипизудов.

– Ни в коем разе! – решительно отказался Гиньоль.

Чипизудов взял стопку газет и кинул ее на стол перед Гиньодем.

– Спасибо, я уже просмотрел сегодняшнюю прессу.

– И что вы можете сказать?

– Меня тревожит перспектива истощения гипсовых рудников в Южной Сардонии.

Чипизудов даже не улыбнулся. Должно быть, не понял шутку. А может быть, решил, что сейчас не время шутить.

– Я говорю о статьях, написанных от имени Центра Угрозы Панспермии.

– А что с ними не так?

– Вы полагаете, нет никакой связи между этими статьями, публикацию которых инспирировали вы, господин Гиньоль, и тем, что происходит сейчас возле Желтого Дома и Телецентра?

– Что бы там ни происходило, я не имею к этому никакого отношения.

– Разве?

– Конечно.

– А как же ваши статьи?

– Их писал не я, а ученые специалисты, давно и серьезно занимающиеся вопросами инопланетной угрозы. Я лишь организовал публикации.

– Почему?

– Потому что меня, как честного, здравомыслящего гражданина Централя и к тому же исправного налогоплательщика, тревожит угроза инопланетного вторжения.

– Господин Гиньоль...

– Я хочу быть уверен, что мне ничто не угрожает!

– Господин Гиньоль!..

– А между тем я не чувствую такой уверенности! Понимаете? Не чувствую!

Гиньоль откинулся на спинку кресла, будто внезапно почувствовал страшную усталость. Он достиг того, к чему стремился. Климент Чипизудов смотрел на него и не мог понять, кто перед ним? Крепко больной на голову, хотя и исправный налогоплательщик, или искусный мастер игры в бисер? Пока он этого не понимал, тактическое преимущество было на стороне Гиньоля.

– Знаете, что лично меня тревожит больше всего, господин Гиньоль? Нет, не пугает, а именно слегка тревожит?

– Устойчивость гранда на мировом валютном рынке?

– Я говорю про это, – Чипизудов пультом указал на экран. Как будто по каким-то суеверным причинам не хотел называть происходящее своим именем. – Никогда прежде массы не выдвигали столь странных требований. Они требовали дешевого пива, крепкого чая и продолжения закрытого по непонятным причинам телесериала «Вова и Медведь». Но никак не защиты от угрозы инопланетного вторжения. И, знаете, господин Гиньоль, мы уверены в том, что нынешняя странная и, чего уж там скрывать, совершенно неожиданная для нас активность населения Централя спровоцирована вашими публикациями.

Гиньоль усмехнулся и рукояткой трости передвинул поближе к Чипизудову стопку газет.

– Покажите мне хотя бы одну статью, да что там, хотя бы строчку, в которой

содержится призыв к гражданскому неповиновению!

Вот так!

В чем Гиньоль был абсолютно уверен, так это в том, что помимо бреда в его статьях ничего нет. И уж точно не было в них ни слова крамолы. Ни единого! Тот, кто осмелится выдвинуть против него обвинение, пускай для начала выставит счет Додекаэдру за то, что тот не светит по ночам.

Чипизудов по достоинству оценил ход противника.

– Господин Гиньоль, давайте говорить начистоту.

– Я и не пытался лукавить.

– В какую игру вы играете?

– Предпочитаю гольф. Но, к сожалению, редко удается выбраться на поле. Все дела да дела... Все мы постоянно чем-то заняты. Времени на досуг совсем не остается. Да что там досуг, если само понятие «личная жизнь» становится архаизмом...

– А...

– А мини-гольф, на мой взгляд, это такое же извращение, как безалкогольное пиво или кофе без кофеина. Мы эволюционируем в новый вид – Человека Занятого!

– Господин Гиньоль, я хочу понять ваши цели.

– Я пришел сюда для того, чтобы принять участие в телепередаче. Кстати, – Гиньоль посмотрел на часы. – До эфира осталось двадцать восемь минут.

– Каковы ваши цели как лидера Центра Угрозы Панспермии?

– Я не возглавляю ЦУП.

– Нет. Но вы являетесь, я бы сказал, духовным лидером людей, которые вышли сегодня на улицы Централя с требованием защитить их от пришельцев!

– Ну, лидер – это слишком громко сказано, – смущенно потупился Гиньоль. – Я всего лишь добропорядочный гражданин...

– И исправный налогоплательщик. Это я уже слышал!

– Что же вы еще хотите услышать?

– Так, – руководитель кабинета откинулся на спинку кресла и скрестил руки на груди. – Как я понимаю, – взгляд его сделался укоризненным, – вы не желаете идти на контакт?

– Да как же я на него пойду, – удивленно развел руками Гиньоль, – ежели не понимаю, чего вы от меня хотите?

Чипизудов резко подался вперед.

– Значит, вы готовы к сотрудничеству?

Гиньоль столь же поспешно откинулся назад.

– Нет! – и испуганно затряс головой.

– Так, – Чипизудов сморщился, как будто у него вдруг заболел зуб, и устало потер пальцами виски. – Я уже спрашивал у вас, чего вы хотите?

– Нет, – кивнул Гиньоль.

– Так чего же?

Гиньоль на секунду задумался.

– А что вы можете предложить?

– Я первый спросил.

- Ну, вообще-то, запросы у меня немалые...
- Постарайтесь оставаться в рамках разумного.
- Я бы хотел, чтобы освободили всех узников совести!
- А у нас есть узники совести?
- Не у нас, а у вас!
- У меня точно нет.
- Что, ни одного?
- Ни единого.
- Ну как же так? – с досадой всплеснул руками Гиньоль. – Как же мы живем, не имея ни одного политзаключенного?
- Ну, не знаю, – будто оправдываясь, пожал плечами Чипизудов. – Как-то вот все же живем.
- Тогда я хочу, чтобы один мой знакомый получил Национальную литературную премию.
- Это вопрос решаемый, – уверенно кивнул руководитель комитета.
- Вы даже не спросили, кто он?
- А какая разница?
- Разве номинант на Национальную литературную премию не должен быть писателем?
- Ну, как вам сказать?.. – Чипизудов задумчиво посмотрел на потолок. – Смотря что вы под этим подразумеваете?
- Под премией?
- Нет, под писателем?
- А что, могут быть какие-то разночтения?
- Чипизудов усмехнулся с чувством собственного превосходства. Как будто знал что-то такое, чего Гиньоль не сможет понять, даже проживи он полторы тысячи лет.
- Так, выходит, ваш друг – писатель?
- В каком-то смысле, – уклончиво, дабы не попасть впросак, ответил Гиньоль.
- Он пишет в стол, – с пониманием улыбнулся Чипизудов.
- Ну вот еще! – обиделся за друга Гиньоль. – Он опубликовал триста восемьдесят шесть романов!
- Триста восемьдесят шесть? – руководитель комитета недоверчиво прищурился.
- И более тысячи рассказов! – выдал в довершение Гиньоль.
- Взгляд Чипизудова все еще выражал недоверие.
- И как же зовут этого писателя?
- Вряд ли вам знакомо его имя. Он, – Гиньоль сделал многозначительный жест кистью левой руки, – жанровый писатель.
- И все же?
- Кимер Фанфанов.
- Кимер Фанфанов!
- Глаза руководителя комитета блеснули, как два начищенных медяка.
- Вы слышали о Фанфанове? – совершенно искренне удивился Гиньоль.
- Слышал ли я о Фанфанове? – Чипизудов прижал ладони к груди и тут же раскинул

руки в стороны. Как будто хотел обнять весь мир. – О том самом Кимере Фанфанове? Написавшем «Ад в Крысином городе»? Вы сами, конечно, читали этот роман!..

Гиньоль озадаченно почесал пальцем висок.

– Ну, честно говоря, до него у меня руки как-то не дошли...

Чипизудов будто и не услышал его.

– «Восстание в космической тюрьме «Бутылка», «Амазонки с Омеги-Семь уделывают всех», «Берцовая кость в кулаке», «Возвращение Кыргызн'Рыкыма», «Я приду, чтобы взорвать ваш звездолет», «Земля обезумевшего времени», «Затяжные позиционные бои на восточном фронте»... Тот самый Кимер Фанфанов!.. – не находя слов, чтобы выразить распирающий его восторг, руководитель кабинета всплеснул руками. – Скажу вам по секрету, господин Гиньоль, я уже много лет являюсь тайным поклонником Кимера Фанфанова.

– Да? – озадаченно наклонил голову Гиньоль. – А могу я спросить, почему это тайна?

– Потому что для руководителя моего уровня интересоваться литературой подобного сорта... Как бы это лучше сказать?.. Скажем так – не престижно. Если бы коллеги узнали, что я читаю Фанфанова, это не лучшим образом сказалось бы на моем имидже.

– А кого вы читаете для имиджа?

– Федора Беликина, – не задумываясь, ответил Чипизудов.

– Вы его действительно читаете?

– Книга Беликина лежит у меня на рабочем столе.

– И это положительно сказывается на имидже?

– Беликина читают все.

– Или только делают вид, что читают?

– Какая разница. Беликин – это стандарт, соответствующий образу серьезного, представительного госслужащего. Так же, как часы «Камбар», одеколон «Фурис» и галстук от Ги Баряна.

Гиньоль улыбнулся и погрозил пальцем.

– Теперь я понял, что вы имели в виду, когда говорили, что бывают писатели и писатели.

– В отношении Фанфанова мы с вами единомышленники, господин Гиньоль. И, если мы договоримся, обещаю вам, премию он получит.

Гиньоль насторожился.

– А о чем мы должны договориться?

– Вы должны помочь нам решить проблему с людьми, которым не сидится дома. – Руководитель комитета мягким, почти детским подбородком указал на экран, который по-прежнему был включен. – По данным наших аналитиков, число митингующих постоянно увеличивается. По совершенно непонятным причинам. И в какой-то момент... – Чипизудов звонко щелкнул пальцами. – Ну, вы сами понимаете.

Гиньоль обернулся и посмотрел на экран. По сравнению с тем, что он видел утром, ситуация на Ратушной площади почти не изменилась. Разве что тьма накрыла эту часть Централя. И теперь людей, собравшихся перед Желтым Домом, так же, как и транспаранты, которые они держали в руках, освещали уличные фонари и мощные прожектора,

направленные на толпу с крыш близлежащих домов.

– А что, это уже стало проблемой? – спросил Гиньоль.

– Называйте как хотите, – безразлично взмахнул кистью руки Чипизудов. – Но то, что народ митингует на площадях, вместо того чтобы сидеть дома и смотреть телевизор, это, согласитесь, ненормально.

– Не могу с этим согласиться. По-моему, это замечательно, когда народ активно выражает свою гражданскую позицию. В таком случае властям есть о чем задуматься.

– Вот мы и задумались. – Чипизудов даже не улыбнулся. – Как нам вернуть людей домой?

– Очень просто – выполните их требования.

– Это невозможно.

– Почему?

– Они сами не понимают, чего хотят.

– Они хотят быть уверенными в том, что им и их семьям ничего не угрожает.

– Уверяю, им ничего не угрожает.

– Я вам не верю!

– Почему?

– Да потому что я вас знать не знаю и вижу в первый раз.

– Вот! – щелкнув пальцами, Чипизудов направил указательный на Гиньоля. – Вы сами это сказали!

– Ничего я такого не говорил! – тут же пошел в отказ Гиньоль.

– Эти люди не верят нам, но они поверят вам.

– С чего бы вдруг?

– Вы их духовный лидер.

– Нет!

– Ну хорошо – идейный вдохновитель.

– С такой формулировкой я готов согласиться.

– Через десять минут у вас эфир, господин Гиньоль. Прошу вас, обратитесь к собравшимся и попросите их разойтись по домам. Скажите, что все улажено и все вопросы решены.

– Все?

– Абсолютно!

Подумав секунду-другую, Гиньоль взмахнул рукояткой зажатой в руке трости.

– Я не могу обманывать людей!

– Вы их не обманываете. Вы их информируете.

– Называйте это как хотите. Но я призову людей на время прекратить манифестации только в том случае, если буду уверен в том, что власти нас действительно услышали.

– Я вас уже услышал, господин Гиньоль.

– Я могу сказать людям, что завтра меня примет Бургомистр?

– Не думаю, что в этом есть необходимость...

Большим пальцем Гиньоль указал себе за спину.

– Встречи и мероприятия, в которых принимает участие Бургомистр, расписаны на три

месяца вперед...

– В таком случае, народ будет три месяца митинговать у стен Желтого Дома. И знаете что? С каждым днем их недовольство и раздражение будут нарастать. Особенно, если испортится погода и пойдет дождь. А это значит, что мне будет все труднее убедить их разойтись.

Чипизудов надул губы. Зло надул.

Гиньоль понимал, что сейчас руководитель кабинета видит в нем врага. Нет – злодея, выкручивающего ему руки. Гиньолю не очень нравился такой образ, но ничего не поделаешь, приходилось с этим мириться. В конце концов, с людьми следует говорить на том языке, который они лучше всего понимают.

– Хорошо, – тяжело, с болью выдавил Чипизудов.

Можно было подумать, что он соглашался отдать на отсечение свою правую руку. Или – левое ухо.

– Завтра, – уточнил Гиньоль.

– Да, – процедил сквозь зубы руководитель кабинета.

– Во сколько?

– Я уточню и сообщу вам по телефону.

– Когда?

– В восемь утра. Вас устроит?

– Но это точно?

– Да.

– Имейте в виду, я скажу о завтрашней встрече во время телепередачи. И сошлюсь на вас, как на гаранта. Только так я смогу заставить людей покинуть Ратушную площадь.

– Договорились.

Гиньоль улыбнулся и глянул на часы.

– Все. Мне пора бежать. Иначе – опоздаю.

– Секунду! – щелкнул пальцами Чипизудов. – Я надеюсь, вы понимаете, что завтрашняя встреча с Бургомистром будет не личной? Она будет проходить в формате небольшого совещания за закрытыми дверями.

– Меня это устраивает.

– Я бы хотел попросить вас пригласить на встречу господина Фанфанова.

– Кимера? – Гиньоль решил, что ослышался.

– Я представлю его Бургомистру как номинанта на Национальную литературную премию. Ну а кроме того, – руководитель кабинета смущенно отвел взгляд в сторону, – мне бы хотелось взять у него автограф.

– У вас же на рабочем столе Беликин, – не смог удержаться от ехидного замечания Гиньоль.

– Верно, – кивнул Чипизудов. – А весь стол забит Фанфановым.

– Договорились, – улыбнулся Гиньоль. – Кимера я вам обеспечу.

Он поднялся на ноги, зажал трость под мышкой и надел шляпу. В красном приталенном костюме Гиньоль смотрелся просто великолепно. Как герой авантюрного фильма.

– И последний вопрос, господин Гиньоль. – Чипизудов нажал кнопку паузы на пульте.

Изображение на экране замерло. – Объясните мне, что значит этот лозунг?

Гиньоль посмотрел на экран.

На длинной полосе, растянутой над головами собравшихся на площади истых борцов с угрозой инопланетного вторжения, неровными красными буквами было написано:

«ВЕРНИТЕ НАМ НАШИ РОЯЛИ!»

Гиньоль улыбнулся.

– Вот об этом я и собираюсь поговорить с Бургомистром.

Чипизудов озадаченно прикусил губу. Он был в курсе истории с исчезновением рояля из зала для торжественных приемов Городского Совета. Последние два дня Бургомистр только об этом и твердил. Собственно, его вообще ничего более не интересовало, кроме как этот пропавший рояль. Но при чем тут Гиньоль и его борьба? Этого руководитель кабинета пока что не понимал. Но, как ушлый ветеран аппаратных игр, он нутром чувствовал, что все это неспроста.

Глава 25

Гиньолю нравилось, как Франц Кафка ведет свой «Процесс». Пожалуй, это была единственная передача, которую он старался не пропускать и почти всегда смотрел с удовольствием. Конечно, многое зависело от гостей, приглашенных на «Процесс». Все люди разные, и далеко не каждый способен сказать что-то, что будет интересно кому-то, кроме него самого, его собаки и аквариумных рыбок, которые вообще обладают уникальной способностью внимательно и терпеливо слушать все, что им говорят. Однако Кафка обладал уникальным умением если и не разговаривать человека, так заставить его вывернуть душу наизнанку. А уже в зависимости от того, что там у него было на душе, ведущий «Процесса» на глазах у изумленных зрителей делал из этого трагедию или комедию. И то и другое было необычайно интересно. Кроме того, Кафка был остер на язык. Его комментарии были точными, емкими и, если ситуация того требовала, едкими, как серная кислота. Он не корчил из себя знатока человеческих душ – он предлагал каждому самому заглянуть себе в душу. А потом рассказать о том, что он там увидел.

С Гиньодем у Кафки моментально возник полный контакт. Они, будто работая на одной ментальной волне, понимали друг друга раньше чем с полуслова. В результате передача получилась яркая, динамичная и острая. Гиньоль солировал в течение всего эфирного времени. Двое других гостей – известный эстрадный певец с бархатным голосом, имени которого Гиньоль никогда не слышал, а если и слышал, то благополучно забыл, и ратман Садам Хусейн, чьим единственным несомненным достоинством были пышные черные усы, – успели сказать разве что пару фраз на двоих. Поскольку основной темой «Процесса» был вопрос об угрозе инопланетного вторжения, Кафка попросил гостей высказать об этом свое мнение. Певец, похоже, не понял, о чем его спрашивают. Он воодушевленно начал рассказывать о своих предстоящих гастролях в Бедламбесе и о том, какой замечательный человек и тонкий ценитель всего прекрасного Национальный Лидер Единой и Нерушимой Партии Бедламбеса, с которым он был лично знаком. Садам, когда пришла его очередь, заявил, что силы охраны правопорядка Централя находятся в полной боевой готовности и

готовы отразить любую угрозу, от кого бы она ни исходила, людей же, буздящих на улицах по непонятному поводу, следует разогнать силой, а тех, кто не пойдет домой, отправить в трудовые лагеря. Что, у нас нет трудовых лагерей? Саддам удивленно вскинул густые черные брови. Но тут же нашел до идиотизма простое решение вопроса. Так надо создать!

Кафка спросил Гиньоля, не хочет ли он прокомментировать высказывания гостей? Гиньоля с улыбкой ответил, что комментировать слова уважаемых гостей – это все равно что сыпать перец в манную кашу. И предложил ратману и певцу поговорить друг с другом, выразив уверенность, что у них непременно найдутся общие темы для беседы.

Кафке понравился ироничный комментарий Гиньоля. И дальше они продолжали на пару.

Гиньоля был хорош! Очень хорош! Настолько хорош, что нравился самому себе!

Он блистал остроумием и колол отточенной четкостью своих замечаний. Ни у кого не могло даже сомнения возникнуть в его здравомыслии, хотя говорил он о вещах невероятных. Почти безумных. Но говорил он о них так убежденно и веско, что ему хотелось верить. Даже если здравый смысл твердил при этом: «Не верь!»

Кто станет слушать какой-то там здравый смысл, когда говорит Гиньоля?

Молчи, здравый смысл, молчи!

Выразив горячую поддержку от имени Международного Центра Угрозы Панспермии и от себя лично всем тем, кто вышел сегодня на улицы Централя с требованием к властям обеспечить защиту населения от инопланетной угрозы, Гиньоля, как и обещал руководителю кабинета Бургомистра, все же попросил митингующих разойтись по домам. Заверив, что на встрече с Бургомистром, которая должна состояться завтра, он, Гиньоля, будет требовать ответы на все вопросы, что были подняты митингующими. И главным среди них – Гиньоля подчеркнул это особо – станет вопрос о не имеющих себе равных по изощренности и цинизму таинственных похищениях пришельцами роялей.

– Простите, вы говорите о музыкальных инструментах? – спросил несколько удивленный Кафка.

– Совершенно верно, – подтвердил Гиньоля.

– Вы хотите сказать, что вам известны случаи похищения пришельцами музыкальных инструментов?

– Не музыкальных инструментов вообще, а именно роялей. Причем, если раньше эти случаи были единичными, то в последнее время они приобрели массовый, я бы даже сказал, системный характер.

– Да неужели? – скептически прищурился Кафка.

– У нас все случаи тщательно проверены и задокументированы, – заверил его и зрителей Гиньоля. – Мы не доверяем одним только свидетельским показаниям.

– То есть вы проводите собственное расследование?

– По каждому случаю.

– Смею предположить, господин Гиньоля, у вас имеются какие-то предположения насчет того, зачем инопланетным пришельцам понадобились наши рояли?

– Конечно.

– Не хотите поделиться с нами?

– Увы, не могу. Об этом я буду завтра говорить с Бургомистром.
– Неужели все настолько серьезно?
– Более, чем вы можете предположить.
– Ну хотя бы намекните.
– Дело касается государственной безопасности.
– Вам об этом что-нибудь известно, господин Хусейн? – обратился Кафка к начавшему уже тихо дремать ратману.
– О чем? – встрепнулся Саддам.
– Власти, как всегда, узнают обо всем в последнюю очередь. – Эта реплика была адресована уже зрителям. – И, как правило, из нашей программы. Так что смотрите «Процесс», и вы всегда будете в курсе самых свежих новостей!

На протяжении всего эфира телефон разрывался от звонков телезрителей. Все без исключения звонившие хотели либо задать вопрос Гиньолю, либо выразить ему свое горячее одобрение и поддержку. Причем не только моральную. Мужчина, представившийся как владелец фабрики по производству роялей, поинтересовался, можно ли перечислить деньги в фонд борьбы с инопланетной угрозой? Звонил, конечно, Франтишек. Используя свой талант сенситива, он точно выбрал момент для набора номера, и звонок прямиком попал в студию. Гиньоль со всей серьезностью ответил, что сбором средств он в данный момент не занимается, поскольку завтра на встрече с Бургомистром рассчитывает получить государственную поддержку.

Рейтинг программы не просто бил все рекорды, а зашкаливал. Таких показателей интереса зрительской аудитории не было никогда в истории телеканала «Централь-2». В конце «Процесса» Франц Кафка, уже получивший указания продюсерского центра, сделал анонс новой еженедельной передачи Гиньоля.

Это был успех. Несомненный, безоговорочный успех. После которого встреча Гиньоля с Бургомистром приобретала образ суровой неизбежности.

Хотя сам Артур Рингольдович Макдуров об этом еще не подозревал.

Клим Чипизудов примчался к Бургомистру домой сразу после разговора с Гиньодем. Он успел к самому началу передачи. Бургомистр в окружении семейства и в присутствии двух секретарей, референта и пресс-секретаря сидел в гостиной, напротив большого телеэкрана, настроенного, кто бы сомневался, на канал «Централь-2». Перед ним стоял небольшой обеденный столик, заставленный легкими закусками, вроде икорки, севрюжки и ветчинки, графинами с напитками, как алкогольными, так и без, и двумя трехъярусными подносами для пирожных. Бургомистр, когда нервничал, любил перекусить. Чем сильнее он нервничал, тем активнее перекусывал. В тот момент, когда Чипизудов вошел в гостиную, Бургомистр вяло жевал эклер. Следовательно, пребывал в спокойном и благодном расположении духа.

– Садись!

Бургомистр хлопнул ладонью по кожаной подушке дивана справа от себя.

Чипизудов счастливо улыбнулся. А про себя недовольно поморщился. Сидеть по правую руку от Бургомистра было не особенно приятно. Бургомистр был правой, а следовательно, все закуски брал со стола правой рукой. И, если он вдруг начинал активно жестикулировать – а такое с ним случалось нередко, – костюм чиновника, сидевшего справа

от него, очень скоро приходил в полную негодность.

– Ну, как он? – надкушенным эклером Бургомистр указал на Гиньоля, которого в этот самый момент Кафка представлял зрителям. – Гиньоль Гиньоль... Странное какое-то имя. Не находишь?

Последний вопрос был адресован референту.

– Очень странное, – не задумываясь, согласился тот, сосредоточенно нахмурился и принялся что-то быстро строчить в толстом еженедельнике.

Если бы кто-нибудь удосужился заглянуть ему через плечо, то увидел бы, что референт Бургомистра пишет мелкими, кругленькими, похожими на кружева буквами одно и то же слово, заполняя им строчку за строчкой:

*Гиньоль Гиньоль Гиньоль Гиньоль Гиньоль Гиньоль Гиньоль Гиньоль Гиньоль
Гиньоль Гиньоль Гиньоль Гиньоль Гиньоль...*

Таким образом, заполняя еженедельники бессмысленными записями, он создавал видимость осмысленной, активной и продуктивной деятельности.

– Он хорош, – ответил Чипизудов, усаживаясь на диван.

– Есть хочешь? – спросил Бургомистр.

Руководитель кабинета с благодарностью улыбнулся и сделал отрицательный жест рукой.

– А – пить?

– Благодарю, – кивнул руководитель кабинета.

– Ты ешь, пей, не стесняйся, – сделал широкий жест рукой Бургомистр.

На пиджаке Чипизудова осталось жирное пятно от надкушенного эклера.

– Завтра у вас с ним встреча, – сказал руководитель кабинета, старательно делая вид, что не замечает пятна.

– У кого? – недоумевающе уставился на него Бургомистр.

– У вас.

– С кем?

– С ним, – взглядом указал на экран Чипизудов.

Бургомистр глянул на экран.

– С Кафкой?

– С Гиньодем.

– Правда?

– Да, я уже обо всем договорился. Думаю, в двенадцать тридцать. Самое удобное время.

– Зачем?

– Полагаю, вам следует самому составить личное представление о Гиньоде.

– Думаешь?

– Уверен.

– Ну ладно, – согласился Бургомистр. – А по какому поводу встреча?

– По поводу инопланетной угрозы. – Руководитель кабинета вновь, на этот раз уже рукой, указал на экран. – Нам следует решить вопрос с толпами, митингующими на улицах.

– Ну да, конечно, – с серьезным видом кивнул Бургомистр. – Эй! – махнул он рукой

стоявшему слева от стола секретарю. – Плесни-ка мне вина! Вон того, рубинового!

Тем временем Кафка на экране завел разговор с Саддамом Хусейном.

– Это что за идиот? – поинтересовался Бургомистр, прихлебывая вино из бокала.

– Саддам Хусейн, – объяснил ему секретарь, стоявший справа от стола.

– Кто он такой?

– Ратман, господин Бургомистр.

– Наш ратман?

– Так точно, господин Бургомистр.

Бургомистр недовольно сдвинул брови.

– Разве у нас среди ратманов есть идиоты?

– Никак нет, господин Бургомистр.

– А как же этот? Саддам?

– Он только прикидывается, – как всегда, первым нашел нужный ответ Чипизудов.

– Прикидывается? – не понял Бургомистр.

– Именно так, – поддакнул пресс-секретарь.

– Зачем?

– Чтобы заманить мышку в мышеловку, – ответил руководитель кабинета.

Бургомистр хмыкнул.

– Ну ладно, пускай прикидывается.

И взял бутерброд с черной икрой.

– Этот тоже прикидывается? – бутербродом указал он на певца.

– Нет, – руководитель аккуратно, в салфетку смахнул упавшие ему на брюки икринки. –

Этот на самом деле таков, каким кажется.

– Ты же говорил, что у нас нет ратманов-идиотов... Пстой, – Бургомистр посмотрел по сторонам. – Или это ты говоришь? – указал он на секретаря.

– Я, господин Бургомистр, – повинно склонил голову секретарь.

– Это не ратман, – заметил референт.

– А кто же тогда?

– Популярный певец Микола Баксов.

– А, ну тогда ладно. – Бургомистр успокоился, откусил бутерброд и хлебнул вина. – Он у нас как, при регалиях?

– Народный, заслуженный, лауреат, – отчитался референт. – Орден второй степени «За заслуги перед Централью».

– Это хорошо, – одобрительно кивнул Бургомистр. – Мы должны ценить деятелей нашей, понимаешь, культуры. И нести эту самую культуру в массы. – Бургомистр подался вперед и нашел взглядом сидевшую в сторонке на стуле жену. – Маш, а Маш! Ты же музыку любишь! Как тебе Баксов?

– Ну что ты несешь, Артур? – недовольно наморщила нос жена Бургомистра. – Кто этого Баксова вообще слушает?

– Но он же поет, – удивился такому повороту дела Бургомистр.

– Ты тоже поешь, когда душ принимаешь.

– Так я ж для души, – тут Бургомистра осенило. – Наверное, потому душ так и

называется, что под ним для души, понимаешь, поют!

– Вот и этого Баксова нужно бы под душ сунуть, – заметила жена Бургомистра. – Лучше – под холодный.

– Маш, – с укоризной посмотрел на нее Бургомистр. – Как-то ты недобро это сказала. Или мне показалось?

– Показалось, дорогой, – улыбнулась жена.

Бургомистр посмотрел на точеный профиль жены и подумал, что, наверное, она его обманывает. И ему стало обидно. В первую очередь за Миколу Баксова. Которому он, как оказывается, давал медали и премии. А жене до этого, оказывается, и дела нет. Не нравится ей, как Микола поет, вот и все тут. И никакие премии не помогут. Во вторую очередь Бургомистру стало обидно за себя самого. Потому что вот он ну никак не мог понять, чем плох Микола? И собой хорош, и голосист. То, что дурак дураком, так что ж с того? Ему же песни петь нужно, а не государством управлять. Для этого особых мозгов не требуется. Он ведь даже не сам их сочиняет.

Тут на экране появился Гиньоль. Крупным планом, во всей красе. Бургомистр взял слойку с клубничным джемом, стряхнул с нее сахарную пудру на колени руководителю своего кабинета, допил остававшееся в бокале вино и протянул порожний сосуд секретарю. Который тут же снова его наполнил. Бургомистр с благодарностью кивнул и приготовился внимать тому, что будет говорить человек, с которым ему завтра предстояло встретиться.

– Как, ты говоришь, его зовут? – шепотом, как в кинотеатре, чтобы не мешать остальным, спросил Бургомистр у Чипизудова.

– Гиньоль, – так же шепотом напомнил руководитель кабинета.

– А имя?

– Гиньоль.

– А?..

– Гиньоль Гиньоль.

Бургомистр озадаченно сдвинул брови.

– Странное имя, правда, Маш? – обратился он к жене.

– Я бы сказала – необычное, – ответила та.

Бургомистр откусил половину слойки и принялся сосредоточенно жевать. Определенно временами он не понимал свою жену. Или это она его не понимала? Бургомистр посмотрел на своих помощников. А вообще-то понимал его здесь хоть кто-нибудь?

Бургомистр пальцем подозвал к себе референта. И, когда тот наклонился, шепотом спросил:

– В каких единицах измеряется степень непонимания?

– Сейчас выясню, – тихо ответил тот и неслышно вышел из комнаты.

Глядя на что-то говорящего с экрана человека со странным именем Гиньоль Гиньоль, Бургомистр задумался. Если есть единица для измерения степени непонимания, следовательно, это есть объективная сущность. Так. А если так, тогда непонимание имеет свойство накапливаться и становиться все плотнее. Так. Может ли непонимание превращаться во что-то другое?.. Бургомистр доел слойку и взял бутерброд с ветчиной. Однако ломтик ветчины показался ему слишком тонким, и он положил на него еще два,

снятых с других бутербродов. Приметив быстро промелькнувший, но явно неодобрительный взгляд руководителя своего собственного кабинета, Бургомистр решил, что не стоит способствовать росту концентрации непонимания, и накрыл ветчину сверху бутербродом с севрюгой... Так... Скорее всего, непонимание ни во что другое превращаться не может. Будь иначе, непонимания в мире со временем становилось бы все меньше и в конце концов оно вовсе исчезло бы. Однако на самом деле все наоборот. Непонимание постоянно возрастает. Как энтропия... Придя к такому выводу, Бургомистр едва бутербродом не подавился. И ему пришлось срочно запить его вином... У него и прежде были подозрения насчет того, что он гений. Но теперь он убедился в этом окончательно и бесповоротно. А те, кто постоянно твердят об энтропийной смерти Вселенной, ни края не понимают! Вселенная действительно погибнет от того, что погрузится в хаос! Но энтропия здесь ни при чем! Это будет Хаос Непонимания!

Все!

С недоеденным супербутербродом в одной руке и недопитым бокалом вина в другой Бургомистр откинулся на спинку дивана. Остекленевший взгляд его был устремлен в пустоту. И счастье, что взгляд этот никто не видел. Иначе бы могли решить, что Бургомистра хватил удар. На самом же деле он пытался переварить все те мысли, что бродили и пенились у него в голове. Понимать, что ты гений, равного которому не было и нет, это не так-то просто, между прочим.

Вернувшись в комнату, референт на цыпочках подошел к дивану и, склонившись к Бургомистру, едва слышно прошептал ему на ухо:

– В гуглях, господин Бургомистр.

– А? – растерянно посмотрел на референта Бургомистр.

Левый глаз референта нервно задергался.

– Смею доложить, господин Бургомистр, я выяснил, степень непонимания измеряется в гуглях.

– Точно?

– Абсолютно.

– И чему же равняется один гугль?

– Одному вопросу, подразумевающему простой ответ «да» или «нет», на который нет ответа.

– И сколько сейчас?

– Простите?

Глаз референта задергался интенсивнее.

– Сколько сейчас гуглей?

– Где?

– Вообще! – Бургомистр сделал широкий круговой жест остатком бутерброда, насыпав крошек за шиворот руководителю кабинета. – В мире! Во Вселенной!

– Я... – У референта синхронно с глазом начала дергаться щека. – Я сейчас выясню.

– Будь так добр, голубчик.

Референт вновь неслышно, как тень, выплыл из комнаты.

А Бургомистр тяжело вздохнул и засунул в рот остаток бутерброда. Он собрался было

вновь предаться приятно щекочущим разум мыслям о тяжком бремени собственной гениальности. Но в этот момент по гостинной будто легкий ветерок пролетел. Все как-то сразу вдруг задвигались, заерзали на своих местах, начали переглядываться. Секретари дружно зашуршали бумагами. Пресс-секретарь непонятно с чего вдруг улыбнулся. А руководитель кабинета взял с подноса кексик с вишней.

– Ну, что вы скажете, господин Бургомистр? – спросил у человека, только что в полной мере осознавшего собственную гениальность, простой руководитель кабинета Чипизудов.

– О чем? – растерянно глянул по сторонам гений.

– О Гиньоле.

– О Гиньоле?

Бургомистр посмотрел на экран телевизора. «Процесс» закончился. На экране шла заставка передачи «Новости без новостей».

– Маша! – Бургомистр повернул голову в сторону жены. – Как тебе Гиньоль?

– Он чрезвычайно обаятелен, – улыбнулась жена Бургомистра.

– Я согласен, – кивнул Чипизудову Бургомистр. – Гиньоль в самом деле обаятелен.

– И это все?

Бургомистр недовольно поморщился. Он не мог понять, почему руководитель кабинета никак от него не отстанет? А это, между прочим, увеличивало концентрацию непонимания. Что, в свою очередь, приближало неизбежную в своей безысходности смерть Вселенной.

Дабы сгладить момент непонимания, Бургомистр сделал глоток из бокала. Вино показалось ему кислым, и он недовольно поморщился.

– Ну... Говорит он убедительно.

– Очень убедительно, – поддакнул один из секретарей.

Он хотел сказать еще что-то, но Чипизудов взглянул на него так, что секретарь со страху чуть язык не проглотил.

– Завтра у вас встреча с Гиньолем, – напомнил руководитель кабинета.

– Точно, – Бургомистр подался вперед и принялся изучать содержимое трехъярусных подносов.

– Вы будете обсуждать проблему угрозы инопланетного вторжения.

– А она существует? Угроза инопланетного вторжения?

– Мы еще не пришли в единому мнению по этому вопросу. – Чипизудов с трудом скрывал распиравшее его раздражение.

– Ну так и нечего прежде времени горячку пороть. Машуня! – Бургомистр недовольно посмотрел на жену. – А где марципановые пирожные?

– Должны быть на столе, – спокойно ответила жена.

– Так нет же!

– И что ты хочешь? Чтобы я прямо сейчас побежала за ними в кондитерскую?

– Нет. Но кто-то же должен за этим следить!

– Вызвать службу? – предложил секретарь справа.

– Нет! – резко осадил его руководитель кабинета. – Никакой службы! Мы обсуждаем вопрос государственной важности!

– Не преувеличивай, Климент Ефремович, – снисходительно улыбнулся Бургомистр. –

Ну подумаешь, парочка пирожных пропала. Ты еще Лаврентия к этому делу привлеки. Я, конечно, ценю твое усердие, Клим. И желание услужить, быть, так сказать, всегда полезным и везде при деле...

– Лаврентий?.. – Чипизудов произнес это имя так, будто подавился им. – При чем тут... Лаврентий?..

– Ты знаешь, Клим, я все время задаю себе тот же самый вопрос. – Бургомистр показал руководителю кабинета средний палец. Затем, подумав, сменил его на указательный. – При чем тут Лаврентий?.. Однако ж получается, что без Лаврентия – никак.

Руководитель посмотрел на испачканные штаны и со злорадством подумал о назначенной на завтра встрече с Гиньолем. Как опытный аппаратчик, Чипизудов смог бы найти, по крайней мере, двадцать два способа, как не допустить эту встречу, перенести ее на неопределенный срок, организовать встречу не с Бургомистром, а с кем-то из его заместителей, которые говорят много, но за слова свои не отвечают, или же просто заблаговременно нейтрализовать Гиньоля. Нейтрализовать, ясное дело, не в физическом плане – методы так некстати помянутого Бургомистром Лаврентия претили Чипизудову, – можно было подумать, как заранее лишить Гиньоля всех заготовленных им козырей. Впереди была целая ночь – времени более чем достаточно. Да и играть они будут на территории Чипизудова, а значит, раздаваемая колода будет его. А какой же уважающий себя мастер Игры не метит заранее карты? Мастерство мастерством, но нельзя давать даже малейшего шанса случаю.

Руководитель кабинета был способен на многое. В его руках находилось множество ниточек, потянув за которые можно было добиться самых удивительных результатов. Но он вдруг решил, что ничего не станет делать. Если Бургомистр настолько глуп, что готов выставить себя на посмешище, что ж, пусть так и будет. В конце концов, сколько можно убирать мусор за нерадивым и не слишком далеким шефом? А взамен получать только заварной крем на штаны?

Снова и снова.

Как показывал рейтинг вечерних телепередач, Бургомистр, его жена и сотрудники кабинета были далеко не единственными, кто в этот день смотрел прямой эфир из студии телеканала «Централь-2». Смотрели его и сотни тысяч других центральцев, как простых, так и не очень. Далеко не все поняли, о чем именно говорил Гиньоль и что имел он в виду в том или ином случае. Однако выступление его понравилось всем без исключения. Гиньоль оказался именно тем, почти народным героем, которого давно уже ждали. Который непременно должен был появиться. Возникнуть из ниоткуда. Не сегодня, так завтра. И какой лозунг он поднимет на своем знамени, честно говоря, не имело никакого значения. Ровным счетом. Вместо борьбы с угрозой инопланетного вторжения Гиньоль мог призвать всех на борьбу за чистоту общественных туалетов. Результат оказался бы тот же самый.

Смотрел «Процесс» и самый известный в Центrale орк Алистер Кроули. И, как только он увидел Гиньоля на экране телевизора, ему сразу припомнились слова велорикши из Центральной Академии: «Да был тут один в шляпе и красном пиджаке». Ну а когда Гиньоль заговорил о таинственных исчезновениях роялей, смутные подозрения Кроули переросли в уверенность, что это именно тот человек, который ему нужен.

Смотрела передачу Кафки и компания орков-шенгенов, присматривающих за порядком в Желтом Доме. Смотрели в полном составе. И, как уж водится, активно комментировали каждое понравившееся или, наоборот, не понравившееся высказывание гостей студии. Вот только Алик и Гена, мрачные и злые, сидели в самом дальнем углу и насупленно молчали. Судя по расквашенному носу Алика и наливающимся синевой фингалу под глазом у Гены, их поход на склад гипсов закончился не самым лучшим образом. Так оно и было. И орки дали друг другу слово никогда, ни при каких обстоятельствах, даже под страхом неминуемой и мучительной смерти, никому не говорить о том, что там с ними приключилось. И скорее всего они сдержат данное обещание.

А произошло с ними следующее...

Впрочем, раз уж они сами не хотят об этом рассказывать, то лучше и мы умолчим. Умные и сами обо всем догадаются. А дураки... Ну, до них-то нам и вовсе нет дела.

Глава 26

На следующий день после триумфального выступления Гиньоля в программе «Процесс» произошло несколько событий, как значительных, так и не очень. Однако каждое из них определило ход дальнейшей истории. Не мировой, конечно, а той, что началась с пропажи именного рояля из зала для торжественных приемов Городского Совета.

Вспомнили?

Ну да, именно об этом и речь.

Рано утром, в половине седьмого, когда Гиньоль еще почивал в своей кровати и видел сон о том, как...

Впрочем, сны – это строго личное дело каждого. И что видел во сне Гиньоль, никого из нас абсолютно не касается. И к истории, рассказанной в этой книге, также никакого отношения не имеет. Поэтому мы легко и без сожаления оставим сон Гиньоля за бортом повествования.

Итак, в половине седьмого или около того сладко спавшего Гиньоля разбудила Туанона. Вид у домработницы был не менее заспанный. Она лишь успела накинуть халат и спрятать растрепанные волосы под чепец.

Гиньоль посмотрел на домработницу мутным спросонья взглядом, потряс головой, решил, что все это ему снится, улыбнулся и закрыл глаза.

Но Туанона была настроена решительно.

– Господин Гиньоль! – Она как следует трянула хозяина за плечо. – Господин Гиньоль! Вас просят к телефону!

– Не сейчас, – Гиньоль попытался перевернуться на бок.

Но Туанона не позволила ему это сделать.

– Так нельзя, господин Гиньоль!

– Можно, – Гиньоль попытался перевернуться на другой бок.

Туанона вновь схватила его за плечо и не позволила зарыться с головой под одеяло.

– Послушайте, Туанона! – вне себя от возмущения, Гиньоль вскинул голову. – Вам не кажется, что вы переходите границы дозволенного! Люди черт знает что начнут говорить,

если узнают, что вы заходите ко мне в комнату в такую рань, когда я еще не одетый лежу в постели! Вы что, не в курсе? Мы теперь в центре общественного внимания! И за каждым окном, – Гиньоль махнул рукой в сторону плотно задернутых штор, – может прятаться фотограф! А то и не один! Вы хотите попасть на первую полосу «Желтого Додекаэдра»?

– Это третий этаж, – напомнила Туанона.

– Какая разница! Если потребуется, эти папарацци заберутся даже...

Гиньоль замахал рукой, подыскивая подходящее сравнение.

– В дымоход, – подсказала Туанона.

– Верно, – согласился Гиньоль. – И в дымоход тоже!

– Тогда что они подумают о молодой девушке, ночующей в вашем доме?

– О какой еще девушке?

– О той, что вчера пришла вместе с господином Фанфановым.

– Она все еще здесь?

– Конечно.

Гиньоль раздраженно хлопнул ладонью по одеялу.

– Почему вчера вечером никто мне об этом не сказал?

– Потому что вы не спрашивали. Вчера вечером вы могли говорить только о своем блестящем выступлении на телевидении.

Гиньоль озадаченно сдвинул брови. Признаться, он не считал, что тщеславие входит в число его пороков.

– Seriously?

Туанона поджала губы и молча кивнула.

Гиньоль улыбнулся.

– Ну, в общем, выступление и в самом деле было неплохим. А то, как я ответил на вопрос о возможном продлении срока...

– Господи-ин Гиньо-оль!

Чуть наклонившись, Туанона помахала перед лицом Гиньоля ладонью с растопыренными пальцами. Как психиатр, проверяющий реакцию пациента.

– Да?

– Вам звонят.

Гиньоль обреченно вздохнул.

Собственно, теперь он все равно уже проснулся. Спасибо Туаноне! Так что можно было и на звонок ответить. Кто бы там ни был на другом конце провода.

– Завари мне чай, Туанона, – попросил Гиньоль. – Покрепче.

С гордым и независимым видом домработница вскинула подбородок.

– Мой рабочий день начинается в семь тридцать, – сказала она.

И, повернувшись к Гиньолю спиной, вышла из комнаты.

Гиньоль еще раз тяжело вздохнул, встал с кровати, прохлопал голыми пятками к трюмо, на котором стоял телефонный аппарат, и снял трубку.

Телефон в комнате Гиньоля был запараллелен со всеми остальными аппаратами в доме. Поэтому, как правило, Гиньоль выключал его звонок. Чтобы не беспокоили по пустякам. И не будили в несусветную рань.

– Слушаю, Гиньоль.

– Доброе утро. Я вас не разбудил?

Голос показался Гиньолю знакомым. Однако он не узнал говорившего. Поэтому в ответ на странный вопрос произнес лишь:

– Э-э-э.

– Это Чипизудов...

– О, я давно уже встал, Климент Ефремович!

– Рад это слышать.

– Почему?

– Не люблю людей, которые подолгу спят.

Должно быть, у руководителя кабинета Бургомистра имелись на то причины. Однако ж Гиньоль решил их не выяснять. Он лишь сказал:

– Я не из таких.

Да, в самом деле, кому какая разница! Людей без причуд не бывает. И хорошо, если эти причуды только причудами и остаются. На уровне легких чудачеств, не доставляющих никому вокруг никаких неудобств.

– Вы не забыли, что у вас сегодня встреча с Бургомистром?

– Во сколько?

– В двенадцать тридцать. То есть в половине первого.

– Отлично. Это мое любимое время.

Вот так! Пускай теперь Чипизудов поломаёт голову над тем, почему Гиньоль так любит половину первого. И заодно задумается над тем, верное ли он выбрал время для встречи?

– Надеюсь, вы помните о своем обещании?

– Быть корректным и сдержанным?

– Вы обещали привести Кимера Фанфанова.

– Никаких проблем, будет вам Фанфанов.

– И было бы неплохо, если бы вы привели на встречу парочку специалистов.

– В какой области?

– Ну, это уж вам виднее, господин Гиньоль.

Гиньоль намотал телефонный шнур на палец. Он представил себе Вин-Винтовского и Хруля на встрече с Бургомистром. Полный сюрреализм и абсурд, вместе взятые. В духе лучших работ Шишкина.

– Договорились, Климент Ефремович. У меня куча отличных специалистов.

– Я попросил бы вас приехать минут за двадцать до начала встречи. Чтобы у нас было время уладить некоторые формальности.

О каких именно формальностях идет речь, Гиньоль понятия не имел. Но сейчас у него не было ни малейшего желания это выяснять. Без утренней чашки чая он чувствовал себя не человеком, а набитой ватой куклой. Поэтому он пообещал, что все сделает как надо, и распрощался с Чипизудовым.

Что ж, если забыть о том, что разбудили его ни свет ни заря, можно сказать, что день начинался неплохо. Совсем неплохо.

Гиньоль умылся и принял душ. Под душем он даже принялся напевать что-то из

Шуберта – его шлягеры-однодневки, что постоянно крутили по радио, взяли к зубам, как вишневая смола, – но быстро понял, что совершенно не помнит слов. Получалась какая-то галиматья вроде: «Мы с тобой... Ла-ла-ла... Никогда... Ла-ла-ла... Не беда... Ла-ла-ла... Навсегда... Ла-ла-ла...» И кто только слушал такую ерунду?

Надев домашние брюки и рубашку без воротника, Гиньоль спустился в гостиную. Несмотря на ворчание Туаноны, там его уже ждал чайник свежесваренного чая, заботливо укрытый колпаком – чтобы не остыл, и блюдо с еще горячими тостами.

Улыбаясь в предвкушении удовольствия, Гиньоль налил чашку чая и намазал один тост сливовым джемом, а другой – плавленым сыром «Новая Волна». Но прежде чем он успел приступить к делу, к которому столъ тщательно готовился, едва слышно пискнул сигнал, извещавший, что Франтишек тоже уже не спит. Более того, желает видеть Гиньоля по весьма важному и неотложному делу. Гиньоль поставил чашку с чаем и блюдец с тостами на круглый серебряный поднос и, прихватив первый завтрак с собой, поднялся в комнату друга.

Франтишек, как обычно, читал, кормил попугайчиков и ел. Читал он второй том фундаментального труда Шпенглера «Закат Централя». Попугайчиков кормил крошками пастилы, печенья и круассанов. А ел все подряд, запивая «Божоле» прямо из бутылки. Для Франтишека Йи не существовало таких понятий, как завтрак, ланч, обед, ужин. Он ел все время. Почти без остановки.

Увидев вошедшего с подносом Гиньоля, Франтишек отложил Шпенглера и взял коробку с фигурным шоколадом.

– Я почувствовал, что ты проснулся. – Франтишек откусил голову шоколадному зайцу. – Кто звонил?

– Руководитель кабинета Бургомистра Климент Чипизудов. Сообщил, что встреча назначена на половину первого.

Гиньоль сел на стул, пристроил поднос на уголке стола и наконец-то сделал глоток чая.

– У нас в доме происходит нечто странное, – понизив голос, словно опасаясь, что их могут подслушивать, сообщил Франтишек.

– Согласен. – Гиньоль взял тост с плавленым сыром. – Третий день все кверху ногами. Даже Туаноны сама не своя. А Мадлона почти не плачет.

– Я не о том. – Франтишек сунул в рот то, что осталось от зайца, и сделал два больших глотка из бутылки «Божоле». – У нас в доме появилось Нечто!

– Нечто? – Гиньоль в задумчивости откусил кусочек тоста. – В каком смысле Нечто?

– Нечто такое, чего я не понимаю. Не чувствую. И не могу объяснить.

Гиньоль озадаченно провел пальцами по подбородку и вспомнил, что забыл побриться. Перед визитом к Бургомистру сделать это было необходимо.

– А ты уверен, что это не игра воображения? Все мы последнее время несколько перевозбуждены...

– Я знаю, что оно здесь, в этом доме! – Франтишек стукнул доньшком бутылки по столу. Попугайчики испуганно вспорхнули, но тут же, успокоившись, снова уселись хозяину на живот. – Но я не могу понять, что это?

Гиньоль доел тост и вытер пальцы салфеткой.

Странные слова Франтишека заставили призадуматься. Но сколько он ни думал, не мог

понять, о чем говорит Франц?

Гиньоль задумчиво посмотрел на друга. Франтишек нервно жевал шоколад и запивал его «Божоле». Понятное дело, сенситива выводила из равновесия сама мысль о том, что его удивительная сверхчувствительность вдруг начала давать сбои. Это все равно как если бы обычный человек вдруг понял, что теряет зрение.

– Давай попробуем спокойно во всем разобраться.

– В чем? – Франтишек едва не подавился хвостом шоколадного крокодила.

– Что ты имеешь в виду, когда говоришь Нечто?

– Я говорю Нечто, потому что не знаю, что это такое.

– Это какое-то существо?

Франтишек прекратил жевать и задумчиво закатил глаза. Он прислушивался к собственным ощущениям. Пытался их понять.

– Это точно не человек! – заявил он уверенно. – Я не чувствую его эмоций. Понимаешь?

– Конечно, – заверил друга Гиньоль. Хотя, признаться, все еще пребывал в крайней растерянности. – Можно сказать, что это человек, лишенный эмоций. Верно?

– Я не говорю, что у него нет эмоций! – затряс головой Франтишек. – Если бы их у него не было, я бы вообще не ощущал его присутствия. Я не понимаю их. Не могу интерпретировать. Это Нечто для меня все равно что книга на незнакомом языке.

– И давно оно у нас в доме?

– Со вчерашнего дня.

– Почему же ты молчал?

Франтишек горько усмехнулся и хлопнул себя ладонью по лбу.

– Мне было стыдно в этом признаться!

– В чем?

– В том, что я не понимаю, что происходит. – Франтишек быстро затолкал в рот шоколадного верблюда. – Чтоб мне за край свалиться, Гиньоль! Я сначала подумал, что это со мной что-то не так!.. Ну представь, что бы ты подумал, если бы увидел разгуливающее по дому привидение?

Гиньоль очень живо представил себе ситуацию. Он выходит в холл и видит, как по лестнице спускается призрачная фигура в белом саване. Наверное, он был бы удивлен. Может быть, даже испуган. В первый момент. Но уж точно он бы никогда не подумал о том, что у него не в порядке с головой. Ему доводилось видеть и не такое.

Неожиданно в голову Гиньолю пришла странная и очень необычная мысль. Настолько необычная, что он счел возможным поделиться ею с Франтишеком.

– А может быть, это инопланетянин?

– Кто? – не понял Франтишек.

– Ну, тот, кого ты называешь Нечто?

– Ты веришь в инопланетян?

– Я ни во что не верю. Но ты говоришь странные вещи, а у меня в ответ появляются странные мысли.

– Гиньоль, ты становишься заложником собственных теорий!

– А ты становишься параноиком! У нас в доме нет чужих, кроме Фанфанова... –

Гиньоль запнулся, озадаченно хмыкнул и поставил чашку с чаем на поднос. – И девушки, которую он вчера привел.

– Что за девушка?

– Высокая, симпатичная. Одета хорошо. Стильно. Зовут Клара... Я не видел ее вчера вечером и подумал, что она ушла. А сегодня утром Туанона сказала, что она у нас заночевала.

Франтишек приподнял голову и, как охотничий пес, повел носом из стороны в сторону.

– Я не чувствую никакой девушки, – произнес он полусшепотом.

– А Нечто?

– Нечто сейчас прогуливается по прихожей.

Гиньоль положил на блюдце недоеденный тост, поднялся на ноги, поплотнее запахнул халат и подтянул пояс.

– Пойду погляжу, что это за Нечто, – сказал он и вышел за дверь.

Аккуратно, чтобы не хлопнула, прикрыв за собой дверь, Гиньоль на цыпочках вышел на лестницу и, пригнувшись, стал осторожно спускаться. Отсчитав семь ступеней, он увидел Клару. Девушка выглядела так, будто и не ложилась в кровать. Одета она была так же, как и вчера. Стильно и аккуратно. Только шляпы на голове не было. Заложив руки за спину, Клара неспешно прогуливалась по прихожей, рассматривая развешанные по стенам картины, коллекционное оружие и охотничьи трофеи. Как будто это был музейный зал.

Бесшумно развернувшись на носках, Гиньоль так же тихо и осторожно поднялся по лестнице и вернулся в комнату Франтишека.

– В прихожей Клара, – шепотом сообщил он другу.

Франтишек азартно забарабанил пальцами по животу. Как доминошник с «длинным концом» на руках.

– Пригласи ее! Я хочу с ней поговорить!

– Я не думаю, что Клара это Нечто, – с сомнением поджал губы Гиньоль.

– А я в этом уверен! – колыхнулся всем телом Франтишек.

– Тише, тише! – подняв руку, успокоил его Гиньоль.

– Мне нужно с ней поговорить!

– О чем?

– Не знаю... Я найду тему для разговора! Я должен выяснить, что она собой представляет!

– Насколько я понял, у девушки какие-то личные проблемы...

– Я помогу ей решить все проблемы!.. Если только она действительно девушка...

– Уверю тебя...

– Не надо меня уверять! Дай мне с ней поговорить!

Франтишек схватил в каждую руку по шоколадной корове и каждой откусил голову. Он был возбужден сверх всякой меры. Таким его даже Гиньоль никогда не видел.

Ну а почему бы и нет, подумал Гиньоль. Пускай поговорят. Хуже от этого никому не будет. По крайней мере, Франтишек успокоится.

– Хорошо, – сказал он. – Никаких проблем, – сказал он. – Хочешь поговорить – пожалуйста, – сказал он.

И снова вышел за дверь.

Франтишек облегченно вздохнул, быстро дожевал шоколадных коров, допил оставшееся в бутылке «Божоле», вытер руки салфеткой и, развернув кресло, принялся наводить порядок на столе.

А попугайчикам пришлось смириться с тем, что их заперли в клетке.

Гиньоль, на этот раз не таясь, спустился в прихожую.

Клара, как и прежде, с интересом рассматривала развешанные по стенам предметы.

Чтобы привлечь внимание девушки, Гиньоль кашлянул в кулак.

Клара быстро оглянулась. На какой-то миг Гиньолю показалось, что в ее глазах мелькнул испуг. Но он не успел даже зафиксировать этот момент в сознании, а девушка уже улыбалась.

– Доброе утро, – поприветствовал гостью Гиньоль. – Вы рано встали.

– Я мало сплю, – ответила Клара.

– Вы уже позавтракали?

– Нет, я не хочу.

Гиньоль приблизился к девушке. Он пытался взглянуть на нее глазами Франтишека, но, как ни старался, не мог разглядеть в ней Нечто. Клара выглядела как самая обычная девушка. Только нереально красивая. И сложенная, как идеальная модель.

– Вас что-то заинтересовало? – спросил Гиньоль.

– Мне интересно абсолютно все!

Клара взмахнула рукой и повернулась на носке. Глаза ее восторженно сияли. Как будто прихожая в доме Гиньоля была целым миром, а она – его первооткрывателем.

– Что это? – Клара указала на огромную, заросшую щетиной голову с угрожающе торчащими острыми изогнутыми клыками.

– Это голова чернобильского кабана, – объяснил Гиньоль.

– А зачем вы повесили ее на стену?

– Многие считают, что это красиво.

– Я так не считаю.

Гиньоль улыбнулся. Ему импонировала Кларина непосредственность и искренность.

– Ну, тогда я скажу, что так принято поступать с охотничьими трофеями.

– Вы сами убили это чудовище! – Глаза Клары восторженно округлились.

Поборов возникшее вдруг искушение приписать себе чужие подвиги, Гиньоль ответил:

– Нет. Это подарок друга.

Клара пальчиком проверила, насколько острые у кабана клыки.

– А как его зовут?

– Кого? Кабана?

– Да нет же, – прыснула в ладошку Клара. – Вашего друга.

– А... Бонд. Джеймс Бонд. Известный путешественник, написал множество увлекательнейших книг о своих приключениях. Может быть, слышали?

– Не-а, – ничуть не смутившись, мотнула головой Клара. – А это? – указала она на картину, висевшую рядом с кабаньей головой.

– Картина, написанная Сальвадором Дали.

– Он тоже ваш друг?

– Увы, нет, – улыбнувшись, развел руками Гиньоль. – Картину подарил мне не сам автор.

Наклонившись, Клара прочитала название картины:

– «Странный сон, навеянный мерзким звуком мотопилы и руганью соседей за стеной, за три секунды до пробуждения». – Девушка сделала шаг назад, склонив голову к плечу, окинула картину оценивающим взглядом и вынесла свой вердикт: – Славные часики.

– Знаете, что часы нарисовал не сам Дали? – лукаво прищурился Гиньоль.

– Как это? – удивилась Клара.

– Говорят, что Дали нарисовал картину, но почему-то она казалась ему незаконченной. Он и сам не мог понять почему. Картина стояла у Дали в студии, когда к нему в гости зашел его друг, тоже известный художник, Пабло Пикассо. Они собирались на какую-то вечеринку или открытие чьей-то выставки – не суть важно. Главное, что пока Дали брился, чистил зубы и одевался, Пикассо взял кисти и краски и дорисовал на его картине часы, идущие в обратную сторону. Когда Дали увидел свою картину с часами Пикассо, он щелкнул пальцами и воскликнул: – «Эврика! Он понял, чего недоставало его картине!»

– Здорово! – восторженно выдохнула Клара. – А как можно определить, что нарисованные часы идут в обратную сторону?

– Не знаю. Но Пикассо утверждает, что это именно так – часы идут в обратную сторону. И мне совершенно не хочется с ним спорить.

Клара перевела взгляд на тяжелый двулезвийный боевой топор, подаренный Гиньолю самим Монтесумой.

История о том, за что Монтесума подарил Гиньолю этот топор, была такой длинной и запутанной, что даже сам Гиньоль всякий раз рассказывал ее по-разному. Сейчас он совершенно не хотел снова начинать вспоминать те давние события. Поэтому, прежде чем Клара успела что-либо спросить о топоре, Гиньоль сам задал вопрос:

– Какие у вас на сегодня планы?

– Планы?

Клара посмотрела на Гиньоля так, будто он предложил ей то, что истинный джентльмен никогда не предложит девушке.

– Ну да, – под взглядом Клары Гиньоль почувствовал себя неловко. – Планы... В смысле, чем вы собираетесь сегодня заняться?

– Ах, вы об этом! – улыбнулась Клара. – Я не знаю. У меня нет никаких планов.

– Если вы не против, я хотел бы познакомить вас с моим очень хорошим другом, – предложил Гиньоль.

– Я не против, – с готовностью согласилась Клара. – Когда?

– Прямо сейчас.

– Отлично!

Гиньоль взял Клару под руку. Они поднялись по лестнице. Гиньоль постучал согнутым пальцем в дверь.

– Входите! – раздалось из-за двери.

Гиньоль открыл дверь и пропустил девушку вперед.

Едва переступив порог, Клара замерла.

– Ух ты! – восторженно прошептала она, глядя на невообразимо огромное тело Франтишека. – Какой же вы необъятный!

– Спасибо, – польщенно улыбнулся Франтишек и смущенно потупил взгляд. Насколько это было возможно в его положении.

Гиньоль понял, что он здесь лишний. И, быстро представив Франтишека и Клару друг другу, поспешил удалиться. Если эти двое сразу же нашли тему для разговора, то без него они лучше во всем разберутся. Быть может, Франц прав, утверждая, что Клара – это Нечто? Гиньоль был уже почти готов с этим согласиться.

В гостиной, куда Гиньоль зашел, чтобы налить себе еще чашку чая, он застал Фанфанова. Одетого, выбритого, причесанного, с дурацкой счастливой улыбкой на лице.

– Что-то никому сегодня не спится, – буркнул Гиньоль.

– Уже восемь утра, – ответил Кимер все с той же улыбкой.

– И что с того?

Гиньоль положил на блюдце тост и принялся намазывать на него плавленый сыр.

– Туанона грозилась подать завтрак через десять минут.

– Раз грозилась, значит, сделает. – Гиньоль хрустнул тостом. – В половине первого нас ждут у Бургомистра.

– А можно Клару с собой взять?

– Клару? – Гиньоль удивленно посмотрел на фантаста. И даже жевать перестал. – Зачем?

– Ну, мне хочется произвести на нее впечатление, – смущенно признался Кимер. – Она ведь такая девушка!..

– Какая?

– Необыкновенная. Даже не знаю, как я осмелился к ней подойти.

– Послушай, Кимер, – прищурился Гиньоль. – А ты, часом, не замечал за ней ничего необычного?

– В каком смысле? – растерялся фантаст.

– Ну... не знаю даже. Может быть, какие-то привычки странные... Или словечки необычные...

– Да нет, ничего странного. Ну, если не считать того, что она ест гисы.

– Что ест?

– Гисы. Гранулированные источники силы.

– То есть? – Гиньоль посмотрел на надкушенный тост, что держал в руке. – Ест по-настоящему?

– Ну да. Она их носит в коробочке. Я сначала подумал, что это пилюли какие-то или витамины. Ну и поинтересовался, между прочим, как у нее со здоровьем? Она ответила, что со здоровьем у нее все в порядке, и показала, что в коробочке у нее гисы.

– А зачем она их ест?

– Для бодрости.

– Никогда не слышал, чтобы кто-то ел гисы для бодрости.

– Я тоже.

– А ты не находишь это странным?

– Что именно?

– То, что Клара ест гисы.

Кимер на секунду задумался.

– Нет.

– Ну что ж...

Гиньоль откусил тост и сделал глоток чая.

– Так можно взять Клару к Бургомистру?

– Да, – уверенно кивнул Гиньоль. – Введи ее в курс дела. Она будет изображать специалиста по контактам с инопланетянами.

Гиньоль удивился, как ему самому не пришла в голову эта замечательная мысль. В роли научного эксперта Клара будет смотреться куда выигрышнее, нежели Вин-Винтовский и Хруль, вместе взятые.

Дверь открылась, и в гостиную вошла радостно улыбающаяся Клара. Придержав дверь, она помогла Туаноне вкатить сервировочный столик.

– У вас замечательный друг! – сказала Клара Гиньолю.

– Да, я знаю, – кивнул тот немного рассеянно.

– Он мне очень помог.

– С чем?

– С моими проблемами.

– Seriously?

– Да. Теперь их нет. Собственно, их не было с самого начала. Я сама их придумала.

– Это вам Франц объяснил?

– Да.

– Поздравляю.

Гиньолю стало невыносимо интересно, о чем же беседовали Франтишек и Клара? Но спрашивать об этом девушку было нетактично.

– Будете завтракать, господин Гиньоль? – спросила Туанона.

– Да, Туанона, накрывайте и на меня, – кивнул Гиньоль. – Я через минуту вернусь.

Сорвавшись с места, Гиньоль стремительно выбежал из гостиной, взлетел по лестнице и, подобно налоговому инспектору, ворвался в комнату Франтишека.

– Ну?..

Франтишек удивленно посмотрел на Гиньоля. Особенно его удивил недоеденный тост с сыром в руке друга.

– Клара замечательная девушка.

– Так, выходит, она все же девушка?

Франтишек сунул в рот мармеладную пастилку.

– Можно и так сказать.

Гиньоль удивленно вскинул брови.

– А как же твои заявления на счет Нечто?

– Я был прав. – Франтишек сунул в рот еще одну пастилку. – Кларакадавр.

– Что значит «кларакадавр»? – не понял Гиньоль.

Франтишек знаком попросил немного подождать, откупорил новую бутылку «Божоле» и запил мармелад.

– Я сказал, что Клара – кадавр.

– Кадавр?

– Именно. Оживший неодушевленный предмет.

– И кем же она была до того, как ожила?

– Манекеном.

– Вот оно как, – Гиньоль задумчиво откусил тост. Пожевал. – Давненько я не слышал о кадаврах.

– Верно. Искусство создания кадавров считалось утерянным.

– А как же Клара?

Франтишек молча развел руками.

– Кто ее создал?

– Она этого не знает. Но ее создатель почему-то решил подарить ей свободу. Так что теперь у нее есть все шансы стать обычной девушкой.

– Обычной девушкой-кадавром, – усмехнулся Гиньоль.

– Согласен, не совсем обычной. Некоторые свойства и способности кадавра останутся с ней навсегда. Но те, кому не известно о Кларином прошлом, будут видеть в ней обыкновенную девушку. Сейчас для нее самое важное – психологическая адаптация. Клара должна сама поверить в то, что она человек.

– Теперь, по крайней мере, понятно, почему она ест гисы.

– Ты об этом знаешь?

– Кимер сказал.

– И как он к этому относится?

– Нормально.

– Очень хорошо. Организм Клары пока еще не адаптировался к человеческому способу усваивания энергии из пищи. Поэтому ей требуется внешняя подпитка.

– А она не опасна?

– Ну, если ее не провоцировать...

– Как можно спровоцировать кадавра?

– Что ты задумал?

– Я хотел взять ее на прием к Бургомистру. В качестве научного эксперта.

– Отличная мысль! – Франтишек показал большой палец. – Это очень ей поможет!

– А нам не повредит?

Франтишек снисходительно улыбнулся.

– Гиньоль, наш план идеален. Ему ничто не сможет повредить.

Редко когда Франтишек Йи заявлял о чем-то столь же безапелляционно. Последний раз это произошло, кажется, в детстве, когда он сказал, что хочет есть. В иных случаях Франтишек, как правило, прибегал к сослагательным формам. Гиньоль удивился даже – откуда такая убежденность?

Глава 27

Площадь перед Желтым Домом, как и накануне, была заполнена протестными элементами. Людей собралось даже больше, чем вчера. Многим не хватило места перед ратушей, и часть толпы оказалась выдвинута на улочки, прилегающие к Ратушной площади, как густой, жирный крем из лопнувшего сразу в нескольких местах кондитерского мешка. Как и накануне, над толпой реяли полотнища с начертанными на них лозунгами. Большинство из которых призывали власти разобратся-таки наконец с ролями.

Дабы не создавать ни себе, ни окружающим лишних проблем, Гиньоль принял решение зайти в ратушу с черного хода. Но даже так сделать это оказалось непросто. Совсем непросто.

Таксист остановил машину в двух кварталах от ратуши и сказал, что дальше не поедет. Проезжая часть улицы впереди была еще свободна, но тротуары по обеим ее сторонам были заполнены жителями Централя, спешащими на митинг. А может быть, просто так вышедших прогуляться. Денек был отличный. На небе – ни облачка. Додекаэдр сиял так, что глазам больно было. Так чего же, спрашивается, дома сидеть? Время от времени кто-то начинал скандировать лозунги, надо признать, весьма остроумные. Но толпа пока что была недостаточно разогрета для того, чтобы дружно начать орать что-нибудь вроде: «Бургомистр – это шваль! Нам Гиньоля подавай!» Тем не менее народ вел себя живо, свободно и раскованно. То и дело кто-то, приплясывая и размахивая руками, выбегал на проезжую часть. Должно быть, затеяникам казалось весело скакать перед бамперами движущихся авто. А вот водителям это вовсе не доставляло удовольствия. Им оставалось только давить на клаксоны да неслышно материться сквозь стиснутые зубы.

Одним словом, Гиньоль был вовсе не в обиде, когда водитель сказал, что дальше их не повезет, сколько бы ему ни заплатили. Туда-то еще, может, и доедешь, а вот обратно уж точно не выберешься. Вот так.

Хорошо еще, что Гиньоль вышел из дома заблаговременно. И позаботился прихватить с собой пару страшноватых на вид огров-телохранителей, к услугам которых ему уже доводилось прибегать в прошлом. В противном случае гости непременно опоздали бы на встречу с Бургомистром.

После вчерашнего дебюта в программе «Процесс» Гиньоль стал знаменитостью. Не успел он и десяти шагов по мостовой сделать, как тут же был опознан и взят в плотное кольцо почитателей и просто желающих поглазеть на героя дня. А может быть, и не одного. Все что-то кричали, улыбались, подпрыгивали, чтобы получше рассмотреть того, кто находился в эпицентре событий, махали руками, протягивали руки для рукопожатий, а блокноты и газеты – для автографов. Гиньолю оставалось только адекватно реагировать на ситуацию – улыбаться в ответ, махать обеими руками и рисовать свое имя в блокнотах и на газетных полосах.

Наверное, в этой толпе присутствовали и горячие почитатели писателя-фантаста Кимера Фанфанова, однако ж, не зная своего кумира в лицо, они оставались безучастны к его присутствию в эскорте Гиньоля. А вот Клара не осталась незамеченной. Поскольку среди небезразличных к чему бы то ни было жителей Централя, ратующих за всемерное усиление мер по борьбе с инопланетным вторжением, подавляющее большинство составляли

представители мужского пола, появление столь эффектной женщины, как Клара, вызвало дополнительный прилив эндорфинов и взрыв энтузиазма. Настолько мощный и убедительный, что у Гиньоля не осталось сомнений в том, что он правильно поступил, взяв Клару на встречу с Бургомистром.

– Почему они на меня пялятся? – спросила Клара у Кимера.

Ей даже не пришлось конфиденциально понижать голос – вокруг стоял такой шум и гвалт, что и себя-то почти не было слышно.

– Они... – фантаст не сразу нашел что ответить. – Они рады тебя видеть!

– Наверное, они меня с кем-то спутали, – растерянно улыбнулась Клара.

– Возможно, – не стал спорить Кимер.

– Наверное, нужно объяснить им, что они ошиблись.

– Не стоит. Право слово, не стоит.

– Почему?

– Ты хочешь разочаровать их?

– Нет! Конечно – нет!

– Тогда – сделай им ручкой.

– Как это?

– Примерно так же, как и Гиньоль, только более изящно и женственно.

Клара подняла руку к плечу и неуверенно помахала.

Толпа взорвалась криками восторга!

Клара почувствовала прилив воодушевления.

Великий Додекаэдр!

Она вдруг поняла, что ей нравится столь пристальное внимание совершенно незнакомых ей людей! Не понимала почему, но определенно – нравилось! Пусть даже они заблуждались на ее счет, принимая за кого-то другого, – она готова была плыть по волнам их восторженного интереса!

Клара улыбалась и махала рукой, обращая свой взор то в одну, то в другую сторону. И все, кто видел ее в этот миг, не могли не отметить, что жест этот получался у нее непринужденно и с достоинством. Иными словами – царственно.

А вот огры-телохранители, сопровождавшие Гиньоля и компанию, должно быть, впервые за всю свою карьеру почувствовали, что сполна отрабатывают зарплату. Двум здоровякам пришлось изрядно попотеть и попыхтеть, чтобы помочь клиентам добраться до заднего двора Желтого Дома. Обычно-то им и делать ничего не приходилось – их страшные рожи прирожденных убийц, каковыми, надо сказать, огры вовсе не являлись, делали всю работу за них. Публика боялась даже близко к ним подойти. Но сейчас все смотрели не на них, а на Гиньоля и Клару. Огров же ну просто в упор не замечали! И бедолагам приходилось своими телами, как живыми таранами, прокладывать путь сквозь толпу, все более плотную и активную по мере приближения к ратуше.

По счастью, проявлений агрессии не отмечалось. Митинги носили исключительно мирный характер.

До поры до времени.

Как известно, любое сборище большого числа людей, а также гномов, орков, эльфов,

огров, троллей – да кого хотите! – напоминает собой брикет пластиковой взрывчатки. Ее можно мять, рвать, топтать, не подозревая даже о чудовищной разрушительной силе, таящейся внутри куска пластита. Но лишь до тех пор, пока нет детонатора. Детонатором же может стать все что угодно. Ну, пусть не все, но почти все. К примеру, призыв вернуть украденные пришельцами рояли.

На заднем дворе ратуши гостей встретили револьверос. Вернее, это револьверос находились на заднем дворе, а Гиньоль сотоварищи – снаружи, у решетчатой двери. Которая по случаю чрезвычайных событий была заперта на два замка и засов. Гиньоля револьверос, конечно же, признали. Они ведь, как все нормальные центральцы, тоже смотрели вчера вечером незабываемый «Процесс». И, более того, позиция Гиньоля, его тревога за завтрашний день внушали им уважение. Однако у них был приказ – на задний двор никого не пускать! А приказы, как известно, обсуждению не подлежат.

– Уважаемые! – рукоятью трости Гиньоль постучал по решетке. – Я прибыл на встречу с Бургомистром!

– Тогда вам с парадного входа, – буркнул усатый револьверос.

– Уважаемый! – Гиньоль широко взмахнул руками. – Вы, вообще-то, в курсе, что там творится?

Гиньоль и сам этого не видел, но живо себе представлял.

– Ничего не знаю, – снова буркнул усатый.

– Меня зовут Гиньоль! – сказал Гиньоль. – Гиньоль Гиньоль! – добавил он для убедительности.

И вскинул руку с тростью над головой.

Он был похож на дирижера, вставшего у пульта и поднявшего дирижерскую палочку.

И толпа его правильно поняла.

– Гиньоль!!! – точно трубы предпоследнего кошмарного суда, взревели у него за спиной тысячи глоток. – Гиньоль!!!

– Ну так как? – Гиньоль заговорщицки улыбнулся усатому револьверос. – Припомнили?

Станный вопрос! При чем тут это? Револьверос ясно понял, что если он не откроет калитку, то по одному лишь мановению руки Гиньоля толпа снесет ее.

– Быстро! – усатый револьверос махнул рукой своему напарнику, более молодому и более низкому по званию. – Беги узнай, что там насчет Гиньоля!

Молодой револьверос браво козырнул и нырнул в приоткрытую дверь входа для obsługi. Прячась за которой, за всем происходящим наблюдала семейка любознательных орков, проворонивших именную рояль.

Усатый подошел к решетке, кашлянул в кулак и негромко, обращаясь персонально к Гиньолю, произнес:

– Не извольте беспокоиться, господин Гиньоль. Сейчас мигом во всем разберемся. Сами понимаете, приказ...

– Понимаю, – кивнул Гиньоль.

Он не собирался уничтожить усатого револьверос. Хотя и мог это сделать. Легко.

– Абебе бегаёт быстро, в момент обернется, – заверил Гиньоля усатый.

И он не соврал. Не прошло и минуты, как вестовой вылетел из двери ратуши, точно

пробка из бутылки перебродившего кваса. При этом он даже не запыхался.

– Приказано господина Гиньоля пустить! – bravo отрапортовал Абебе.

Присмотревшись, Гиньоль заметил кончики острых ушей, торчащие возле околышка фуражки Абебе. Револьверос был эльфом! А, как известно, все эльфы от природы наделены двумя талантами – торговаться до последнего за каждый пик и бегать так, что мартовский заяц не догонит. По всей видимости, эти две выдающиеся эльфийские способности определялись сцепленными генами. Потому что торговцами эльфы были не просто прижимистыми, но еще и вороватыми, а таким частенько приходится убегать от недовольных клиентов. Эти две способности как раз и определяли род занятия, что, как правило, выбирали эльфы, перебравшиеся из своей убогой провинции в какой-нибудь большой город. Понятно какой. Купить подешевле, а продать подороже – вот и вся недолга. В остальном же они были существами совершенно никчемными. Не появился еще среди рода эльфийского ни великий композитор, ни известный поэт, ни выдающийся математик. Поэтому, должно быть, любили эльфы посидеть вечерком за кружкой пива да поговорить о величии своего рода в древности. Да только в словах их не было ни грана правды – одни фантазии. За пивом ведь чего только не придет в голову.

Эльфа-револьверос Гиньоль видел впервые. И, надо сказать, был немало сим удивлен. Сказал бы кто другой ему об этом – ни за что бы не поверил. Ну скажите на милость, какой из эльфа револьверос, если они только болтать и умеют, без умолку и без толку? Но, как ни странно, Абебе производил впечатление пусть и не рьяного, то уж точно исправного служаки. Аккуратный, подтянутый, чисто выбритый. Да и форма на нем сидела ладно. Одно слово – не чета другим эльфам. Определенно, мир меняется, становится совсем другим. Вот ведь и эльфы уже в револьверос подаваться стали. Что дальше? Орки в Академии? Или зомби в Городском Совете? Хотя во втором случае, при наличии квалифицированного визажиста, никто бы и не заметил подмены.

Выслушав короткий доклад Абебе, усатый тут же снял с калитки запоры и приоткрыл ее, давая Гиньолю пройти. Но перед Кларой калитка вновь захлопнулось.

В ответ на непонимающий взгляд Гиньоля усатый bravo козырнул и щелкнул каблуками.

– Приказ касается только вас, господин Гиньоль!

– Мои друзья тоже приглашены на встречу с Бургомистром!

– Знать ничего не знаю, господин Гиньоль! – усатый еще раз щелкнул каблуками. – Да и знать не могу!

– Абебе! – Гиньоль прижал рукоятку трости к груди эльфа-револьверос. – С кем ты разговаривал?

– С пресс-секретарем господина Бургомистра!

– Беги обратно, сыщи руководителя кабинета Бургомистра, Климента Ефремовича Чипизудова! И выясни у него, наконец, все насчет гостей!

Эльф-револьверос кинул взгляд на своего усатого коллегу. Тот коротко кивнул. И Абебе вновь сорвался с места, чтобы продемонстрировать свои выдающиеся спринтерские способности.

В ожидании его возвращения Гиньоль и усатый револьверос стояли друг против друга в

крайне неловком молчании.

– Я прошу извинить меня, господин Гиньоль... – начал было револьверос.

– Не стоит! – недовольно прервал его Гиньоль.

Впрочем, ждать им пришлось недолго. Абебе обернулся едва ли не быстрее, чем в первый раз.

Вытянувшись во фронт в двух шагах от Гиньоля и усатого, он четко и ясно доложил:

– Господин Чипизудов велел друзей господина Гиньоля пропустить!

Усатый улыбнулся Гиньолю. Гиньоль ответил ему почти дружеской улыбкой.

Револьверос пропустил во двор Клару и Кимера, но захлопнул калитку перед телохранителями Гиньоля. И тут же отпрыгнул назад, поскольку один из огров, вне себя от злости, вцепился обеими руками в решетку и принялся трясти ее что было сил. Однако калитка оказалась крепкая и не поддавалась дикому натиску грубой силы.

Другой огр полез было через ограду. Но тут уже револьверос выхватил из кобуры свое оружие.

– Господин Гиньоль! Успокойте своих огров! – потребовал он.

– Да край-перекрай вас, уважаемый! – не сдержавшись, выругался Гиньоль. – Что тут вообще происходит, додекаэдр вам в зубы? Я прибыл на встречу с Бургомистром! И я не могу оставить своих телохранителей снаружи, за решеткой, где неистовствует толпа! Вы понимаете это, господин, край вас, револьверос?

– Понимаю, – спокойно, с чувством собственного достоинства ответил усатый. – Но поймите и вы меня, господин Гиньоль. Я не получал никаких распоряжений насчет сопровождающих вас огров. А потому не могу впустить их на территорию ратуши, даже если они действительно ваши телохранители.

– Что значит «действительно»? – набычился Гиньоль.

– Господин Чипизудов говорил что-нибудь про огров-телохранителей? – обратился усатый к эльфу.

– Никак нет! – браво гаркнул Абебе.

– А ты спрашивал? – задал вопрос Гиньоль.

– Никак нет!

– Ну так лети мухой назад и проясни этот вопрос!

Эльф посмотрел на усатого.

Тот лишь молча махнул рукой.

И эльф побежал. Так быстро, как бегают только эльфы.

А усатый револьверос лишь молча руками развел, мол, что с него возьмешь: эльф – он и есть эльф.

Клара прижалась локтем к Фанфанову.

– Я и не знала, что это так интересно, – тихонечко прошептала она.

– Что именно? – не понял Кимер.

– Повседневная жизнь простых людей.

Кимер посмотрел по сторонам, недоумевая, где именно Клара углядела эту самую повседневную жизнь?

А между тем за происходящим на заднем дворе через щелку в двери наблюдали самые

простые что ни на есть орки.

– Видал? – Алик толкнул локтем в бок Гену.

– Ага! – восторженно выдохнул тот.

– Чего ты видал?

– Гиньоля! Вчера я его по телику видал, а сегодня он – вона! – у нас на заднем дворе!

– Тупица! – Алик влепил Гене подзатыльник. – Я не про Гиньоля говорю!

– А про кого тогда?

– Про девицу, что с ним!

– А... Класная деваха! Мне нравятся такие, высокие, с длинными ногами...

– Идиот! – Алик отвесил родственнику еще одну оплеуху. – Это ж та самая девица, которую мы с роялем отправили!

– Да иди ты? – недоверчиво прищурился Гена.

– Точно тебе говорю!

Гена внимательно посмотрел на Клару.

– Не, – покачал он головой. – Та в короткой юбке была и красном плаще.

– А что, она переодеться не могла?

– Да где ж ей переодеваться?

– Почему я знаю?

Гена снова посмотрел в щелку.

– А зачем она сюда-то пришла?

– Спроси о чем-нибудь другом.

– Когда ты мне пять грандов отдашь, что три месяца назад занял?

– Да не о грандах сейчас думать нужно!

– А о чем?

– О том, зачем она сюда явилась?

– Я тебя об этом уже спрашивал.

– А я что?

– Завел разговор о деньгах.

– Ох, чую я, не к добру она сюда пришла, – покачал головой Алик. – Точно – не к добру!

А может, все же не она? Та ведь манекеном была. А эта на живую похожа.

Орки снова припали к щели, пытаясь получше разглядеть Клару.

– И очки на ней были темные...

В этот момент мимо пробежал эльф-револьверос, а следом за ним, пыхтя от натуги, один из секретарей Бургомистра.

Орки ринулись в сторону и притаились за ящиками со стружкой. Они уже давно для себя уяснили, что лучший способ как можно дольше продержаться на государственной службе – это как можно реже попадаться на глаза начальству. Особенно такому, над которым еще и другого начальства полно. Мелкое начальство, как правило, особо рьяно и подло в вопросах, касающихся подчиненных.

– Немедленно пропустить господина Гиньоля и всех его спутников! – выбежав на крыльцо, срывающимся голосом прокричал секретарь. – Немедленно!

– И огров? – уточнил на всякий случай усатый револьверос.

Секретарь глянул на вцепившихся здоровенными ручищами в прутья ограды телохранителей. На миг у него появилось сомнение, стоит ли пускать этих громил в ратушу? Но одеты огры были вполне цивилизовано, а до встречи с Бургомистром оставалось всего ничего. То есть выяснять, кто здесь и зачем, времени уже не оставалось. Поэтому, быстро прикинув все «за» и откинув все «против», секретарь еще раз грозно, как ему казалось, прокричал:

– Всех! Незамедлительно!

Усатый безразлично пожал плечами, мол, мне-то что, мое дело маленькое, и отпер калитку.

Едва лишь огры ввалились во двор, как секретарь призывно взмахнул зажатой в руке красной кожаной папкой, воскликнул:

– За мной! – и нырнул в приоткрытую дверь.

Гости и телохранители последовали за ним, стараясь не отставать. И вовсе не потому, что они боялись опоздать на встречу с Бургомистром. В конце концов, если бы это и случилось, то не по их вине. Дело было в том, что подсобные и служебные помещения ратуши сплетались в причудливый лабиринт, заблудиться в котором было проще простого. Особенно для человека, впервые здесь оказавшегося.

Притаившиеся орки проводили взглядами пробежавших мимо них людей и огров.

– Она! – уверенно заявил Алик.

– Она, – согласился с ним Гена. И почему-то потрогал фингал под глазом.

– Что делать будем?

– Не знаю.

– Я тоже.

– Тогда нужно Кроули рассказать!

– Верно.

И орки кинулись в подсобку, где у них был телефон.

А гости, ведомые секретарем, вышли меж тем на первый парадный этаж ратуши. Где их уже поджидал, в нетерпении потирая руки, руководитель кабинета Бургомистра Климент Чипизудов. Секретарь кинулся было к руководителю кабинета – не то желая что-то объяснить ему, не то собираясь на кого-то пожаловаться. Но Чипизудов только коротко рукой взмахнул, и секретарь отлетел в сторону, как теннисный мячик, отбитый профессиональным ударом Первой Ракетки Централя Эдсона Арантеса ду Насименту.

– Дамы и господа, я приношу вам свои извинения за доставленные неудобства, – церемонно обратился Чипизудов к гостям.

При этом глазами он пожирал Фанфанова, в котором без труда опознал своего литературного кумира.

– У меня была запланирована небольшая ознакомительная программа. К сожалению, – руководитель кабинета жестом руки умело изобразил разочарование, – мы уже опаздываем и прямо сейчас должны проследовать к месту встречи. Но я надеюсь, что после беседы с Бургомистром вы все же сможете уделить мне несколько минут.

На этот раз взгляд, что бросил Чипизудов на фантаста, оказался настолько пронзительным и откровенным, что Фанфанов невольно поежился. Гиньоль предупредил его,

что руководитель кабинета Бургомистра является давним и преданным поклонником его творчества, но все же это было несколько не то, к чему привык Кимер. Говоря совсем уж честно и откровенно, опыт общения с поклонниками у Кимера был невелик. Большим, чего он удостоился от одного из них, была бутылка дешевого пива и пожелание кончать валять дурака и написать наконец-то что-нибудь стоящее. Но такое положение дел Фанфанова вполне устраивало. Поэтому фантасту трудно было даже представить, чем могло закончиться его хождение во власть. Власть – она ведь такая нестабильная. И к тому же – непредсказуемая. Нет, правда, Фанфанов вовсе не хотел быть обласканным властью. Но и от обещанной ему Национальной литературной премии отказываться не собирался. Во всяком случае, не просто так.

Со столика, стоявшего неподалеку, Чипизудов взял три светло-коричневые кожаные папки и вручил их гостям. В правом нижнем углу на обложке папки был вытеснен золотом контур ратуши. Внутри папки оказались пусты.

– Что это? – Гиньоль недоуменно посмотрел на руководителя кабинета.

– Так полагается.

– Зачем?

Гиньоль взял папку за угол и взмахнул ею так, будто собирался зашвырнуть куда подальше.

Чипизудов сжал губы, как будто у него вдруг заболели все зубы.

– Вам не все равно?

– Если бы было все равно, то я бы и не спрашивал, – улыбнулся Гиньоль. – А так, мне интересно.

– Этого требует процедура.

– Какая еще процедура?

– Процедура встречи с Бургомистром.

– Seriously?

– Я специально пригласил вас пораньше, чтобы поговорить о процедуре.

– А я думал... – Гиньоль вскинул брови и взглядом указал на Фанфанова.

Вальяжное лицо Чипизудова обиженно вытянулось. Зрелище было то еще! Руководитель кабинета на самом деле боялся, что его секрет – тайная любовь к книгам Фанфанова – будет раскрыт! Гиньоль даже и не догадывался, что у него на руках не просто еще один козырь, а джокер!

– Что вас не устраивает, господин Гиньоль?

– Да расслабьтесь вы, Климент Ефремович. – Гиньоль дружески, но без панибратства, хлопнул руководителя кабинета по плечу. – Все в порядке. Мы вас не подведем.

– Отлично. – Чипизудов протянул Гиньолю белую пластмассовую авторучку, на которой, красным по белому, было написано «Городской Совет».

– Этого тоже требует процедура?

– Именно.

Гиньоль сунул авторучку в карман.

– А можно моим телохранителям тоже по авторучке? – спросил Гиньоль. – В качестве сувениров.

– Нет, – отрезал Чипизудов.

– Процедура этого не требует, – с пониманием кивнул Гиньоль.

– Процедура этого не допускает, – уточнил Чипизудов. И вручил по авторучке Кимеру и Кларе. – Ваши телохранители, господин Гиньоль, останутся здесь, – он указал на небольшой полукруглый альков в стене зала. Там стоял круглый мозаичный столик и два обитых голубым атласом кресла на изогнутых ножках. – Им будет подан чай, кофе и легкие закуски.

– Ждите меня здесь, ребята, – кивнул ограм Гиньоль. – И не стесняйтесь, требуйте добавки! Выпивка и закуска за счет Бургомистра!

Довольные таким поворотом событий, огры направились в альков. А гости с папками под мышками последовали за руководителем кабинета.

Сначала они поднялись по широкой мраморной лестнице, застланной темно-синей ковровой дорожкой. Затем пересекли Зеркальный холл (стены в нем действительно были зеркальные), прошли по Зеленой галерее (которая на самом деле оказалась синей), свернули в Коридор Свиной (название историческое, не имеющее никакого отношения к нынешнему составу Городского Совета), повернули направо, налево, еще раз направо и вышли в Зал Пяти Дверей (когда-то здесь действительно было пять дверей, но одну из них заколотили за ненадобностью, так что осталось всего четыре; но не менять же из-за такой мелочи историческое название!). По стенам зала были развешаны портреты всех шестидесяти двух Бургомистров. Все лица, как одно, достойные. Все картины в дорогих золоченых рамах. Даже полный профан в живописи не мог не узнать расчетливые и точные мазки кистей Сарафанова, Ухова или Стамескина. Что ни мазок – то купюра в сто грантов. Ну, в крайнем случае, пятьдесят.

К несчастью, у гостей не было времени любоваться шедеврами живописи – их ждал ныне живой и здравствующий Бургомистр. На встречу с которым, судя по нервно подергивающейся левой брови руководителя кабинета, опаздывали они уже катастрофически.

Чипизудов распахнул перед гостями тяжелую резную дверь с золотой ручкой и жестом пригласил войти.

Они оказались в приемной с четырьмя столами, за которыми сидели секретарши, занятые, по всей видимости, какими-то очень важными, быть может, даже государственными делами. Одна иступленно колотила по клавишам вычислителя, другая, сосредоточенно вперив взгляд в лежавший перед ней еженедельник, что-то объясняла прижатой к уху телефонной трубке, третья рвала пополам лежавшие перед ней бумаги, одну за другой, и передавала обрывки четвертой, которая, в свою очередь, разрывала бумагу на еще более мелкие кусочки и кидала их в мусорную корзину. Ни одна из этих государственных девиц даже не взглянула на вошедших.

Чипизудов открыл перед гостями следующую дверь, и они оказались в другой приемной, поменьше первой. В ней размещались всего два письменных стола. И, соответственно, две секретарши. При виде гостей обе разом вскочили на ноги и в унисон запели:

– Бургомистр не принимает! Бургомистр в отъезде! Бургомистр на совещании! Бургомистр обедает! Бургомистр!..

Скорее всего, ни одна из них понятия не имела, где сейчас Бургомистр и чем он занимается.

– Бургомистр занят! Бургомистр болен! Бургомистр ушел в отставку! Бургомистр...

– Сидеть! – привычно скомандовал руководитель комитета.

И секретарши, умолкнув, опустили на свои места.

– Они реагируют на слова или просто на голос? – поинтересовался Фанфанов.

– На запах. – Чипизудов выдернул из кармана белоснежный носовой платок и взмахнул им перед носом фантаста.

Аромат был настолько необычный, что Кимер только головой удивленно качнул.

Чипизудов довольно улыбнулся.

– Особый парфюм. Изготавливается по спецзаказу, на основе старинного семейного рецепта парфюмерным домом «Бальдини и Гренуй».

Еще раз взмахнув платком, Чипизудов собрался было уложить его в карман.

– Секундочку!

Клара поймала руку руководителя кабинета за запястье, поднесла ее вместе с платком к своему носу, сделала легкий вдох и на миг прикрыла глаза.

– Корица, перечная мята, лаванда, гвоздика, немного меда и лимона, самую малость кардамона, экзотическая пряность хуидзяо из провинции Су-кич и, вы уж не обижайтесь, господин руководитель комитета, буквально капля козьи мочи.

– Вы работаете в парфюмерной промышленности? – удивленно посмотрел на Клару Чипизудов.

– Нет, – обворожительно улыбнулась девушка. – Запахи – это мое хобби, – и добавила то, что велел говорить ей Гиньоль: – По своей основной специальности я – революционер.

– Эволюционист, – быстро внес коррективу Гиньоль. И, наклонившись к Чипизудову, шепнул как бы по секрету: – Эти ученые такие рассеянные. Порой даже имя свое вспомнить не могут, не то что профессию.

Чипизудов с пониманием кивнул и, дабы не вдаваться в дальнейшие обсуждения темы, которая казалась ему весьма деликатной, поспешил раскрыть перед гостями следующую дверь. За которой находился уже непосредственно кабинет Бургомистра.

Глава 28

В ратуше у Бургомистра имелось несколько кабинетов. Четырнадцать или семнадцать. Точно он и сам не помнил. Но знал, что на все случаи жизни. Так ему говорил руководитель кабинета. Которому Бургомистр всецело доверял. Кабинет номер семь, больше похожий на просторную гостиную, использовался для непротокольных встреч. К разряду которых относилась и сегодняшняя встреча с Гиньодем.

Кабинет имел сводчатый потолок, украшенный разноцветными фресками, реконструирующими наиболее захватывающие эпизоды древней истории далеких предков нынешних центральцев. Вот – Иосиф Усатый устраивает избивание младенцев, а заодно их близких и дальних родственников, тем самым утверждая свой возведенный в закон принцип «Невиновных не бывает. Был бы человек, а статья найдется». Вот – царь Додон вершит свой

мудрый и неподкупный суд; цена любого вопроса всего-то четыре процента от суммы сделки. А вот Моисей с группой соратников отправляется на покорение Синая. Восхождение на самую высокую и неприступную гору Централя заняло ровно сорок лет. И теперь представьте, каково было разочарование героев, когда на самой вершине они обнаружили каменную скрижаль с выбитой на ней надписью «Здесь был Зяма!» К чести Моисея, он не стал скрывать факт обнаружения скрижали. Благодаря ему историки до сих пор приходят в бешенство, не в силах ответить на вопрос, кто же такой этот самый Зяма? А вот Арни Шварц произносит слова, ныне известные каждому школьнику: «А все-таки он вертится!» Не многие, однако, знают, что поначалу слова Шварца были восприняты с недоумением и даже со скепсисом. Тем более что произнес он их в момент вручения ему в тринадцатый раз премии «Мистер Мир-На-Оси». Многие ломали головы, пытаясь понять, кто такой «он» и почему «он» должен вертеться? И только много позже, в своем основополагающем научном труде «О принципах движения тел, сопряженных с суперструнами» Арни Шварц объяснил, что «он» – это Мир-На-Оси. Произнеся «А все-таки он вертится!», Шварц со всей определенностью заявил, что Мир-На-Оси вращается вокруг служащей ему осью суперструны, в то время как жестко закрепленный на суперструне Додекаэдр всегда остается неподвижным. Это был переворот в науке, поскольку многие поколения до Шварца ученые были уверены, что все обстоит прямо наоборот – вращается Додекаэдр, а Мир-На-Оси – неподвижен. Зеркало свода занимала эпическая фреска, изображающая одно из важнейших исторических событий Централя – неудавшийся Октоберский пивной путч и пленение главы заговорщиков Ульянова народным героем Джеки Чаном.

Три высоких двустворчатых окна, выходящие на Ратушную площадь, были плотно закрыты тяжелыми складчатыми портьерами. А двойные стеклопакеты не пропускали ни единого звука с улицы. В центре стоял большой круглый стол, покрытый зеленой скатертью с золотыми «огурцами», вышитыми по краю. За столом сидели: сам Бургомистр, министр культуры, министр по чрезвычайным ситуациям и пресс-секретарь Бургомистра. На столе, как и полагается на непротокольной встрече, напитки, закуски и сладости. Судя по следам сахарной пудры на скатерти перед Бургомистром, тот уже успел отведать пару пончиков. А почему бы и нет? Он ведь не кто-нибудь, а сам Бургомистр! Возле стены стояли два канцелярских стола, сверх всякой меры заваленные всевозможнейшими канцелярскими принадлежностями. За этими столами сидели секретари, один из которых встречал гостей на заднем дворе ратуши.

Вот такая была диспозиция перед началом встречи.

Едва заглянув в кабинет, Гиньоль быстро оценил ситуацию. И начал действовать.

Не дожидаясь официального представления, он плечом отодвинул в сторону руководителя кабинета и выдвинулся на первый план. Сняв шляпу, Гиньоль вскинул руки вверх и в стороны. В одной руке – шляпа, в другой – трость. И провозгласил торжественно:

– Категорически приветствую всех собравшихся!

Не дожидаясь ответа от ошеломленных столь нетрадиционным началом встречи чиновников, Гиньоль метнулся к окну и рукояткой трости откинул закрывавшую его портьеру.

– О! – радостно воскликнул он, выглянув на улицу. – Я вижу, на площади то же, что и

вчера! – повернув голову, он весело подмигнул Бургомистру. – Или погуще?

Бургомистр покосился на министра по чрезвычайным ситуациям.

– По нашим оценкам, на площади не более пятисот человек, – и глазом не моргнув, отапортовал министр.

– А поточнее? – недовольно буркнул Бургомистр.

– Четыреста девяносто девять, – ответил министр.

– Ну точно, – насмешливо кивнул Гиньоль. – Надо полагать, что остальные – это револьверос.

– Абсолютно верно, – подтвердил догадку Гиньоля министр по чрезвычайным ситуациям.

Гиньоль снова глянул в окно.

– Тогда получается, что на каждого митингующего приходится не меньше дюжины револьверос.

– Где-то примерно так, – ушел от прямого ответа министр.

– Это недопустимая расточительность, – недовольно сдвинул густые, кустистые брови Бургомистр.

– Все ради обеспечения вашей безопасности, – подобострастно прогнулся в поясе министр.

– Что любопытно, многие из них держат транспаранты с лозунгами в поддержку ЦУПа.

– Для конспирации, – ни на миг не растерялся министр.

Гиньоль даже позавидовал его изворотливости.

– А вы, собственно, кто такой? – наконец-то обратил подобающее внимание на Гиньоля Бургомистр.

Гиньоль улыбнулся и благородным жестом вывел на первую позицию потерянно хлопающего в ладоши руководителя кабинета.

– Господин Бургомистр! – живо подобрался Чипизудов. – Господа министры! Хочу представить вам господина Гиньоля Гиньоля! – выверенный, как у профессионального конферансье, жест в направлении Гиньоля. – И его спутников – академиков, выдающихся мыслителей современности и активных деятелей Центра Угрозы Панспермии. Кимер Фанфанов и Клара...

Чипизудов бросил вопрошающий взгляд на Гиньоля.

– Цеткин, – подсказал тот.

После чего подошел к столу, встал прямо напротив Бургомистра, кинул шляпу на стул, оперся обеими руками о край стола, подавшись вперед, вперил взгляд в своего облеченного высокой государственной властью визави и зловеще шелестящим голосом произнес:

– Начнем, пожалуй.

– Предлагаю начать с вафельных трубочек с заварным кремом. – Бургомистр пальцем указал на поднос с пирожными. – Они сегодня исключительно вкусные.

– Отлично!

Гиньоль схватил с подноса вафельную трубочку, отрекомендованную Бургомистром, плюхнулся на стул и привычно закинул ногу на ногу. Откусив пирожное, он блаженно закатил глаза.

– Изумительно, господин Бургомистр! Неподражаемо! – Он откусил еще кусочек. –
Никогда в жизни не пробовал ничего подобного! Вы сами это приготовили?

Лицо Бургомистра расплылось в довольной, высококалорийной улыбке. Он что-то
довольно пробухтел и обеими руками пододвинул поднос со сладким поближе к Гиньолю.
Этот странный человек в красном пиджаке – как бишь его там? – определенно нравился
Бургомистру.

Выражение лица пресс-секретаря было абсолютно индифферентным. То ли он умело
скрывал свои эмоции, то ли ему на самом деле было все равно. А вот министры взирали на
Гиньоля с неодобрением. Если не сказать более. Но давайте пока об этом умолчим и дадим
министрам шанс изменить свое мнение.

Кимер и Клара сели справа от Гиньоля, Чипизудов – слева.

Гиньоль затолкнул в рот последний кусочек вафельной трубочки и вытер кончики
пальцев о салфетку.

– Что ж, господа, к делу!

– Да! Верно! – затряс большой, тяжелой головой Бургомистр. – Мы собрались здесь
сегодня, чтобы... э-э-э...

Он посмотрел на руководителя кабинета.

– Чтобы обсудить ситуацию на улицах Централя, – подсказал Чипизудов.

– Верно!.. – радостно хлопнул ладонью по столу Бургомистр. – Мы не должны
выпускать ситуацию из-под контроля! Мы должны просто-таки нещадно бороться со всеми
проявлениями расовой нетерпимости и пренебрежительным отношением лиц
нетрадиционной ориентации к традициям и быту малых коренных народов! Как говорил
Великий Кормчий Лао-Цзы: «Скажи мне, на кого ты ориентируешься, и я скажу, кто ты!»

– Господин Бургомистр, – все с тем же бесстрастным выражением лица перебил
говорившего пресс-секретарь, – этот вопрос мы обсуждали на прошлой неделе.

– А мне очень интересно послушать. – Гиньоль сложил ладони на коленке. –
Продолжайте, господин Бургомистр! Прошу вас!

– Господин Гиньоль, – строго посмотрел на Гиньоля Чипизудов. – Давайте следовать
установленной процедуре.

– С удовольствием, – не стал спорить Гиньоль. – Но вы же ничего не успели нам о ней
рассказать.

– Предоставьте мне вести встречу.

Гиньоль миролюбиво улыбнулся, чуть наклонил голову и сделал приглашающий жест
кистью руки.

– Господин Бургомистр, сегодня мы обсуждаем вопрос угрозы инопланетного
вторжения.

– Точно! – Бургомистр хлопнул ладонью по столу и, хитро прищурившись, погрозил
Гиньолю пальцем. – А я-то все думаю, где я тебя видел?

Гиньоль улыбнулся, немного смущенно, а в основном величаво и с ярко выраженным
чувством собственного превосходства. Как кинозвезда, которую наконец-то узнали на улице.

Бургомистр радостно хлопнул в ладоши и ткнул в Гиньоля пальцем.

– Это ведь ты снимался в «Придурках из открытого космоса»? А? Точно? Угадал?

Гиньоль вдруг понял, что здорово недооценил роль руководителя кабинета. А Чипизудов смотрел на него и будто ждал чего-то. Хотя в общем понятно, чего он ждал. И Гиньоль тоже это понял. Поэтому он подался в сторону Чипизудова и тихо, так, чтобы лишь он один услышал, произнес:

– Климент Ефремович, приношу свои самые искренние извинения.

– Приняты, – так же тихо ответил руководитель кабинета.

– О чем это вы там шепчетесь? – недовольно сдвинул брови Бургомистр.

– Господин Гиньоль может помочь нам убрать людей с улиц и площадей Централю, – ответил Чипизудов.

– А зачем? – непонимающе пожал плечами Бургомистр. – Пусть остаются, если им так хочется! Тем более, как говорит министр по чрезвычайным ситуациям, большинство из них это наши люди!

– Это не совсем так, господин Бургомистр, – заерзал на стуле министр.

– Как это не так? – угрожающе посмотрел на него Бургомистр. – Ты же сам только что это сказал!

– Я имел в виду только людей, собравшихся на Ратушной площади.

– А что, они еще где-то собираются?

– По всему Централю, – ответил Чипизудов.

– Хм... Ну тогда нам, наверное, стоит послушать господина Гиньоля.

– Все очень просто, господин Бургомистр. Я обращусь к своим сторонникам с речью и попрошу их разойтись по домам.

– И они вас послушают?

– Конечно. Ведь я скажу, что мы с вами договорились о формировании Народного Фронта противодействия инопланетной угрозе.

– Народный Фронт противодействия инопланетной угрозе, – задумчиво повторил Бургомистр. – Звучит неплохо... Мне нравится! – Бургомистр хлопнул ладонью по столу. – Определенно нравится!

– Под руководством господина Чипизудова.

– Почему он?

– А почему нет?

– Логично.

– Нам потребуется отдельное помещение, штат технических работников и прямое финансирование, для начала, я думаю, на год, – очень вовремя вступил в разговор Чипизудов. – Все необходимые документы и смету я предоставлю завтра.

– Отлично, Клим! – щелкнул пальцами Бургомистр. – Я рассчитываю на тебя!

– А не слишком ли мы торопимся, господин Бургомистр? – скользким ужом вполз в беседу министр по чрезвычайным ситуациям, совершенно справедливо решивший, что создатели Народного Фронта противодействия инопланетной угрозе вторгаются на его территорию. И, хуже того, так и норовят откусить кусок, жирный, надо сказать, кусок, от бюджета его ведомства. – Насколько вообще велика эта самая пресловутая инопланетная угроза?

– Вопрос, конечно, интересный. – Бургомистр откинулся на спинку кресла, приложил

указательный палец к щеке и посмотрел на Гиньоля. – Что ты по этому поводу думаешь, дорогой мой?

Гиньоль был готов к подобным вопросам.

– Господин Бургомистр! Господа министры! Рядом со мной сидят двое активных членов Центра Угрозы Панспермии. Оба они являются дипломированными специалистами в своих областях. Более того! Это авторитетнейшие ученые! Лауреаты международных премий! Чьи работы переводились на все языки Мира-На-Оси! Ну разве что за исключением бедламбесского. Если хотите, они в меру популярно, со всеми необходимыми цифрами и фактологическими выкладками расскажут вам обо всех аспектах инопланетной угрозы. Лекция займет, я думаю...

Гиньоль посмотрел сначала на часы, затем на Кимера.

– Часа два с половиной, – ответил за Гиньоля фантаст. – Как минимум. Нам понадобится диапроектор, три грифельные доски, музыкальный центр с выходом пять-один и рентгеновский аппарат.

– А рентген-то вам зачем? – опешил министр по чрезвычайным ситуациям.

– Чтобы продемонстрировать чужого зародыша в человеческом теле, – глазом не моргнув, ответил Кимер.

– Вы хотите сказать, что пришельцы используют наших женщин?..

Министр умолк, не зная, как бы поделикатнее закончить фразу.

– Еще как используют! – Кимер многозначительно цокнул языком. – И не только женщин.

Ему-то что – он в своих романах и не такое расписывал.

А вот министр озадаченно умолк.

Гиньоль был в восторге от блестящей импровизации Фанфанова.

– Нет, – недовольно поморщился Бургомистр. – Два с половиной часа и рентген – это, пожалуй, слишком. Давайте-ка лучше коротко, в двух словах. Насколько велика угроза инопланетного вторжения?

При этом смотрел он конкретно на Клару.

И Клара конкретно ему ответила.

– Чрезвычайно велика, – как и просил, в двух словах.

Это было неплохо. Во всяком случае, на Бургомистра такой ответ произвел впечатление. Он тут же схватил с подноса слойку с джемом и принялся сосредоточенно жевать.

Все же Гиньоль решил, что этого мало.

– Вторжение фактически уже началось. Но пока оно протекает в скрытой форме. Это, если можно так сказать, подготовительный период. И все мы допустим страшную, непоправимую ошибку, если будем просто сидеть и ждать, когда что-то произойдет. Потому что тогда уже ничего нельзя будет изменить.

Бургомистр указал надкушенной слойкой на Гиньоля.

– Ты хочешь сказать, что скоро это случится?

– Я хочу сказать, что пока мы еще не обречены.

Тут пришел в себя министр по чрезвычайным ситуациям.

– И что же конкретно вы собираетесь предпринять, господин Гиньоль?

– Конкретно мы предлагаем создать Народный Фронт Противодействия Инопланетной Угрозе. А вот он-то как раз и займется разработкой комплекса мер, необходимых для того, чтобы не случилось непоправимого.

– Но у вас уже есть какие-то наработки?

– Конечно. ЦУП, в отличие от вас, господин министр по чрезвычайным ситуациям, давно уже проводит мониторинг инопланетной активности в Мире-На-Оси. Не скажу, что мы знаем об инопланетянах все, но мы знаем достаточно для того, чтобы бороться с ними.

– И что же вам известно о наших врагах?

– На ваш вопрос ответит мой коллега. – Гиньоль указал рукой на Фанфанова. Он был уверен, что и на этот раз фантаст не подведет.

На губах Кимера появилась загадочная, в высшей степени неопределенная улыбка. Он откинулся назад, положил локоть на спинку стула и...

– В настоящее время в Мире-На-Оси активны три расы пришельцев. По нашей классификации это «серые», «зеленые» и «монки». Серые – человекообразные существа, ростом около двух с половиной метров с очень гладкой кожей сероватого оттенка. Их отличает аскетичный тип телосложения и угловатость движений. На взгляд обычного человека серые похожи на дистрофиков-переростков. У них очень длинные и тонкие руки и ноги с выступающими коленными и локтевыми суставами. Такие же длинные кисти рук с четырьмя пальцами. Головы вытянутые, безволосые, с двумя большими глазами, по форме похожими на обращенные вершинами вниз треугольники, одной маленькой носовой впадиной, затянутыми мембранами ушными отверстиями без раковин и совсем крошечными ртами. Речь их похожа на негромкое щебетание. Из одежды на них были замечены лишь пояса с набором кармашков и чехольчиков, в которых спрятаны различные инструменты и, по всей видимости, оружие. Кстати, отсутствие прочей одежды позволяет предположить, что то, что мы принимаем за кожу, на самом деле разновидность обтягивающего скафандра. Для общения с людьми серые используют телепатию. Хотя, надо сказать, в контакт они вступают крайне редко, лишь в случаях крайней необходимости, когда люди становятся случайными свидетелями их деятельности. Их больше интересуют животные нашего мира, над которыми они проводят изуверские эксперименты, цель которых нам до сих пор до конца не ясна. Также мы предполагаем, что появление мутантов и всевозможных чудовищ, вести о встречах с которыми регулярно приходят с разных концов Мира-На-Оси, также связано с тайной деятельностью серых. Как рассказывают контактеры, общавшиеся с серыми, их родиной является пятая планета звезды Иннив в созвездии Хуп. Второй тип – зеленые. Это также человекоподобные существа. Ростом они с семилетнего ребенка. Их кожа, как можно догадаться, зеленого цвета. И это действительно кожа. Она неровная, пупырчатая и влажная. Как правило, зеленые одеты в разноцветные комбинезоны со знаками отличия на груди и правом рукаве. Шлемов они не носят, что говорит о том, что они великолепно себя чувствуют в нашей атмосфере. Головы у них круглые, с большими, остроконечными ушами, явно выраженными носами, широкими ртами и большими почти круглыми фасетчатыми глазами. Их речь похожа на отрывистый лай. Но, когда нужно, они могут изъясняться на нашем языке, правда, с чудовищным акцентом. И фразы они строят абсолютно безграмотно.

Отличительной чертой зеленых является крайняя злоба и агрессивность. При случайных встречах с людьми они, не раздумывая, пускают в ход имеющееся у них оружие. По нашей классификации, оружие зеленых можно отнести к лучевому, акустическому и резонансному типу. Мы полагаем, что большинство случаев похищения людей связаны с деятельностью зеленых. По косвенным признакам, основываясь на рассказах тех, кто побывал в их шестипалых лапах, мы можем предположить, что их родина находится в созвездии Брюса. Ну и, наконец, монки. Это самый загадочный тип пришельцев. По имеющимся у нас сведениям, монки в совершенстве владеют телепатией, телекинезом, пирокинезом, проскопией, прекогнацией, левитацией, телепортацией, ректороманоскопией и прочими паранормальными способностями. Перед человеком они могут предстать в любом, самом неожиданном облике. Вот, представьте себе, господин Бургомистр, рядом с вами сидит министр по чрезвычайным ситуациям, человек, которого вы хорошо знаете. Или полагаете, что знаете. А что, если на самом деле это пришелец-монк, принявший облик министра по чрезвычайным ситуациям?

Бургомистр опасливо покосился на министра и, видимо на всякий случай, отодвинулся подальше от него.

– Мы подвергли воздействию глубокого гипноза более пятидесяти человек, похищенных монками, и выяснили, что на самом деле эти пришельцы похожи на небольших осьминогов, в обычном своем состоянии переливающихся всеми цветами радуги и парящих в метре над полом. Откуда они и каковы их цели, мы, увы, не знаем. Монки ни при каких условиях не вступают в открытый контакт с людьми. Но то, что происходит с людьми, побывавшими в щупальцах монков, не оставляет сомнения в деструктивности их намерений.

– А что происходит с людьми, побывавшими у монков? – спросил негромко, в совершенно несвойственной для него манере Бургомистр.

И вновь с подозрением покосился на министра по чрезвычайным ситуациям.

– Они все как один заявляют, – голос фантаста звучал зловеще, как щелчки секундной стрелки для приговоренного к смерти, – что теория эволюции Дарвина ошибочна.

Несколько мгновений в кабинете царила мертвая тишина. Люди отказывались верить в то, что слышали. Это было похоже даже не на безумие, а на чудовищное извращение, выворачивающее наизнанку все представления, основываясь на которых человек жил в мире и гармонии со Вселенной и с самим собой.

– Это... – Бургомистр поднял руки и снова уронил их на стол. – Господин... э-э-э... как там тебя?

– Фанфанов, – напомнил руководитель кабинета. – Кимер Фанфанов, – и очень вовремя ввернул: – Кстати, господин Фанфанов является фаворитом очередной Национальной литературной премии.

– И номинантом на Литературную премию Центральной Академии, – добавил Гиньоль.

– Очень славно, – одобрительно кивнул Бургомистр. – Так скажи мне, друг Фанфанов, я правильно понял то, что ты сказал? Люди, побывавшие в плену у пришельцев, отрицают справедливость теории Дарвина?

– Истинно так, господин Бургомистр. – Фанфанов сложил ладони вместе и коснулся подбородком кончиков пальцев. – И не только люди, но также эльфы, орки, огры, гоблины,

гномы, а также критики и примкнувшие к ним малограмотные поклонники сериала «Свалка».

– Но это уже ни в какие ворота! – возмущенно всплеснул руками Бургомистр. – Нет, я, конечно, понимаю... Нет, я ни края не понимаю! Они, то бишь ваши закрайные пришельцы, покусились на самое святое! На основу основ! На национальную идею, которая делает всех нас, людей, орков, эльфов, гномов и прочих сущих тварей, единым народом! – Бургомистр вскинул руку с выставленным указательным пальцем. – На эволюционную теорию!.. – Драматическая пауза, достойная момента. – Клим! Назначаю тебя руководителем этого самого, край его, Народного Фронта! Чтобы никаких у меня инопланетных вторжений! По крайней мере, до окончания моего срока. Ясно?

– Так точно, господин Бургомистр! – счастливо улыбнулся вновь назначенный председатель Народного Фронта Противодействия Инопланетной Угрозе.

Тут снова заерзал на стуле министр по чрезвычайным ситуациям, реально почувствовавший, что не только часть бюджета его ведомства, но и сам стул начал из-под него ускользать.

– Простите, господин Бургомистр, я так же, как и все, обеспокоен происходящим... за стенами этого кабинета. И тем не менее... Тем не менее... Все же, прежде чем переходить к активным действиям, мне... нам всем хотелось бы узнать о реальных случаях вмешательства инопланетных пришельцев в нашу, так сказать, повседневную жизнь. К примеру, я ни разу не сталкивался с подобными случаями. По каналам моего ведомства подобная информация также не проходила.

– Вы уверены, господин министр? – загадочно прищурился Гиньоль.

– Ну, если отбросить всевозможные слухи да ничем не подтвержденные рассказы...

– Господин Бургомистр! – Гиньоль поднялся на ноги и протянул руку. – Я могу попросить вас подойти к окну?

– Господин Бургомистр! – тут же вскочил со стула министр по чрезвычайным ситуациям. – Я решительно не советую вам это делать!

– Почему?

– На площади толпа!

– Ну и что?

– Неорганизованная, готовая на все толпа!

– Дружище, ты же говорил, что большинство в этой толпе – наши люди.

– Да – но остальные!

– Это жители Централя, собравшиеся, чтобы донести до властей свои надежды и чаяния, – сказал Гиньоль. – Я не думаю, что Бургомистр должен бояться своих сограждан. К тому же я вовсе не призываю господина Бургомистра выступить с речью. Я хочу, чтобы он бросил всего один взгляд в окно.

– Зачем?

– Чтобы он увидел то, что в упор не видите вы, господин министр по чрезвычайным ситуациям.

– Я хочу это увидеть! – решительно поднялся на ноги Бургомистр.

– Господин Бургомистр!..

– Отстань!

Отмахнувшись от министра по чрезвычайным ситуациям, Бургомистр прошествовал к глухо забранному портьерами окну. С другой стороны туда же подошел Гиньоль. Рукояткой трости Гиньоль чуть отвел портьеру в сторону. А Бургомистр осторожно выглянул на улицу.

– Что вы видите, господин Бургомистр?

– Толпу.

– Вы видите плакаты в руках у собравшихся?

– Да.

– Прочитайте один из них.

– «Моя жена ушла к пришельцу».

– Другой.

– «Когда нам вернут наши рояли?»

– Вот!

Гиньоль опустил трость, и портьера вновь отделила кабинет Бургомистра от внешнего мира.

– Рояли? – недоумевающе посмотрел на Гиньоля Бургомистр. – При чем тут рояли?

– В последнее время рояли стали главными объектами внимания пришельцев. Скажите, господин Бургомистр, неужели вы не слышали о случаях таинственного исчезновения сих музыкальных инструментов?

– Господин Бургомистр! – вытянувшись, отчаянно замахал рукой молчавший все это время министр культуры. – Рояль, господин Бургомистр! Рояль! Рояль Джерри Ли Льюиса!

– Точно! – радостно хлопнул в ладоши Бургомистр. – Три дня назад у нас пропал именной рояль Джерри Ли Льюиса!

– А я вам о чем говорю? – снисходительно улыбнулся Гиньоль. – Пришельцы ближе, чем кажется господину министру по чрезвычайным ситуациям.

– Господин Бургомистр! – снова затряс рукой министр культуры. – Завтра! Завтра должен состояться концерт!

– Точно! – Бургомистр в растерянности развел руками. – Завтра для нас должен играть Джерри Ли Льюис. А рояля – нету!

– Господин Бургомистр, – уверенно заявил Гиньоль. – Концерт отменяется в связи с угрозой инопланетного вторжения!

– Да! – Глаза Бургомистра радостно блеснули. – Мы не можем проводить концерт в такое время!

– Конечно.

– Когда судьба нации в опасности!

– Именно.

– Я должен сделать специальное заявление!

– Господин Бургомистр! – Голос министра по чрезвычайным ситуациям почти умоляющий. – Мы не должны идти на поводу!..

– Нет! – решительно взмахнул рукой Бургомистр. – Мы не пойдем на поводу! Мы встанем во главе!

– Браво! – свел ладони вместе Гиньоль. – Браво, господин Бургомистр. Это слава истинного политика и патриота!

– Чипизудов!

– Да, господин Бургомистр?

– Подготовь мне текст для выступления! Особо отметь случаи исчезновения роялей!

– Слушаюсь, господин Бургомистр.

– Кстати, Гиньоль, – Бургомистр вновь обратил взор на своего гостя. – А для чего пришельцам рояли?

– О, это отдельная история, господин Бургомистр. – Гиньоль таинственно закатил глаза. – Мы полагаем, что за исчезновением роялей стоит серьезная угроза национальной безопасности.

– Даже так? – озадаченно двинул бровями Бургомистр.

– Даже более того. – Гиньоль заговорщицки понизил голос. – Я думаю, господин Бургомистр, нам стоит рассмотреть этот вопрос на первом же заседании Народного Фронта противодействия инопланетной угрозе. Ведь вы же почтите нас своим присутствием, господин Бургомистр?

– Непременно, – Бургомистр отеческим жестом положил руку Гиньолю на плечо. – Непременно, друг мой.

Глава 29

Гиньоль почти без сил упал в кресло и перебросил руки через подлокотники.

– Уф! Ну и денек!

Он расстегнул пиджак и пальцем ослабил узел галстука.

– Умаялся?

Франтишек наполнил бокал «Божоле» и протянул его Гиньолю.

– Еще как!

Гиньоль с благодарностью улыбнулся, взял бокал и сделал глоток.

– Наш план сработал?

– На все сто! – Гиньоль сделал еще один глоток «Божоле». – Два гения не могут ошибиться!

– В новостях уже рассказали о создании Народного Фронта противодействия инопланетной угрозе. Во главе с Климентом Чипизудовым.

– Чипизудов очень вовремя подвернулся, – усмехнулся Гиньоль. – В конце концов, наша главная и единственная задача – прикрыть тылы господина Бей-Брынчалова. После этого мы резко уйдем в тень, предоставив Клименту Ефремовичу самому разбираться с инопланетной угрозой.

– Рассказывай! – нетерпеливо заерзал на стуле Франтишек.

И Гиньоль приступил к неторопливому, обстоятельному рассказу. Время от времени он протягивал опустевший бокал, и Франтишек вновь наполнял его. К тому времени, когда Гиньоль подошел к концу истории, вина в бутылке осталось на доньшке.

Встреча у Бургомистра закончилась триумфально. Иначе и не скажешь. Дабы успокоить собравшийся на площади народ и убедить его разойтись по домам, Гиньоль обратился к людям с балкона. Речь, которую он произнес, хотя и была почти полностью

сымпровизирована, оказалась настолько проникновенна и прочувствованна, что в конце ее к Гиньолю присоединились министр культуры и сам Бургомистр. Последний лично заверил собравшихся, что проблема инопланетной угрозы взята им на личный контроль, ни серые, ни зеленые, ни спрутообразные твари не пройдут, а если и пройдут, то получают достойный отпор в лице Народного Фронта, который завтра же начнет свою работу! Министр по чрезвычайным ситуациям тоже хотел сказать несколько слов, но Гиньоль шепнул Бургомистру на ухо, что это было бы совершенно неуместно. Поскольку выступление министра по чрезвычайным ситуациям не только не успокоит народ, но, напротив, перепугает его и, быть может, даже вселит глубокую неуверенность в завтрашнем дне. Министр по чрезвычайным ситуациям получил отказ и почувствовал себя совсем плохо. То бишь более не в фаворе. Если он и затаил злость на Гиньоля, то самому Гиньолю до этого не было дела. Он не собирался плести интриги и строить козни кому бы то ни было. Он делал свое дело. Делал так, как умел только он один. Быстро, четко и профессионально. Так что его хождение во власть будет недолгим.

После того как успокоенные словами Гиньоля и отчасти репликами Бургомистра люди начали расходиться по домам, а министр по чрезвычайным ситуациям исчез где-то в таинственных закоулках ратуши, Чипизудов еще раз отрекомендовал Фанфанова как будущего лауреата Национальной литературной премии. Бургомистр, на которого выступление фантаста произвело неизгладимое впечатление, не имел никаких возражений. Однако ж министр культуры оказался не столь уверен в будущем лауреате. Нервно перебирая пальчиками, он поинтересовался у руководителя кабинета, а теперь еще и председателя Народного Фронта, нет ли других кандидатов на премию? В ответ Чипизудов попросил министра культуры самого назвать фамилии достойных. Министр подумал, подумал, почесал в затылке, подергал себя за ухо, снова подумал, и еще раз подумал, и в конце концов согласился с тем, что лучшей кандидатуры, чем Кимер Фанфанов, он не видит.

Поначалу Фанфанов сиял, как начищенный грант. Но когда понял, что Национальная литературная премия фактически у него в кармане, то чуть было в обморок не рухнул. А тут еще и Чипизудов, не успели они с Бургомистром распрощаться, попросил Кимера, Клару и Гиньоля хотя бы ненадолго заглянуть к нему в кабинет для того, чтобы... Тут Клим Ефремович смутился и, потупив взор, забормотал что-то невнятное.

В общем, он хотел получить автограф Кимера. А Кимер оказался не прочь его дать.

Надо сказать, Чипизудов показал себя не просто поклонником Кимера Фанфанова, а истинным знатоком и ценителем его творчества. Послушав, как он рассуждает о стилистических особенностях прозы Фанфанова, о его новых, нестандартных подходах к считающимся классическими темам, о его смелых экспериментах с сюжетными конструкциями, Гиньоль понял, что Климент Ефремович не просто так, с кондачка, протолкнул кандидатуру Фанфанова на Национальную литературную премию – он на самом деле считал Кимера достойнейшим из достойных.

– Надо было слышать, с какой увлеченностью эти двое обсуждали проблему передвижения гигантских медузообразных существ в атмосфере газового гиганта с повышенным содержанием гелия! – Гиньоль восторженно закатил глаза. – А когда речь зашла о плотоядных амазонках из системы Центр Двадцать Три – представляешь, они

поедают отцов своих будущих детей! – я уж было решил, что Чипизудов всерьез уверовал в угрозу инопланетного вторжения! Но самое удивительное произошло в конце, когда Климент вывалил перед Кимером кучу книг на подпись. После того как наш фантаст, преодолевая усталость, подписал все до последней, Клим протянул ему еще три, зачитанные буквально до дыр. И шепотом, как великую тайну, сообщил, что эти три книги просила подписать лично для нее жена Бургомистра! Как оказалось, она тоже является тайной поклонницей Кимера Фанфанова! А? Как тебе?

Франтишек с философской невозмутимостью откусил кусок печатного пряника.

– На месте Кимера я бы учредил клуб своих тайных почитателей.

– Для этого ему пришлось бы скрыться под псевдонимом.

– Не только ему, но и всем его поклонникам.

– Тогда какой в этом смысл?

– Ну, если как следует подумать, во всем можно отыскать смысл. Даже в расположении трещин на асфальте.

– Или в словах Бургомистра.

– Макдуров действительно настолько неадекватен, как о нем говорят?

– Не согласен с таким определением. Он вполне адекватен той ситуации, в которой находится.

– То есть ты хочешь сказать, что сама ситуация в Городском Совете ненормальна?

Гиньоль улыбнулся, чуть наклонил голову и протестующе помахал рукой.

– Вот если, к примеру, тебя сунуть в воду с головой, как бы ты оценил такую ситуацию?

– Как смертельно опасную.

– Иными словами – ненормальная ситуация? Верно?

– Конечно.

– А между тем рыбы в такой ситуации чувствуют себя вполне комфортно. Им, наверное, странно, почему это тебе не нравится жить под водой?

– Иными словами, Бургомистр чувствует себя во власти как рыба в воде.

– Точно! Все остальные лишь притворяются, что могут дышать под водой, а он это действительно умеет. Поэтому активная жизнь политика, как правило, коротка и зависит от того, на сколько ему удастся задержать дыхание. А Макдуров – непотопляем.

– Ну хорошо. И какие у нас планы насчет этого «Титаника»?

«Титаник», если кто не помнит, это самый большой морской круизный лайнер, созданный специально для того, чтобы возить туристов к Крайним льдам. Маршрут этот пользуется неизменной популярностью среди богатых жителей Мира-На-Оси. Однако плавание среди Крайних льдов связано с неизменным риском. Всем памятна эпопея «Челюскина», который, оказавшись зажатым льдами, начал вместе с ними дрейфовать в сторону Края. Благо все закончилось хорошо – экипаж и туристов спас дирижабль «Умберто Эко». Что стало с самим «Челюскиным» – неизвестно. В момент, когда он приблизился к Краю, его сигнал исчез с экранов радаров. И все. «Титаник» же знаменит другим. За время своих плаваний он трижды натыкался на подводные ледяные глыбы, которые пропарывали ему днище. Но благодаря уникальным конструктивным особенностям корабль всякий раз оставался на плаву и самостоятельно возвращался в порт приписки. После третьего случая

его даже хотели переименовать в «Непотопляемый». Однако команда и капитан категорически этому воспротивились, посчитав, что вместе со старым названием «Титаник», может, потеряет и удачу. Конечно, это всего лишь старое морское суеверие. Но где был бы сейчас «Титаник», если бы не оно? Не знаете? Вот то-то!

– Завтра днем состоится заседание Народного Фронта, на котором будет присутствовать Бургомистр. Нам с Кимером предстоит убедить его в том, что рояли, которые похищают пришельцы, являются страшным оружием и инопланетные твари собираются использовать его против нас. Мы отправляем группу специального назначения на поиски оружия массового поражения. И на вершине Лысой горы они находят именно рояль Джерри Ли Льюиса. Финиш. На этом наша миссия завершена. И со спокойной совестью и чистыми руками мы можем браться за новое дело.

– Однако есть одно «но»!

– «Но» есть, как правило, всегда. И хорошо, если только одно.

– Взойдя на Лысую гору, brave спасители отечества обнаружат там только один рояль.

– Тот, который нам нужен.

– Но ты постоянно твердишь о массовом похищении роялей. Один – это не масса.

– А сколько тогда нужно для массовости?

– Десятка два. Лучше – три.

– Как, по-твоему, мы сможем затащить на Лысую гору двадцать роялей? Да еще так, чтобы никто этого не заметил?

– Не знаю.

– Я тоже. Но я знаю, что нужно как можно скорее заканчивать это дело. Иначе игра в угрозу инопланетного вторжения может слишком далеко зайти. Кое-кому в Городском Совете она начинает нравиться. Да и Хруль с Вин-Винтовским непременно желают заполучить в ней более активные роли. Представляешь, что может произойти, если все они сольются в экстазе?

– Один рояль – это откровенная халтура. – Франтишек с досадой покачал головой.

Гиньоль и сам это понимал. Но он считал, что в данной ситуации лучше один, чем вообще ничего. Поэтому он лишь с сожалением развел руками.

В дверь постучали. Негромко, но требовательно. Так стучать умел только один человек в доме.

– Входи, Туанона! – сказал Франтишек.

Туанона лишь чуть приоткрыла дверь.

– Господин Гиньоль, к вам посетитель.

– Нет, нет, нет! – протестующе замахал руками Гиньоль. – Никаких посетителей! Скажите ему, Туанона, что я никого не принимаю! Или лучше скажите, что я занемог. Что я болен. Тяжело и, быть может, неизлечимо.

Туанона не стала спорить, а просто протянула Гиньолю визитку.

Гиньоль взглянул на визитку, многозначительно хмыкнул и молча передал ее Франтишеку.

Глава 30

На визитке значилось:

**«Алистер Кроули.
Магия – наше ремесло»**

Бумага была дорогая, печать высококачественная, шрифт стилизован под готику.

– Такого клиента нельзя упускать. Туанона, проводи, пожалуйста, господина Кроули в мой кабинет.

Гиньоль поднялся на ноги, быстро привел в порядок костюм и, подмигнув Франтишеку, вышел за дверь. Поднявшись в свой кабинет, он первым делом сел за стол, выдвинул ящик и удостоверился, что система связи с комнатой Франца работает, как ей и полагается. Едва Гиньоль закрыл ящик стола, как в дверь кабинета постучали. И это была не Туанона. Стук был уверенный и требовательный. Стоявший за дверью явно не привык к тому, чтобы его заставляли ждать.

– Входите! – громко произнес Гиньоль и поднялся навстречу гостю.

Взгляду Гиньоля предстал уже не молодой орк, одетый, как отошедший от дел байкер. Джинсы, кожаная куртка и темные очки. Костюм, прямо скажем, несколько необычный для делового человека, да и для орка тоже. Но Гиньоля этим было не удивить. Приветливо улыбнувшись, он протянул гостю руку.

– Рад встрече, господин Кроули. Мое имя Гиньоль. Гиньоль Гиньоль. Или, если угодно, Джин Ойл. Я решаю проблемы. Любые проблемы.

Пожав орку руку, Гиньоль усадил его в кресло для гостей, стоявшее чуть в стороне от стола. А сам занял свое обычное место. На узенькой металлической панельке, врезанной в торец столешницы, горела крошечная зеленая точка – Франтишек сигнализировал, что гость настроен неагрессивно. Рядом мигала желтая точка – это означало, что у Кроули есть какой-то свой интерес. Ну, иначе и быть не могло.

Гиньоль, как прилежный ученик, сложил руки на столе.

– Итак, господин Кроули, что за проблема привела вас ко мне?

Кроули поджал губы. Он как будто чувствовал некоторую нерешительность.

– Господин Кроули, – Гиньоль подался вперед и, чуть понизив голос, придал ему доверительные интонации. – Я понимаю ваши сомнения. Но ко мне приходят люди с самыми разными проблемами, – он сделал паузу и еще раз повторил: – С самыми разными. И если уж вы пришли ко мне, то должны быть предельно откровенны. Как с лечащим врачом. В противном случае есть риск, что будет поставлен ошибочный диагноз, а значит, и лечение будет назначено неверное. – Пауза. – Вы меня понимаете, господин Кроули?

– Да, – коротко кивнул орк.

Не видя глаз собеседника, Гиньоль не мог точно отследить его реакцию на свои слова. Это создавало определенную трудность в общении.

– С чем связана ваша проблема? – решил задать наводящий вопрос Гиньоль. – С вашей профессиональной деятельностью?

– С этим у меня все в порядке. – Кроули взмахнул рукой, будто провел ладонью по окружающей его невидимой стене.

– Отношения с дамой?

Кроули почесал за ухом.

– Ну, можно, наверное, и так сказать...

Гиньоль бросил взгляд на панельку с огоньками. Франтишек был уверен, что никаких сердечных мук Кроули не испытывал. Ну, женщины и без того могли создать кучу проблем.

– Хочу быть с вами откровенным, господин Гиньоль.

– Именно к этому я вас и призываю, господин Кроули.

– Называйте меня Алистером.

– А вы меня – Гиньодем.

– Так вот, Гиньоль, вчера я был на Лысой горе и видел там рояль с табличкой, извещающей, что прежде этот инструмент принадлежал Джерри Ли Льюису.

Внешне Гиньоль остался невозмутим. Для этого ему пришлось использовать все свои возможности самоконтроля. В мозгу же у него все кипело, бурлило и пузырилось. «Шантажист!» – такова была первая мысль, выкристаллизовавшаяся из этого первичного бульона.

– Вы коллекционируете вещи, принадлежавшие знаменитостям, Алистер?

Вторая мысль: «Подъем на Лысую гору закрыт. Его охраняет полоумный Гарик. Как Алистер смог забраться на гору?»

Третья: «Зачем он вообще туда полез? И какого края притащился со своим открытием ко мне?»

Из-за того что вопросы множились в геометрической прогрессии, Гиньоль чувствовал себя крайне неудобно. Сказать иначе – как рак, опущенный в кипяток. С одной стороны – среда вроде бы родная, с другой – очень уж непривычные ощущения.

– Гиньоль, вы знаете, как рояль попал на вершину Лысой горы?

Гиньоль быстро взглянул на разноцветную сигнальную панель. Странно, но Франтишек не видел причин для беспокойства. И предлагал Гиньолю не волноваться понапрасну. Значит, то, что у Гиньоля адреналин в крови подскочил, Франтишек почувствовал. А с Кроули, выходит, ничего необычного не происходило.

– Вы хотите, чтобы я занялся этим вопросом?

Кроули улыбнулся и снял очки. Улыбка была вполне дружелюбная. А глаза у Алистера оказались серые, чуть раскосые, как у всех орков.

– Насколько мне известно, врачи лгут только смертельно больным пациентам. А со мной пока все в порядке.

– Рад это слышать, – улыбнулся в ответ Гиньоль.

– Полагаю, Гиньоль, вам известно, что именно рояль Джерри Ли Льюиса должен находиться в ратуше Городского Совета. Более того – сам Джерри Ли Льюис собирается играть не нем завтра.

– Концерт отменен в связи с чрезвычайной ситуацией. Централю угрожает инопланетное вторжение.

– Мне понравилась ваша идея, – одобрительно наклонил голову Кроули. – В самом

деле, Гиньоль, вы здорово провернули это дело.

Улыбка Гиньоля сделалась немного смущенной.

– Вы мне льстите, Алистер. Я всего лишь поступил так, как подсказывали мне разум и совесть. Кто-то должен был, наконец, посмотреть правде в глаза и указать на опасность. На моем месте мог оказаться кто угодно. Профессор Хруль. Или доктор Вин-Винтовский.

– Мне ничего не говорят эти имена, – покачал головой Кроули.

– Это активные деятели Центра Угрозы Панспермии. Очень достойные и уважаемые ученые.

– Не сомневаюсь. Но они меня не интересуют. Я хочу понять, каков во всем этом ваш интерес?

Гиньоль подался чуть вперед и заговорщицки понизил голос:

– А почему я должен отвечать на этот вопрос?

– Вот это уже другое дело! – негромко хлопнул в ладоши Кроули. – Рояль интересуется меня по одной простой причине – его исчезновение может доставить массу неприятностей оркам, судьба которых мне не безразлична. Мне известно, что три дня назад вы были в Центральной Академии. Казалось бы, что в этом такого? Мало ли какие дела могут быть в Академии у человека, занимающегося решением проблем? Но спустя всего лишь сутки после своего визита в Академию вы появляетесь на телевидении и говорите о таинственных исчезновениях роялей!

– Я говорил об угрозе инопланетного вторжения.

Гиньоль откинулся назад, на спинку кресла и посмотрел на контрольную панель. Франтишек по-прежнему был уверен, что ситуация под контролем. Более того, он полагал, что Кроули говорит откровенно и ему можно доверять.

– Честное слово, Гиньоль, я в восторге от ваших организаторских способностей! Поверьте, я тоже понимаю в этом толк. Но вы – это нечто! Всего за один день вы провели беспрецедентно мощную информационную атаку в прессе, которая обеспечила вам появление на одном из центральных каналов телевидения. После которой вы были приглашены на встречу с Бургомистром.

– На встречу меня пригласили еще до эфира, – счел нужным уточнить Гиньоль.

– Тем более! А завтра у вас заседание Народного Фронта Противодействия Инопланетной Угрозе! – Кончиками пальцев Кроули нарисовал в воздухе некий таинственный знак. В этом не было ничего магического – он просто любил так делать. – Скажите, чего ради все это?

Гиньоль на секунду задумался. Еще раз взглянул на сигнальную панель – ни одной тревожной нотки. И он принял решение.

– Вы мне поверите, Алистер, если я скажу, что все это ради того, чтобы ни у кого не возникло проблем из-за того, что рояль Джерри Ли Льюиса неким таинственным образом переместился из Желтого Дома на вершину Лысой горы?

Гиньоль пальцем прочертил в воздухе дугу, соединившую два противоположных угла стола.

– Что вы имеете в виду, когда говорите, что рояль переместился таинственным образом? – спросил Кроули.

– Я понятия не имею, как это произошло, – пожал плечами Гиньоль. – Да меня это и не интересует.

– В таком случае вы лжете, – безапелляционно заявил Кроули.

– И что же дает вам повод усомниться в моих словах? – искренне удивился Гиньоль.

– Девушка, которая была с вами на приеме у Бургомистра.

– При чем тут она? – Гиньоль по-прежнему не понимал, куда клонит Алистер.

– Вы знаете, кто она?

– Это подруга моего компаньона. Ее зовут Клара Цеткин.

– Серьезно? – саркастически усмехнулся Кроули.

Гиньоль почувствовал раздражение.

– Послушайте, Алистер, мне не нравится подобная манера общения. Вам известно что-то, чего не знаю я. А может быть, вы только делаете вид, будто что-то знаете. В любом случае, либо выкладываете все начистоту, либо проваливаете за край. Вас устраивает такая альтернатива?

Кроули выпрямил спину, прижал указательный палец к губам, как будто просил кого-то соблюдать тишину, и очень внимательно посмотрел Гиньолю в глаза.

– Вы действительно не знаете, кто она такая?

– У нас не было времени как следует познакомиться – мы встретились только вчера.

– Вы хотите сказать, это была случайная встреча?

– Да, именно это я и хочу сказать. А теперь выкладываете, что вам про нее известно? У нее дурная репутация? Проблемы с законом? Она просаживает деньги в казино? Или, может быть, подделывает чеки?..

– Эта девушка – кадавр.

– Не может быть! – с чрезмерной театральностью всплеснул руками Гиньоль. – Представьте себе, мне это известно!

– А вам известно, что это она доставила рояль на Лысую гору?

Гиньоль так и замер с раскинутыми в сторону руками.

В первый момент ему показалось, что версия Кроули имеет право на существование. Однако, подумав совсем немного, Гиньоль пришел к выводу, что это не так.

– Это нереально, – уверенно заявил он. – Кадавру ничего не стоит в одиночку поднять на гору рояль. Но он не смог бы остаться незамеченным. К тому же сначала Клара должна была бы так же незаметно вынести рояль из Желтого Дома, пронести через пол-Централя, войти на охраняемую территорию Академии... Нет, это абсолютно невозможно!

– Невозможно для обыкновенного кадавра. Но Клара, как вы ее называете, кадавр Шредингера, обладающий уникальной способностью использовать эффект квантового туннелирования. Вам, полагаю, известно, что это значит?

– В общих чертах. – Гиньоль снова посмотрел на сигнальную панель. Франтишек по-прежнему был уверен, что орк говорит чистую правду. – Но, полагаю, сейчас нет необходимости в серьезной проработке теории. Вопрос в другом – зачем Клара это сделала?

– А в этом уже виноват мой глупый сородич, работающий в Желтом Доме. – Орк досадливо цокнул языком. – Представьте себе, этот недоумок случайно нашел в библиотеке Кука листок с заклинанием Шредингера, создал кадавра из женского манекена, велел тому

убрать рояль, который мешал натирать полы, а после проваливать куда подальше! Вот кадавр и поступил в полном соответствии с полученной установкой!

– Понятно. – Гиньоль постучал пальцами по столу. – И вас беспокоит, что из-за этого у вашего приятеля возникнут проблемы?

– Не у него одного. В Желтом Доме работает небольшая группа орков-шенгенов.

– Понятно. – Гиньоль еще раз выбил пальцами дробь. – И ничего более?

– Ничего. – Кроули улыбнулся. – В вопросах борьбы с инопланетным вторжением я некомпетентен.

Гиньоль почесал пальцем висок. Бросил взгляд на сигнальную панель.

– Полагаю, Алистер, нам есть что обсудить.

Глава 31

Гиньоль моментально развил бурную деятельность, результатом которой стало то, что ровно через пять минут все, кто в данный момент находились в доме номер 2/21 по улице Дзуйхицу, собрались в гостиной. Последним, как и следовало ожидать, явился Франтишек. Что-то недовольно ворча себе под нос и ни на кого не глядя, толстяк протопал через комнату и плюхнулся в широкое плюшевое кресло, похожее на разверстую пасть гиппопотама. Он вообще предпочитал не двигаться без особой на то необходимости. А тут ему пришлось спуститься по лестнице, а ведь потом, чтобы вернуться к исходному, максимально удобному положению, снова придется подняться наверх. Есть от чего впасть в меланхолию. Благо оказавшаяся рядом заботливая Туанона успела подложить подушку под спину своему любимчику. И поставила ему на колени поднос со свежее испеченным печеньем. Франтишек с благодарностью улыбнулся домоправительнице. В этот миг ему казалось, что она единственная во всем доме понимает его. И не просто понимает, а ценит и любит его таким, какой он есть – толстым, неповоротливым и постоянно что-то жующим.

Быстро представив друг другу тех, кто еще не был знаком, Гиньоль сразу перешел к делу.

– Дамы и господа! У меня для вас замечательное известие! – Гиньоль довольно потер ладони. – С помощью господина Кроули, – сложенными вместе ладонями Гиньоль указал на орка, – нам удалось найти финальный аккорд для созданной нами симфонии! – Он развел руки в стороны и на секунду замер. Как будто в ожидании аплодисментов. Но, поскольку таковых не последовало, Гиньоль продолжил: – Завтра мы собираемся предложить на суд Народного Фронта разработанную нами теорию о злонамеренном похищении роялей недружественными космическими пришельцами. До сего момента единственным слабым местом этой программы оставалось то, что на Лысой горе находится всего один рояль. В то время как для убедительности требуется...

Вытянутой рукой Гиньоль указал на Франтишека.

Франц, никак не ожидавший того, что Гиньоль переключит внимание всех собравшихся на его скромную персону, суетливо смахнул крошки печенья с губ и подбородка.

– Штук тридцать... Минимум – двадцать.

– Нашему эксперту можно доверять, – эти слова были адресованы персонально

Кроули. – Так что давайте остановимся на цифре двадцать пять.

Орк благосклонно наклонил голову.

– Простите, речь идет о двадцати пяти роялях? – решил уточнить Кимер. – Я правильно понял?

– Именно! – Гиньоль щелкнул пальцами, как фокусник, готовый вытащить из шляпы живого тигра. Ну, в крайнем случае, кролика.

– Вы придумали, как за одну ночь незаметно доставить на Лысую гору двадцать пять роялей? – спросила удивленная Мадлона.

– И где вы возьмете эти двадцать пять роялей? – перевела проблему в практическую плоскость донельзя прагматичная Туанона.

– Рояли предоставит Алистер. – Гиньоль вновь указал на орка. – Вернее, его друг, владеющий музыкальным салоном. Алистер договорится с ним о предоставлении роялей в кредит. Мы же выставим счет Ректору Академии, который по договору должен оплачивать все наши накладные расходы. Кроме того, рояли ведь останутся в его распоряжении. И он сможет использовать их в гуманитарных целях на благо родной Академии.

– Ну хорошо, а что насчет доставки?

– Этот вопрос сложнее. С технической стороны. Поэтому я и попросил всех вас собраться. Для того чтобы уложиться в срок, мы должны действовать быстро, четко и слаженно. Не сбиваясь с темпа и не допуская досадных и глупых промахов. Но! – Гиньоль поднял вверх сразу два указательных пальца. – Представление, которое мы собираемся устроить на Лысой горе, не состоится, если в нем откажется участвовать та, на кого мы возлагаем все наши надежды. – Гиньоль обвел взглядом всех присутствующих и остановил его на Кларе. – Дорогая, тебе предстоит сыграть главную роль.

– Постой, постой, Гиньоль! – Кимер шагнул вперед, как будто собирался прикрыть собой Клару. – О чем идет речь? При чем тут Клара?

Гиньоль сделал успокаивающий жест рукой.

– Как мы уже выяснили, Клара – кадавр.

– Господин Гиньоль! – возмущенно воскликнула Туанона. – Вы не имеете права оскорблять несчастную девушку!

– Это не оскорбление, Туанона, а всего лишь констатация факта. Клара действительно кадавр.

– Господин Гиньоль!

– Туанона! Вы – человек, Алистер – орк, Клара – кадавр! Понимаете? В этом нет ничего оскорбительного или унижительного!

– Хм!

Туанона скривила губы и отвернулась. Ей все равно не нравилось слово, которое употреблял Гиньоль.

– Клара, надеюсь, вы не воспринимаете слово «кадавр» как оскорбление? – обратился Гиньоль к девушке.

– Нет, – качнула головой та. – Я знаю, что я кадавр. И меня это ничуть не смущает.

– Замечательно. – Гиньоль сложил ладони перед собой. – Уверяю, Клара, мы любим тебя такой, какая ты есть. Более того, ты в своем роде уникальна и неповторима.

– К чему ты клонишь, Гиньоль? – недовольно нахмурился Кимер.

Гиньоль показал ему открытую ладонь.

– Скажи, Клара, ты знаешь, как рояль их Желтого Дома попал на Лысую гору?

– Да. – Девушка потупила взгляд. – Я отнесла его туда.

– Клара! – ошарашенно уставился на нее Кимер. – Почему ты мне об этом ничего не рассказывала?

– Ты не спрашивал, – тихо, не глядя на фантаста, ответила девушка.

– Клара, ты помнишь, как это произошло?

– Смутно.

– Попробуй рассказать.

– Человек... Нет, это был орк... Тот, что создал меня... Он велел мне унести рояль куда-нибудь подальше. И добавил, что после этого дарует мне свободу. Я подняла рояль... Я еще не знала, куда понесу его... Но вдруг меня словно потянуло куда-то... Мне трудно это объяснить. Франц сказал, что пока в моем организме не произошли изменения, необходимые для того, чтобы я могла питаться, как человек, мне нужно получать энергию от внешних источников...

– Тебя потянуло к мощному источнику энергии, как голодного тянет к еде, – сказал Франтишек и откусил половинку печенья с изюмом. – И этим источником была, естественно, Суперструна.

– Я не знаю, как это произошло. Я просто сделала шаг и оказалась рядом с этим источником энергии. Я стояла на вершине горы и видела невдалеке возносящийся в небо столб света. Я поставила рояль на землю, сделала еще один шаг и оказалась совсем рядом с этим светящимся столбом. Я всем своим телом ощущала тот чудовищный поток энергии, что был заключен в этом источнике. Но в то же время я поняла, что не смогу сделать из него ни глотка.

– Конечно, – кивнул Франтишек. – Прикоснуться к Суперструне невозможно, так же как нельзя взять в руки кубик, нарисованный на бумаге.

– Но потом ты интуитивно поняла, что можешь использовать в качестве источника необходимой тебе энергии гисы, – напомнил Гиньоль.

– Да. Но я не думала, что нужно вернуть рояль на место. Мне об этом никто не сказал. Если нужно, я могу это сделать!

– То есть ты можешь снова переместиться на Лысую гору?

– Конечно.

– Ты можешь сделать это несколько раз подряд?

– Сколько угодно. Мне нужны только гисы в достаточном количестве.

– Нет, Гиньоль, мы не станем этого делать! – Кимер наконец-то догадался, что задумал Гиньоль. – Мы не станем подвергать Клару опасности!

Кимеру Фанфанову впервые в жизни захотелось почувствовать себя героем одного из своих романов. Высоким, широкоплечим и мускулистым красавцем, способным с белозубой усмешкой спустить курок приставленного к виску револьвера, чтобы обыграть в бедламбесскую рулетку очередного инопланетного монстра. Естественно, только ради того, чтобы спасти из его цепких когтей, клещей или щупалец прекрасную деву. И в какой-то

момент ему действительно показалось, что он может голыми руками приструнить двух, а то и трех вооруженных мечами и бластерами хулиганов. Как вечно бретерствующий карточный шулер Пушкин из цикла романов «Хроники вечного бунтаря, или Ваша карта бита».

Но Клара, увы, даже и не подозревала о новых способностях Кимера.

– Мне это не сложно, – улыбнулась она.

– Это ты так считаешь, – попытался настоять на своем Кимер.

– Для меня это так же естественно, как для тебя – бегать по лестнице.

– Это действительно так, – подтвердил Кроули. – Способность к туннелированию заложена в ней, если можно так сказать, от рождения.

– Я хочу исправить то, что сделала. И я могу это сделать.

– Ты не ведала, что творила!

– Но теперь-то я понимаю, что сделала не совсем то, что от меня ожидали!

– Теперь это уже не твоя забота!

– Чья же тогда?

– Гиньоля! Он взялся решить эту проблему!

– В таком случае, я хочу ему помочь!

– Не стоит!

– Почему?

– Он и сам отлично справляется!

– Но ты ведь ему помогаешь!

– Я не бегаю по ночам с роялями!

– Я тоже не побегу! Как называется то, что я умею делать?

– Понятия не имею, – пожал плечами Кимер.

– Квантовое туннелирование, – подсказал Кроули.

– Вот видишь! Ты даже этого не знал!..

Туанона смотрела на спорящую пару, умильно улыбаясь.

– Это их первая ссора. – Она тихонько толкнула локтем стоявшую рядом с ней Мадлону.

– Вот только повод они выбрали странный, – отозвалась та.

Домоправительница скосила хитрый взгляд на девушку.

– Тебе бы тоже пора найти ухажера.

Мадлона бросила на Туанону возмущенный взгляд и даже приоткрыла рот. Но так и не нашла что ответить.

– Подождите! – взмахнул руками Гиньоля. – Помолчите, пожалуйста!

– Ты вообще обо мне ничего не знаешь! – Клара, как истинная женщина, оставила последнее слово за собой.

Кимер хмыкнул эдак неопределенно и посмотрел на Франтишека. Тот улыбнулся и протянул ему печенье с корицей. Фантаст взял печенье и тяжело вздохнул.

– Разве можно поверить в то, что ей всего три дня от роду?

– Клара ко всем вопросам подходит эвристически, – многозначительно заметил Франтишек.

– Да? – Кимер откусил печенье. Оно оказалось очень вкусным. – Может, ей стоит

заняться кулинарией?

На это Франтишек ничего не ответил. Он лишь загадочно улыбнулся.

– Клара, – Гиньоль осторожно взял девушку за запястье. – Если бы мы встретились три дня назад, то я попросил бы тебя только вернуть рояль в ратушу. Но сейчас это уже невозможно.

– Почему?

– Потому что мы замесили слишком густое тесто.

Клара непонимающе вскинула бровь.

– Нам все равно придется отвечать за историю с пришельцами, которую мы раскрутили. И в этой ситуации лучше, если рояль останется на горе. Так нам проще будет убедить всех заинтересованных лиц в том, что произошло именно то, что они ожидали.

– Хорошо, пусть остается, – согласилась с таким решением Клара.

– Но, как ты уже слышала, нам нужно тайно доставить туда же, на гору, еще двадцать пять роялей. И в этом мы можем рассчитывать только на тебя.

Клара озадаченно прикусила губу и сдвинула брови. Ее безупречно красивое личико приобрело комично серьезное выражение.

– Есть проблемы? – встревожился Гиньоль.

– Мне придется двадцать пять раз переместиться туда и обратно.

– Ты думаешь, что не справишься?

– На Лысую гору я смогу переместиться без труда. Суперструна служит хорошим ориентиром. А вот обратно, – Клара озадаченно покачала головой. – Я почти не знаю Централь. А значит, при обратном туннелировании могу оказаться где угодно.

– Значит, нужен ориентир?

– Хотелось бы.

– А что может служить ориентиром?

– Какой-нибудь мощный источник энергии.

– Как насчет городского хранилища гисов? – предложил Франтишек.

– Сколько там гисов?

– В хранилище находится резервный запас гисов, которого должно хватить всему Централю как минимум на год, если вдруг по какой-то причине прекратятся все поставки.

– Это может сработать!

– Нет, – сказал Кроули. – От хранилища гисов до музыкального салона, где мы будем брать рояли, час езды. Даже в ночное время и по пустым улицам. Мы не управимся за ночь.

– Есть другие предложения?

Гиньоль обвел взглядом присутствующих. Похоже, ни у кого ответа на заданный им вопрос не было. Даже у Туаноны, у которой, как правило, имелись ответы на все вопросы.

– Мадлона, у нас есть карта Централя?

– Всего?

– Где находится музыкальный салон?

– На улице Эйзенштейна. Это Первый круг.

Мадлона выдернула с полки свернутую в рулон карту и передала Гиньолю. Тот быстро развернул ее на столе и прижал углы первым, что подвернулось под руку, – недопитой

чашкой чая, блюдцем, костяным ножом для бумаги и невесть как оказавшимся в гостинной домашним шлепанцем.

– Здесь! – ткнул пальцем в нужное место на карте орк.

– Так. Что тут у нас поблизости?.. Больница, кинотеатр... А здесь что?

– Театр-варьете. Рядом – музей восковых фигур мадам Гросхолтц. За ним – эльфийские бани.

– Тогда вот здесь должен быть Ипподром.

– Верно. Но это не то, что нам нужно...

– Стоп! – Фанфанов стукнул по столу кончиками пальцев. Раз, а затем еще дважды. – Я никогда не был на Ипподроме, но пару раз проходил мимо. За одной из трибун, если не ошибаюсь, находится высокая каменная башня.

– К Ипподрому башня не имеет никакого отношения – она примыкает к комплексу эльфийских бань. Владелец бань хотел от нее избавиться, но какой-то там комитет по историческому наследию запретил ее сносить. Более того, хозяин бань отвечает за ее сохранность и оплачивает работу реставраторов.

– Какова высота башни?

– Метров десять-двенадцать.

– Если мы поднимем на смотровую площадку башни штук семь переносных преобразователей Шмица-Шульмана, замкнем их в кольцо и запустим на всю катушку, то получим семифазный силовой моноцикл, генерирующий непрерывный мощный энергетический поток. Это, конечно, не Суперструна, но тоже должно сработать.

– Уверен? – недоверчиво посмотрел на фантаста Гиньоль.

– Такой же трюк проделал один из моих героев в книге «Мы живем на Занзибаре». Правда, задача у него была другая. Но я всегда стараюсь тщательно прорабатывать темы, которые затрагиваю в своих произведениях.

– А как добраться до башни? Снять на всю ночь баню?

– Это не так-то просто. Эльфийские бани пользуются популярностью. Места резервируются на два-три месяца вперед.

– Я знаю владельца эльфийских бань, – сказал Кроули. – Он хотя и эльф, но с ним можно договориться – он мой должник. А преобразователи силы позаимствуем на Ипподроме. По ночам они там без надобности.

– Остается решить вопрос с гисами. – Гиньоль посмотрел на часы. – Заказывать большую партию на складе уже поздно – доставят только завтра.

– А если самим подъехать на склад?

– Бесполезно, – качнул головой Кроули. – На складе гисов очень строгий учет. Без оформления всех необходимых бумаг тебе там и крошки гиса не дадут.

– А в магазинах продаются только мелкие фасовки, по пять, десять и пятнадцать гисов.

– Поезжайте в трамвайное депо, – подал голос Франтишек. – Только ближе к полуночи.

Гиньоль через плечо бросил недоумевающий взгляд на развалившегося в кресле толстяка.

– Это ты к чему?

Франтишек склонился над стоявшим у него на коленях подносом, выбрал печенье с

маком, попробовал и одобрительно кивнул.

– В одном только Первом круге три трамвайных депо. Из каждого примерно пятьдесят вагонов выходят каждый день на линии. Если вы очень вежливо поговорите с ночным сторожем в депо, – Франтишек поднял руку и потер большой палец о средний и указательный, – то, полагаю, он не откажется пошарить по трамвайным преобразователям и выгрести оставшиеся там гисы. С утра в преобразователи загрузят новые дневные порции гисов, и потерю никто не заметит.

– Отличная идея, Франц!

– Я знаю, – с царственным, невозмутимо спокойным видом Франтишек взял с подноса печенье. – Мне часто приходят в голову замечательные идеи. А потом они снова куда-то уходят. Наверное, это круговорот идей. Как ты думаешь, Гиньоль?

Гиньоль не знал, что и сказать. Порой ход мыслей Франтишека повергал его в недоумение. Поэтому он лишь пожал плечами и вновь повернулся к расстеленной на столе карте.

– Мы с Кимером возьмем на себя трамвайные депо. На вас, Алистер, Ипподром и музыкальный салон. Но сначала договоритесь с владельцем эльфийских бань о том, чтобы Кимера пустили на башню. Как только мы добудем первую партию гисов, он займется подготовкой системы преобразователей.

– Я могу воспользоваться вашим телефоном? – поинтересовался орк.

– Конечно, – Гиньоль указал на комод, где стоял телефонный аппарат. – Клара, тебе, я думаю, следует отправиться с Алистером. Чтобы осмотреться на месте, ну и, я не знаю, как-то подготовиться, наверное. Кстати, я думаю, костюм тебе лучше сменить.

– У меня есть отличный спортивный костюм, – помахала рукой Мадлона. – Темно-синего цвета. Я в нем бегаю по утрам. Он мне немного велик, значит, Кларе будет впору.

– Спасибо, Мадлона. Тебе с Туаноной придется сесть в такси и объехать все работающие магазины, магазинчики и просто ларьки. Скупайте все имеющиеся в наличии гисы.

– А ужин кто будет готовить? – недовольно сдвинула брови домоправительница.

– Мне очень жаль, Туанона. – Гиньоль покаянно склонил голову. – Но сегодня всем нам придется ужинать вне дома. Если вообще придется. Но! На твой завтрак мы все уповаем!

Туанона осталась довольна ответом Гиньоля. Однако, как и полагается, виду не подала.

– Так! Если всем все ясно, принимаемся за дело! Завтра – последний день нашего грандиозного представления!

– Эй! – окликнул Гиньоля Франтишек. – А мне что делать?

– Ты будешь сидеть дома, отвечать на телефонные звонки и координировать наши действия!

Франтишек скривился так, будто ему попалось печенье с хинином.

– И ради этого ты заставил меня спуститься по лестнице?

Глава 32 **(Самая длинная)**

Говорят, Вселенная начиналась с жуткого хаоса. Даже нет, скорее вот так – С ЖУТКОГО ХАОСА!!! И, между прочим, говорят об этом не маргиналы с улицы Цветов, а космогонисты с мировыми именами. Если так, то либо кто-то очень здорово потрудились, чтобы все привести в порядок, либо любой ЖУТКИЙ ХАОС в первооснове своей имеет парадоксальную тенденцию к самоорганизации в упорядоченные структуры.

То, что замутил этой ночью Гиньоль, поначалу напоминало первозданный ЖУТКИЙ ХАОС. Кто бы мог подумать, что действия множества людей, на первый взгляд кажущиеся разрозненными и несогласованными, в конечном счете сольются воедино и, как острие стрелы, выпущенной из лука непревзойденным мастером, угодят точно в центр мишени?

Никто.

За исключением самого Гиньоля.

Естественно, возникает вопрос, чувствовал ли Гиньоль себя при этом неким высшим существом, которому подвластны законы как Общей, так и Специальной теории относительности? Нет, не чувствовал. И даже не задумывался об этом. Гиньоль делал свое дело. Делал его так, как только он один и умел. При внешней сумбурности, все шло как надо.

Итак.

Если вам никогда прежде не доводилось бывать в эльфийских банях, вам непременно стоит туда заглянуть. Хотя бы из чистого любопытства. Многие считают, что эльфы вообще не моются. Говорят, что эльфы придумали одеколон для того, чтобы маскировать им дурной запах своих немых тел. Им даже приписывают поговорку «Кто смывает с себя грязь – тот смывает свое счастье».

Все это не так.

На самом деле эльфийская поговорка гласит: «Черного кобеля не отмоешь добела». Одеколон придумали вовсе не в Мегангарии – древней прародине эльфов, а в Парнапарнасе. А мегангарские эльфы, обладающие крепкой коммерческой хваткой, первыми наладили промышленное производство парфюма и распространили моду на него по всему Миру-На-Оси. Ну а то, что эльфы не моются, так это полная глупость. Порукой тому – эльфийские бани. Хотя поход в эльфийскую баню – это скорее дань моде, нежели гигиеническая процедура.

Эльфийская баня – это, прежде всего, огромная деревянная бадья, около двух метров в диаметре и высотой в половину человеческого роста. Понятное дело, имеется в виду рост среднего человека. Хотя для карликов и форвардов баскетбольной сборной вход в эльфийскую баню также не заказан. Бадья наполнена чуть теплой водой, в которой растворено невероятное количество различных ароматических солей, масел и экстрактов. Каждый коктейль имеет свое фирменное название. Вроде – «Дор Фирн-И-Гуинар», «Дагор-Нуин-Гиляиф» или «Дар Илуварта». Что все это значит – спросите у эльфов. Сама вода в бадье непременно подкрашена в цвет, выбранный клиентом, а по поверхности ее плавают лепестки цветов, мелкие листочки и хвоя. Снаружи по краю бадьи приделаны полочки, на которых стоят банки, пузырьки и флакончики, наполненные все теми же ароматными смесями, из которых придирчивый клиент может составить дополнительный букет по собственному вкусу. Также на полочках расставлены напитки, как крепкие, так и

безалкогольные, и легкие закуски эльфийской кухни. Закуски, надо сказать, очень легкие. Почти невесомые. Но такова уж особенность эльфийской кухни. Эльфы мало того, что вегетарианцы, так еще и отличаются крайней скаредностью – и это уже не миф, а чистая правда, – а потому стараются экономить даже на еде для себя. Что уж говорить об угощениях для других. А посему посетителям эльфийских бань, желающим как следует закусить, приходится делать дополнительный заказ. За отдельную плату можно заказать услуги цирюльника, маникюрши и массажистки. Впрочем, последняя, в строгом соответствии с эльфийскими традициями, станет массировать вам только плечевой пояс. Причем при этом даже не залезет в бадью.

Собственно, вот такая картина. Три-четыре посетителя сидят в одной бадье, наполненной благоухающей до одури чуть тепленькой водичкой, что-то едят и пьют, разговаривают и между делом подсыпают и подливают в воду то, что попадает под руку. От чего, надо сказать, аромат становится еще нестерпимее. И все это под звуки тягучих, невообразимо занудных эльфийских песнопений. И хорошо еще, если музыка воспроизводится через динамики. В дни, когда в бане выступают живые исполнители, клиентам вместе с выпивкой и закусками подают еще и таблетки от головной боли.

Понятно, что эльфийская баня предназначается строго для любителей экстремальной экзотики. Но, как ни странно, в Централке таких огромное множество. Как правило, это дети богатеньких родителей, бахвалящихся друг перед другом тем, кто каким образом безрассудно потратил деньги. Эльфийские бани с их непомерно раздутыми ценами на весь предлагаемый спектр услуг – любимое место тусовки подобной шибко продвинутой публики.

Мода на эльфийские бани возникла после того, как в одной из них утонул кумир всех недорослей, протоиерей ордена поэтов-баталистов Вениамин Шпагатов. Поэт принимал ванну в отдельном кабинете, заказав гору своих любимых сэндвичей с жареными бананами, юаньской колбасой, бедламбесским салом и имбирным маргарином. Когда банщик, несколько озадаченный тем, что от дорогого и желанного клиента давно нет никаких вестей, заглянул в кабинет, он увидел звезду, плавающую в бадье среди размокших сэндвичей. И все бы ничего – звезды на то и звезды, чтобы чудить по-звездному, то есть не так, как все. Да только плавал он в очень странном положении – голым задом вверх и опустив голову глубоко под воду. Фанаты до сих пор спорят о том, что послужило причиной смерти их кумира? Сердечный приступ, несварение желудка или застарелый геморрой, осложненный острым панкреатитом? Кто-то придерживается версии о суициде. Другие уверены, что это было злонамеренное убийство, за которым стояли менее удачливые конкуренты из ордена поэтов-суффражистов. Есть и такие, кто считает, что вся эта история не более чем инсценировка. А на самом деле Вениамин Шпагатов, устав от славы и мирской суеты, живет себе по сей день спокойно на юге Суч-И, выращивает в собственном саду финики, маслины и фиги, а на досуге слагает вирши, которые будут опубликованы лишь после его окончательной и бесповоротной смерти. Подтверждением достоверности сей версии, по мнению адептов, служат торжественные оды в честь Национального Лидера Единой и Нерушимой Партии Бедламбеса, появляющиеся ежегодно седьмого октября, в день рождения Национального Лидера, в журнале «Вестник Бедламбеса». Фанаты, верящие в то, что Шпагатов все еще жив, утверждают, что оды в «Вестнике Бедламбеса» принадлежат его

бессмертному перу. Вне всяких сомнений.

Что в этой истории правда, а что – ложь, судить не нам. К тому же, прежде чем вообще задумываться об этом, следует задать себе вопрос, любите ли вы поэта Шпагатова так, как любят его... А, собственно, кому вообще нравится этот Шпагатов? И кем бы он сейчас был, если бы не всплыл в эльфийской бане голым задом кверху, среди размокших бутербродов с жареными бананами, юаньской колбасой, бедламбесским салом и имбирным маргарином?

«Слава – странная штука», – сказал в свое время Император Ху. – При жизни ты никому не нужен. А после смерти тебе уже на все наплевать. Так в чем тогда Дао?»

– Хотите взглянуть на ванну, в которой утонул Шпагатов? – спросил хозяин бани у Кроули и Клары, едва они успели поздороваться.

– Какой в этом смысл? – пожал плечами орк.

– Кто такой Шпагатов? – невинно поинтересовалась Клара.

– Понятно, – улыбнулся эльф. – Поэзией вы не увлекаетесь. Тогда и сэндвичи по-шпагатски я вам предлагать не стану.

– Нас интересует башня, – напомнил Кроули.

– Идемте, – кивнул эльф.

Они прошли через длинную череду подсобных помещений и вышли на задний двор.

Башня, сложенная из грубо отесанных валунов, возносилась вверх, подобно символу вечности и незыблемости. Основание ее, казалось, вросло в землю, а вершина хотя и не попирала небеса, но была готова выдержать удар молнии. Камни, уложенные в стены башни древними безымянными строителями, покрывал плотный, как борода лешего, слой мха и лишайника. Из стыков меж камней пробивались стебли травы.

– Мох декоративный, лишайник искусственный, трава селекционная, особого сорта, способная расти на камнях, – сообщил эльф. – Все это обошлось мне в кучу грандов. И, спросите меня, ради чего?

– Ради чего? – спросила Клара.

– Чтобы получить бумажку от Центрального управления по надзору за архитектурными памятниками, подтверждающую, что я являюсь опекуном этой башни и могу пользоваться прилегающими к ней строениями. То бишь моими банями.

Эльф отомкнул замок и, ухватившись обеими руками, оттянул на полметра тяжелую железную дверь. Протиснувшись боком в образовавшийся проход, он нашел на стене выключатель и зажег свет. Внутри башня была абсолютно пустой. Лишь по стене тянулась узкая каменная лестница без перил, ведущая на смотровую площадку.

– Я провел сюда электричество, чтобы не навернуться с лестницы. Не знаю, как они раньше поднимались вверх?

– Кто? – спросил Кроули, глядя вверх.

– Воины.

– Какие воины?

– Говорят, раньше эта башня была частью оборонительных сооружений крепости Дун-Блеске, отражавшей набеги печенегов... Или, может быть, огров... Я точно не помню. Кстати, наверху есть телефон. Я на всякий случай провел туда телефонную линию.

– Можно подняться? – взглядом указал на лестницу Кроули.

– Пожалуйста! Только я с вами наверх не полезу. Нет там ничего интересного. Да и дел у меня полно...

Держась ближе к стене, Кроули и Клара поднялись наверх и, откинув деревянную крышку люка, выбрались на смотровую площадку. Четыре каменных столба по углам поддерживали двускатную черепичную крышу. Прежде кровля была деревянной, но нынешний опекун башни при реставрации использовал более экономичный и долговечный материал. На одном из столбов был закреплен синий пластиковый ящик, открыв который Кроули обнаружил телефон. С башни открывался отличный обзор на все четыре стороны света. Двигаясь по периметру башни, можно было увидеть Ипподром, зоопарк и часть улицы Эйзенштейна с прилегающими к ней эльфийскими банями. Вдали, в стороне площади Звезды, можно было разглядеть размытую линию терминатора, отделявшую ночную часть Централя от той, что еще была освещена додекаэдром.

– Ну, как тебе? – сняв очки, спросил Алистер.

– Мне нравится, – улыбнулась девушка.

Кроули снял трубку и набрал номер.

– Смигли?.. Это Кроули. Выгляни в окно... Что значит зачем? Говорю тебе, выгляни!.. Видишь свет наверху башни? – Алистер повернулся в сторону, выходящую на Ипподром, и помахал рукой. – Да, это я. Ну как, нашел для меня преобразователи?.. Сколько?.. Отлично, семи будет достаточно. Отправь их сюда... Ну да, наверх... Что значит сам забирай? У тебя что, рабочих нет?.. Заняты? Ну, пусть ненадолго оторвутся от дел... Слушай, Смигли, когда ты в следующий раз попросишь у меня скидку на приворотное зелье, ссылаясь на то, что ты постоянный клиент... Отлично, жду.

Кроули повесил трубку и подмигнул Кларе.

– Порядок!

Тем временем Гиньоль и Кимер уже нанесли визит в одно из трамвайных депо. И хотя депо еще не было закрыто на ночь, им удалось приобрести около трехсот гисов по оптовой цене. После чего Гиньоль направился в следующее депо, а Фанфанов, поймав такси, понесся к эльфийским баням, чтобы запустить преобразователи силы.

В то же самое время Мадлона и Туанона планомерно, один за другим, объезжали окрестные магазины, скупая все имеющиеся в наличии гисы. Их принимали за странную парочку, решившую запасть гисами на всю оставшуюся жизнь. Но, в конце концов, кто из нас не странен? Так что дела у дамочек продвигались неплохо.

Франтишек сидел дома, ел сливовый пирог, который оставила ему Туанона, попил «Божоле», кормил крошками пирога попугайчиков и, поскольку телефон упорно молчал, а по телевизору интересных передач не было, думал о том, как бы обустроить Централь?

Следует сказать, что в это же самое время Бургомистр могуче храпел в своей постели и видел сладкий сон о том, как его в очередной раз переизбирают Бургомистром. И не просто переизбирают, а всенародно решают продлить его полномочия с четырех до шести лет! С тем, чтобы по истечении означенного срока сделать должность Бургомистра Централя пожизненной!

Ах, мечты, мечты...

Жена же Бургомистра, вставив в уши беруши и включив ночник, с упоением читала

книгу Кимера Фанфанова «Возвращение капитана Буха на планету Грез». Время от времени она открывала первую страницу, на которой размашистым почерком Фанфанова было написано «Моей любимой читательнице. Преданный Вам Кимер». Жена Бургомистра томно вздыхала и вновь вместе с капитаном Бухом отправлялась на планету Грез, где располагалось древнее святилище галактических ведьм.

Ах, мечты, мечты...

Руководитель кабинета Бургомистра, а с нынешнего дня также и председатель Народного Фронта Противодействия Инопланетной Угрозе Климент Чипизудов в этот поздний час также предавался мечтам. И так же, как жена Бургомистра, с книгой Кимера Фанфанова в руках. Он сидел в глубоком мягком кресле, закутавшись в теплый плед. Рядом на столе стояла чашка горячего шоколада и открытая коробочка пастилы «Белая палочка» из кондитерской Менделеева. Но Чипизудову было не до сладостей – он с головой был погружен в головокружительные приключения отважного космического револьверос Чарльза Диккенса, за ловкость и неуязвимость прозванного Стальная Блоха. Как раз сейчас Диккенс в очередной раз был на волосок от гибели. А все потому, что разоблачил некоего Пиквика, под прикрытием Клуба самоубийц поставившего рабынь на планету Шелум, населенную ядовитыми саблезубыми кроликами и летающими медузами, для которых время текло в обратную сторону.

Ах, если бы только знал Кимер Фанфанов, скольким людям он подарил этой ночью радость! Но Кимер ничего этого не знал. И вместо того чтобы нежиться в лучах славы, фантаст бежал вверх по лестнице башни Дун-Блеске с коробкой гисов в руках.

Выбравшись на смотровую площадку, Кимер увидел Клару и Алистера, любующихся ночными видами Первого круга Централя. Тут в самом деле было на что посмотреть. Ночной Первый круг красив, как ни один другой город мира. Оплетенные разноцветными лампочками деревья на бульварах, искусно подсвеченные фонтаны, россыпи ярких фонарей вдоль пешеходных улиц, сияющие витрины дорогих магазинов и салонов, переливающиеся разноцветными огнями афиши театров и варьете – все это делало Первый круг Централя похожим на блистающий сотнями огней чудесный драгоценный камень. Но вместо того, чтобы ахнуть от восторга, Кимер почувствовал укол ревности. Еще бы! В то время как он бежит по трамвайным депо в поисках гисов, его девушка любит ночным городом в компании respectable орка! Вам бы такое понравилось?

Услышав шорох за спиной, Кроули обернулся.

Увидев, что это Фанфанов, орк надел солнцезащитные очки.

Кимеру это тоже не понравилось. Какой смысл в темных очках, если и без того темно?

– Достал?

– Да. – Кимер встряхнул коробку. – Часа на полтора хватит.

– Мы для тебя все уже приготовили.

Кроули указал на расставленные кругом генераторы силы. Ровно семь штук. И катушку с силовым кабелем.

– Отлично.

Кимер поставил коробку на пол, присел на корточки, отмотал с полметра кабеля и начал соединять им первые два преобразователя.

– Ты только в теории знаешь, как это должно работать? – поинтересовался Кроули.

– Да, – не глядя на орка, ответил Фанфанов.

– Быть может, стоит позвать специалиста?

– Я всю жизнь только тем и занимаюсь, что сначала осваиваю теорию, а затем применяю ее на практике. И у меня неплохо получается.

– Как скажешь, – не стал настаивать орк.

Кимер подсоединил клеммы, щелкнул рубильником и крутанул верньер настройки. На контактах с треском вспыхнул ярко-голубой дугообразный разряд. Раздался приглушенный хлопок. И Кимер отлетел к ограждению.

– Дорогой! – Клара упала рядом с ним на колени и схватила бедолагу за руку. – Ты цел?

– Кажется, – не очень уверенно ответил Кимер.

Взгляд его рассеянно блуждал по сторонам. Фантасту казалось, что вокруг него роятся тысячи разноцветных звездочек. Очень маленьких, но ярких. Причем каждая издает характерный только для нее звук, похожий на высокочастотный звон.

– С тобой все в порядке? – Клара попыталась заглянуть ему в глаза.

– Возможно, – предположил Кимер.

– Я все же вызову специалиста. – Кроули снял телефонную трубку.

– И еще врача! – воскликнула Клара.

– Врача не надо! – решительно возразил Кимер.

– Я тоже так думаю, – согласился с ним Кроули.

Орк прекрасно понимал состояние фантаста – Кимер и без врача чувствовал себя полным пентюхом. Вернее, ему казалось, что это Клара видит его таким. Хотя на самом деле девушка смотрела на Кимера с таким обожанием, что Алистеру, честное слово, даже завидно стало. Чтoб на него кто-нибудь так посмотрел. Хотя бы раз.

Не прошло и пяти минут после звонка Кроули, как на смотровую площадку вскарабкался невысокий, коренастый гном со шкиперской бородкой и короткой изогнутой трубкой в зубах. На гноме был синий рабочий комбинезон, из многочисленных кармашков которого торчали отвертки, пассатижи, гаечные ключи, штангенциркуль и еще какие-то многочисленные инструменты.

– Ну, кому тут нужна помощь? – пыхнув дымом, осведомился гном.

Кимер к тому времени уже окончательно пришел в себя, рой круживших вокруг него разноцветных звездочек растаял в ночи, чем, надо сказать, Фанфанов был несколько опечален, но зато теперь лично ему помощь уже не требовалась. Поэтому он принял самое активное и деятельное участие в создании семифазного силового моноцикла. Касаться клемм он более не решался, зато давал гному множество весьма полезных и своевременных советов и указаний. По счастью, гном попался понимающий и не лишенный чувства юмора. Слушая Кимера, он согласно кивал, благодушно улыбался, утвердительно пыхал дымом, а в конечном итоге все делал по-своему. Не подозревавший о том Кимер был очень собой доволен.

После того как система была собрана, гном всыпал в приемник каждого из преобразователей по пригоршне гисов и, хитро подмигнув Кимеру, включил поочередно все семь рубильников. Преобразователи приглушенно загудели, так что сразу всем стало ясно, что в этом кольце заключена немалая сила.

Гном выбил погасшую трубку о деревянные поручни ограждения.

– Признаться, не пойму, на кой вам это надо. – Он снова набил трубку табаком и подпалил ее. – По мне, так это пустой перевод гисов. Но, с другой стороны, гисы не мои, а знать, и дело тож не мое. – Гном рассуждал, как истый философ. – В общем, робить будет нормально. Нужно только следить за показаниями датчиков. – Гном постучал согнутым пальцем по небольшому полукруглому окошку на одном из преобразователей. – И подсыпать гисы, не дожидаясь, когда стрелка сползет ниже красной отметины. – Он снова подмигнул Кимеру. – Вот и вся премудрость.

– Я в том и не сомневался. – Улыбка у Кимера получилась несколько натянутая, но в ярком электрическом свете это было почти незаметно.

Во всяком случае, гном сделал вид, что ничего не заметил. Это был очень деликатный гном, немало повидавший на своем веку, а потому ко многому относящийся с должным пониманием.

Убедившись в том, что его квалифицированная помощь более не требуется, гном удалился восвояси.

– Ну как? – обратился Кимер к Кларе. – Ты чувствуешь поток энергии?

Он взмахнул обеими руками над системой из семи преобразователей, будто древний чародей, вызывающий злого духа.

– Сейчас чувствую, – кивнула Клара. – Но Лысая гора очень далеко. Оттуда все будет выглядеть иначе.

– Мы можем прибавить мощности. – Кимер ухватился за большой черный верньер.

– Ничего не трогай, – остановил его Алистер. – Гном сказал, что настроил систему на максимальную мощность.

– Да, но если Клара не увидит этот знак...

– Вот тогда и станем думать, что делать. Сначала нужно попробовать.

Кимер вынужден был согласиться.

Ему страшно не хотелось отпускать от себя Клару. Даже на шаг. Тем более – на Лысую гору. Но он понимал, что для нее это шанс раз и навсегда покончить с прошлым. Не забыть, но смириться с тем, кто она такая. И стать, наконец, обычной женщиной, с ее ежедневными заботами и скучными проблемами. Никак не связанными с похищением именных роялей.

Алистер и Клара отправились в музыкальный салон. А Кимер остался на смотровой площадке башни Дун-Блеске. Фантаст был весь на нервах, но держался молодцом.

Время неумолимо приближалось к тому моменту, когда сегодняшний день становился вчерашним, а завтра превращалось в сегодня.

Мадлона с Туаной продолжали объезд ночных магазинов. Если поначалу они чувствовали себя как-то неловко, спрашивая у продавцов гисы и покупая все имевшиеся в наличии, то со временем Туане стало абсолютно безразлично то, что продавцы бросают на нее странные взгляды. Как будто подозревают, что она ест эти гисы! Да хоть бы и ела – им-то что за дело? Мадлоне же было так грустно смотреть в скучающие полусонные глаза ночных продавцов, что, дабы не расплакаться прилюдно, она стала представлять себя знаменитой актрисой, которая инкогнито зашла в магазин. По-настоящему увлекшись придуманной игрой, Мадлона напустила на себя такой флер таинственности, что продавцы, глядя на нее,

стали гадать, кто она такая и где они ее прежде видели? Один даже предложил сбегать на склад и посмотреть, не завалилась ли там коробка-другая гисов. А другой на всякий случай, чтобы после не жалеть, протянул Мадлоне раскрытый ежедневник и, смущенно улыбаясь, попросил расписаться. Мадлона, вернее, та таинственная незнакомка, которой она себя воображала, благосклонно улыбнулась поклоннику и, дыша духами и туманами, оставила на чистой странице росчерк шариковой авторучки.

У Гиньоля дела тоже шли неплохо. Можно даже сказать, хорошо. В арендованном на всю ночь такси Гиньоля ехал в очередное трамвайное депо. А в багажнике машины уже стояли две большие коробки, наполненные гисами. Тонкий знаток человеческих, да и не только, душ Франтишек Йи оказался прав. Как всегда. За небольшую мзду ночные сторожа в депо были не прочь покопаться в приемниках трамвайных преобразователей силы и выгребсти оттуда неиспользованные гисы. Раньше они подобное не практиковали по одной простой причине – торговля гисами была государственной монополией и не совсем законно присвоенные гисы попросту некуда было пристроить. Ну разве что горсть-другую домой прихватить, для бытовых преобразователей. Когда же человек сам является в депо и изъявляет желание прикупить гисов, да побольше, как же ему отказать?

Гиньоля попросил шофера остановить машину возле бюро срочной доставки.

Выставив на стойку оператора две большие тяжелые коробки, Гиньоля попросил немедленно доставить их на смотровую площадку башни Дун-Блеске, той, что за эльфийскими банями. Оператор аккуратно записал адрес, сверился с данными вычислителя и сказал, что время доставки составит от двадцати семи до тридцати двух минут. Гиньоля это устраивало. Он оплатил заказ и вернулся к ожидавшему его такси.

Франтишек сидел дома, в своем кресле. Новостей никаких не было. Чтобы не заснуть, он читал пятый том героической эпопеи Кимера Фанфанова «Там, где нас не было и не будет» и ел вареники с вишней, что оставила ему Туанона. Четырех предыдущих томов у Франтишека не было, но в начале книги имелось краткое изложение событий, предшествующих описанным в пятом томе. Вареники были холодные, слипшиеся, но разогреть их Франтишеку было лень. В доме царил тишина. Даже попугайчики уснули, спрятав голову под крыло. Ночь тянулась мучительно долго.

Несмотря на поздний час, не спали и орки-шенгены, работающие в Желтом Доме. Покончив с дневными делами, орки занялись тем, чем обычно занимались каждый вечер изо дня в день. Тем, без чего их жизнь, скорее всего, утратила бы тот исключительный смысл, который они сами вкладывали в это понятие. Орки смотрели телевизор. Причем не один, а сразу два. Потому что Мара с Жанной непременно должны были увидеть продолжение сериала из жизни странной семейки, состоявшей из папы и пяти его сыновей. Мамы не было и в помине. Но самым интересным было даже не это, а то, что один из сыновей был человеком, другой – эльфом, третий – орком, четвертый – гномом, а пятый – огром. Причину такого ассорти создатели сериала объяснить не потрудились. А зрителям, судя по всему, до этого не было никакого дела. Потому что аудитория «Странной семейки» была огромной, а рейтинг – рекордно высок. Побить этот рекорд смог только вчерашний «Процесс» с участием Гиньоля. Алика, Гену и Жору не интересовали события из жизни странной семейки. Поэтому они смотрели спортивный телеканал. Им было все равно, что происходило на экране – они

все комментировали с видом знатоков. Собственно, по их мнению, именно в этом и заключался смысл просмотра спортивных телепередач.

– Нет, ну ты только глянь! Ты только глянь на него!

– Да кто ж так бьет?!

– Ногу нужно было выше закидывать!

– И носок тянуть!

– Нырять нужно глубже!

– E2-F5! Без вариантов!

– От угла нужно было бить! В среднюю лузу!

– Блокируй!.. Блокируй, я тебе говорю!..

– Да чтоб тебе за край!..

Аскольдик курсировал между теми и другими. С одной стороны, ему интересно было посмотреть «Странную семейку». С другой – хотелось почувствовать себя мужчиной. А мужчина, понятное дело, должен увлекаться спортом. В смысле, не бегать по утрам и не гонять мяч на заднем дворе, а смотреть спортивные передачи и не соглашаться ни с одним решением судьи. Это Аскольдик для себя уже уяснил. Твердо.

Во время рекламы, прервавшей Одиннадцатый международный пятидневный забег в честь сто одиннадцатой годовщины Великого Стояния на реке Уде, Алик достал из холодильника три бутылки пива. Себе, Гене и Жоре.

Всякий раз, когда Алик шел за пивом, Аскольдик надеялся, что он и ему предложит бутылку. Как настоящему мужчине. Пиво Аскольдик пробовал всего раз, и оно ему страшно не понравилось. Но тут ведь дело не во вкусе, а в принципе. Но и на этот раз Алик пива ему не предложил. Аскольдик тяжело вздохнул и отправился смотреть «Странную семейку».

Алик протянул приятелям по бутылке, сел на стул и свернул со своей бутылки пробку.

– Слушай, Алик, – наклонившись, тихо обратился к нему Гена. – Все хотел тебя спросить...

На этом он умолк.

Алик глотнул пива и благодушно кивнул.

– Спрашивай.

– А ты не обидишься?

– На что?

– На то, о чем я тебя спрошу.

– А ты?

– Что я?

– Ты-то сам не обидишься?

– А при чем тут я?

– А я при чем?

– Так ведь это я тебя хочу спросить.

– Ну я и говорю, спрашивай.

Гена приложился было к бутылке. Но оказалось, что он забыл ее открыть. Помянув край, Гена свернул пробку и отпил из бутылки.

– Ну так что? – задумчиво посмотрел на него Алик.

– Что? – растерялся Гена.

– Спрашивай, что ли. А то скоро реклама закончится.

Гена бросил взгляд на экран телевизора. Показывали его любимый ролик про кошачий корм. Нет, Гена не любил кошачий корм – он любил кошек.

– Алик, – голос Гены едва слышен. – Ты не обращал внимание на то, что Мара проводит слишком много времени с этим типом?

Алик глотнул пива.

– С каким еще типом?

– С Алистером Кроули.

– Ну и что?

– Тебя это не настораживает?

Алик криво усмехнулся.

– С чего бы вдруг?

– Ну... Видишь ли...

Реклама закончилась. И на смену абсолютно непромокаемым памперсам и жвачке с бесконечно долгим вкусом пришли изможденные лица участников пятидневного забега. Глядя на них, можно было решить, что каждый проклинал тот день и час, когда он дал согласие на участие в этом мероприятии, больше смахивающем не на спортивное соревнование, а на тест на живучесть. А между тем впереди у них были еще три дня изнурительного и бессмысленного бега под палящим светом Додекаэдра.

– Все! – Алик азартно хлопнул Гену по коленке. – После поговорим!.. Я не вижу... Где мой две тысячи двенадцатый номер?

– Во время рекламной паузы, – сообщил бесстрастный голос телекомментатора, – сошел с трассы бегун из Холопени Владимир Харконен, выступавший под номером две тысячи двенадцать. Тренер спортсмена сказал, что Владимир слишком много на себя взял и не слушал советов тренера. Кстати, тренирует Владимира Харконена он сам. Подобная практика не редкость в последнее время. Особенно в профессиональном беге на супердлинные дистанции. Одни связывают это с прошлогодней забастовкой тренеров. Другие считают, что все дело в том, что спортсмены ни с кем не хотят делить свои победы...

Кимер Фанфанов не смотрел репортаж с Одиннадцатого международного пятидневного забега в честь сто одиннадцатой годовщины Великого Стояния на реке Уде. Он вообще не любил спортивные передачи. Он не понимал, как можно сопереживать людям, которые по собственной воле, к тому же за большие деньги, доводят себя до изнеможения, а то и получают физические увечья? Он не мог взять в толк, почему нужно приходить в неистовство из-за того, что кто-то прыгнул на полсантиметра выше или дальше другого? Или кинул какую-то странную штуковину на волос дальше соперника? Кимер даже не знал, что сейчас проходит Одиннадцатый международный пятидневный забег в честь сто одиннадцатой годовщины Великого Стояния на реке Уде. Он и про первые десять не слышал. Он сидел на смотровой площадке башни Дун-Блеске и ждал звонка от Алистера. И, как только телефон зазвонил, он тотчас же схватил трубку и крикнул голосом, срывающимся от волнения:

– Слушаю!

- У нас все готово, – спокойно и ровно прозвучал в трубке голос Кроули.
- Я хочу поговорить с Кларой!
- О чем?

Кимер и сам этого не знал. Он просто хотел услышать ее голос.

- Я хочу убедиться, что с ней все в порядке!
- С ней все в порядке.

Кроули окинул взглядом Клару, стоявшую в двух шагах от него, среди окружавших их роялей. Она уже приняла пригоршню гисов и переделалась в спортивный костюм Мадлоны. Глаза ее возбужденно блестели, а костюм сидел на ней так, что трудно было глаз отвести. Идеально.

- С ней действительно все в порядке.
- Пусть она мне об этом скажет.

– Послушай, Кимер, я не держу Клару в заложницах. Но сейчас ее лучше не отвлекать. Ей нужно собраться и сосредоточиться. Эффект квантового туннелирования это нечто сродни глубокой медитации. Понимаешь?

Конечно, Алистер был прав. И Кимер прекрасно это понимал.

- Да.
- Если все пойдет нормально, ты увидишь Клару через пару минут.
- Постой!
- Что?

– А если она промахнется мимо смотровой площадки? И упадет вниз?

– Не упадет. Пятая поправка Максвелла к эффекту квантового туннелирования. Объект не может материализоваться в воздухе. Под ним должна находиться твердая опора.

– Точно?

– Абсолютно. Вернувшись с Лысой горы, Клара окажется либо рядом с тобой, на смотровой площадке, либо где-то неподалеку. Следи за показаниями прибора.

Кимер посмотрел на планшет, что держал в руке. Светлая искорка на нем отображала местоположение радиомаячка, закрепленного на спортивном костюме Клары. Сейчас он находился в квартале от башни Дун-Блеске, в музыкальном салоне, предоставившем Кроули рояли.

– Мы начинаем, – сказал Кроули.

– Да, – кивнул Фанфанов.

Клара присела на корточки, забралась под ближайший к ней рояль, уперлась в него руками и легко подняла огромный музыкальный инструмент над головой. Выпрямившись, она сделал шаг.

Искорка на планшете в руке Кимера погасла.

– Она ушла, – сказал Алистер.

– Вижу.

Прошла минута...

Другая...

– Ну, что там? – нетерпеливо спросил Алистер.

Похоже было, что орк тоже нервничал.

Третья...

Теория теорией, но кто знает, как оно на деле обернется?

Четвертая...

Искорка вспыхнула вновь.

– Есть! – радостно воскликнул Кимер.

– Где?

– В двух домах от меня! Я иду к ней!

Сунув планшет в перекинутую через плечо сумку, Кимер побежал вниз по лестнице. И было просто чудом, что он не сверзился вниз и не свернул себе шею.

Размахивая руками, как безумный, он пробежал через вереницу подсобных помещений эльфийских бань, распугивая работающих там гномов и орков. Он выбежал на улицу и, едва не сбив с ног посыльного из бюро доставки с двумя большими коробками в руках, подбежал к ожидавшему его такси.

– За мной! – коротко бросил он водителю, выдернул из сумки планшет, сориентировался на местности и побежал вверх по улице.

Он увидел Клару прежде, чем ожидал. Девушка стояла под полосатой маркизой кондитерской, закрытой по случаю ночного времени.

– Клара!

Она посмотрела в его сторону и улыбнулась.

Подбежав, Кимер обнял ее. Прижал к себе. Чуть было не уронил планшет.

– Все хорошо? С тобой все в порядке?

– Извини, я немного промахнулась.

– Как ты себя чувствуешь? Ты не устала?

– Нет, все хорошо! Едем к Алистеру!

– Ты собираешься продолжать?

– Конечно! Это так здорово!

Сияющее лицо Клары немного успокоило Фанфанова. Похоже, с ней действительно все было в порядке.

Он распахнул дверцу притормозившего у обочины такси, помог девушке зайти в машину и сел напротив нее.

– К музыкальному салону! – щелкнул он ногтем по стеклу, отделявшему пассажиров от водителя.

– Нет! Сначала остановитесь возле эльфийских бань! – внесла изменение в маршрут Клара. – До музыкального салона я и сама доберусь, – объяснила она Кимеру. – Такси отвезет меня и сразу вернется назад. Ты к этому времени уже будешь на башне. Иначе мы только попусту будем терять время. А мне до утра нужно сделать еще двадцать четыре перехода туда и обратно.

Спорить было бесполезно. Во-первых, потому что Клара была права. А, во-вторых, даже если бы она была не права, ее было бы не переспорить.

Пользуясь моментом, Кимер взял Клару за руки.

– Ну, рассказывай! Как все прошло?

– Замечательно! – Клара чуть прикрыла глаза и тряхнула волосами. – Я даже

представить себе не могла, что это так здорово! В прошлый раз я ничего не почувствовала. Наверное, потому что не понимала, что делаю. А сейчас... Это удивительное, ни с чем не сравнимое чувство, Кимер! Чистый восторг, переполняющий всю меня! Понимаешь?

– Ну... – Кимер покачал головой из стороны в сторону.

Очень неопределенно.

Он ничего не отрицал, но и ни с чем не соглашался. И вовсе не из-за духа противоречия. Он ревновал Клару к этому, край его, квантовому туннелированию. Вместе с пятой поправкой Максвелла.

Да кто он вообще такой, этот Максвелл!

Вообще-то, Фанфанов знал, кто такой Максвелл. Как фантаст он просто обязан был разбираться в подобных вещах. Но что он мог противопоставить Максвеллу?

– Если бы я знал, что такое электричество, – с досадой произнес Кимер.

– Я тоже не знаю. – Клара улыбнулась и кончиками пальцев коснулась его щеки.

– Эльфийские бани! – сообщил водитель, притормозив у тротуара.

Кимер вышел из машины и обернулся.

Клара послала ему воздушный поцелуй и исчезла в ночи.

У двери башни фантаста ждал посыльный.

– Кимер Фанфанов?

– Да.

– Тогда это вам, – посыльный взглядом указал на две большие коробки, стоявшие возле стены, и протянул Фанфанову квитанцию. – Распишитесь.

– Коробки нужно поднять наверх, на смотровую площадку.

– Не-а, – улыбнулся посыльный. – У меня в квитанции написано «Башня Дун-Блеске». Вот она башня. – Он похлопал ладонью по заросшей искусственным мхом каменной кладке. – Так что расписывайтесь и забирайтесь.

– Вот поднимаюсь наверх, тогда и распишусь.

Кимер плечом отодвинул посыльного в сторону.

– Пойдите! Так не годится! Я эти коробки наверх не потащу!

Кимер даже не обернулся.

– Тогда тащи их назад, откуда принес.

Сказал – и начал подниматься наверх.

Что-то недовольно бормоча себе под нос, посыльный поднял коробки с земли и полез наверх, следом за несговорчивым клиентом.

Поднимаясь по лестнице, Кимер услышал телефонный звонок. Ускорив шаг, он выбрался на смотровую площадку, подбежал к телефону и схватил трубку.

– Готов? – спросил Кроули.

– Да. – Кимер вытащил из сумки планшет. – Готов.

– Клара пошла.

– Куда ставить коробки? – тяжело выдохнул выбравшийся на помост посыльный.

– Сюда, – указал на свободное место возле перил Кимер.

Посыльный поставил коробки, куда было сказано, распрямил натруженную спину, сдвинул на затылок кепку с широким козырьком и фирменным логотипом бюро доставки,

вытер пот со лба и с интересом посмотрел на систему из семи замкнутых в кольцо преобразователей силы.

– Чем это вы тут занимаетесь? – поинтересовался он.

– Пытаемся выпрямить пространственно-временной континуум, – не задумываясь, ответил фантаст.

У него было всего несколько минут до появления Клары. Поэтому, не теряя времени, Кимер распечатал один из доставленных ящиков и начал загружать гисы в приемные устройства преобразователей.

– А он, что же, шибко кривой? – спросил посыльный.

– Кто?

– Континуум этот.

– Ну, не то чтобы очень. Но имеется определенный перегиб.

– И что будет, когда вы его выпрямите?

– Если мы его выпрямим, – уточнил Кимер.

– И что тогда?

– Тогда будет восстановлена прямая причинно-следственная связь от Большой Временной Петли до настоящего момента.

– Надо же, – удивленно покачал головой посыльный. – До чего только умные головы не додумаются! А, кстати, что вы думаете о пришельцах?

– Кто, я?

– Ну конечно, вы ведь ученый!

– Ну, в каком-то смысле.

– Так что вы думаете, война будет?

– С пришельцами?

– Ну конечно!

– А что вы сами об этом думаете?

– Ну, вообще-то, не хотелось бы. Я так полагаю, что с нормальными людьми всегда по-доброму договориться можно. Даже если они инопланетяне. Значит, нужно сесть, потолковать, выяснить, чего им, собственно, нужно?..

На планшете загорелась серебристая искорка.

– Извините.

Кимер схватил планшет, сориентировал его на местности.

Клара была где-то совсем близко. Буквально в нескольких шагах.

Кимер схватил большой полевой бинокль, оставленный предусмотрительным Алистером. Взгляд его скользнул по крышам домов. На секунду задержался на освещенном окне, в котором, размахивая руками, о чем-то возбужденно спорили мужчина и женщина. Прошелся по кронам деревьев. Кимер увидел большое электронное табло Ипподрома, трибуны, зеленое поле в овале скаковых дорожек. И – Клару, которая стояла в центре поля и, улыбаясь, махала ему рукой.

Кимер помахал рукой ей в ответ и кинулся к телефону. Для того чтобы вытащить Клару с пустого, запertoго на ночь Ипподрома, требовалась помощь Кроули.

Алистер сказал, что подъедет, сам со всем разберется и отвезет Клару в музыкальный

салон. Но Кимер, конечно же, не мог усидеть на месте. Выхватив из рук посыльного квитанцию, он нацарапал на ней закорючку и с планшетом под мышкой побежал вниз по лестнице.

– Так что насчет войны? – не отставал от него посыльный.

– С инопланетянами?

– Ну да.

– Войны не будет.

– Точно?

– Абсолютно. Если на нас нападут зеленые, серые станут на нашу сторону. Нападут серые – союзниками станут зеленые. В любом случае перевес будет на нашей стороне. И те и другие прекрасно это понимают. Кроме того, их руки и прочие конечности связаны Галактической хартией о ненападении.

– Вы меня успокоили.

– Рад это слышать.

– А что насчет чаевых?

– При чем тут это?

– Так ведь полагается.

– Даже в свете грядущей войны?

– Так вы же сказали, войны не будет.

– Я ошибся.

Кимер запрыгнул в ожидавшее его такси, захлопнул дверцу, едва не прищемив козырек кепки надоедливому посыльному, и скомандовал:

– К Ипподрому!

И это было только самое начало долгой, невообразимо суетной ночи.

В следующий раз, возвращаясь с Лысой горы, Клара оказалась в уже закрытом по случаю позднего времени кинотеатре «Рахат-Лукум». По счастью, Кларе удалось найти телефон, и она позвонила Кроули, который тут же приехал на место происшествия и отыскал в растерянности бродящего по прилегающим к кинотеатру улицам фантаста. Для того чтобы выволить Клару из плена, им пришлось отправиться в ближайший участок револьверос и рассказать дежурному офицеру историю о девушке, отправившейся в кино на последний сеанс и заснувшей во время просмотра фильма, который оказался страшно скучным. А нерадивые служащие кинотеатра, не проверив зал, заперли его. И несчастная спящая красавица оказалась в темнице, под замком. Поначалу револьверос слушал эту историю, скептически поджав губы. Но стоило ему узнать, что на сеансе, во время которого уснула девушка, демонстрировался «Великий фильм о Великом коне», как револьверос тотчас же проникся пониманием и сочувствием. Знаменитую историю любимого коня Вольдемара Второго, Тирана тогда еще Малого Централя, по прихоти своего хозяина-самодура ставшего членом Городского Совета, пытались экранизировать неоднократно. И каждый раз в той или иной степени неудачно. «Великий фильм о Великом коне» побил все рекорды пафосности, глупости, пошлости и цинизма. Как по отдельности, так и вместе взятые. И дежурному офицеру не далее как третьего дня по прихоти жены, мало в чем уступавшей Вольдемару Второму, пришлось посмотреть этот четырехчасовой шедевр отечественного

кинематографа. Поквитаться с создателями фильма револьверос, увы, не мог. Но едва только появилась возможность свести счеты с прокатчиком, он не преминул этим воспользоваться. Директор кинотеатра «Рахат-Лукум» был незамедлительно поднят из постели, без объяснения причин усажен в черный автомобиль с решетками на окнах и под присмотром двух револьверос доставлен в тринадцатый участок Первого круга. Где уже ему было предъявлено официальное обвинение в преступной халатности, пренебрежении своими служебными обязанностями и оскорблении эстетических чувств зрителей в особо циничной форме.

Оказавшись на свободе, Клара заявила, что не собирается выдвигать против директора кинотеатра никаких обвинений, и, не теряя времени, укатила с Алистером в музыкальный салон за новым роялем. Дежурный револьверос все же велел отвезти директора назад в участок. Где с ним была проведена разъяснительная беседа. Основной акцент которой был направлен на то, что кино – это важнейшее из искусств, а не спекуляция на популярных темах. Директор хотел спать, а потому со всем соглашался. Сам он «Великий фильм о Великом коне» не смотрел и смотреть не собирался. И никому из знакомых не советовал.

После шестой попытки Клара наконец-то научилась попадать точно в цель. Вернувшись с Лысой горы в седьмой раз, она оказалась точно на смотровой площадке башни Дун-Блеске. И дело пошло быстрее. Настолько быстро, что Кимер едва успевал подкидывать гисы в приемники гудящих от напряжения преобразователей. Стоило только ему повесить трубку после очередного звонка Кроули, извещавшего, что Клара с роялем отправилась на Лысую гору, как уже – хлоп! – Клара стоит, улыбаясь, рядом с ним.

– Отлично, Клара!

– Замечательно, Кимер!

Клара достает из кармана небольшую пластиковую коробочку, открывает ее и закидывает в рот несколько шариков гисов. Как будто витамины принимает. Кимер настолько к этому привык, что уже и внимания не обращал.

Легче Кимеру стало, когда на башню Дун-Блеске явился Гиньоль с последней партией собранных по трамвайным депо гисов. Гиньоль подменял фантаста у преобразователя, когда тот провожал Клару к такси. А после того как Туанона с Мадлоной доставили свою выручку, можно было уже не тревожиться, что гисов до утра не хватит.

К тому моменту, как линия терминатора, отделявшая день от ночи, а свет от тьмы, миновала Центральную Академию, рассекла надвое Первый круг Централя и уже начала подбираться к башне Дун-Блеске, Клара доставила на место последний рояль. Как только она появилась на смотровой площадке башни, Гиньоль с торжественным видом опустил вниз рубильник одного из преобразователей силы. Сделав этот чисто символический жест, Гиньоль предоставил Кимеру возможность выключить остальные преобразователи силы.

– Мы сделали это! – провозгласил Гиньоль.

Он посмотрел на часы. Было без трех минут шесть. До заседания Народного Фронта можно было еще успеть вздремнуть.

Глава 33

(Пожалуй, самая короткая)

Если бы мы только могли заглянуть в сны, которые видели этой ночью герои нашей истории, те из них, кому не нужно было заниматься доставкой партии роялей на Лысую гору, то, надо полагать, мы все были бы немало удивлены. Сны могут рассказать о человеке очень многое. Даже то, чего он и сам не знает. Или о чем предпочитает умалчивать. Но поскольку мы лишены такой возможности, то не стоит даже и задумываться об этом. В конце концов, сны – это личное дело каждого. Вам было бы приятно, если бы кто-нибудь посторонний сунул нос в ваш сон? Даже если ничего особенного в этот момент там не происходило?

Скажем, вы просто лежите на песчаном берегу, смотрите на парящую в небе чайку и слушаете шум волн. И вдруг каким-то шестым или седьмым чувством вы ощущаете присутствие рядом постороннего. Вы поднимаете голову и видите какого-то странного типа, внимательно наблюдающего за вами. На вашем лице недоумение, смешанное с вполне уместным недовольством.

– Лежите! Лежите! – Незнакомец сладенько улыбается и делает успокаивающий жест рукой. – Не обращайтесь на меня внимания!

Ваши действия после такого?

Надо полагать, ни море, ни чайка, ни песок уже не доставляют вам удовольствия.

Впрочем, можете сами на досуге поразмышлять над этим.

Сейчас речь не о том.

Впрочем, можно по секрету рассказать о сне, что видел этой ночью Франтишек Йи, в ожидании новостей заснувший в кресле с калачом в руке. Изю дня в день, вернее, из ночи в ночь, Франтишеку снился один и тот же сон. И он не имел ничего против этого. Потому что сон был изысканно кулинарный.

Все.

На этом тема чужих снов закрыта.

Гиньолью этим утром удалось поспать всего пару часов. Поэтому снов он не видел. А если и видел, то благополучно забыл. Как бы там ни было, проснувшись, чувствовал он себя бодро. Видимо, недостаток сна компенсировало радостное возбуждение от осознания хорошо сделанной работы. Еще два дня, мысленно говорил сам себе Гиньоль, только два дня. И можно будет наконец-то расслабиться. Выспаться и отдохнуть. А может, провести вечер в одном из тех дорогих клубов, куда ходят только политики и кинозвезды. Или посетить выставку цветов. Съездить к знаменитому на весь мир Матвеевскому водопаду. Спуститься в пещеру Пяти странников, где, если верить легенде, достиг просветления безымянный автор средневекового трактата «Даосы меняют кожу».

Гиньоль думал так всякий раз, когда подходило к концу очередное дело. Но, как правило, почти все то, о чем он думал, так и оставалось в мечтах. Разве что в паб удавалось Франтишеку вытянуть и поговорить о том, как здорово было бы махнуть куда-нибудь дней эдак на десять, а то и двадцать. Но тут же подворачивалось новое дело, от которого ну никак нельзя было отказаться. И Гиньоль снова говорил себе и Франтишеку: ничего, все нормально, вот покончим с этим, тогда и отправимся любоваться красотами мира. У нас еще вся жизнь впереди! Можем делать все что захотим! Нет проблем!

Проблема все-таки была. Всего одна. Гиньоль любил свою работу. И дело было вовсе не

в деньгах. Любую неразрешимую проблему Гиньоль воспринимал как личный вызов. И чем сложнее было дело, тем с большей охотой он за него брался.

До начала заседания Народного Фронта оставалось два с половиной часа.

Гиньоль принял душ. Съел яичницу с беконом. Выпил две чашки крепкого юнь-цинъюского чая с двумя рогаликами. И улыбнулся, довольный абсолютно всем.

Заглянув в утренние газеты, дабы удостовериться, что тема инопланетного вторжения по-прежнему остается на первых полосах, Гиньоль взял телефонную трубку и позвонил Ректору Центральной Академии. Господин Бей-Брынчалов ответил незамедлительно. Он не был посвящен во все детали безупречно красивого плана Гиньоля, а потому заметно нервничал. Но вместо объяснений Ректор получил короткий и четкий инструктаж по поводу того, что и когда он должен был сделать. Убедившись, что Григорий Кириллович все правильно понял и не допустит ошибки, Гиньоль попрощался и повесил трубку.

Посмотрев на часы, Гиньоль позвал Туанону, поблагодарил ее за ночное бдение и велел разбудить Кимера с Кларой. Да и напомнить им, что сегодня их ждут в Желтом Доме. Сам же он отправился проведать Франца.

Франтишек с крайне недовольным видом поедая чипсы, которые доставал горстями из огромного пакета, что лежал у него на животе. Попугайчики чипсы не любили, поэтому сидели на своей клетке, перебирали перышки и также недовольно поглядывали на Франтишека.

– С чем чипсы? – поинтересовался Гиньоль.

– Я просидел всю ночь у телефона, который так и не зазвонил, – ответил Франтишек.

– Все складывалось на редкость удачно.

– Настолько удачно, что не было даже минуты, чтобы набрать номер и просто сказать: приятель, у нас все нормально!

– Мы же договаривались, Франц, что будем созваниваться только в особых случаях.

Франтишек демонстративно затолкнул в рот горсть чипсов и возмущенно захрустел ими. Он был обижен. Гиньоль понимал это. Но при этом виноватым себя не чувствовал.

– Завтра все закончится, – сказал он.

Франтишек с шумом потянул носом воздух и снова ничего не сказал. Снизу, из кухни, тянуло запахом пирога с гусиной печенкой и луком, который готовила Туанона. И, надо сказать, это был не пирог, а сказка! Если бы Туанона начала торговать своими пирогами с гусиной печенкой и луком, то очень скоро сколотила бы приличное состояние.

– Передай Туаноне, что я жду пирог, – сказал Франтишек и отложил в сторону недоеденную пачку чипсов.

Это означало, что он больше не сердится.

– Непременно, – улыбнулся Гиньоль.

Мир и покой снова вернулись в дом на улице Дзуйхицу.

Глава 34

А обитателям Желтого Дома покой даже и не снился. Все смешалось в доме на Ратушной. Все пришло в движение и никак не могло остановиться. А неконтролируемое

движение, как известно, ведет к хаосу и разрушениям. Был только один человек, который все мог расставить по своим местам. И имя ему было Гиньоль. Поэтому все с нетерпением ждали его прибытия.

Началось все с того, что с утра пораньше в ратушу заявился – кто бы вы думали? – сам Джерри Ли Льюис! В белом фраке, с растрепанными волосами и злой, как Гонкур Старший после разгрома его непобедимой армии в битве под Шенгеном. И точно так же, как Гонкур Старший, ищущий, на ком бы сорвать злость. Гонкур, помнится, приказал обезглавить всех своих уцелевших в бою генералов. А было их у него более чем достаточно, поскольку, пребывая в добром расположении духа, Гонкур любил раздавать награды и звания. И мог даже понравившегося ему рядового пехотинца взять да и произвести в генералы. Джерри Ли Льюису под руку подвернулись работавшие в ратуше орки. Просто потому, что, по случаю раннего часа, никого другого в Желтом Доме не оказалось.

Джерри Ли Льюис был возмущен тем, что вечером, накануне концерта, который он должен был отыграть в зале Городского Совета, ему неожиданно сообщили, что его выступление отменяется. Сообщили телеграммой! Которая затерялась среди прочей почты. И только сегодня утром попала на глаза музыканту.

Льюис был возмущен не тем даже, что концерт отменили, а тем, что его поставили в известность об этом в самый последний момент. И – как? Телеграммой! Одно из двух – либо Сен-Санс еще не изобрел телефон, либо это было продуманное оскорбление.

Орки, понятное дело, не могли вразумительно объяснить, почему вдруг концерт был отменен. Не отложен даже, а именно отменен! Так было написано в телеграмме! Орки лишь пожимали плечами и бубнили что-то насчет непредвиденных обстоятельств.

Собственно, Джерри Ли Льюис и не ожидал услышать от них ничего другого. Орки – они и есть орки. Что с них взять?

Поэтому Джерри потребовал, чтобы ему показали его рояль!

Да!

Именно так!

Ему нет дела до того, что эти олухи из Городского Совета не желают его слушать! Он все равно отыграет свой концерт! Пусть даже перед шестью орками! Потому что он – Джерри Ли Льюис! А не какой-нибудь там прыщ на заднице!

После этих слов великого музыканта орки впали в форменную панику. Один из них принялся колотить себя кулаками по голове. Другой сморщил рожу и жалобно что-то причитал. Третий крутился на месте, что твоя юла и, казалось, готов был зажужжать.

По счастью, женщина, та, что постарше, сохранила рассудок и самообладание. Она-то и сообщила Джерри Ли Льюису, что рояль пропал.

– Как пропал? – воскликнул удивленный музыкант.

– А вот так, – развела руками Мара. – Пропал – и все тут.

– Так не бывает! – покачал головой музыкант.

– Идемте, я вам покажу, – сказала Мара.

И, придерживая рукой подол платья, пошла вверх по лестнице.

Потрясенный Джерри Ли Льюис молча последовал за ней.

А следом за ним потянулись и остальные орки.

Мара распахнула дверь зала для торжественных приемов, пропустила музыканта вперед и вошла следом за ним.

И вот тут-то она допустила фатальную ошибку. Ей следовало бы закрыть дверь, чтобы все прочие орки остались по другую ее сторону. Но Мара этого не сделала.

– Смотрите. – Мара указала на место, где прежде стоял рояль.

– Здесь ничего нет! – всплеснул руками Джерри Ли Льюис.

– Ну, а я вам что говорила, – с сочувствием улыбнулась Мара. – Был, а теперь – нет.

– Куда же он делся? – Музыкант посмотрел на шенгенку так, будто действительно надеялся на то, что она сможет ответить на его вопрос.

Мара задумалась, стоит ли рассказывать музыканту о зловещем заговоре инопланетных пришельцев? Или пусть лучше сам Бургомистр введет его в курс дела?

И тут свое слово сказал Алик.

Иначе говоря – ляпнул, не подумав.

Собственно, так он всегда и поступал.

– Рояль украл ратман Студнев!

– Что? – одновременно повернулись в его сторону Мара и Джерри Ли Льюис.

Алик понял, что отступать некуда. И уверенно кивнул.

– Сам Бургомистр сказал. Я слышал.

Тут уж музыкант пришел в бешенство.

Да, он слышал, что все ратманы взяточники и воры! Но всему ведь должны быть границы!

– Это вы напрасно так думаете, – как бы между прочим заметил оказавшийся рядом Жорик.

Джерри Ли Льюис упал в кресло, разинул рот и вытаращил глаза.

– Все, – уныло глядя на него, сказал Гена. – Удар хватил.

– Точно, – поддержал его Алик. – Я такое уже видел.

– После такого не выживают, – добавил Жорик.

Опять же, по счастью, Мара была иного мнения. Она велела Жанне немедленно тащить сюда полотенце и лед, а Альбертику – таз с горячей водой. Как только все названное было доставлено, на голову музыканта легло полотенце со льдом, а разутые ноги поставлены в таз с горячей водой. И понемногу Джерри Ли Льюис начал приходить в себя. Он даже нашел в себе силы с благодарностью улыбнуться шенгенке, быть может, спасшей ему жизнь.

Но именно в таком виде – с мокрым полотенцем, обмотанным вокруг головы, и с босыми ногами в тазике – застал его первым явившийся в ратушу руководитель кабинета Бургомистра Климент Чипизудов.

И тут-то началось второе действие драмы.

Дабы глубоко не вдаваться в детали, которые были местами весьма нелицеприятны, скажем только следующее. Джерри Ли Льюис, сгоряча видимо, принялся обзывать Климента Ефремовича разными нехорошими словами. Господин Чипизудов пытался оправдываться, утверждая, что лично он не имеет никакого отношения к исчезновению мемориального рояля. А о том, что это дело рук ратмана Студнева, вообще впервые слышит. Музыкант ему не верил и снова обзывал. Причем столь виртуозно, что Мара велела Жанне с Альбертиком

немедля закрыть уши и уйти.

Следующим актом драмы стало появление Саймона.

Саймон – это страшно худой, но при этом жутко ленивый кот с короткой серой шерстью, длинным тонким хвостом и злющими-хитрющими глазами. Кот, состоящий на официальной государственной должности мышелова при Городском Совете.

Это очень древняя традиция – держать в ратуше кота, который ловил бы явившихся незваными грызунов. Зародилась она в те времена, когда по всему Миру-На-Оси, от края и до края, то и дело прокатывались страшные опустошающие эпидемии. То – холеры, то – гриппа, то – чумы. Чаще всего – чумы. И продолжалось это до тех пор, пока придворный астролог Тифенского эмира Синаххериба Третьего, оставшийся в истории под странным псевдонимом Коза-Ностра Дамус, не выдвинул смелую по тем временам гипотезу, что возбудители большинства инфекционных заболеваний, выкашивающих население Мира-На-Оси, переносятся грызунами. Вот тогда-то и начался для кошек Золотой Век. В каждом доме поселился свой пушистый, когтистый спаситель. А то и не один. И эпидемии сразу же пошли на спад. Хотя, скорее всего, причиной тому стали не только кошки, но и мыло, вошедшее в обиход жителей Мира-На-Оси. А также драконовы меры по борьбе с мусорными кучами и сливом нечистот на задних дворах.

Поначалу, оказавшись призванным на государственную службу, Саймон рьяно взялся за дело. Здание ратуши было старое, подвалов и чуланов в нем было предостаточно, так что и мыши в наличии имелись. А значит, и Саймону было чем заняться. Но вскоре, как и всякий государственный служащий, Саймон смекнул, что довольствие свое он получает исправно, вне зависимости от числа пойманных мышей. Отсюда следовал совсем уже простой вывод – зачем что-то делать, если можно не делать ничего? Это даже коту было понятно. Тем более что Великий Просветленный неоднократно повторял, что надеяние есть величайшая из всех добродетелей. Если это так, то Саймон достиг своей кошачьей Нирваны. Он не делал ровным счетом ничего. Только спал, ел и временами выбегал на двор, опять же по своей кошачьей надобности. И это было замечательно. Потому что ничего другого никто от него и не требовал. Саймону повезло, как никакому другому коту во всем Мире-На-Оси. Он стал обладателем чудесной миски, которая, подобно пресловутому Рогу Изобилия, сама собой наполнялась вкусной едой. А что еще нужно коту для полного счастья? На этот вопрос вам любой кот ответит – Ничего! Почему при таком сибаритском образе жизни Саймон оставался пугающе худым? По-видимому, всему виной были гены дворовых предков, никак не позволявшие Саймону набрать лишний вес.

Итак, лениво переставляя лапы и гордо поглядывая по сторонам, Саймон вошел в зал. В тот самый зал для торжественных приемов, что стал местом стычки Джерри Ли Льюиса и Климента Чипизудова.

Едва завидев кота, Льюис пронзительно взвизгнул, волосы у него на голове поднялись дыбом, а сам он поразительно ловко запрыгнул на спинку кресла.

Саймон никогда прежде не сталкивался с подобной реакцией на свое появление. Инстинкт шепнул ему, что от человека, ведущего себя столь необоснованно странно, можно ожидать самого худшего. Например, он мог что-нибудь кинуть. Кот задрал хвост, вздыбил шерсть на загривке и предупреждающе зашипел. В конце концов, это была его территория.

– Уберите эту тварь! – только и успел выкрикнуть Джерри Ли Льюис.

После чего кресло под ним пошатнулось и вместе с великим музыкантом грохнулось на пол. Таз, в котором он прежде парил ноги, опрокинулся, и Джерри Ли Льюис оказался лежащим в луже тепленькой водички.

Все, кто находились рядом, бросились спасать Джерри Ли.

Саймон, гордый своей победой, степенно удалился. У него имелись куда более важные дела. До тех пор пока в его миске была еда, люди с их мелочными заботами были коту не интересны.

Подхватив Джерри Ли Льюиса под локти, Мара с Чипизудовым подняли его с пола и усадили в другое кресло.

– Где кот?.. Где кот?.. – затравленно оглядываясь по сторонам, без остановки твердил Джерри Ли Льюис.

– Нету кота! Ушел! – радостно сообщил Жорик.

Джерри Ли прикрыл глаза и без сил откинулся на спинку кресла.

Мара с Чипизудовым непонимающе переглянулись. Оба решили, что Льюис страдает панической боязнью кошек. Подобное порой случается. Особенно с людьми творческого склада.

Музыкант приоткрыл глаза.

– У меня аллергия на кошек, – шепотом сообщил он. – Чудовищная аллергия... Я просто не могу дышать, когда рядом кошка.

– Все в порядке, – успокаивающе погладила его по плечу Мара. – Кошки больше нет. Кошка ушла.

– Точно?

– Абсолютно точно. Ушла и больше не вернется.

Джерри Ли перевел взгляд на управляющего кабинетом Бургомистра.

– А рояль?

– Что – рояль? – Чипизудов сделал вид, что не понял вопроса.

– Где мой рояль?

– Ну, строго говоря, это уже не ваш рояль. Вы преподнесли его в дар Городскому Совету. А это значит, что вам он уже не принадлежит.

Джерри Ли вскочил на ноги.

– Где мой рояль? – рявкнул он в лицо Чипизудову. – Я требую ответа! Я настаиваю на ответе! И я никуда отсюда не уйду, пока не получу ответ!

– Хорошо, – смиренно склонил голову Климент Ефремович. – Рояль пропал.

– Пропал?

– Да, пропал.

– Что, вот просто так взял и пропал?

– Именно.

– Сам собой?

– Ну, порой и не такое случается.

– Что же, например?

– Помнится, у нас дома, в Шенгене, соседка, жена мельника, родила младенца с рогами

и хвостом, – встрял в разговор Алик.

– Вот! – указал на орка пальцем Чипизудов.

– А я слышал, что в Бедламбесе есть ручей, который по четным дням течет под гору, в по нечетным – назад, в гору, – сообщил Гена.

– Вот! – указал Чипизудов на Гену. – Пожалуйста!

– Какого края! – возмущенно взмахнул мокрыми рукавами музыкант. – При чем тут хвостатые дети и реки, текущие вспять?

– Ну, я могу привести вам более практичный пример, – сказал Чипизудов. – Вы знаете, сколько денег ежегодно бесследно исчезает из городской казны?

– Сколько? – вытянул шею Алик.

– Тебе это знать не положено, – не глядя, махнул на орка рукой Чипизудов.

– Меня ваша казна не интересует! Меня интересует мой рояль!

– Не ваш рояль.

– Хорошо, не мой рояль! Где он?

– Это государственная тайна.

– Какого края! Какая еще тайна! Его утащил ратман Слизнев!

– Студнев, – поправил музыканта Алик.

– Именно – Студнев!

– Откуда у вас такая информация? – удивился Климент Ефремович.

– Из достоверных источников!

Алик польщенно улыбнулся.

– Я не знаю, что вам на это ответить, – развел руками Чипизудов.

– Ага!

– Не ага, а – не знаю. Давайте дождемся Бургомистра. – Чипизудов посмотрел на часы. – Он должен быть с минуты на минуту.

– Отлично! – Джерри Ли Льюис упал в кресло и закинул ногу на ногу. – Дождемся Бургомистра!

– Хотите горячего чая с имбирем? – спросила его Мара.

– Было бы замечательно, – с благодарностью наклонил голову музыкант.

Антракт.

Джерри Ли Льюис не успел допить поданный ему чай, когда начался третий акт.

Явился Бургомистр. Как обычно, в сопровождении пресс-атташе и двух секретарей.

– Что здесь происходит? – непонимающе посмотрел на собравшихся Бургомистр.

– Это – Джерри Ли Льюис, – представил музыканта Бургомистру руководитель кабинета.

– Ну здравствуй, Джерри! – Бургомистр обнял всклокоченного музыканта и троекратно облобызал. – А что это ты такой мокрый?

– В лужу упал, – недовольно буркнул Джерри Ли.

– Осторожнее нужно быть, Джерри, осторожнее, – с укоризной покачал головой Бургомистр. – Я понимаю, что улицы Централя далеко не в идеальном состоянии. И тем не менее нельзя забывать о том, что наша безопасность прежде всего в наших собственных руках.

Джерри Ли открыл было рот, чтобы высказать Бургомистру все свои претензии. Однако Чипизудов опередил его.

– Господин Льюис хотел бы знать, где в данный момент находится рояль, который он подарил Городскому Совету? – сообщил руководитель кабинета Бургомистру. – Также господина Льюиса интересует, когда состоится его концерт?

– На эти вопросы я тебе, дружище, ответить пока не могу, – Бургомистр ободряюще похлопал музыканта по плечу. – Вот придет Гиньоль, он нам все и расскажет.

– Гиньоль? – удивленно произнес Джерри Ли Льюис. – Кто такой Гиньоль?

– Гиньоль... – начал Бургомистр.

– Это наш консультант, – продолжил за него Чипизудов, разумно решивший, что пока не стоит шокировать музыканта новостью о грядущем инопланетном вторжении.

– Что вы все мне тут голову морочите? – возмущенно взмахнул руками Джерри Ли Льюис. – Какой еще консультант? Какой Гиньоль?

– Гиньоль Гиньоль, – уточнил Бургомистр. – Имя у него такое.

– Кто спрашивает Гиньоля?

А это уже был сам Гиньоль. Вызывающе красный костюм, широкополая шляпа и трость с серебряной рукоятью, лежащая на согнутом локте правой руки.

Увидев музыканта, чьим преданным поклонником он являлся с давних пор, Гиньоль подошел к нему, снял шляпу и галантно поклонился.

– Господин Льюис! Позвольте представиться. Меня зовут Гиньоль Гиньоль. Всегда к вашим услугам. – Гиньоль выдернул из кармана визитку. – Решаю любые проблемы.

– Благодарю, – Джерри Ли Льюис немного растерянно посмотрел на визитку. – И вы знаете, где сейчас находится мой рояль?

– Не ваш рояль, – вставил дотошный Чипизудов.

– Хорошо, не мой рояль. Господин Гиньоль, вы знаете, где он?

Гиньоль улыбнулся обнадеживающей улыбкой врача, пришедшего сообщить больному, что его анализы перепутали и, как выяснилось, у него вовсе не цирроз печени, а всего лишь гастрит.

– Естественно.

Глава 35

Машина, в которой Гиньоль, Клара и Кимер прибыли на заседание Народного Фронта Противодействия Инопланетной Угрозе, смогла беспрепятственно подъехать к парадной лестнице Желтого Дома. Митингующих на Ратушной площади было значительно меньше, чем накануне. Особенно активных приверженцев ЦУПа с плакатами:

«Где наши рояли?»

«Почему власть не видит очевидного?»

«Куда же смотрит Бургомистр?»

И:

«Почем нота «ля» для народа?»

– револьверос отгеснили к колбасному отделу магазина Либермана. Передовые же позиции занимали бравые молодцы в одинаковых красно-белых ветровках с задорными улыбками на сытых, холеных лицах и боевыми лозунгами на качественно выполненных транспарантах:

«Инопланетные пришельцы не пройдут!»

«Мы верим вам, Бургомистр!»

«Мы любим вас, Бургомистр!»

«Орлы Бургомистра к полетам готовы!»

«В бой за Бургомистра и Единую Централь!»

Ну и, конечно:

«С нами – Единая Централь!»

Это были наши ребята. Профинансированные из госбюджета и выставленные с транспарантами на площадь министром по чрезвычайным ситуациям, который, хотя и с некоторым опозданием, но все же попытался взять ситуацию под свой контроль. Увы, у министра не было того опыта, что у Гиньоля. А потому все его жалкие потуги ввязаться в игру, правил которой он не знал, выглядели глупо и здорово смахивали на страдания

измученного пятидневным запором бедолаги.

Выйдя из машины, Гиньоль приветственно помахал рукой собравшимся на площади.

По лестнице навстречу гостям уже бежал вышколенный, весь будто прилизанный порученец с темно-синими папками под мышкой.

– Господин Гиньоль, – почтительно поклонился он Гиньолю. – Дамы, господа, – кивнул он Фанфанову с Кларой. – Руководитель кабинета Бургомистра просил меня встретить вас и проводить к месту встречи.

– А где же сам Климент Ефремович? – поинтересовался Гиньоль.

– Господин Чипизудов... – порученец замялся. – Он... Э-м...

Порученец наклонил голову и почесал пальцем за ухом.

– А впрочем, какая разница? – улыбнулся Гиньоль. – Идемте!

– Прощу вас! – порученец протянул гостям папки и белые авторучки с надписью «Городской Совет».

Зная уже, что этого требует процедура, гости не стали возражать.

– Уважаемый! – живенько подскочил к порученцу один из красно-белых наших парней. – Напомните господину министру по чрезвычайным ситуациям, что нам так и не привезли горячие завтраки! Только сухие пайки. Очень, надо сказать, сухие.

– Э-м... – озадаченно поджал губы порученец.

– Горячих завтраков не будет, – огорошил нашего парня Гиньоль. – И обедов тоже.

– Так обещали же! – набычился тот. – Мы тут с ранья работаем!

– Плохо работаете.

Гиньоль держался настолько уверенно и высокомерно, что наш парень почувствовал себя рыбой-прилипалой, каковой он по сути и был, которая вот-вот лишится хозяина.

– Да мы ж стараемся, – вроде как оправдываясь, развел руками наш парень. – С утра тусуемся.

– Как-то слабовато вы стараетесь, – недовольно поморщился Гиньоль. – И тусуетесь тоже вяло. Без задора, понимаешь, без огонька.

– Делаем то, что сказали.

– А энтузиазм на что?

– Энтузиазм?

– Не слышал такого слова?

– Да нет, слышал!

– Так где же ваш энтузиазм?

– Ну-у...

– В общем так, ребятки, пока не будет энтузиазма, не будет и обеда. Ни горячего, ни сухого. Вообще никакого. Ясна ситуация?

– Так точно! – кивнул наш парень.

– Ну так действуйте!

Гиньоль взмахнул тростью, словно дирижерской палочкой. А оркестром его была вся Ратушная площадь.

– Э-э... Простите...

– Ну?

– Какого плана энтузиазм требуется?

– Ну я не знаю! – разочарованно развел руками Гиньоль. – Где ваша инициатива? Где желание послужить нашему общему делу?

– Все на месте, гражданин... То есть господин начальник... Но все же хотелось бы руководящего указания!

– Понятно, – удрученно кивнул Гиньоль. – Без указки – никак?

– Никак! – с готовностью подтвердил наш парень.

– Ну, например, спойте что-нибудь.

– Что именно?

– Песню. Лучше патриотическую. Или – народную. Справитесь?

– Так точно, господин начальник!

Наш парень радостно козырнул и побежал к другим таким же красно-белым нашим парням. Начинать спевку.

– Видно, очень есть хотят, – глядя ему вслед, заметил Фанфанов.

– Работа у них такая, – грустно улыбнулся порученец.

– Что за работа?

– Родину продавать. Оптом и в розницу. Идемте.

Порученец затрусил вверх по лестнице.

Сзади раздался нестройный хор голосов, затянувших сразу две песни наперебой, – «Централь нерушима» и «Мы жертвами пали».

– Вот ведь, голытьба. – Гиньоль с досадой цокнул языком. – Ну как с такими прекрасный новый мир строить?

– Это ты к чему? – с интересом посмотрел на него Фанфанов.

– С парнями, готовыми за горячий обед петь и плясать под чужую дудку, дел лучше не иметь. Особенно, если это наши парни.

– Понятное дело, – согласился фантаст.

Порученец хотел было сразу проводить гостей в комнату, где должен был собраться Народный Фронт. Однако Гиньоль услышал громкий, возбужденный хор голосов наверху. В котором безошибочно опознал голоса Чипизудова и Бургомистра. Решив, что нужно непременно выяснить, что там происходит, Гиньоль побежал вверх по лестнице. Порученец даже не попытался его остановить.

Вот так Гиньоль оказался на месте происшествия. Где мокрый и злой Джерри Ли Льюис отчаянно пытался выяснить, где находится его, хотя теперь уже и не его, рояль. И именно тогда, к радости и облегчению всех собравшихся, он произнес свое сакраментальное «Естественно!» в ответ на вопрос музыканта о том, знает ли Гиньоль, где находится его мемориальный рояль?

– Так где же он? – с надеждой воскликнул Джерри Ли Льюис.

Гиньоль улыбнулся.

– Если я отвечу вам прямо сейчас, то вы, скорее всего, мне не поверите. А то и, того хуже, примете меня за сумасшедшего. Сейчас у нас должно состояться заседание Народного Фронта... Господин Бургомистр, полагаю, вы будете не против того, чтобы в заседании принял участие и господин Льюис?

– Напротив! – Бургомистр подошел к музыканту и приобнял его за плечо. – Буду только рад! Творческая интеллигенция – это, понимаешь... Только вот знаешь что, Джерри? Ты бы переоделся, что ли.

– У меня нет другой одежды, – развел руками музыкант.

– Я сейчас принесу вам мужнину, – сказала Мара и выбежала из зала.

– Честно говоря, мне не совсем понятен смысл участия господина Льюиса в заседании Народного Фронта, – брюзгливо заметил министр по чрезвычайным ситуациям.

– Естественно, – язвительно улыбнулся в ответ Гиньоль. – Вашего воображения, господин министр, хватает лишь на то, чтобы выставить на площадь ораву орущих песни тупоголовых молодцов с бестолковыми плакатами.

Министр по чрезвычайным ситуациям хотел было что-то ответить. Но Гиньоль уже подбежал к окну и распахнул его створку. В зал ворвался несвязный хор голосов, пытающихся затянуть то одну, то другую песню. Главная проблема заключалась даже не в том, что певцы не имели ни слуха, ни голоса – они не знали больше одного куплета каждой песни, которую пытались спеть. Поэтому после первых нескольких строк, пропетых более или менее сносно, пение переходило в ритмичное мычание и понемногу затухало. Чтобы возродиться в новой песне. Которую ожидал столь же бесславный конец.

Бургомистр подошел к окну, выглянул на улицу и крайне недовольно поморщился.

– Отвратительно поют. Сигизмунд! – Министра по чрезвычайным ситуациям едва не передернуло. Он ненавидел, когда бургомистр называл его по имени. В первую очередь, потому что его имя было не Сигизмунд, а Самуил. Но Бургомистр почему-то все время называл его Сигизмундом! А с ним ведь не поспоришь. – Сигизмунд! Так это твои горлопаны?

– Нет! – решительно отказался от всего министр по чрезвычайным ситуациям.

– В таком случае, следует выставить их с площади и оштрафовать за нарушение общественного порядка. – Гиньоль преданно посмотрел в глаза Бургомистру. – Иначе у этих хулиганов могут появиться последователи.

– Отличная мысль! – согласился Бургомистр. – Сигизмунд! Займись наведением порядка на площади перед ратушей!

– Прямо сейчас? – растерялся министр по чрезвычайным ситуациям.

– Конечно!

– А как же заседание?

– Ты что, хочешь, чтобы мы принимали ответственные государственные решения под этот кошачий вой?

– Нет, но...

– Выполняй, Сигизмунд!

Министр по чрезвычайным ситуациям, красный как рак и злой, как морской черт, выбежал из зала. Вот так легко и даже, можно сказать, изящно Гиньоль избавился от главного своего оппонента. А все остальные проследовали в Ковровый зал, где должно было состояться заседание Народного Фронта Противодействия Инопланетной Угрозе.

Вскоре к ним присоединился и Джерри Ли Льюис, переодевшийся в лучший костюм Алика. Который был ему немного маловат, но зато сухой. Музыкант был страшно

заинтригован. Он никогда еще не принимал участия в заседании Народного Фронта. А потому сидел молча и ждал развития событий. Между тем в голове у него уже рождались первые такты героической сюиты. Музыкант мыслил звуками так же, как художник – цветами, математик – цифрами, а писатель – словами. Чем мыслят министры – вопрос до сих пор открытый.

Почему зал назывался Ковровым? О том история умалчивает. На данный момент ни одного ковра в зале не было. И куда они подевались – тайна, покрытая беспросветным мраком. Историк Фоменко в своей работе «Об актуальности неактуального подхода к историческим фактам и документам» выдвинул смелую гипотезу о том, что изначально зал назывался не Ковровым, а Бобровым, поскольку служил хранилищем городской казны, а на аверсах центральных монет той поры были выбиты изображения бобров. Он даже приводит в своей статье снимки двух монет, якобы найденных под половицами Бобрового зала. Ковровым же зал стал именоваться после того, как бобры в реках Централя перевелись вследствие ухудшения экологической ситуации. На основании этого Фоменко предлагал вернуть залу историческое название, то бишь – Бобровый.

Однако его оппонент, биолог с мировым именем Лысенко, утверждал, что на монетах изображен не бобер вовсе, а выхухоль. Следовательно, гипотеза Фоменко безосновательна.

Бобер, выхухоль – кому какая разница, ежели монеты давно уже не в ходу – так ответил нынешний Бургомистр на вопрос одного из корреспондентов, поинтересовавшихся его мнением по данному вопросу. И тем самым положил конец дальнейшим спорам. Сразу после выступления Бургомистра пресс-центр Центральной Академии заявил, что присуждение Центральных премий за выдающиеся достижения в области истории и биологии Фоменко и Лысенко соответственно явилось следствием вопиющей ошибки в оформлении надлежащих документов, а потому аннулируются. То есть – признаются недействительными. Лауреатские медали, изготовленные из платины, вышеназванных экс-лауреатов Фоменко и Лысенко просят вернуть в оргкомитет Центральной Премии. В противном случае за медалями придут уполномоченные револьверос.

Медали лауреаты вернули. А зал так и остался – Ковровым.

Поскольку на заседании присутствовало несколько человек, которых не было на вчерашней встрече у Бургомистра, председатель Народного Фронта Климент Чипизудов попросил Гиньоля вкратце обрисовать ситуацию. Гиньоль, как и просили, выступил коротко. Но красок не пожалел. Основной упор его выступления был сделан на то, что угроза инопланетного вторжения настолько овладела умами масс, что стала удобным объектом для манипулирования этими самыми массами. Все собравшиеся, конечно, видели, что происходило вчера на улицах и площадях Централя. Если не вживую, так по телевизору. Если ничего не предпринимать, то ситуацией могут воспользоваться деструктивные элементы. Что наглядно продемонстрировал сегодня министр по чрезвычайным ситуациям, выведя на площадь вконец распоясавшихся хулиганов. Министра по чрезвычайным ситуациям никто не любил, но многие опасались. Однако сейчас его в зале не было, поэтому последние слова Гиньоля были встречены дружным одобрительным ропотом и кивками.

– Что конкретно вы предлагаете, господин Гиньоль? – спросил сухонький седой старичок, представленный как министр медицины и гигиены.

– Ничего сверхординарного, – улыбнулся Гиньоль. – Для начала давайте сделаем то, что требуют от нас вышедшие на улицы граждане.

– Кхм... Кхм... – дипломатично покашлял в кулак министр оптовой и розничной торговли. – Ну, если исполнять все, что требует народ, то это далеко может зайти. Кхм... Мы ведь все-таки не дикари какие-нибудь, в цивилизованном обществе живем.

– Народ требует не так уж и много, – возразил Гиньоль. И тут же добавил: – Пока.

– А разве народ вообще что-то требует? – недовольно сдвинул густые брови Бургомистр. – Разве народ чем-то недоволен?

– Народ всегда чем-то недоволен, – успокоил Бургомистра руководитель кабинета. – Это нормально. На то он и народ.

– И чем же он недоволен сейчас?

– Тем, что власти закрывают глаза на многочисленные случаи таинственного исчезновения роялей, – ответил на вопрос Бургомистра Гиньоль.

– Что? – живо отреагировал на ключевое для него слово Джерри Ли Льюис.

– Да, господин Льюис. – Гиньоль скорбно склонил голову. – Случай исчезновения вашего именного рояля, увы, не единичен.

– Кто-то занимается хищением роялей? Я ничего об этом не слышал!

– Мы даже знаем, кто этим занимается.

– Так скажите!

– Большинству из здесь присутствующих это уже известно.

– Но я ничего не знаю! А я, край за край, музыкант!

– Боюсь, эта новость может вас шокировать.

– Не жалейте меня! Я хочу знать!

– Инопланетные пришельцы.

– Что?

– Рояли крадут пришельцы из космоса.

Джерри Ли Льюис откинулся на спинку кресла.

– Как прикажете вас понимать, господин Гиньоль?

– Прямо, господин Льюис. Я говорю то, что есть. То, на что до сегодняшнего дня Городской Совет, сознательно или бессознательно, но при этом весьма старательно закрывал глаза. Мы стоим перед угрозой инопланетного вторжения. Более того, я утверждаю, что вторжение уже началось. И похищение роялей – это только первая, подготовительная стадия.

– Это невероятно! – вскинул музыкальные руки вверх Джерри Ли Льюис.

– Хотелось бы с вами согласиться, господин Льюис. Но факты говорят об обратном – мы на грани катастрофы.

– Я все понимаю, господин Гиньоль. И даже во многом с вами согласен, – подал голос министр по делам гномов, эльфов и орков. – Народный Фронт Противодействия Инопланетной Угрозе – это очень интересная инициатива. Смелая, нестандартная и вполне в духе времени. Я бы даже сказал, инновационная. Быть может, это именно то, что нам сейчас требуется для того, чтобы привлечь внимание наших избирателей. Показать всем простым гражданам Централы, что мы не занимаемся здесь пустой говорильней, а действительно заботимся об их благополучии. Постоянно и неусыпно. То бишь не покладая рук. Но ставить

во главу угла историю о похищении роялей – не слишком ли это... вычурно, что ли? Будет ли эта проблема близка каждому? Ведь далеко не у каждого дома есть рояль.

– Зато все без исключения, как в Централле, так и за его пределами, знают, кто такой Джерри Ли Льюис! – Гиньоль указал на растерявшегося вконец музыканта. – У каждого дома есть его записи! Поэтому история с исчезновением рояля Джерри Ли Льюиса – это как раз то, что надо! Тот, кто это сделал, нанес обиду каждому жителю Централля! И каждый после этого станет думать – если это случилось с Джерри Ли Льюисом – с самим Джерри Ли Льюисом! – значит, запросто может случиться и со мной!

– Это так! – Министр парков культуры и отдыха едва не захлопал в ладоши от радости. – Так, упали я за край!

– Однако есть в этом какая-то натяжка, – медленно, будто задумчиво изрек министр-распорядитель.

– О чем ты, приятель? – недовольно глянул на министра-распорядителя Бургомистр. – Какая еще натяжка? Враг у ворот! И мы принимаем бой!

Бургомистр с неожиданным азартом и силой саданул кулаком по столу.

– В этом я с вами абсолютно согласен, господин Бургомистр, – быстро, как на ускоренно воспроизведенной записи, затараторил министр-распорядитель. – На сей счет у меня ни малейших сомнений! Враг ломится к нам в ворота – значит, должен получить достойный отпор!

– Так чего ж тебе еще надо? – пожал плечами Бургомистр.

– Мне не дает покоя один вопрос.

– Ну?..

– Зачем пришельцам рояли?

– Да, Гиньоль, – обратился к главному эксперту Бургомистр. – Ты еще вчера обещал нам это объяснить.

– Я хочу предоставить слово своему коллеге и главному эксперту по боевым системам инопланетян Кимеру Фанфанову.

– Кимер Фанфанов! – едва не подпрыгнул в кресле Джерри Ли Льюис. – Тот самый Кимер Фанфанов!

– В каком смысле тот самый? – насторожился Гиньоль.

Не ожидал он подвоха со стороны музыканта, но, похоже, случилось. А значит, нужно было принимать меры.

Но Джерри Ли Льюис смотрел не на Гиньоля, а на сидевшего по левую руку от него фантаста.

– Вы тот самый Кимер Фанфанов? Автор «Смертельных джунглей Эскалада»?

– Ну... Да, – нерешительно признался Кимер.

Джерри Ли Льюис сорвался с места, подбежал к фантасту, схватил его за руку и принялся энергично ее трясти.

– Великий Додекаэдр! Поверить не могу! Вы же мой любимый писатель!

– Seriously? – Фанфанов сдвинул брови, как будто ожидал, что все это обернется шуткой.

– Конечно! «Смертельные джунгли Эскалада» – это что-то невообразимое!.. Скажите,

откуда к вам приходят эти удивительные картины чужих миров?

– Ну, честно говоря...

Гиньоль посмотрел на часы. У него все было рассчитано по минутам. И еще один истый почитатель творчества Кимера Фанфанова не входил в его планы.

– Господа! Я предлагаю вернуться к обсуждаемому вопросу. У вас будет еще время поговорить о творчестве.

– Да! – Джерри Ли Льюис кончиками пальцев коснулся плеча фантаста. – Нам непременно нужно поговорить после окончания заседания.

– Ну, мы, вообще-то, ждем доклад эксперта, – недовольно проворчал Бургомистр. – Ждем с нетерпением.

– Простите, господин Бургомистр, – улыбнулся Фанфанов. – Прошу извинения, господа. Итак. По нашим оценкам за прошедшую неделю из разных мест Централя было похищено около тридцати роялей. Включая именной инструмент Джерри Ли Льюиса. Возникает вполне уместный вопрос: зачем пришельцам рояли. Ответ вас удивит и, может быть, даже потрясет. Инопланетные агрессоры собираются воспользоваться похищенными роялями как оружием.

– Оружие? – почти в унисон произнесли сразу несколько министров.

Один произнес это слово удивленно, другой – недоверчиво, третий – скептически, четвертый – насмешливо, зато пятый – испуганно.

Кимер же остался невозмутимо спокоен и убийственно серьезен. К чему к чему, а уж к выпадам критиков ему было не привыкать.

– Господа, полагаю, всем вам известно, что наш мир держится на Суперструне. Эйнштейном, Ньютоном, Клинсманом и рядом других выдающихся космогонистов подведена теоретическая основа под принципы существования Суперструны. Говоря коротко и не вдаваясь в детали, Суперструна стабильна, неизменна и вечна. Иными словами, ее невозможно уничтожить. Она возникла вместе с Большой Временной Петлей и лишь одновременно с ней, когда придет время, вновь свернется в Сингулярность. Все мы прекрасно понимаем, что Суперструна это совсем не то же самое, что и струна, натянутая в арфе или рояле. Однако Суперструна обладает рядом свойств, присущих обычным струнам. Одно из базовых свойств Суперструны – это частота колебаний. А с частотой колебаний связано такое явление, как резонанс. Напомню, что причиной резонанса является совпадение внешней частоты с внутренней частотой системы. Следствием этого является резкое возрастание амплитуды вынужденных колебаний. Частота колебания Суперструны совпадает с частотой колебания рояльной струны, звучащей на «ля» второй октавы.

Кимер умолк.

На какое-то время в зале воцарилась тишина. Присутствующие министры пытались осмыслить услышанное.

– И что? – спросил наконец министр по делам эльфов, гномов и орков.

Кимер не успел ничего ответить – Джерри Ли Льюис громко хлопнул ладонью по столу.

– Это значит, что если взять одновременно один и тот же аккорд на множестве роялей, расположенных вблизи Суперструны, то это может вызвать резонанс! Амплитуда собственных колебаний Суперструны резко возрастет! И это может иметь самые

катастрофические последствия для всего нашего мира!

Музыкант снова припечатал ладонь к столу.

– Совершенно верно, господин Льюис, – подтвердил догадку музыканта фантаст. – Именно таким образом пришельцы собираются нанести первый удар.

– Вы описывали это в книге «Десант на Румпель-13», – указал пальцем на Кимера Джерри Ли.

– Но почему именно рояли? – как-то странно дернул руками министр по делам занятости и бездействия. – Почему так сложно?

– В самом деле, – поддержал его министр по делам лесов, озер и недр. – Неужели нет другого способа воздействия на эту самую Суперструну?

– К счастью, нет, – улыбнулся Гиньоль. – Благодаря этому наш мир все еще цел. Иначе кому-нибудь непременно пришлось бы в голову свести счеты с жизнью, уничтожив заодно весь мир.

– А рояли, выходит, могут уничтожить мир? – озадаченно пробормотал Бургомистр.

– Не рояли, а музыка! – вскинул палец к потолку Джерри Ли Льюис. – Музыка, господин Бургомистр! Музыка способна на все! Музыка – это начало всех начал! Музыка может создавать новые миры и разрушать старые! Музыка!..

– Достаточно, – прервал его Бургомистр. – Мне все ясно.

– А мне – нет!

Все повернули голову в ту сторону, откуда прозвучали последние слова. В дверях стоял министр по чрезвычайным ситуациям. Он все же собрался с духом, чтобы прийти на заседание Народного Фронта, откуда его столь бесцеремонно выставили.

– Господин Гиньоль, – министр по чрезвычайным ситуациям медленно направился к столу, за которым сидели члены Народного Фронта. – В вашей теории есть один весьма существенный просчет. Если все обстоит именно так, как вы говорите, и пришельцы действительно намереваются разрушить наш мир с помощью роялей, – министр по чрезвычайным ситуациям саркастически хмыкнул, – тогда в окрестностях Голгофы должно наблюдаться скопление похищенных этими злодеями роялей.

Гиньоль посмотрел на часы.

– Именно так, господин министр по чрезвычайным ситуациям.

Министр остановился, широко расставил ноги и сцепил руки за спиной. Взгляд его жег Гиньоля, как паяльная лампа. Нет! Как две паяльные лампы!

– Но ко мне подобная информация не поступала.

Гиньоль даже бровью не повел.

– В таком случае, господин министр по чрезвычайным ситуациям, вам пора менять работу.

– Так, значит? – процедил сквозь зубы министр по чрезвычайным ситуациям.

– Значит, так, – улыбнулся в ответ Гиньоль.

Он понимал, что если бы у министра по чрезвычайным ситуациям был пистолет и если бы только у него хватило храбрости, то он пристрелил бы его прямо здесь, в Ковровом зале. И после ни разу бы о том не пожалел.

– Господин Бургомистр! – Министр по чрезвычайным ситуациям перевел взгляд на

другую сторону стола. – Я официально заявляю!..

И в этот момент зазвонил телефон, стоявший на круглом инкрустированном столике.

Сорвавшись с места, секретарь Бургомистра подбежал к телефону и поднял трубку.

– Ковровый зал. Секретариат господина Бургомистра.

Он выслушал то, что ему сказали, после чего повернулся к столу.

– Господин Бургомистр, это вас. Ректор Центральной Академии.

Бургомистр недовольно поморщился. У него не было ни малейшего желания выслушивать то, что собирался сказать ему Бей-Брынчалов. Он вообще сильно недолюбливал этого старого толстого брюзгу. Однако в Центральную Академию предстояло поступать двоим его внукам. И, что уж греха таить, оба способностями не блистали.

– Давай! – взмахнул кончиками пальцев Бургомистр.

Секретарь подхватил телефонный аппарат, поставил его на стол перед Бургомистром и вручил шефу трубку.

– Макдуров! У аппарата!

Бургомистр молча слушал, что говорил ему Ректор, и лицо его при этом медленно менялось. Сначала оно вытянулось. Затем его перекосило. И наконец лицо Бургомистра будто на сторону съехало.

– Понял! Спасибо!.. Приму меры!.. Перезвоню!.. Будь!

Бургомистр повесил трубку.

Секретарь убрал телефон.

Какое-то время Бургомистр молча смотрел на переплетенные пальцы рук.

– Ректор Центральной Академии, – медленно, будто сам не веря тому, что говорит, произнес он, – сообщил, что не далее как час назад на Лысой горе было обнаружено около тридцати роялей.

Гиньоль бросил косой взгляд на министра по чрезвычайным ситуациям. Лицо и шея его побагровели так, что Гиньоль испугался, как бы бедолагу не хватил удар. Да, такого министр по чрезвычайным ситуациям явно не ожидал! Что только лишний раз свидетельствовало о его профнепригодности.

Глава 36

В полном соответствии с Универсальным календарем, утвержденным Центральной Академией в году три тысячи сто тринадцатом, со дня, когда на Розетском Камне рукой человека впервые было выбито слово «ОМ», рассветная линия терминатора должна была пересечь вершину Лысой горы ровно в семь часов тридцать две минуты. Именно на этот час был назначен решительный штурм позиций пришельцев.

После того как министр по чрезвычайным ситуациям сам себя высек на глазах у Бургомистра и прочих членов Народного Фронта Противодействия Инопланетной Угрозе, не могло быть и речи о том, чтобы поручить ему руководство операцией. Министр по чрезвычайным ситуациям настолько откровенно продемонстрировал свою некомпетентность, что ни у кого не возникало сомнений в том, что его отставка – дело решенное. В обычное время он был бы немедленно отстранен от должности, но перед лицом угрозы инопланетного

вторжения Бургомистр принял мудрое решение не тратить время на перестановки в кабинете. Во главе операции был поставлен Гиньоль Гиньоль. Его кандидатура устраивала всех, потому что никто другой не хотел брать на себя такую ответственность. В помощники Гиньолю были назначены Климент Чипизудов и Кимер Фанфанов. Джерри Ли Льюис сам вызвался стать наблюдателем от общественности, и его ходатайство было удовлетворено. Случись что, всегда можно будет сослаться на то, что общественность была в курсе.

До начала операции вокруг Лысой горы были выставлены патрули револьверос, которым было велено никого и близко к охраняемому объекту не подпускать. Однако работавшие при Академии орки-рикши знали не только все извилистые пути-дорожки, связывающие академические корпуса, но также потайные тропинки и тропочки, о которых вообще-то мало кому было известно. И конечно, они не отказали в любезности Алистеру Кроули, когда тот попросил их незаметно провести к Лысой горе трех орков, нагруженных тяжелыми ящиками с красными угрожающими наклейками «ОГНЕОПАСНО!».

За полчаса до терминатора отряд Регулярных Сил Охраны Правопорядка Централя, численностью в двести тридцать шесть человек, под командованием майора Алексея Каледина вышел на исходную позицию у подножия Лысой горы. Одновременно с ним к прилегающему к Лысой горе району фуникулерной станции выдвинулась другая группа несколько меньшей численности. В состав второй группы входили: командующий операцией Гиньоль Гиньоль, его заместители Кимер Фанфанов и Климент Чипизудов, специалист из ЦУПа Клара Цеткин, общественные наблюдатели Джерри Ли Льюис, Алистер Кроули и Мара, а также три съемочные группы центральных новостных телеканалов, приглашенные пресс-центром Городского Совета для эксклюзивного освещения чрезвычайных событий. Телевизионщикам уже была предоставлена вводная информация по поводу того, что должно было произойти на вершине Лысой горы. Но, судя по скептическим ухмылочкам и насмешливым прищурам, они не особенно в это верили. Однако ссылка на Городской Совет и Бургомистра придавала событиям определенный вес. При таком раскладе, что бы ни случилось, корреспонденты получали свой репортаж. А уж в каких тонах он будет выдержан, станет ясно по ходу дела. К тому же волшебное слово «эксклюзив» греет душу любому работнику средств массовой информации.

На подходе к фуникулерной станции группу Гиньоля встретил полоумный Гарик. Журналисты тут же принялись фотографировать и снимать на камеры столь экзотический персонаж. А Гарик в ответ, по обычной своей привычке, принялся размахивать палкой. Не очень-то и агрессивно, так, только для порядка. Однако ж пару журналистов задел. А еще одному очки разбил. Последний был особенно недоволен, поскольку без очков почти ничего не видел, а значит, с таким же успехом мог остаться дома.

Все члены группы, потеснившись, смогли разместиться в одном вагончике фуникулера. Теперь им оставалось только ждать. Но журналисты, как известно, просто ждать не умеют. Если им не подкидывать то и дело новую информацию, они начинают чахнуть и, говорят, могут даже погибнуть. Все равно как цветы, которые забывают поливать. Они и сами это чувствуют, поэтому постоянно пристают с вопросами ко всем, кто оказывается рядом.

– Господин Гиньоль, какова, по вашим оценкам, численность противника?

– По нашим разведанным, численность противника в несколько раз превосходит

численность отряда Регулярных Сил Охраны Правопорядка, которому через несколько минут предстоит вступить в бой. Однако мужество и боевой дух наших бойцов ровно во столько же превосходят соответствующие показатели противника. Так что силы, можно сказать, равны.

- Господин Чипизудов, что вы можете сказать о майоре Каледине?
- Он умеет выполнять приказы.
- Вы полагаете, это главное?
- А вы – нет?
- Но...
- Нет?
- Да!
- Господин Кроули, каким образом вы оказались втянуты в эту историю?
- Втянут?
- Разве нет?
- А разве да?
- Я не понимаю, о чем вы?
- Разве похоже на то, что меня можно во что-то втянуть?
- Госпожа Цеткин...
- Можно просто Клара.
- Замечательно, Клара. Позвольте заметить, что вы очаровательны!
- Спасибо, я знаю.
- Вы?..
- Я начинала карьеру модели в торговом доме Готье Ги Баряна.
- О!..
- Нет, вы ошибаетесь. Современную женщину подобная карьера не может прельстить.
- Почему же?
- Потому что там во мне видели только модель, но не видели личность.
- Кто же разглядел вашу личность?
- Кимер. Кимер Фанфанов.
- Простите... Кимер Фанфанов? Это модельер?
- Нет. Это будущий лауреат Национальной литературной премии и литературной Премии Центральной Академии. Так, кажется, Кимер?
- Да, дорогая.
- О, господин Фанфанов! Мы думали, что вы один из руководителей Народного Фронта...
- Да, это так.
- Но вы еще и писатель?
- Нет, я фантаст!
- А что, есть какая-то разница?
- Ну, это следует у вас спросить.
- Э-э...
- Вот именно!
- Господин Фанфанов! Позвольте еще вопрос?

- Конечно!
- Если я правильно понял, вы хотели сказать, что не всякий фантаст – писатель?
- Нет, вы неправильно поняли. Я хотел сказать, что не всякий писатель – фантаст.
- В смысле?..
- Вот именно!
- Мара?.. Простите, я не ошибся, вас зовут Мара?
- Да...
- Что вы чувствуете, оказавшись здесь сегодня?
- Я чувствую гордость.
- Мы все чувствуем гордость...
- Я чувствую гордость за Алистера.
- За Алистера Кроули?
- Да.
- О, Алистер Кроули! Кто же его не знает! Вы давно с ним знакомы?
- Очень.
- Насколько?
- Дольше, чем кто-либо еще.
- Я имел в виду, насколько близко вы с ним знакомы?
- Мы очень близки с Алистером. У нас с ним никогда не было секретов друг от друга.

Всем, что я имею, я обязана ему.

– Мара, вы не боитесь делать подобные заявления? Нет, честно, я говорю это не как корреспондент, а как друг. Все-таки Алистер Кроули – личность известная...

- И что с того?
- То есть я могу процитировать все, что вы сказали?
- Конечно.
- И господин Кроули не будет возражать?
- Я разве сказала что-то не то? Что-то, что повредит его репутации?
- Нет! Что вы!
- Господин Кроули, могу я задать вам пару вопросов?
- А смысл?
- Для меня или для вас?
- Мне это нравится. Задавайте.
- Можно напрямую?
- Попробуйте.

– Вы были простым шенгенским орком. Таких вокруг тысячи. Они кладут асфальт, стригут газоны, убирают мусор... Вы достигли благополучия и даже, более того, известности. Имя Алистера Кроули в Централле – синоним процветания. При этом вы никогда не были связаны, по крайней мере напрямую, ни с властными структурами, ни с криминалом.

- А в чем вопрос?
- Как вам это удалось?
- Я всегда рассчитывал только на себя самого.
- Господин Фанфанов! Как будет называться ваша новая книга?

– «Безумие на линии терминатора».

– О чем она?

– О любви, конечно! Все мои книги о любви!

– Господин Льюис.

– Да?

– Можно узнать, что вас привело на Лысую гору?

– Моя музыка.

– Простите?

– Там, на вершине горы, находится мой рояль, похищенный космическими пришельцами.

– Вы верите в эту историю?

– А почему бы и нет?

– По-моему, она слишком невероятна.

– Именно! Невероятна! И это, скажу я вам, замечательно! Если бы пришельцев, похищающих рояли, не существовало, их следовало бы придумать!

– Для чего?

– Как это для чего? Людям нужны невероятные истории! А также гномам, оркам, эльфам, ограм... Да вообще всем!

– Интересная мысль.

– Еще бы! Вы читали Кимера Фанфанова?

– Честно – нет.

– Непременно почитайте! Непременно! У вас изменится взгляд на мир!

Гиньоль посмотрел на часы.

– Минутку внимания, господа! Приближается час Икс. Скоро все мы станем свидетелями невероятного, феерического, незабываемого события. Сражения наших доблестных войск под командованием майора Алексея Каледина с инопланетными интервентами. С подлыми похитителями роялей! Через тридцать секунд я дам сигнал к атаке!

Гиньоль поднял руку с ракетницей.

– Господин Гиньоль! Вы уверены в победе?

Гиньоль улыбнулся.

– Я уверен, что сегодня после обеда майор Каледин станет полковником.

Гиньоль нажал на спусковой крючок.

Зеленая ракета со свистом вознеслась к темным еще небесам.

Все затаили дыхание.

Не прошло и минуты, как с противоположного склона горы, уже освещенного Додекаэдром, раздался грохот артиллерийской пальбы. А небо окрасилось разноцветными вспышками.

– Что это?.. Что это?..

– Это – салют! – расплылся в дурацкой улыбке Гарик.

– Вперед, господа!

Гиньоль взмахнул рукой, давая сигнал к отправке вагончика фуникулера.

– Не слишком ли мы спешим? – занервничал корреспондент с одиннадцатого канала.

– Вы не хотите оказаться первым там, где творится история? – удивился Гиньоль.
– Не в том дело, – замылся корреспондент. – История – это, конечно, великолепно... Но там, – он взглядом указал на вершину горы. – Там, похоже, идет бой.

– Конечно!

– Это может быть опасно!

– Не бойтесь, уважаемый! Наши доблестные войска защитят нас от происков врагов!

Вперед!

Вагончик фуникулера дернулся, сдвинулся с места и, медленно набирая скорость, пополз в гору.

Все, у кого в руках были камеры, снимали горный склон, по которому вниз, навстречу вагончику, так же медленно ползла линия терминатора.

Вот, наконец, они встретились, и пассажиры фуникулера из ночи перенеслись в день.

– Стрельба закончилась! – воскликнул один из корреспондентов.

В самом деле. В утреннем воздухе была разлита тишина, нарушаемая лишь поскрипыванием троса, к которому был подвешен вагончик.

Безмолвие, наступившее столь внезапно, казалось зловещим.

До тех пор пока Гиньоль не выбил пробку из бутылки шампанского.

– За победу, господа! – воскликнул он и, сделав глоток из горлышка, передал бутылку Чипизудову.

Поначалу все растерянно молчали.

Но вдруг кто-то крикнул:

– Ура!

Кстати, этим кем-то, первым догадавшимся крикнуть «ура», оказался Гарик.

Но какая разница, кто это был!

Его радостный крик тотчас же подхватили другие!

– Ура! Ура! Ура!

– За победу!

– За победу!

– Ура!!!

Гиньоль довольно улыбнулся и подмигнул Кимеру. Они действительно победили. И эти «ура» были в их честь. Хотя мало кто знал об этом.

Вагончик фуникулера ткнулся передним буфером в стопор. Гарик открыл дверцу и первым выбежал на помост.

Глазам прибывших открылось удивительное зрелище. Все поле на вершине горы, которое обычно занимали зрители, было заставлено роялями. И еще несколько роялей стояли на открытой сцене. Которую по указанию Гиньоля накануне как следует обновили и живописно украсили живыми цветами.

– Удивительно!

– Невероятно!

– Снимайте! Снимайте!

– Немедленно! Прямой эфир!

– Да! Мне нужен прямой эфир!

– Это сенсация!
– Новость дня!
– А где же войска?.. Господин Гиньоль, где же войска?
– А инопланетяне? Где инопланетяне?
– Я полагаю, что наши доблестные войска нанесли противнику тяжелейший урон. Враг позорно бежал. А наши бойцы занимаются тем, что зачищают местность. Я уверен, в скором времени они будут здесь... А, вот и они!

Гиньоль сбежал по лесенке с фуникулерной площадки и быстро пошел навстречу первым поднявшимся на гору бойцам Сил Охраны Правопорядка.

– А вас, господа, я попрошу остаться, – на ходу бросил он устремившимся было вслед за ним телевизионщикам. – Я должен переговорить с майором Калединым с глазу на глаз. Понимаете?

– Нет!

– Его доклад может содержать секретную информацию. Через несколько минут вы сможете задать майору свои вопросы. Договорились?

Телевизионщикам ничего не оставалось, как только снимать издали то, как Гиньоль, помахая тростью, подошел к майору Каледину. Как майор лихо козырнул ему, вскинув руку к малиновому берету. Но то, что сказал майор и что ответил ему на это Гиньоль, они не могли слышать. А между тем разговор был следующим.

– Господин Гиньоль! Смею доложить, что мы не обнаружили противника!

– Поздравляю вас с победой, господин майор!

– Господин Гиньоль! Мы не обнаружили противника! Если не считать трех орков на восточном склоне горы!

– О, их можно отпустить. Это общественные наблюдатели.

– Наблюдатели? Они запустили пиротехнику!

– Они приветствовали наши доблестные войска! И радовались победе!

– Мы не встретили противника, господин Гиньоль!

– Посмотрите сюда, господин майор. – Гиньоль тростью указал на поле. – Видите эти рояли? Они были похищены космическими пришельцами. При вашем приближении враг бежал, бросив награбленное на поле битвы.

– Но, господин Гиньоль!..

– Видите этих людей с кинокамерами? Это – пресса. Им нужны новости. Хорошие новости, которые они могли бы рассказать жителям Централя. Если они скажут, что вы победили инопланетных агрессоров, то кто посмеет это опровергнуть? А они уверены в том, что мы одержали героическую победу! Вы хотите их разочаровать, господин майор?

– Но!..

– В конце концов, господин майор, вы хотите стать полковником?

– Конечно!

– Тогда какие проблемы?

– Никаких, господин Гиньоль! Мы ударили по врагу, когда он меньше всего этого ожидал! Смяли его оборону и обратили в бегство! С нашей стороны потерь не было!

– Отлично, майор! Вы готовы к встрече с прессой!

Гиньоль повернулся к телевизионщикам и взмахнул рукой. Те сорвались с места и устремились к нему, как голодные псы, завидевшие мясника, выбрасывающего кости.

Гиньоль оставил им будущего полковника Каледина, а сам направился к Джерри Ли Льюису. Музыкант ходил среди роялей, поглаживая их руками, порою останавливаясь и трогая, но не нажимая пальцами клавиши.

– Нашли свой инструмент, господин Льюис?

– Еще нет.

– Быть может, он там, на сцене?

– Вы так думаете?

Гиньоль улыбнулся.

– Я практически уверен в этом.

Джерри Ли Льюис с Гиньолем поднялись на сцену. Обойдя два рояля, музыкант наконец-то нашел тот, что принадлежал ему.

– Вот он! – Джерри Ли поднял крышку и пробежался пальцами по клавишам. – Надо же! Почти не расстроен!

Он погладил рояль по боку, как старого, преданного пса, прилегшего вздремнуть возле камина.

– Сыграйте что-нибудь.

Гиньоль достал из-за занавеса вращающийся табурет и пододвинул его музыканту.

– Прямо сейчас? Здесь?

– У вас ведь должен был состояться концерт.

– Вчера.

– Вчера вы должны были играть перед корчащей из себя эстетов кучкой политиканов, для которых что Джерри Ли Льюис, что Джим Моррисон – все едино. А сегодня у вас замечательная аудитория. Любящая и понимающая именно вашу музыку. – Солдаты, поднимавшиеся на гору, ходили меж роялей, выбирая место, где можно было бы присесть. Кто-то, не особенно церемонясь, усаживался прямо на крышки музыкальных инструментов. – У нас есть пресса и телевидение. Начните играть – и ваше выступление покажут в прямом эфире на всех центральных каналах. Я даже знаю, как это назовут – первым концертом в честь победы над инопланетными захватчиками.

– Звучит неплохо.

Джерри Ли Льюис сел на табурет, пододвинул его чуть ближе к роялю, положил пальцы на клавиши.

– Я обычно начинаю выступления с сюиты «Большие Огненные Шары».

– Отличный выбор! То, что нужно!

Джерри Ли Льюис сделал глубокий вдох, на секунду прикрыл глаза и резко провел рукой по клавишам, от самых низких, басовых нот, до высоких. Фирменный звук инструмента Джерри Ли Льюиса сработал, как сигнал к бою. Заполнившие поляну бойцы вскочили на ноги. Они оглядывались по сторонам, не сразу сообразив, где находится источник звуков. А когда они поняли, что звуки доносятся со сцены и играет на рояле не кто-то там, а сам Джерри Ли Льюис, то взвыли от восторга. А кто-то даже принялся палить в воздух. Шум был такой, что даже находившийся рядом с музыкантом Гиньоль перестал

слышать его рояль. И тем не менее он ободряюще похлопал Джерри Ли по плечу и прокричал ему в ухо:

– Продолжайте! Все идет отлично!

Он был прав – вскоре шум стих. Зрители уgomонились и теперь лишь восторженно внимали музыке гения. Телерепортеры уже пробрались в первые ряды и снимали необыкновенный концерт. Двое операторов забрались на сцену и кружили вокруг рояля Джерри Ли, выбирая лучшие ракурсы.

После «Больших Огненных Шаров» был сыгран «Блюз Централь». А за ним последовали «Академия Конфиденциально». И, конечно же, «Я и Бобби МакГи». Все номера проходили на ура.

Три орка, работавшие в Желтом Доме – Алик, Гена и Жорик, – в первые ряды не лезли. Они сидели на рояле, стоящем на краю поляны, слушали музыку, помахивали ногами и прихлопывали в ладоши.

– Хороший денек! – улыбаясь, сказал Алик.

– Точно! – согласился с ним Гена. – Сначала ракеты попускали, теперь вот концерт слушаем!

– Да! – сладко вздохнул Жорик. – Централь – это тебе не Шенген!

– Работа у нас хорошая, – добавил Алик. – И люди нас уважают.

– Слушай, Алик, – задумчиво изрек Гена. – Я все ж тебя не понимаю.

– Дурак потому что, – кивнул Алик.

– Не, я не о том, – тряхнул головой Гена. – Вон, видишь, кто там, на сцене, рядом с Джерри Ли?

– Да там полно народу!

– Там Кроули и Мара!

– Точно.

– Так почему твоя Мара не с тобой, а с Кроули?

Алик озадаченно почесал в затылке.

– Ну, наверное, ей так захотелось.

– И тебя это ничуть не беспокоит?

– А почему меня это должно беспокоить?

– Да потому что она твоя жена! А все время возле этого Кроули!

Сообразив, куда клонит Гена, Алик от души рассмеялся. И хлопнул приятеля по спине так, что тот едва с рояля не слетел.

– Дурак ты, Гена! Как есть дурак! Ты хоть знаешь, кто такой Кроули?

– Да кто ж его не знает!

– Кроули – родной Марин брат.

Лицо Гены удивленно вытянулось.

– Да брось ты!

– Да вот, хоть брось, хоть подними. Он прежде Мары в Централь укатил. А после и ее сюда вызвал. Ну, а она ему ответила, что, мол, без мужа и родни его не поедет. А ты как думал? Если б не так, чего бы ради Кроули ради нас старался? Это ведь он нас на работу в Желтый Дом пристроил. А то!..

К Гиньолью подбежал боец в малиновом берете с ящиком полевой радиации за спиной.

– Господин Гиньоль! Вас вызывают! – Он протянул Гиньолью телефонную трубку.

Гиньоль жестом попросил бойца отойти вместе с ним в сторону, где потише.

– Гиньоль! Слушаю!.. – Он старательно зажимал одно ухо ладонью, но слышно все равно было очень плохо. – Да, Франтишек, все в порядке! Все в полном порядке!.. Да, дело закрыто!.. Мадлона может выписать Ректору окончательный счет. Только напомни, чтобы не забыла включить в него рояли, двадцать пять штук... Что? Смотрите на нас по телику?.. Ну и как?.. Что?..

– Господин Гиньоль! – кто-то не сильно, но требовательно потянул Гиньоля за рукав.

– Секундочку! – взмахнул рукой Гиньоль. – Все, Франц, потом поговорим!.. Я тебя почти не слышу!.. Не слышу!.. До встречи!

– Господин Гиньоль... – все тот же нудный, чуть гнусавый голос.

Гиньоль никогда прежде его не слышал. Потому что, если бы слышал, то не забыл.

Гиньоль вернул телефонную трубку солдату и обернулся.

Человека, что стоял у него за спиной, он видел впервые. Типичная серая, невыразительная внешность работника спецслужб. Невзрачный, серый, хотя и дорогой костюм. Жидкие волосы будто прилизаны. Высокие скулы, длинный нос, тонкие губы, маленькие колючие глазки.

– Как вы здесь оказались? – спросил Гиньоль.

– Здесь – это где? – прищурился серый незнакомец.

– На Лысой горе, естественно.

– Ну... – Незнакомец сложил руки за спиной и мыском ботинка попытался ковырнуть сцену. – У меня свои каналы.

– И что вам здесь нужно?

– Я хочу предложить вам работу, – почти не разжимая губ, прогнусавил незнакомец.

– У вас проблемы? – привычно улыбнулся Гиньоль.

– Не у меня. У человека, которого я представляю.

– И кто же он?

Незнакомец сначала плотно сжал губы. Так, что уголки побелели. А затем едва слышно процедил сквозь зубы:

– Национальный Лидер.

– Кто? – не понял Гиньоль.

– Национальный Лидер Единой и Нерушимой Партии Бедламбеса.

– И у него проблемы? – по-настоящему удивился Гиньоль.

– Да.

– Какого рода?

– Упал рейтинг.

– Надеюсь, не разбился?

– Нам сейчас не до шуток, господин Гиньоль. На носу выборы. А рейтинг Национального Лидера упал до исторического минимума.

– И вы хотите, чтобы я его...

Гиньоль раскрытой ладонью провел снизу вверх.

– Да.
– Вы знаете мои расценки?
– Цена не имеет значения. Нам нужно за десять дней поднять рейтинг, как минимум, на пятнадцать пунктов.

– А если я подниму его на двадцать?
– Цена будет удвоена.
– По рукам, – улыбнулся Гиньоль.
– Вы гарантируете результат?
– Приятель, – Гиньоль снисходительно похлопал по плечу тайного полномочного представителя Национального Лидера Единой и Нерушимой Партии Бедламбеса, – ну сам подумай, что такое двадцать пунктов рейтинга? Я решал и не такие проблемы!

Следует признать, что успех безукоризненно точно проведенной операции по предотвращению инопланетного вторжения несколько вскружил Гиньолю голову. Но только самую малость. И он вовсе не бахвалился перед представителем иностранной державы. Он всегда отвечал за свои слова. Кроме того, представитель Бедламбесского Национального Лидера подвернулся как нельзя кстати. Разговаривая с ним, Гиньоль краем глаза наблюдал за старательно пробирающимся к нему сквозь толпу Климентом Чипизудовым. Он уже догадывался, о чем собирался поговорить с ним председатель Народного Фронта Противодействия Инопланетной Угрозе. И он не ошибся.

– Господин Гиньоль! Нам нужно поговорить!
– О чем, Климент Ефремович?
– О нашей дальнейшей работе!
– Стоит ли сейчас об этом, Климент Ефремович? – Гиньоль едва заметно поморщился. – Сегодня такой день!..

– Вот именно! Поэтому я и хочу понять, каковы дальнейшие перспективы Народного Фронта Противодействия Инопланетной Угрозе? В смысле, есть ли еще чему противостоять?

– Ну, это уж вам решать, Климент Ефремович.
– Я рассчитывал на ваше содействие.
– Увы, я уезжаю.
– Куда?
– В Бедламбес. – Гиньоль указал на ожидавшего его представителя Национального Лидера.

Чипизудов растерянно хлопнул глазами.
– Что, там тоже инопланетяне?
– Нет. – Лицо у бедламбесца, словно у каменного идола – ни мыслей, ни эмоций. – У нас выборы Национального Лидера.

– Выборы? В Бедламбесе? Что за чушь!
Человек в сером гордо вскинул маленький, будто срезанный подбородок.
– Всенародные демократичные выборы Национального Лидера проводятся в Бедламбесе каждые двенадцать лет на безальтернативной основе.

– Гиньоль! – в отчаянии всплеснул руками Чипизудов. – Ну подумайте сами, что вам делать в Бедламбесе? Вы, с вашими талантами, нужны нам здесь, в Централье!

– Я нужен всем, – смиренно склонил голову Гиньоль. – Не волнуйтесь, Климент Ефремович, я передам вам все контакты в ЦУПе. Там есть очень интересные люди.

Он живо представил себе профессора Хруля и доктора Вин-Винтовского на заседании Народного Фронта Противодействия Инопланетной Угрозе и невольно улыбнулся.

– Чему вы улыбаетесь, Гиньоль?

Гиньоль посмотрел на поле, заполненное роялями и солдатами. На Джерри Ли Льюиса, исполняющего очередной свой хит. На Кимера, что-то нежно шептавшего на ушко улыбающейся Кларе. И сам Гиньоль улыбался, потому что ему нравилась его работа. Ведь, если бы не было человека, способного решать любые проблемы, распутывать хитросплетения людских взаимоотношений и развязывать почти уже затянувшиеся узлы чужих судеб, ситуация в Мире-На-Оси становилась бы все сложнее и запутаннее. И кто знает, к чему бы это могло привести?

А что касается Бедламбеса, Гиньоль давно уже подумывал о том, что пора там навести порядок. Переиграть на выборах Национального Лидера, избирающегося на безальтернативной основе, – это был вызов, мимо которого он не мог пройти.

Такой уж он человек.

* * *